

Райдо Витич

Анатолія
Комплексів 2



Мир — это люди и каковы они, таков и их мир. А гармония и счастье в четком распределении ролей, честном определении качеств личности, в осознании себя и своего назначения, а не попытке загнать себя в рамки общепринятой человеческой и общественной морали. Женщина, прежде всего хранительница — семьи, достижений мужчины, который является созидателем. И если женщина решает занять место мужчины ничего кроме беды для себя и хаоса в мир, она не сможет принести. — так считает главный герой, флэтонец.

Райдо Витич

Анатомия Комплексов

*Лицом к лицу, лица не увидать,
большое видится на расстоянии.
С. Есенин.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

ГОД СПУСТЯ.

— Опять хэчи...

— Да и бог с ним, — беззаботно махнул рукой Серега и прилег на колени девушке.

Та хмыкнула: нахал, однако! И затянулась, пустила сизый дымок вверх: класс! Тонкая, коричневая сигаретка тлела в пальцах, распространяя мятный аромат. По вкусу ни дать, ни взять «More» с ментолом, словно Сергей сбегал на Землю, в ближайший ларек, и прикупил по случаю, пачку.

— Кудесник ты, братец. Где берешь, интересно?

Парень самодовольно улыбнулся.

— Коммерческая тайна.

— Ага? — покосилась на него девушка и вновь с удовольствием затянулась.

— Ты б на земле в таком виде не сидела, запачкаешься, твой неладное заподозрит.

— Да, ладно, — беспечно отмахнулась девушка, поправляя сползшую с плеча бретельку из страз, — не заподозрит. И потом — ну, покурила и что? Не марихуана ведь.

— А ему без разницы, — хмыкнул парень.

— Ой, да хватит пугать, подумаешь... Ты-то что переживаешь?

— Здравствуйте! Догадайся. Кто тебе их поставляет?

— А кто знает? — удивилась Алена. — Не бойся, соотечественник, не предаю, буду как партизанка на допросе. Да и потом, что он тебе сделает? Ты ведь не тэн уже — вольнонаемный канно, закончилась его власть...

И замерла, вытаращив глаза. Сигаретка прилипла к губе, а рука застыла на полпути к ней.

— Алэна!!! — пронеслось над туглосом, как смерч. Муж орал, как Тарзан, требуя жену пред свои светлые очи так, что туча кристаллов осыпалась с листьев на головы незадачливым курильщикам.

Девушка сорвалась, выронив окурок за шиворот поднимающемуся парню, и тот взвыл в унисон мужнину реву.

— Тихо ты! — одернула Алена, стоя на коленях и пытаясь сквозь листву кустарника увидеть любимого.

— Ё!!!Ё!!!Ё!! — то ли скулил, то ли выл за спиной Серега, прыгая и извиваясь, как угорь в попытке выудить злосчастный окурок, который уже жег в районе ягодиц.

— Ладно, землянин, пошла я, — поднялась девушка, так и не углядев суженого и подобрав полы платья, спешно потрусилась по грядкам, на ходу придумывая причину своего отсутствия.

— Ё...А...Т... У-у, тьфу, — попытался высказать Сергей все, что о ней думает, но та не услышала, стремительно удаляясь от земляка.

— Где ты была?! — рывкнул Рэйсли, насунив брови. Грозный вид стоящего на верхних ступенях великана внушал опасение, и Алена вымучив покаянно-невинную рожицу, сунула в лицо любимому пучок незрелых фугуги, сорванных по дороге.

— Травку щипала...э-э-э, в смысле рвала, в смысле люблю ее...э-э-э.

Рэй выхватил охапку неровных стеблей и, не глядя откинув, выдохнул в лицо жене:

— Еще раз покуришь — курить будет нечем! Поняла?!

Алена вжала голову в плечи, хлопнула ресницами и попыталась собрать разбежавшиеся от страха мысли. Удалось через минуту, и она согласно закивала ...монументальной спине. Лоан, не дождавшись, развернулся и, заложив руки за спину, зашагал в здание. Девушка бодро затрусила следом, старательно заглядывая в хмурое лицо:

— А чего так рано?

— Соскучился, — буркнул тот.

— Ой, а я-то как! — всплеснула она ладошками, мысленно желая суженному провалиться к братьям — в тартарары. — А что злой такой? Устал? Замучили на совете, да?

«‘Замучили’», — зыркнул на нее Рэй: «Блокаду продлили еще на полгода!» Но Алене об этом не скажешь, не в курсе она, да и незачем голову лишним забивать, не ее это ума дело.

Лоан лег на софу, вытянув ноги, и хмуро поглядывал на жену, но уже не сердился — лукавил. А та начала его наглаживать, ластилась, пытаясь привести в благодушное настроение, прошедший день пересказывала.

Рэй делал вид, что слушает, а сам пытался найти причину растущего в душе беспокойства.

На поверхности вроде бы все, как обычно — спокойно. Ну, продлили блокаду — неудача, но не проигрыш и тем более не повод для тревоги.

Гвидэр? Нет. Старик на удивление благодушен к младшему сыну и, как—будто, не помнил былых распрей и претензий. Тих, неприметен, ровен, что с ним, что с Илланом, не лезет в дела, не учит, не насилует своими архаичными догмами и занят, кажется, только внуками. С утра до ночи возится с малышами вместе с няньками и Аленой, словно нет для него большей радости и лучшего занятия. Нет, старик ни при чем.

Дети? Что Рэнгольф, что Эйфия, удивительно подвижные, здоровые и умные карапузы, милейшие создания, глядя на которых Рэйс испытывал небывалое счастье и огромную гордость. Они росли быстро и не доставляли ему ни хлопот, ни особых волнений, разве когда Алена испуганно завопит, оповещая, как ультразвуковая кнопка экстренной связи, что его сынок опять чуть не съел алмаз или Эйфия побила брата носителем информации, приходилось разбираться, больше успокаивая супругу, чем детей.

Алена? ...Да, наверное. Вот причина его безотчетной тревоги, словно он чувствует что-то подспудное, еще не случившееся, но уже подошедшее вплотную, нависшее над головой и неизбежное, как хошотт. Но что?

Его жена почти не изменилась за это время. По-прежнему остра на язык, невоздержанна, импульсивна. Ее переполняла жизненная сила, выплескиваясь наружу и грозя то и дело затопить кого-нибудь. Ему было трудно держать ее в узде, а иногда и просто невозможно. Он так и не смог избавить ее от многих комплексов, искоренить врожденное упрямство и привычку поспешно делать выводы, основываясь на глупую земную мораль.

32 года он не утруждал себя повторениями, объяснениями, но вот уже второй год до мозолей на языке пытался втолковать жене простые истины, по сто раз на дню повторяя не приказы — просьбы! И безрезультатно!

Алена старательно отталкивала действительность, с наслаждением лелеяла свои иллюзии на счет человеческой сущности, упрямо не только не слушала его, но и не слышала.

Ее вывернутая наизнанку психика не желала прислушиваться ни к пожеланиям, ни к советам, а уж знания в любой форме и проявлении вообще считала излишними. Подобные инсинуации женской психики раздражали его чрезмерно и до крайности выводили из себя.

И все же он пытался. Сцепив зубы, спокойно и доходчиво объяснить очевидное, не давя на хрупкую оболочку, не уничижая, а поправляя, направляя бережно и терпеливо. И молил об одном: помоги ему, Модраш, укрепи и надели безграничным терпением.

Наделял, пока. Но источник явно начинал иссякать.

Взять хотя бы ее подруг, которых, дай ей волю, стало бы больше, чем могла бы вынести самая общительная личность. Они абсолютно не нравились Лоан, но и серьезно беспокоили. Он, конечно, минимизировал их количество до трех, но и с этими ему хватало хлопот.

Зила. Бельфорка искусственного происхождения, тэн, служанка, а стала доверенным лицом сегюр-мэно и ходит надутая от чувства собственной значимости, того и гляди, начнет сегюр указывать, когда ему пообщаться с женой, а когда и мимо пройти.

Массия — истинная флэтонка, жена троуви Иллана, хитрая, расчетливая лицемерка, четко и ревностно хранящая интересы мужа. Как и для любой флэтонки — Монтррой и ребенок для нее превыше всего. Да. Она родила окэсто, словно специально, чтоб сблизиться с доверчивой землянкой. Какой шикарный повод, общая тема для разговоров — где совет попросить, где самой посоветовать, а заодно и выведать что-нибудь. И главное — как вовремя. Пошла к сленгирам после того постановления Гвидэра и вот, через 5 месяцев после рождения наследников, запищал окэсто и в семье троуви.

Да, хорошо, что Рэй не делится с Аленой ни своими планами, ни мыслями, и тем более не посвящает в суть дел и возникших проблем, иначе, однозначно, та между делом, по недомыслию и в связи с природной женской болтливостью рассказала бы Массии, а та передала мужу.

А еще Эльхолия. Посмотришь — ангелочек наивный, ранимое, кроткое создание, хрупкое и неприспособленное. Цветок оранжерейный. А на деле — мония! На Массию глянь — сразу все ясно, крупными буквами, на лбу написано: стерва. Во избежание тяжких психических повреждений ближе, чем на эпс [Ш](#) не подходить! А здесь? На лице одно — в душе другое... Ах, вот оно в чем дело!

Рэйс резко сел:

— Завтра свадьба Иллана!

— Ну, и? — поджала губы Алена, с осуждением поглядывая на мужа: ему про одно, он про другое — чурбан бесчувственный! — До сих пор забыть не можешь? Сколько уж прошло, а ты все злобствуешь.

Рэй скривился.

— А тебе бы все убогих по голове гладить.

— Да! Братец твой, между прочим, сволочь редкостная. Эльхолия и так с ним наплакалась, а, сколько еще отрицательных эмоций получит, ясновидцем быть не надо, так ясно. Одно не пойму — зачем она за него выходит?

— Ты землянка, дитя чужого общества, поэтому ищешь мифическую любовь, она — реальную выгоду.

— Ага? И в чем ее выгода? А его?

— Она станет сегюр-мэно. Он повысит свой статус и соответственно повысится пиетет.

— Вот счастье-то, — всплеснула ладонями девушка.

Но Рэй уже не смотрел на жену, два и два складывал, пытаясь предугадать события.

Брат женится, хотя невооруженным глазом видно — к невесте его тянет, как Рэйсли к Массии. Но статус. И Монтррой. Неудобно брату сестру вернуть, объяснять придется, а что? Какие доводы привести? Рассердится троуви и сложит свои полномочия, один Иллан останется и сам понимает — оконфузится на первом же совете. Правитель из него, как из Алены тэн. Это Рэй знает, что Монтррой ни за что с должностью троуви не расстанется — честолюбив и тщеславен донельзя. Да, и отправь Эльхолию — совет не поймет, посчитает его несостоятельным, раз ответственности за жену боится. И отец не позволит — мгновенно все просчитает и быстро старшего охладит. Значит, свадьба состоится — точно. А если сложить остальное?

Полгода назад погибли Анзифэр и Клогорст, те самые, что указ отцовский подписывали. Странные смерти, скоропостижные. Сейфер неисправный — вот диво — то. Понятно, кто-то помог ему в неисправности.

Опять же, последний из троицы — Лангрэйф не далее, как две недели назад, ушел к праотцам. Лег спать и не проснулся. Стар был — 312 лет. Для фэсто хорошо пожил. Может, и правда, надоело старику воздухом дышать, устал, а может, и помог кто-то... Н-да, догадка, но не факт.

Трое из совета ушли и трое пришли — сыновья, и, насколько Рэйсли известно, в прекрасных отношениях с Илланом. Покровительствует им и его троуви, не открыто, конечно, и по мелочам.

Остается главный свидетель той ночи, зачинщик перемирия — Гвидэр. И если движение вокруг Рэйсли разгадал правильно, если за всем этим действительно что-то есть, значит, гипотетический недруг дождется смерти отца, и попытается сравить старшего сегюр с младшим. Это самое легкое — Алена и дети. Они, кстати, очень значимые фигуры в данном раскладе и ненужные, более того — опасные... Наверняка, их попытаются убить.

Но опять же это лишь гипотеза.

Нет, что-то не вяжется. Кто же у нас такой умный? Настолько влиятельный? Иллан? Спорно. Помолвка многое изменила и в его жизни, и в характере. Постепенно братца стали утомлять забавы с тэн. В сепришах он появлялся все реже и реже, впрочем, и дома-то старался не сидеть, мотался по советам, другим планетам — связи налаживал. И что их налаживать? Понятно — бегал от невесты под благовидным предлогом. Быстро она ему надоела, а объяснить, изменить положение дел не решался.

Алена тяжело вздохнула и вышла из комнаты: хватит ей с истуканом разговаривать.

Девушка пошла в детскую.

Эту комнату охраняли сильней Форт-Нокс, а детей лучше, чем президентов на Земле. Сенсорные стойки у входа просветили ее насквозь, идентифицировали и, наконец, впустили.

На двух сказочных кроватках, в виде распустившихся цветочных бутонов, мирно посапывало два чуда, национальное, флэтонское достояние, сокровище династии Лоан, гордость и счастье Рэйсли, предметы его пристального внимания и обожания, маленькие, непоседливые проказники. Жаль только, назвали их, ее не просясь. Постановил Лоан самолично — быть сыну Рэйнгольфом, а дочери Эйфия — все, носить деточкам признак самодурства папашиного до самой смерти. Лучше б Гаврюша да Марфуша назвал, Алена б это проще перенесла, спокойнее.

Ничего, приспособилась, сына Рэнни зовет, а дочь Эя, а когда папочка не слышит — просто Фея, а что? Очень похожа, и для языка не так обременительно.

Мальчик спал, широко раскинув руки и чуть приоткрыв рот, длинные ресницы

поддрагивали, лицо сосредоточенное, немного хмурое.

Рэнгольф — русоволосый, синеглазый, смышленный и верткий мальчишка, такой же вредный и упрямый, как отец. Замкнутый, странный, из тех, про кого говорят — сам себе на уме. Подойдет к матери, обнимет ручонками, вперит синие огромные глазища, не по-детски серьезные и внимательные, и будет пристально следить за ней, пока та его гладит, потом резко сорвется и забудет, что она здесь.

Алена не знала, как себя с ним вести, терялась.

Эйфия другая, более живая, смешливая, озорная, непоседливая. Везде ей свой нос сунуть надо, все узнать: то колье материно на вкус попробовать, то разломать построенный братиком замок, чтоб узнать, что ж там внутри, а потом еще и Рэйнгольфа кубиком по голове брякнуть, чтоб не возмущался. Ее если и приласкаешь, то лишь, когда спит, в другое время недосуг девочке на материнские нежности время тратить, посидеть спокойно рядом или на коленях. Только обнимешь, прижмешь, увернется проказница, надует губки, лукавые голубые глазки сощурит и зальется смехом, убегая.

Она даже спала беспокойно: ворочалась, брыкалась, вскидывала ручки, морщилась и смеялась. От нее исходил чудный аромат, напоминающий Ворковской дом — девочка пахла мандаринами, хвоей и морозной свежестью, словно в новый год в сосновом бору разом очистили ящик цитрусов.

Алена улыбнулась, склоняясь над спящей дочерью, протянула ладонь, чтоб погладить, убрать непослушные, точь в точь, как у отца, трехцветные локоны, упавшие на щеку, и вздрогнула. Прямо перед ней выросла степщерка, уставилась рысьими черными глазами, не мигая, настороженная, натянутая, как струна, того и гляди, зубами в ладонь вцепится.

— Фу! — брякнула Алена, и та, презрительно скривившись, нехотя отошла, но взгляд так и не отвела. «Церберы!» — качнула головой девушка. Странные, страшные, не женщины, а меч самурая. Худые, высокие, плоские и словно резиновые — не поймешь, где локти, где колени. Взгляды, что бритва, кошачья грация, реакция под стать Лоан и силы не меньше.

Нагнал их сюда Рэй, детям в услужение, целый батальон. Ух, как Алена их не любила, но с мужем не поспоришь. Он и полемики не устраивал, не объяснял, поставил пред фактом и хоть ногами топай от злости — бесполезно.

Спасибо, Серега пояснил: степщерки — лучшие охранники, опасность за версту чувствуют, как флэтонцы, по два часа, сильны, быстры и злобны, как ягуары, зорки, как орлы, преданны, как не каждая собака, а детей любят больше жизни и раз присягнув в верности, беречь будут, пуше глаз своих, и умрут, если надо, безропотно, до последней капли своей оранжевой крови, защищая подопечных.

И возник у Алены по этому поводу один вопрос: от кого же им детей с таким рвением защищать? Где те злобные вороги, с головой раздружившиеся настолько, чтоб на наследников грозного сегюр покушаться?

И вообще, мог бы и с женой насчет охраны посоветоваться....

Нет. Не в его это стиле с женщиной советоваться. Решил и сделал. Причем и то и другое — за всех. И воспитанием заниматься, тоже — сам.

У Алены нервный тик образовался от его педагогических приемов. Все деточкам можно — хоть с балкона прыгай, хоть носись, сшибая кресла, хоть алмазами кидайся. И что выходит? Рэнни на днях стащил у отца носитель информации, плюхнулся на пол и стал сосредоточенно его разбирать на части с применением силы, кулачков и подсобных предметов, а Лоан лежит, смотрит, как ни в чем не бывало. Алена отобрать хотела, так и ей

не дал, осадил взглядом и бросил:

— Оставь, ребенок знакомится с устройством техники, любопытство проявляет.

Ага. Знакомится. Привет носителю. Раскурочил его «юный техник» за пять минут, по комнате разбросал и успокоился, хотел отцовским браслетом заняться. А тот не дал, посмотрел на сына грозно и ткнул пальцем в россыпь алмазных камушков из носителя и остатки футляра — собирай! Мальчик в рев — куда мальцу собрать? А папе хоть бы что, сказал — делай.

— Сумел разобрать — сумей и собрать.

Рэнни в истерику, Алена жалеть, Рэй сына за дверь, жену на диван — сиди.

— Он еще маленький, — попыталась заступиться за ребенка Ворковская. Да, куда там.

Свел Лоан брови на переносице и выдал:

— Он мужчина, пусть знает и помнит об этом и учится держать ответ за содеянное, думать прежде, чем делать. А болото развести, без него есть кому.

Вот и объясни такому папаше, что дети еще маленькие, глаз да глаз за ними нужен, и в тепле нуждаются, и в заботе особой..

— Тебе дай волю, ты их до последних дней оберегать будешь, с ложечки кормить. Они родились, видят, слышат, координируют движения, думают, понимают — сами все смогут, наше дело их направлять и поддерживать, а не выращивать тепличные овощи.

Вот ведь робот!

А игры его? Чуть отбросит Эю с кровати и смотрит, как та карабкается обратно, зубами и руками за края цепляясь, чтоб не упасть. И так раз 30, а потом, в награду, дает девочке по себе ползать, уши, рот и нос исследовать, та и отрывается по полной программе — за волосы подергает, в лицо заглядывая с любопытством — больно или нет? В рот камней наложит, уши расцарапает, а Рэйс и не морщится, щурится лишь довольно — любознательная малышка...

Ненормальный....

Рэнни он такого не позволяет. Вытащил как-то тот у отца кинжал и оцарапал ему ладонь, так папочка в ответ малыша царапнул, да еще и глянул жестко, как только губы у малыша задрожали и слезы навернулись:

— Больно? Мне тоже. Запомни. Теперь ты знаешь, что это такое.

Садист!

И параноик.

Чуть чихнул сын или дочь лбом в край кресло влетела, не заметив препятствия, тут же допрос с пристрастием устраивает, долго и нудно пеняя нерадивым нянькам, придирчиво каждую ранку рассматривая, причину и следствие выискивая, словно ищет злой умысел и коварство недругов в детском озорстве. Мнительный он после рождения детей стал, до патологии. Это и раздражало, и смешило Алену одновременно, но не могло не нравиться.

Да, странный отец из Рэя получился, ненормальный какой-то и хлопотный. А вот муж... Тиран!

То нельзя, это нежелательно. Строгий контроль за каждым движением и взглядом: что ела и пила, с кем общалась, что в руки брала, кто мимо проходил, а кто приходил, что смотрела?

Подруг ее не воспринимает, взглядами запугивает, гонит. С кем бы ни завела отношений — все прахом. Мало, страшает гостей до смерти одним своим видом, так еще и невоспитан абсолютно, и на язык невоздержан, а еще Алене за ее сленг выговаривает!

Сколько раз она приглашала женщин в дом, и некого-то, а замужних флэтонок, мэно фагосто, не тэн, поболтать хотелось, подружиться. Нет, все ему не по нраву! Придет неожиданно, как лавина снежная на голову рухнет, развалится в кресле напротив теплой компании, только — только пришедшей в дружеское и благодушное расположение, и начнет язвить да намекать недвусмысленно на корыстные интересы присутствующих. Минут пять, и гости спешно ретируются.

Сколько раз Алена ему говорила, объясняла, что не в выгоде дело, а во взаимопомощи: «Друзей не купишь, а хорошие доверительные отношения нужно заработать».

«Зато хорошие отношения можно купить, а друзей выгодно продать», — с циничной усмешкой заявлял тот, и все начиналось сначала: она заводила знакомства, он распугивал и лишал ее новых друзей.

И ведь знал, сколько сил она прикладывает, чтоб подруг завести. Скучно одной, маотно, поговорить хочется, развлечься, узнать больше, да и просто отдушину иметь — где совет получить, где самой помочь. А вокруг одни снобы, высокомерные, настороженные и хоть почтительные и галантные, но словно дикие, чураются ее, стороной обойти нороят. Да еще их дурные законы и традиции — оказывается, пока детям не исполнится 10 месяцев, женщина в обществе показываться не должна, сглазят и ее, и дитя. До этого периода, по вере Рэя, дух детей, Ка, не окреп, а женщина еще ослаблена и оттого подвержена негативному влиянию со стороны. Ну, не бред ли?! Высокие технологии, содружество с другими населенными планетами и не галактики — галактик, и подобная отсталость во взглядах? С точки зрения Алены, полнейший бардак и путаница.

Нет, сначала ей не до подруг было. Как родила, одно заботило — дети. Алена и сама не ожидала, что так привяжется и полюбит своих горластых «Лоанчиков». Она и на руки-то их брать боялась — не повредит ли что? И спала, накрыв рукой сопящие сокровища, по 20 раз просыпалась, прислушиваясь — дышат, не дышат? Спят — не спят? Укрыты или раскрылись?

Рэй помог, быстро ее от придури отучил — на себя все взял: сам вставал, сам смотрел, ей кормить подавал, с трепетным умилением поглядывая на жадно чмокающих отпрысков. А через несколько месяцев твердо выпроводил их в детскую под контроль агноликов и степцеров, заявив Алене, что не даст их баловать, растить моральных уродов: «пусть приучаются к самостоятельности, да и тебе пора отдохнуть».

Она не спорила, вымоталась от пустых переживаний, по нормальным отношениям с Рэем соскучилась, да и дети, судя по тому, как быстро росли и развивались, в особо ревностном контроле матери не нуждались. Рэнгольф в шесть месяцев уже зашагал по детской, следом и Эйфия пошла, а в семь оба, без всяких капризов и катаральных проявлений, засверкали белозубой улыбкой и отказались от материнского молока. В десять и тот, и другой уже четко и внятно изъяснялись, а в год выглядели, как двухлетки, и рассуждали, как шестилетки. Уникальные дети от уникального мужчины.

Алена погладила дочь и поправила сползшее одеяло: та, как и мать, холод не любила, хоть и не мерзла. Сын же одеял не признавал вообще — что холод ему, что жара — все едино, незамеченными для мальчика проходят. Вот они, гены, еще малыши, а уже ясно, кто в кого.

Ворковская чмокнула свои сокровища в лобики и вышла, одарив степцерку на прощанье неприязненным взглядом.

Вечерок тоже не задался. А если разобраться — когда он удавался? Что день, что ночь — одинаково, живет, как елочная игрушка прабабушки, обложенная ватой в коробке из-под обуви.

Алена вдохнула, сдерживая зевоту. Хэчи, однако. И спать хочется, как медведю, так бы в спячку и ушла, но опять же, разве она не в спячке? Почти два года уже. Ни забот, ни хлопот — неплохо, конечно, но в глубокой старости, а ей 22 только ...или 23? Совсем она с флэтонским времяисчислением запуталась. Ни весны, ни осени, и месяцы на раз, два, три — ту, экс, фо. Ту хэчи, экс хэчи, фо хэчи, потом опять начнется ту эсто, экс эсто... и до бесконечности, пока она не свихнется от скуки и монотонной, угнетающей ее натуру беззаботности. Удивительно, как она при такой жизни не превратилась в толстую, глупую гусыню? А как было когда-то весело и интересно: ее ловят — она сбегает, казематы, Агнолики по полям, как зайцы, скачут, Рэй шумит, клинки сверкают, стрелы летят, адреналин зашкаливает ...жизнь. А их земные вечеринки с друзьями — бухологами? Смех, веселье, пьянящая вседозволенность...Когда это было? И было ли?

Девушка покосилась на мужа и в сотый раз вздохнула. И как некоторым людям нравится на месте сидеть, рутинной заниматься, все по распорядку, в тишине и покое? Работать, есть, спать, работать, есть, спать, и так до бесконечности. Тускло, серо, тоскливо. Болото. Так и пылью вековой покрыться недолго, мхом порастити.

Нет, ей бы что-нибудь острое изведать, эксклюзивно экстремальное, на грани жизни и смерти: чтоб в глазах — блеск, в душе — жизнь, в сердце трепет. Тусовочку бы какую-нибудь затеять на тему — Хэллуин, безумную эскападу, встряску для разума и души..."Приключения на задницу"- поддел внутренний голос. «Тоже неплохо», — кивнула сама себе девушка и, протяжно зевнув, качнула головой — нет, так и в летаргию впасть недолго. Живет, как черепаха — Тортилла, хоть бы кто-нибудь за «ключиком» пришел! Нет, вокруг «подружки — пиявки да лягушки. Фу, какая гадость!»

Ворковская невольно улыбнулась сравнению и хитро посмотрела на мужа: "а ничего «пиявочка», очаровательная, и душе, и взгляду приятная!"

Рэй, вальяжно развалившись на диване, с загадочной улыбкой шурился на сапфировую жидкость в фужере, в которой играли блики тусклого света. Ужин в интимной обстановке смягчил дурное настроение. Недаром женушка постаралась: приказала накрыть в малой столовой, скромной небольшой зале. Только он из душа вышел, а она его сюда — сервировка, свечи — светильники по полу и на столе, аромат благовоний, тишина, сытый ужин...Вот они, прелести семейной жизни.

Алена покосилась на мужчину — бронзовое, полунагое тело окутывал полумрак, загорел он на Мольфорне — ей бы так. И в сотый раз протяжно зевнула, прикрыла ладошкой рот и смущенно поморщилась, поймав насмешливый взгляд мужа:

— Пардон, месье. Скучно, однако, аж челюсти сводит.

— Развлечь? — хитро прищурился тот. Алена приглашение приняла, встала, потянулась лениво и села мужу под бок, обвела бугры мышц пальчиком, мурлыкнув:

— Ма-аеоу-у!

Лоан хохотнул и глотнул вина, а девушка опять вздохнула:

— Скучно, Рэй. Тоска зеленая. Я уже плесенью покрылась.

— Появились споры? Где? — иронично выгнул бровь мужчина, с притворной заинтересованностью осматривая тело девушки. Та шлепнула ему по ладони и губы надула:

— Ну, тебя. Одно на уме, а я серьезно. Рассказал бы что-нибудь...

— Например?

— Что там у вас на совете? Что злился-то?

— Зачем тебе?

— Здрасьте! Жена все ж интересно. А то молчишь все, каждое слово, как из партизана вытаскивать приходится.

— Я не знал, что тебя интересуется политика.

— Ну-у, — политика ее и, правда, не интересовала, кроме одного вопроса — блокады на Мольфорне.

Любопытные вещи вчера ей Массия поведала. Она ей на Рэя посетовала: грубый, мол, непредсказуемый, как вести себя с ним не знаешь. Все давит да поучает, с детьми на равных, и требует, как от взрослых, словно не понимает, что они малыши. А та сочувственно так посмотрела и сказала: "Увы, Лоан безнадежен. Он окэсто. Они же полулюди: злобные, бессердечные, бесчувственные, прагматичные. Их не исправишь и не убедишь, одно слово — полукровки, продукт генной инженерии. Неудачный опыт. Поэтому их и держат «внизу», представь, что будет, если такие, как твой муж, займут по всей планете равное положение с людьми? Рэй, понятно, права своих сородичей защищает, ему легко с посторонними хитрить, но кому, как не жене лучше знать истинное положение дел, видеть подлинное лицо второго сегюр? Не повезло тебе, Алена, и нам не повезет, если окэсто своего добьются. Одна вера их, чего стоит. Ужас..."

— "Ну-у-у", — передразнил сегюр, скривив презрительную мину, и прищурился. — И что конкретно интересуется Массию?

— При чем тут Массия? — пожалала плечами Алена, уже не удивляясь проницательности мужа, привыкла за год, но взгляд отвела и вздохнула. — Что ж ты ее так не любишь?

— А ты за что любишь? Черта характера или зов души?

— Представь себе..., хотя не представляй, все равно не сможешь. Ты ведь у нас чужд сферы эмоций и чувств, — с долей обиды заметила девушка. — Циник!

— Нет, милая, я реалист..

— Это одно и то же.

— Думаешь? — хохотнул мужчина, поставив фужер на стол. — Хорошо, пусть так. Вернемся к интересующей тебя теме,... или к теме интересующей Массию?

Алена поняла, что зря завела данный разговор, подарив Рэйсли, патологически подозрительному по натуре, достойный повод сровнять ее подругу с дерном, а заодно и избавить свою жену от ее общества. Сейчас он пройдет по славянскому менталитету, зачитает дозволенные темы дружеских бесед, вскроет минусы женской психики, обозначит границы их ума и закончит нравоучение, кратким постановлением о недопустимости доверительных отношений с кем бы-то ни было вообще, а с женой троуви, в частности.

Ворковская поморщилась и, скорчив заинтересованную гримасу, спешно сменила тему, уводя мужа в сторону от Массии.

— Я вчера про Юккос смотрела....

— Какой прогресс...и что?

— Страшно. Они более отсталы, чем вы, да?

— Нет, почему ты так решила?

— Ну-у, континенты сдвинулись, а они не знали, что это произойдет, ничего не сделали, чтоб предотвратить катастрофу. Столько погибших, ужас!

— Погибших намного меньше, чем могло быть. Конечно они знали о надвигающейся

беде, но данный цикл развития закончился, и земле пора отдыхать, с этим ничего не поделаешь. Поэтому они отобрали нужных людей, цвет нации, и до начала катастрофы расселили их на безопасной территории — на орбите, космических станциях и военных базах, у союзников. Мы отдали им под временное поселение остров Понголл. Через два года они вернутся домой, начнут новую жизнь, основывая следующую ступень в развитии цивилизации, уже на обновленной планете.

— Лихо, только кто вошел в элиту спасенных? Великосветские хлыщи? Кто это решал — цветок ты или опавший листик? И много ли спаслось? Ваш Понголл слишком мал, чтоб на нем можно было разместить большое количество беженцев. Тысяч пять, от силы, и то на голове друг у друга, а остальные? Пускай гибнут, да? — возмутилась Алена.

— Такова их судьба, — равнодушно пожал плечами Рэй.

— "Здорово"! "Замечательно"!

Мужчина выгнул бровь, услышав сарказм в голосе, и с любопытством посмотрел на жену.

— Тебя что-то шокирует?

— Ага, — с готовностью кивнула та. — "Мелочь"...миллиард погибших и пара десятков спасенных. Разницу улавливаешь?

Рэй не улавливал, посверлил с минуту недоуменным взглядом насупленное личико жены и, наконец, понял, закатил глаза в потолок, качнул головой, умиляясь Алениному гуманизму, и протянул с насмешкой:

— Ах, да, смерть... Какое горе. Миллиарды погибших.

— Бездушный, бесчувственный робот! — мгновенно разозлилась девушка и готова была присовокупить еще парочку неллицеприятных эпитетов, но мужчина не дал, приложил к ее губам палец, примирительно улыбнувшись:

— Тс-с, не нужно так нервничать. Апокалипсис на Юккосе не повод для семейной ссоры, согласись.

— Почему ты такой жестокий и равнодушный, Рэй? Ты ведь человек, а ведешь себя... как машина, — укоризненно качнула головой девушка, искренне расстроившись из-за бездушности мужа.

— А что бы ты желала? Чтоб я пролил скупую и фальшивую слезу сочувствия над невинно погибшим юксиотами? Лицемерил, выдавая жалость за сострадание? Уволь, мы помогли, чем смогли, остальное, не в нашей власти...

— Жалость и сострадание одно и то же! Это проявление милосердия..

— Да ты что! — хохотнул Рэй. — Спешу разочаровать, милая. Жалость не имеет ничего общего с состраданием и тем более не является проявлением милосердия. Она — проявление негативных личностных качеств, но, подобно вашему хамелеону, хорошо маскируется под добродетель, по велению "эго"

— Значит, ты считаешь, что жалость — это одна из «масок» эгоизма? — заинтересовалась девушка, пытаясь осмыслить услышанное. Мышление мужа было своеобразным, весьма причудливым и аморальным в некоторых, увы, больших аспектах личности, но в остром уме ему отказать Алена не могла.

— Да, немного однобокий вывод, но, в принципе, верный. Жалостью ты унижаешь другого, выказывая свои фальшивые добродетели. К тому же, жалея, ты берешь себе чужое, а свое отдаешь и вмешиваешься в ход событий, а это уже игра с богами. Мало — бессмысленно, так еще и опасно.

— Значит, если я жалею, то творю зло?

— Гипотетически. И себе, и тому, кого жалеешь. Есть феноменальные экземпляры по этой части, они жить не могут, чтоб не посетовать на то или это, покапризничать, вызывая участие и эту самую жалость. Им нравится свое реноме, они сидят в болоте недовольства притворно жалкие, не понятые и гонимые и... счастливы этим, а ты, пытаясь помочь, не вытацишь их, но сама окунешься в тоже «болото» и бесславно утонешь, затоптанная недавними «страдальцами». Они зубами будут цепляться за свою вотчину, наполненную фальшивыми стенаниями, не делая и шагу в сторону. Им нравится так жить, зачем мешать?

— Подожди, а дети? Они нуждаются в жалости, помощи. Они маленькие. Как можно игнорировать их мольбу о тепле и сочувствии?

— Сочувствии. Заметь, Алена, именно сочувствии, может быть, сострадании. Разумное сочувствие, а не глупая жалость, вот что должно превалировать в решении оказать помощь, в общении с людьми, не важно ребенок это или взрослый. Представь, что вырастет из Рэнгольфа, если ты станешь жалеть его и сюсюкать каждый раз, как он уколет пальчик или закапризничает? Слабак, инфантильный, андрогинированный примат. Мало, ты будешь несчастна, так и ему сломаешь жизнь.

Алена внимательно выслушала мужа, и не преминула возразить:

— Стройная теория, но требующая усилий для доказательства. Если брать в общем, то получается одно, а если в частности — другое. Юккос. Там погибли люди, много людей, это не может не вызывать жалости, но согласись, она не может привести к повышению самомнения или вмешаться в ход событий, сломать будущее...они уже погибли...

— Вот что тебя нервирует. Смерть. Ты боишься ее и потому жалеешь тех, кто через нее проходит, но, милая моя, бессмысленно бояться входа в соседнюю комнату. Ты каждый день проходишь через него и данный факт не вызывает в тебе отрицательных эмоций. Отчего же они возникли сейчас? Ты каждый день снимаешь одежду, и я, это так же не вызывает страха. Жалости. Смерть — тоже самое, ты лишь снимешь это тело, суть останется целостной и живой. Смерть — не горе и не счастье, а естественный и закономерный финал для каждого сущего. Зачем бояться неизбежного?

— Но когда умираешь, здесь остается масса близких людей, дорогих,... а там неизвестно что. Может, ты и помнишь свои предыдущие жизни, а я — нет, и, честно говоря, вообще не верю в подобное. И потом ... отвечать там за то, что приходилось выживать здесь...нет, я не тороплюсь и другим не желаю. Потому и жалею.

— Вот оно что. Ад и рай, я правильно понял? — и рассмеялся, стряхнул жену с колен, уложил на диван, навис и, глядя в упор, с насмешливым высокомерием зашептал. — Там нет ада, милая, он здесь. А вот и дьявол, — пальцы Рэйсли очертили овал лица, побежали ниже, по плечам, груди, животу, начали ласкать кожу, стремясь избавить ее от материи. Алена чувствовала приятное тепло и негу, тихий голос мужа убаюкивал, ласки расслабляли, мешая сознанию ясно воспринимать его речь, а тому это и было нужно. Склонился еще ниже, так, что дыханье касалось Алениной щеки, и зашептал, заглядывая в затуманенные глаза жены. — Этот дьявол стережет твою душу, там ему делать нечего, здесь его вотчина, логово зверя...вот оно, прекрасное тело, которое искушает, изводит похотью, жарит на костре сладострастия, чревоугодия, соблазняет золотом и серебром, обещает власть и блаженство, возвращает гордыню и внушает страх потери этого чувственного хрупкого тела. И ты поддаешься, встаешь на путь греха, окутывая его красивыми одеждами, утоляя голод изысканными блюдами, нежишь ласками и истомой...и горишь в пламени возмущенной

души, которую подчас забываешь, не холишь столь рьяно, не питаешь столь часто, не замечаешь. Она укоряет тебя не блаженством, не сладострастием, не приятной глазу и телу вещью, а однобоким восприятием мира, отрицанием гармонии. Исправить это просто... удовлетвори душу, удовлетворяя тело, и дьявол помирится с богом...

— В средние века тебя бы сожгли на костре, как ярого еретика, — сообщила девушка, с восхищением разглядывая сквозь полуопущенные ресницы, прекрасные черты своего философа. Рэй рассмеялся, и Алена могла поклясться: посмотрел на нее с любовью. Она не преминула поблагодарить его за эти минуты нежности и столь редкий, откровенный, человеческий взгляд: прижалась доверчиво щекой к теплой ладошке и поцеловала, жмурясь от счастья.

— Я хочу, чтоб ты жил долго.

— Придется исполнить твою просьбу, не могу же я отказать своей молодой жене?

— Если б это было в твоей власти, — загрустила девушка.

— В моей, не сомневайся. Знаешь, как умирают флэтонцы? Секунда, и там. Попрощался, принял решение и ушел, а тело, как отслужившую вещь, сжигают. Мы знаем, как покидать тело, этому нас обучают с семи лет. Но самое трудное: не выйти из него, а не остаться там, когда ты еще не выполнил свое назначение здесь. Раньше мне незачем было возвращаться, но я не желал уходить из чистого упрямства — это было бы слишком легко, а значит — неинтересно. Видишь ли, умереть всегда легче, чем жить, и нет чести в легком пути... а теперь у меня есть обязанности, долг.

— Я? — с надеждой спросила Алена.

— Ты, — серьезно кивнул Рэй. — И дети. Видишь ли, я эгоист и очень привязался к вам. У меня нет желания покидать этот мир, расставаться с тобой.

— В смысле?

— В прямом, милая, в прямом, — хохотнул Рэй вставая и подхватывая жену на руки. — Я собственник и эгоист, поэтому уйду следом за тобой, но не раньше.

И подумал: "Ты никому не достанешься, я и больше никого в твоей жизни не будет, а потом уйду следом, чтоб не тосковать".

Алена задумчиво рассматривала мужа, пытаясь понять — что он хотел сказать, на что намекал? И лишь когда тот опустил ее на постель, признала свою несостоятельность: и в момент бодрствования ее мозговой потенциал беспардонно глючило в попытке расшифровать ребусы Лоан, а куда уж в сонном состоянии за подобное браться? Нет, видать, данный подвиг ей никогда не совершить. Это огорчало.

— Ты такой странный, — сонно заметила девушка. — Непредсказуемый, загадочный и столько знаешь. Я рядом с тобой чувствую себя безнадежно отсталой. Обидно...

Рэй откинул снятое с жены платье, пристроился рядом с засыпающей девушкой, прижимая ее к себе: ему нравилась умиротворяющая тишина в душе, состояние покоя и безмятежности, которым его одаривала Алена, сама того не ведая.

— Зачем я тебе нужна...такая...недалекая и ограниченная? — прошептала девушка, пригревшись и окончательно засыпая.

Мужчина услышал, удивленно вскинул бровь, посмотрел на жену и, увидев сомкнутые веки, улыбнулся:

— Спи, завтра скажу.

Алена с трудом сдерживала зевоту. Скучно до одури. А она еще поначалу завидовала. Чему, скажите на милость? Постным лицам брачующихся?

Нет, их с Рэйсли свадьба была не в пример скромной, но менее заунывной. Конечно, простыня вместо свадебного наряда, каюта кафира и три вынужденных свидетеля ни в какое сравнение не шли. Здесь же одних свидетелей тысяч пять, не меньше, и торжество обставлено по высшему разряду: огромный зал, по стенам которого непрерывным потоком льются разноцветные, сияющие струи огня, четыре балкона с гостями, наблюдающими церемонию, поддерживают колонны, увитые гирляндами, распускающими каждые пять минут новыми экзотическими бутонами цветов. Да, и сам постамент с новобрачными, приготовившимися давать клятву верности, производит неизгладимое впечатление: сверкающая возвышенность из камней, выложенных замысловатым рисунком, то и дело меняла свои очертания, превращаясь то в распустившийся бутон, то в палубу корабля, то в сцену. Только, по мнению Алены, перемудрили флэтонские мастера, им бы эшафот изобразить надо было — и проще, и данному действию под стать.

Впрочем, и так все понятно. На новобрачных глянь и гадать не надо — любят они друг друга, как кошка собаку, а уж заключению союза рады так, что и словами не выразить. Лица унылые, Иллан откровенно в сторону косит, лишь бы невесту не видеть, а та и вовсе глазами пол проедает, лицо, как на похоронах, причем собственных. И при внешнем антураже будущих супругов выглядит это чудовищно. Эльхолия, миниатюрная, хрупкая, в изумительном, воздушном платье, смотрелась прелестно. Королева эльфов не меньше, да и Иллан ни дать, ни взять — принц из сказки. Что ж, они буйную радость изобразить не могут?

Н-да, чудненько. Свадьба и казнь в одном флаконе. Нет, слава тебе Господи, что отвел ее глупую от сероглазой мечты. Во истину слава! Аминь.

Ворковская покосилась на супруга и чуть заметно улыбнулась: все-таки красивый он у нее и не такой сноб и зануда, как окружающие. У тех лица от торжественности момента вытянуты, взор серьезен, а этот хоть бы немного веселье свое замаскировал под маску соучастия, для приличия. Нет, стоит, щурится лукаво — забавляется. Счастлив безмерно — брат глупость совершает, как не порадоваться безумию близкого? Ох, террариум.

И вырядился, наверняка, родственничков позлить: голубые кожаные брюки и золотистая сеточка вместо рубашки, облепляющая литую грудь и бесстыдно выставляющая напоказ каждую мышцу. Мог бы и скромнее: знатные мэно так и поедают его глазами, а тот и рад, поощряет взглядом, ресницами играет, губы в очаровательную улыбку складывает. Лучше б не пытался, все равно не получается: гюрза она и на Флэте — гюрза.

Алена поджала губы: "Ладно, милый, порезвись. Сейчас и я себе кого-нибудь пригляжу!" И начала старательно обстреливать глазками мужскую половину приглашенных, выискивая достойную внимания кандидатуру.

Ничего экземплярчики попадались, весьма недурственные. Слева двое: один высокий, молодой, краснолицый, как ирокез, и взгляд под стать — пронзительный, умный, и второй очень даже приемлемый дядечка, хоть и намного старше первого: невысокий, крепкий, загорелый, лицо мужественное, привлекательное....О, нет, взгляд не тот. Им бы орехи колоть. Одарил девушку, как огрел! Тоже мне джентльмены! И где их манерам учат?

"Ну, нет и не надо", — передернула плечами Алена и заметила весьма недурственную особь справа: молодую, атлетического телосложения и робким добродушным взглядом небесно голубых глаз. Ворковская даже каблучком притопнула — до чего хорош! Мечта, конфетка и обертка королевская: прозрачная, бирюзовая рубашка с широкими рукавами, усыпанная стразами от плеч до обшлагов, не оставляющая места для фантазий. Кентавр-р, мыр-р, мур-р, мяу. ах!

Алена, взвизгнув от неожиданности, подпрыгнула. Рэйс узрел фривольности жены и ненавязчиво, в своем излюбленном стиле, напомнил о своем существовании, ущипнув даму за ягодицу.

— Хам! — прошипела Алена, одарив мужа разъяренным взглядом, и тут же потупилась, смущенно пряча глаза и пытаясь изобразить смесь раскаянья и милейшего расположения.

Несколько десятков глаз пристально смотрели на нарушителей церемонии. Большинство — с легкой укоризной, но пониманием, а некоторые с неприязнью. Гвидэр и вовсе насупился, испепеляя взглядом бесстыдницу и всем видом давая понять, что зело недоволен, более того, скандализован подобным поведением.

Рэй осадил его взглядом, заставляя старика вернуться к прерванному занятию, и тот внял, хоть и с явным недовольством: сердито подвигал челюстями и вновь начал зачитывать документ о заключении союза.

А вот Иллан не внял — застыл, пристально рассматривая Алену, словно удивляясь и не понимая: а почему собственно она рядом с Рэйсли стоит? Девушка растерянно хлопнула ресницами и вопросительно покосилась на мужа. Зря. Тот, если и растолкует что, то только одному ему понятным способом и с явным усугублением ситуации.

Рэйс прижал жену к себе, обхватив руками и глядя в глаза брата, предостерегающе прищурился. Не нравилось ему, как тот на Алену смотрит, нервировало и раздражало до зуда в ладонях. И ладно бы, он раз или два столь пристальное внимание с его стороны заметил, так нет, подобное давно в норму превратилось: никак Иллан свои бесплодные мечты и глупые мысли выкинуть не может, прошлое годичной давности из памяти стереть. И хоть бы ума хватало скрывать, так нет, и не пытается, словно вызов Рэю бросает. Ну, и кто, спрашивается, старше? Умнее?

Ладно, братец, помечтай... минут десять, а там уже поздно будет — муж, не жених, не до иллюзий и волокитства за чужими женами.

Иллан нехотя отвел взгляд и покосился на невесту: и что он в ней нашел? Во имя Анториса, зачем он совершает подобную глупость? К чему ему брать на себя ответственность за столь неприспособленное, блеклое и безжизненное существо? О чем он думал раньше? Что его привлекало в подобных женщинах? Покорность? Ранимость? Вздор!

Год он прожил с Эльхолией под одной крышей и одна мысль о том, что проведет еще пару, тройку столетий в том же обществе, бросала его в дрожь. Нет, она девушка хорошая, добрая, понимающая и преданная, как другу, ей цены нет, но как жене... Пресно, монотонно и скучно до оскомины. Не женщина, а порция мигали [\[2\]](#) — поел раз и больше не захочешь.

Алена другая, интригующе непредсказуемая, подвижная. И словно не живет, а горит. А аромат? Иллан чует раздражающий запах ее и-цы, до бесстыдства острый, призывный и волнующий, яркий, как и его хозяйка.

Сегюр, как зачарованный, вновь и вновь выхватывал взглядом колоритную пару: Рэй-высокий, сильный, до высокомерной наглости уверенный в себе, властный и напористый, и Алена, окутанная изумительно- ярким светом энергии — стройная девушка в элегантном,

открытом платье из тяжелого шелка с голографическим эффектом. Широкая лента из страз соединялась на груди и, обнажая белую, гладкую кожу на животе, плавно сбегала по бедрам, сливаясь с тканью. Оголенные плечи, пряди светлых волос и тонкие руки в широких браслетах. Хороша, но не его. Рэй смотрел на него в упор, напоминая, и по-хозяйски поглаживал пальцами, жену, стремясь проникнуть глубже в разрез на животе. Та не противилась — губы изгибались в улыбке, а в синих глазах плескалось озорство, ресницы вздрагивали, а пальцы скользили по бедрам мужчины, ничуть не смущаясь близкого соседства посторонних.

Нет, сначала Алена пошипела на Рэя за непристойное поведение, но вскоре нашла пикантность ситуации весьма привлекательной и забавной. К тому же, как еще заявить свои права на мужчину, если даже чопорные, холодные и надменные леди, такие, как та мадам, слегка подсушенной экзотической наружности, что стоит невдалеке, бросают откровенные взгляды на ее мужа, а ее окатывают пренебрежительным «фи», словно она и мокасины ему, в зубах, приносить не достойна. А так, вытянулось лицо у "сушенной воблы", пятнами от зависти пошло, и взгляд изменился, растерянный стал. Шокировала Алена бабульку.

Рэйс хмыкнул проследив за взглядом жены, и посоветовал:

— А ты еще язык покажи.

— Не-а, я лучше опознавательную табличку тебе на лоб прибью с аршинными буквами: Мое, руками и глазами не трогать — чревато последствиями!

— Ревнуешь? — мурлыкнул Лоан.

— Тебя?! Щас! — повела плечами Алена, смерив милого пренебрежительно — уничижительным взглядом. — Размечтался! Просто напоминаю ретивым старушкам правила приличия.

— Правила? Приличия? Старушкам? — Рэй ехидно осклабился. — Что-то ты увлеклась милая. Данной старушке всего 200 с небольшим хвостиком и с правилами твоих, земных, приличий она не знакома и, думаю, абсолютно не переживает по данному поводу.

— Ой, ой, ой, — скривилась недовольно девушка. — Какие у вас все раскрепощенные и непосредственные. Ну, если хорошо сохранившиеся и сексуально озабоченные мумии в самом расцвете забальзамированного возраста — предел ваших мечтаний, мешать не буду, куда мне, молода-с. Дерзайте, сир. Флаг в руки и виагру под язык!

— Что такое — виагра? — озадачился Лоан.

— Средство для адекватного восприятия наиболее законсервированных старушек, — охотно пояснила девушка и, узрев брачный ключ в руке Иллана, подпрыгнула от радости, бодро гаркнув под ухо впереди стоящего фагосто. — Ура!!!

Рэй хмыкнул: и почему лишь скромное «ура»? При ее темпераменте спокойно постоять — уже нечто экстраординарное, а уж молча окончание церемонии воспринять да не ляпнуть что-либо шокирующие — вообще из ряда вон.

— Благодарю за сдержанность, — кивнул Лоан и, проигнорировав возмущенный взгляд оглохшего на одно ухо мужчины, подхватил жену под руку и потащил к новобрачным. Пора поставить точку на самой заунывной части торжества: поздравить. Все-таки брат, положено. Мужчина холодно посмотрел на Эльхолию и отвесил Иллану насмешливый поклон:

— Поздравляю, ... правда, не знаю с чем?

Тот мгновенно напрягся и смерил наглеца уничтожающим взглядом.

Алена пихнула супруга локтем в бок, возмущившись его поступком до глубины души, и попыталась исправить положение. Она широко улыбнулась и выдала поздравительный спич,

короткий, но внушительный и щедро сдобренный витиеватыми фразами восторга и умиления. Иллан расслабился, Эльхолия расцвела, и, Алена посчитала свою миссию выполненной, а дабы супруг не свел на нет ее усилия, она спешно подтолкнула в сторону от родственников.

— Обязательно поиздеваться надо, да? Они и так не на счастливых новобрачных похожи, а на приговоренных к пожизненному заключению. Видишь же сам...

— Вижу, милая, вижу, и даже больше, чем ты думаешь, — заметил Лоан с нехорошей ухмылкой.

Взгляд настораживал и заставлял вспомнить все промахи и грешки. Какой там последний? Ага. Не до молодоженов, однако. "На атлета намекнул", — сообразила Алена и попыталась придумать оправдание, а пока думалось, прильнула к Рэю, выказывая трепетную любовь, но того не проняло, хмурился.

Девушка затосковала: по всему видать, грядет семейная разборка с насильственными нравоучениями. На ее счастье, Дэйкс на горизонте замаячил, помахал ладонью, приглашая сегюр на второй этаж. Молодец, вовремя.

— Рэй, тебя Дейксклиф зовет, — нежнейшим голосом заметила девушка.

— Ага?

— Честно, вон он, рукой машет.

— Ладно, — кивнул Рэй, глянув в сторону и узрев друга. — Позже договорим. И помни, милая, я все вижу.

Предостерег жену и пошел к Дэйксу.

— Ага, ага, — с готовностью закивала Алена и скорчила удаляющейся спине «милого» злобную гримасу, продекламировала гнусавым голосом: "А я не сплю и все вижу. Здесь венков на 32 рубля 57 копеек"... У-у-у, тьфу!

Рэйсли поднялся на второй этаж и тут же получил призовой фужер с шэврио.

— При ближайшем рассмотрении молодожены производят угнетающее впечатление. По-моему, данный союз крепким не назовешь. Как бы за празднествами не последовало расторжение. Тебе не кажется? — заметил троуви.

— Ты прав. Итог ясен на старте.

Дэйкс задумчиво кивнул и, чуть понизив голос, сообщил:

— Каргер вышел на связь.

Рэйс замер, мгновенно насторожившись.

Полгода назад Дэйкс, сияя, сообщил Рэйсли потрясающую новость — он стал отцом. Его наложница, та самая Наталья, родила мальчика. Женщина долго скрывала факт беременности, то ли стеснялась, то ли боялась чего, то ли не верила в подобную возможность, мужчина так и не понял, да и не пытался понять — психика землянок весьма витиевата, жены ему выше головы хватает, чтоб еще с чужими наложницами разбираться. Но вот Дэйкс... Тот тоже до самых родов молчал, произошедшее с Аленой на него подействовало удручающе и внушило опасение за жизнь своей канно, вот и скрывал до последнего, а потом Лоан на крестины пригласил.

Мальчика нарекли величественно — Монторрион и окрестили в кьете Модраш, как и полагается, с обильными жертвоприношениями и долгими празднествами, правда без женщин. Наталья тяжело роды перенесла, да и не хотел Дэйкс ее в известность ставить, что избрал для ребенка религию Модраш, а Алена, хоть и жаждала с младенцем повозиться,

радовалась за подругу, но в кьет идти категорически отказалась — одного раза ей на всю оставшуюся жизнь хватило.

После крестин Рэйс, сопоставив даты рождения своих детей и ребенка Дейксклифа, пришел к интересному и многообещающему выводу, осознавая, что случайностей не бывает, и посоветовавшись с Поттаном, приказал Дэйксу спешно, но секретно собрать сведения о всех рабынях из той экспедиции. Тот ничего не понял, но выполнил, а Рэйс возликовал — еще трое, имевшие контакт с членами экипажа и выжившие, в положенный срок произвели на свет детей, по одному каждая. И получалась интересная картина — все пятеро, включая Алену, забеременели на корабле, а вот после посадки — ни одна.

Лоан принял это за подтверждение своей гипотезы, в которую посвятил, естественно, лишь Верховного жреца, и вызвал Вэрэна, чтоб дать ему ответственное и очень важное задание: отправиться в экспедицию на Землю по тому же маршруту, но с другой командой и в состоянии абсолютной секретности.

Команду подготовил Поттан, уверенный, что Рэйс прав на все 100 %, и гордый сверхмеры своим воспитанником. Самые достойные эстибы и Агнолики, с Каргером во главе, отправились в путь четыре месяца назад. Рэйс обеспечил подопечных новейшим гоффитом и самой лучшей аппаратурой, но приказал четко держаться прежнего курса и прежней скорости.

Поттан был уверен в исходе операции, а вот Рэйс сомневался и переживал. От ее итога зависело слишком многое — будущее всей планеты, преобразования в государственной и законодательной системе и если все получится, как он предполагает, он сможет уравнять в правах фэсто и окэсто, снять блокаду, вернуть эпоху процветания, повысить рождаемость, подарив каждой семье возможность иметь дитя. И столь глобальная задумка основывалась на весьма зыбком материале — догадке, предположении...

— И что? — поторопил троуви сегюр.

— Ты оказался прав, одна из тэн беременна.

— Одна?

— Ну, не все сразу.

— Почему не выходили на связь раньше?

— Рейдировали- ждали результатов.

— Когда возвращаться думают?

— Уже. Через два месяца войдут в атмосферу Флэта.

Два месяца?! Много. Впрочем, что такое два месяца ожидания по сравнению с веками?

Миг. Он терпелив — подождет, главное — цель того стоит.

Глаза Рэйсли радостно блеснули и он щедро улыбнулся троуви:

— Как твой?

— О-о-о, замечательно, — расплылся тот в ответ. Отцовство смягчило Дэйкса, наделило неведомой ранее сентиментальностью. Он, как и любой флэтонец, безмерно гордился своим ребенком и считал именно его самым, самым, самым. Поэтому троуви не преминул похвастаться достижениями Монторриона, перед императором.

Алена категорически не желала скучать, но предостережения Лоан помнила четко и некоторое время пребывала в сомнениях, скромно пристроившись у стены. Однако, пара фужеров шэврио, быстро разбавили уныние и скованность изрядной долей озорства и самоуверенного пофигизма.

А что, собственно? Почему нет? И так сидит дома, словно погребенная, безвылазно. Когда еще доведется на вечеринке побывать? Себя показать, людей посмотреть? Не ласков с ней Рэйс в этом отношении, в город и то не пускает.

Опять же празднества длятся всего лишь неделю, а там вновь — туглос, дети, муж... Побудет она еще примерной женой и матерью, успеется, даже надоест. Будет шастать по комнатам и залам в поисках достойного занятия, преданно заглядывать в глаза Рэя, изображая любящую супругу в постклимактерический период, для которой " все бури и метели уж давно отшумели". Но это потом, а сейчас обойдется, душе острых ощущений не хватает, веселья и внимания. В конце концов, любой женщине хочется чувствовать себя живой.

"А, будь что будет", — махнула она рукой: " Рэйс далеко, авось не узнает. Да и что плохого произойдет, если я повеселюсь?" И не усмотрев, естественно, ничего зазорного в собственных желаниях, Алена призывно улыбнулась тому самому атлету, неприкаянно бродящему по залу невдалеке.

Парень с готовностью шагнул к ней, замер и вдруг, резко развернувшись, исчез из поля зрения. "Не судьба, однако", — с сожалением вздохнула девушка: "Деверя черти принесли".

Иллан пристроился рядом с фужером, водрузив локти на узкий столик стойки, и искоса поглядывал на родственницу. Молчаливое и столь пристальное внимание нервировало. Ну, что за семейка? За всегда, пожалуйста, настроение испортить, ежели не один, так второй. Смена караула у них, что ли?

А тем временем музыка зазвучала громче и призывней, несколько пар закружили по залу в танце. Алена с сожалением и завистью смотрела на них и дрыгала ножкой в такт — хоть так потанцевать!

— Нравится? — спросил Иллан.

— Нет! — буркнула она, мысленно посылая деверя по известному адресу с подробной схемой маршрута. — Где супругу оставил? Не пора ли жениху к невесте?

— Она с Монтррой.

— А-а-а, — "жаль"!

— Я...могу пригласить тебя?

Девушка недоверчиво посмотрела на протянутую руку и, прикинув, что Рэйс не будет особо гневаться, если она потанцует с его братом, с готовность кивнула и вложила пальчики в ладонь сегюр. Тот замер на минуту, с благоговением глядя на белую кожу и тонкое запястье в его смуглой ладони.

— Идем? — поторопила его Алена. Музыка в ее любимом стиле, что-то среднее между ремиксом In-Grid и латино—американским Amoge в исполнении горячего флэттонского мачо, звала на аудиенцию. Спокойно стоять и ждать, пока Иллан очнется, сил не было. Каблочки уже выдавали дробь, ноги сами стремились в круг танцующих. Парень невольно улыбнулся игривому настроению девушки, и последовал за ней, стараясь не отстать.

Кьяро. А как ее еще назовешь?

К тому же мнению через пару минут пришли и окружающие. Голоса стихли, танцующие отошли, расчистив пространство для одной, единственной пары: темноволосого сегюр и светловолосой сегюр-мэно.

Девушка с горящими лукавством глазами выдавала один пируэт за другим в совершенно бешеном ритме, гордо вскидывая голову, кружа и постукивая каблочками. Аромат ее и-цы быстро распространился по залу, привлекая всеобщее внимание. Парень не отставал и не

уступал ни в пластике движений, ни в темпе.

Рэйс слушал отцовские излияния Дэйкса и вдруг заметил диковинные метаморфозы, происходящие вокруг: народ подтягивался к перилам и бросал на него странные взгляды. Это насторожило сегюр и в груди кольнуло: никак опять женушка что-то учудила?

Он бросился к перилам.

Так и есть. Его супруга зажигала с новобрачным в диком темпе и с завидным задором. Лицо раскраснелось, в глазах пылал огонь, волосы рассыпались по плечам, подол платья то и дело взлетал в воздух, открывая взору ножки в изящных туфельках. Братец не отставал, кружил рядом, то обвивая Алену рукой, то, отпуская, то приближаясь и тесно прижимаясь, то отстраняясь. В воздухе витал знакомый аромат энергии, не только осязаемый, но и четко видимый: множество мелких, разноцветных искр окутывали пару и разлетались по залу.

Дэйкс, через секунду оказавшийся рядом с сегюр, глянул вниз, выгнул бровь от удивления, покосился на побелевшего от гнева Рэйсли и, понимая, что грядет буря, попытался заступиться за девушку. Но успел сказать лишь: э-э-э.

Мужчина, не взглянув на товарища, без раздумий перемахнул через перила и приземлился на первом этаже, чуть не покалечив зазевавшегося гостя. Троуви тяжело вздохнул и поспешил следом, но менее экстремальным способом — по лестнице. Он не окэсто и боль чувствует, да и вообще, если каждый раз, когда в семействе Лоан намечается гроза, сигать со второго этажа, через месяц можно смело восходить на погребальный костер.

Рэй не мог не восхититься пластикой и красотой жены, но руки брата, касающиеся Алены в танце, раздражали и приводили в бешенство, как, впрочем, и восторженные, а у некоторых и откровенно заинтересованные, похотливые взгляды, бросаемые в сторону девушки.

Что за привычка выставлять себя на всеобщее обозрение, словно товар? Мало он ее воспитывал и плохо, недоходчиво объяснял.

Рэйс направился к веселящейся паре. Народ расступился, пропуская и настораживаясь. Взгляд у сегюр был не ласков.

Алена увидела мужа и мгновенно забыла об Иллане. Зачем он ей, теперь, если другой партнер появился? Не чужой — свой. И дюже привлекательный. А взгляд? Ну, не в духе мужчина, так, когда он в духе бывает? Каждый раз на его настроение внимание обращать — свихнуться можно, и потом, дело это поправимое. Алена по опыту знала, как мужнин норов смягчить, выучилась уже.

Девушка лукаво улыбнулась, игриво закружила вокруг Рэйсли. Тот с полминуты посверлил ее гневным взглядом, решая: устроить ей выволочку сейчас или позже и без свидетелей, и решил — позже. Алена была искренне рада его присутствию, Иллана бросила, и тот стоял, непонимающе хлопая ресницами. Это Рэйсли понравилось, как и плавные движения жены, руки, обвивающие в танце... Почему бы ему не станцевать с ней? В чем-то Алена права — она молода, и желание веселиться и общаться с людьми — проявление естественной тоски, замученного монотонностью существования создания. Ладно, на этот раз он уступит.

Рэйс натянуто улыбнулся и присоединился к жене. Через пару минут и взгляд потеплел, оттаял малость.

Иллан постоял и нехотя ушел в сторону. За шэврио, подальше от соблазна и неприятных ощущений. Рэйс танцевал лучше, чем он и смотрелась пара удивительно красиво и

сплоченно, как одно целое. Ни одного шанса разбить. Стоило ли пытаться?

Монтррой перехватил задумчивый взгляд Массии и поджал губы. Фужер треснул в руке и распался на осколки. Зол был троуви. Сегюр выставил на посмешище его сестру, пригласив на первый танец чужую жену, а не свою. И та стояла поникшая, жалкая, старательно прикрывая ресницами ненависть, плещущую в глазах. Эльхолия смотрела на танцующую в объятьях Рэйсли Алenu.

Если б девушка уловила тот взгляд, поняла бы мгновенно, что Эльхолия ей не добрая подруга, а непримиримый, злобный враг, но она ничего не видела вокруг, только лицо мужа, пляшущие огни по потолку и полу и просто веселилась от души, счастливая, как никогда.

А Рэйс заметил. И каким взглядом Монтррой Иллана проводил — тоже. И понял — разворошила Алена, сама того не ведая, заснувший «муравейник». Не будет теперь покоя в доме. И согласия в окружении. Все. Закончился период мира и спокойствия. Хорошо. Нет, замечательно. Год семейство Лоан провело под фальшивой маской благолепия. Хватит. Надоела Рэйсли видимость добрых отношений, нарочитая обходительность. Пора ситуацию к одному знаменателю подводить, выяснить, кто и на чьем поле играет. Да и «счет» неоплаченным лежит. Давно он ждал подобного поворота. Готовился. Не зря.

Взгляд сегюр неумовимо изменился

Спать Алена легла уже под утро, когда Уэхо начал лениво окрашивать горизонт в розовые тона. Лечь-то легла, а спать не хотелось. Продолжение «банкета» предвкушала.

Рэйс и слова ей не сказал по поводу их с Илланом ламбады, без претензий и выговоров обошлось, значит, завтра...нет, уже сегодня она сможет снова устроить себе праздник души и сердца. И наряд готов, несколько эпатажный, но, бог даст, и его Лоан проглотит.

Нет, почему она все время думает: как он посмотрит, что скажет? Что за глупость?! Выдрессировал, как тигрицу, слова лишнего не скажи, шагу в сторону не сделай. Нет, хватит, заканчивать это надо. Правильно Массия говорит: мужей воспитывать надо, не покладая рук. Пуще детей. То погладить, то скандал на пустом месте устроить, чтоб жизнь медом не казалась, а иначе никак. Не понимают. Все надавить норовят, права зачитать и обязанностями наделить, как мачеха Золушку, лишь бы сидели милые безвылазно у их мокасинов, с покорностью внимая каждому слову.

Вот ведь натура мужская, на кого не посмотришь — сплошь мудрецы, пророки, олимпийские чемпионы, гении и Аполлоны. Все-то они знают, все-то они умеют. И при этом одну глупость за другой творят. И не слушают никого. Ну, конечно, куда женщине знать и понимать больше, чем они? Нонсенс. Артефакт. Женщины у них — отсталые, недалекие существа, требующие постоянного наблюдения, чуткого руководства и каждодневного наставления. И никак без давления жить не могут, все им баталии подавай, хоть в кругу семьи, хоть в дружеском окружении. Воители. И что им спокойная жизнь не в радость?

Нет, права Массия, права. Надо Алене за воспитание супруга приниматься, не дело это под его каблуком жить, и маетно, и для самолюбия прискорбно.

Однако, Рэйс не Монтррой. Воспитать, конечно, надо, но как? И педагог из нее никудышный, и подопечный хлопотный, невменяемый абсолютно. Глянет, как шлакоблоком придавит, и весь педагогический пыл у Алены пропадает, а перечить уже и мысли не возникает. Боязно. Жить-то любому хочется.

"Гибче надо быть, хитрее, где лаской, где обидой..." Метод кнута и пряника.

Что первое, что второе, Рэйсли абсолютно фиолетово.

Ну, ластилась она к нему: "Отпусти в город с Массией, ей надо, не мне. Костюм присмотрела, посоветоваться желает. Ненадолго. Быстро вернусь.." Улыбнулся ласково, целоваться полез, разнежился, подобрел... и ответил: нет. Тихо так, спокойно. Попробуй, против этого спокойного «нет» поперек пойти. Такое устроит, и туглосу мало не покажется, не то что Алене. Пыталась, спасибо, больше не хочется.

А обижаться... Как? Дуться без толку, он и не заметит или сделает вид, что не замечает. Цедить слова? Ну, раз, два, потом и не захочешь. Подтянет к себе, брови сдвинет, взгляд, что плита могильная, и холодом до печени пробирает. "В чем дело?" — выдохнет в лицо и все: "Ни в чем, «милый», так, погорячилась, мигрень замучила".

Сердиться, кричать?.. Рука у него тяжелая, а жалость при рождении потеряна. Да и слух тонкий, тон на октаву выше, и Рэйс мгновенно звереет, глаза кровью наливаются. А если еще и пару слов из молодежного сленга присокупить, сидеть Алене нагишом неделю, безвылазно, да еще спасибо говорить за мягкое наказание. Впрочем, муж ее не наказывает, а как сам говорит — «воспитывает». «Терпеливо» и «ласково» прививает девушке основы флэтонской морали, в законы семейной жизни посвящает.

Хорошо Массии советы давать, да хоть бы один пригодился. У нее Монтррой «шелковый», сама хвасталась: "Что захочу, то и получу. Как захочу, так и будет". Умная она, опытная. И почему подобных стервами называют? По Алене, так всем бы такими быть, беды б не знали, от самодурства мужского в безопасности жили. Ее Монтррой слушает, знает она, как мужа на нужное настроить, чтоб и взбрыкнуть тот не подумал. А Рэй еще говорит, что мужчины на Флэте женским умом не живут. Врун.

Алена в раздумьях забарабанила пальчиками по животу мужа: "Вот бы и его, как Монтррой..."

Ладонь мужа накрыла ее руку.

— Не спиться? — раздался вкрадчивый голос. — Мечтаешь? Не о том, милая. Видел я твой наряд на сегодняшний вечер приготовленный.

— И что? — насторожилась Алена.

— Удобный. Снимать ничего не надо. Оденешь завтра перед сном, для меня.

Девушка тяжело вздохнула: понятно, прощай мечта. Не показаться ей теперь перед гостями во всей красе. Быть декольтированному топику и короткой юбочке с низким поясом нижним бельем для услады Лоан, а на вечер не иначе, как в монашеской сутане идти придется.

— Врун ты, — рассердилась девушка. — Сам говорил: "почему бы не показать тело, если оно красивое?" А теперь, значит, нельзя. Может, у меня фигура изменилась? Стыдно такую показывать, да?

— Нет, ничуть не изменилась. Мне очень даже нравится, — спокойно заметил мужчина и игриво обвел ладонью изгиб бедер, погладил плоский живот. — Только меру знать надо. Ты, милая, не на торги собралась, а на свадьбу.

— Здравствуйте! — возмутилась Алена, — при чем тут торги? Приличный наряд и пристойней твоей сетчатой рубашки, между прочим!

— Речь не о приличии и пристойностях.

— Тогда о чем? Ты видел, как другие одеты? Я одну заметила, она вообще с голой грудью была, ерунда какая-то газовая на плечах и все. Что в ней, что без нее.

— Это трудности ее мужа, не мои.

— А-а-а, вот оно в чем дело! Ревнуешь?

— Я? — хищно оскалился мужчина и положил ладонь девушке на шею, взглянул ласково, как Отелло на Дездемону в момент ее агонии. — Есть повод?

Алена замерла и поспешно отвела взгляд: нехорошо ей стало, неудобно.

— Конечно, нет. И не будет, правда? А то, что ты сегодня порезвиться решила, так это не повторится. Просто я, наверно, недоходчиво объяснял? А может, ты забыла? Давай напомним? Еще раз. Последний. Чтоб к данной теме больше не возвращаться.

И что она не заснула тотчас, как пришли?

Ну, и как его воспитывать? Благодарю покорно. Рэйсли ей явно не по зубам.

Мужчина впился девушке в губы и начал грубо ласкать. Та попыталась возмутиться, вырваться, но куда там. С ним и лауг бы не справился. Силен, как стадо мамонтов. И не менее дикий. Вообще, через пару часов Алена забылась сном, уверенная, что в ближайший месяц навряд ли сможет встать, а уж танцевать — через год, не раньше. Атлеты же любой формации вызывали мгновенный токсикоз, как и любая особь мужского пола.

Постарался Рэйс на славу. Шея в укусах, на запястьях синяки ...теперь только просторную одежду от подбородка до щиколоток и одеть. Прощай вождеденный наряд.

Она бы поплакала, пожалела себя, да побоялась. Кто его знает, что в голову Лоан придет, услышь он ее всхлип? Не принялся бы вновь уму — разуму учить. Второго раунда изощренного садизма ей не выдержать. Нет, хороши советы Массии, да не для нее.

Первую, священную, ночь Иллан провел в женском сеприше, в объятьях темноглазой, бойкой бельфорки.

Эльхолия всю ночь простояла на балконе, в ожидании мужа, и чутко прислушивалась к звукам. К 8 утра Иллан потерял жену, еще и не приобретя.

Девушка легла спать, твердо решив отомстить виновным в ее унижении. В списке приговоренных к особо изощренным мукам значилось три лица:

1) Иллан Лоан. За нанесенное оскорбление, возмутительное пренебрежение и игнорирование законов семейного кодекса — мечь.

2) Рэйсли Лоан. За халатное отношение к своим обязанностям, потворству преступного вторжения на чужую территорию — мечь и смерть.

3) Алена Лоан. За бесстыдство, совращение чужих мужей, возмутительное поведение и нанесение глубокой психической травмы — долгая мучительная смерть.

Монтррой зло шурился на восходящее светило.

Массия видела, что муж в ярости, и попыталась успокоить его, обняла, прижалась и тут же отлетела в сторону, больно ударившись о стену.

— Не лезь! — рявкнул троуви, смерив жену злобным взглядом

Та замялась, обняла себя за плечи, поежилась и все же решилась:

— Монтррой, это можно использовать...

— Что?!!

— Э-э, влечение...

— Кого к кому?!! — и вдруг схватил за руку, подтянул к себе. — Влечение?! Он оскорбил мою сестру!! Унизил при всех и ее, и меня!! Выставил на посмешище! Теперь все решат, что я никто и ничто, а место Эльхолии скоро станет вакантным! Ты понимаешь?! Он отдал первый танец этой отвратительной, низкой, глупой твари! Он знал, что творит, знал,

какой вывод из этого сделают, но пренебрег! Вел себя, как фархи, ^[3]специально!! Сознательно!

Мужчина вновь уставился вдаль. Пальцы впились в перила.

— Монтррой, ты не должен поддаваться гневу, он плохой советчик, — робко заметила Массия. — Подумай, может быть, то, что случилось, к лучшему?

По лицу троуви пробежала нервная судорога. Он хотел схватить жену и вытолкать в шею, чтоб не лезла со своими размышлениями и советами, но одумался — это он всегда успеет. Взял себя в руки и бросил милостиво:

— Говори!

Женщина, заискивающе заглядывая в глаза супруга, спешно начала излагать идею:

— Его влечет к ней, можно сыграть на этом. Она, как ты справедливо заметил, абсолютно глупа и невозможно доверчива. При подобном скудоумии нетрудно будет подтолкнуть девчонку в объятия сегюр, тот не будет против, а там...останется лишь поставить в известность Рэйсли. При его нраве ясно, что он убьет обоих. Его, естественно, депортируют, лишат всех прав, и ...мы будем нипричем. Останется Эльхолия. Править будешь ты. Единолично.

— А куда ты денешь Гвидэра и наследников?!

— Их можно убрать, пока сближаем канно и сегюр.

Монтррой задумался: опасно, но заманчиво. И просто. Слишком просто. Значит, план обязательно натолкнется на непредвиденное препятствие. И может провалиться. Стоит ли тратить время на весьма шаткий проект? Он и так ждал год и не хочет терять еще. К тому же Иллан сильно изменился, стал плохо управляем, самостоятелен и непокорен. Троуви понимал, что не пройдет и пару лет, как он вовсе не понадобится сегюр, разве что как фиктивное лицо. Исполнитель. Не больше.

Жалобный, надрывный плач раздался некстати и прервал размышления мужчины. Настроение и так было отвратительное, а тут еще этот окэсто смеет кричать и нервировать его! Как Массия посмела привести ребенка в эту комнату?! К чему вообще она его завела?

— Вон!! Убери ее вон!! — закричал троуви.

И та поспешила успокоить дочь, пока Монтррой не вмешался. Малютка и так слаба и болезненна. Отец же ее не жаловал. Обращался, как с тэн. И капли отцовских чувств не испытывал. Берегла ее Массия, как могла, да не всегда удавалось. Нет, нет, попадалась девочка под руку троуви.

В такие минуты сердце женщины разрывалось от жалости к ребенку, и привязанность к мужу таяла, уступая место ненависти. Если б она знала, что воспылает любовью к девочке, привяжется настолько, что будет готова пойти против воли мужа, встать поперек, воспротивиться, а, возможно, и ...предать, то не стала бы заводить ребенка, чтоб сблизиться с землянкой.

А ведь ей говорили: "Материнские чувства сильнее супружеского долга"..

Ворковская сидела за столом, мрачная, как снеговая туча. Золотистая водолазка, от шеи до запястий, надежно укрывала от любопытных глаз следы супружеского пыла. Но ненависть и обиду, плещущуюся в синих глазах, прикрыть было трудней. На волю они рвались. Душа сатисфакции просила, глобальных масштабов. Так бы и резала Алена Рэйсли много, много дней, на кусочки распиливала, медленно и радостно, урча от наслаждения и повизгивая от восторга. Змея особо ядовитая! Нелюдь! Псих!

Много бы она о нем сказала во всеуслышанье. Не постеснялась бы, поведала окружающим снобам особенности психофизического состояния их правителя. Да такими бы эпитетами разукрасила «голубя», век бы не отмылся!

Да вот незадача, рядом он сидел, похохатывал, переговариваясь с гостями, одной рукой моккали щипал, другой Алену обнимал, нервировал, напоминая, что, как всегда, во всеоружии и любую эскападу жены готов упредить, задавить в зачатке. Взгляд наглый, самодовольный, тон надменный.

"Цезарь центурион"! Скривилась девушка, кипя от негодования и пытаюсь справиться с собой, начала усиленно поправлять угол епанчи, накинутой на плечи поверх водолазки. Ничего не получилось, душила ее злоба, руки не к кисточкам на подоле, к шее «милого» тянулись сами. Алена сцепила пальцы замком на колене и нервно покачивая туфелькой, закусила губу, чтоб не разреветься от жалости к себе и горечи разочарования.

— Что-то ты грустная сегодня. Скучно? — насмешливо спросил Лоан, заглянув ей в лицо.

— Ага, до смерти! — прошипела та в ответ, присовокупила лучезарную улыбку, нечто среднее между оскалом кугуара и мимическим тиком невратического характера, во взгляд вложила все свои чаянья о скоропостижной и мучительной кончине супруга и наградила Рэйсли этой гремучей смесью с чувством глубокого удовлетворения. Мужчина хохотнул, скривил ехидную гримасу и заметил:

— Визуализация мыслеформ не должна носить столь экспрессивный характер. Снизь эмоциональный фон вдвое, как минимум и тогда, возможно, у тебя кое-что и получится. Например, я уроню себе на ногу блюдо с эгрутто или сяду мимо кресла. Ты сможешь порадоваться моей неуклюжести...

— Ненавижу! — прошипела девушка, чувствуя себя абсолютно беспомощной и бессильной против этого бесчувственного истукана.

— Милая, меня всерьез заботит твое психическое здоровье. Ты постоянно повторяешься. Я слышал твое признание в «любви» раз пятьсот за последний год, стоит ли так утруждать себя? У меня прекрасная память и речь я воспринимаю адекватно. Столь частые повторы убеждают меня в обратном: это не ненависть — любовь. Трепетная и безграничная. Просто по скромности своей ты не можешь признаться прямо...или опять путаешь определения?

— Оставь меня в покое!!

— Здравая мысль и своевременная. А и оставлю, пожалуй. Надеюсь, ты не будешь без меня сильно тосковать? Не огорчайся, я буду неподалеку, зови, если соскучишься.

Алена проводила его испепеляющим взглядом и скрипнула зубами с досады. Любое из известных ей ругательств, включая самые низкие сравнения, были слабыми и неточными, не

подходили данной особи. Не отображали его суть в полной мере.

Рэйсли Лоан с самым любезным видом, на который был способен, вклинился в стайку девушек, незамужних дочерей флэтонской знати, и принялся развлекать, одаривая их своим обаянием. Гад! У Алены даже лицо перекосило, веко задергалось.

— У тебя сейчас пена изо рта пойдет, — шепнула ей Массия, присаживаясь рядом. — Успокойся. Ты что сегодня на себя не похожа? Улыбнись — смотрят.

Алена оглядела любопытствующие персоны и, борясь с желанием запустить в них близстоящие блюда со всем содержимым, натянуто улыбнулась. Вышло так себе.

— Еще пару усилий, — уговаривала женщина, чуть кивнула, и, хлопнув ресницами, изобразила для примера: накинула на лицо маску милейшего создания — изящный поворот головы, взгляд робкой косули, ресницы вниз, уголки губ вверх. Вышло не в пример лучше, чем у Алены. Та повторила, и пара особо любопытных уткнулась в свои тарелки, а еще пара застыла на пару секунд с растерянными лицами и спешно ретировалась.

— Страш-шная сила — красота! — брякнула девушка.

Массия выгнула бровь и закосила в сторону: " Действительно — страшная!"

— Я тебя улыбнуться просила, а не скалиться, как голодный лауг, — вздохнула женщина.

— У вас, кроме лаугов, еще какая-нибудь живность водится? — прищурилась Алена и облизнулась, глянув на Рэйсли, воркующего с миловидной, юной субреткой. — О, да! Хомо дегенератус!

— Новый вид? — качнулась к ней Массия и, сунув в рот пару зерен патули, зыркнула на сегюр. — Ревнуешь?

— Я?! — подпрыгнула девушка от возмущения. Женщина поморщилась: "До чего, не воспитана, прямолинейна и до скандальности неучтива! Абсолютно недалекое и до противоестественности откровенное существо". И, натянув на лицо маску светской любезности, осадила взглядом пару заинтересованных взглядов, бросив девушке:

— Да, что с тобой сегодня?

— Так, — вздохнула та, устыдившись, и брякнула. — Домой хочу!

— На Землю? — выгнула бровь Массия. По ее мнению, нужно быть совершенно невменяемым, чтоб стремиться на отсталую планету, мечтать о жизни в окружении варваров. Какой нормальный по собственному желанию, поменяет тающий во рту агуи на кусок горького туги? ^[4] Впрочем, это вполне в духе канно. И возможно, им с Монтррой на руку. Вариант. Еще один. И не худший.

— Вы поссорились? — догадалась женщина. Алена без лишних слов отогнула материю с запястья и выказала внушительный кровоподтек:

— И так по всему телу!

Конечно, она немного преувеличила. Чуть-чуть. Но на подругу впечатление произвела. Вот что главное. Та застыла с открытым ртом, хлопнула ресницами и шумно вздохнула:

— Кошмар! Как...О-о-о! Это возмутительно! Отвратительно! Это...

— Норма! И что мне делать? Может, подать на него в суд? Пусть все узнают, каков их правитель.

Массия немного растерялась: заманчиво, но бесперспективно. Женщина — собственность мужчины, и если флэтонец наградил жену парой синяков, значит, у него не было другого выхода. Значит, она заслужила. Ее и слушать не станут. Это всем понятно. Нет, с судом она погорячилась. Но ситуация интересная. Как бы ее использовать?

— Не думаю. Иск не примут: семейные дела разбирают внутри семьи. И потом, к чему вмешивать в это третье лицо? Сама попробуй.

— Как? Линчевать самостоятельно? Да, с радостью, только сил не хватит. Он меня взглядом раньше убьет.

— Нет, это не выход, нужно что-то менее радикальное, но с долговременным успехом.

— Например?

— Не знаю, — протянула Массия, и женщины задумались: Алена о своей незавидной доле, а та о том, как наиболее выгодно использовать ситуацию в собственных целях.

— А если надавить на жалость? — осенило Ворковскую.

— Жалость? — нахмурилась женщина, не понимая. Словарный запас канно всегда ее настораживал, будил воспоминания о программе по клинике патологических состояний. — Что такое жалость?

— Беспокойство, сожаление о содеянном, желание загладить свою вину.

— У Рэйсли? Ты хочешь возбудить в Рэйсли чувство вины? — не поверила Массия и хохотнула: забавно.

— Почему, нет? — немного обиделась Алена.

"Действительно!" — пожала плечами женщина, изобразив озабоченное раздумье: "Килпатрики тоже иногда с рук едят. Когда смертельно ранены".

— Попробуй. Беспокойство Лоан на пользу, но... не думаю, что у тебя получится. Он окэсто. Им чужды эмоции, проявления заботы. У меня есть предложение получше. Как ты относишься к привороту?

— К чему? — озадачилась девушка: вот это предложеньеце!

— К привороту, — хитро прищурилась Массия. — Есть у меня флакончик с зельем. Подольешь, и все твои проблемы канут в небытие. Ручным твой окэсто станет.

— Как Монтррой?

Массия неприязненным взглядом мазнула по лицу «подруги»: да, что ты можешь знать? И тут же потупилась, кивнув:

— Да. Средство действенное и верное. Раз выпьет и на всю жизнь — твой е безраздельное пользование. Будет делать, что захочешь. Возражать и мысли не возникнет.

Алена задумалась — заманчиво. То-то она удивлялась, до чего Монтррой с подругой ласков и тих, словно телок молочный. Вот оно в чем дело.

— Ты же говорила — воспитывать надо.

— Понимаешь, подобные вещи не афишируют. Я тебе, как подруге. Только никому, прошу. Это намного серьезней, чем ты представляешь. Если кто-то узнает, все закончится. Неприятностей будет очень много. Не подводи, я ведь из ...жалости...сочувствия.

"Тьфу! Ну, и слова! Знать бы еще, что они на земном обозначают. Язык сломаешь. Как она мне надоела. О, Анторис, помоги, затми ее разум... Впрочем, он и так у нее спит. И пусть не вмешивается. Давай, соглашайся!" — Массия чуть не притопнула от нетерпения. Если канно согласится, то лучшего выхода и не придумаешь. Был у нее флакончик с запрещенным лекарством, хранила с трепетом, на всякий случай. Даже Монтррой о нем не знал. Вытяжка из шугу. ^[5] Это опасней новейшего оружия. Запрещено под страхом казни. Под преждевременную смерть всех подводила, храня, но не расставалась. И не зря, может, ради такого случая и рисковала. И работы-то на час — слетать домой, тайник открыть и обратно, отсталой канно флакончик сунуть. Дальше не их забота. И виновных не найдешь.

— Да, не сомневайся, я плохого не посоветую и не предложу. Для себя берегла, но при

случае еще возьму, а тебе нужнее. Подольешься ему в фэй, в еду подмешаешь и через пару часов сама изумишься, до чего изменится. Только и сама отпить не забудь, чтоб наверняка подействовало. А то кому ж он поклоняться будет?

— А-а...если заметит?

— Нет. Жидкость без вкуса и запаха.

— А как действует?

"Моментально!" — у Массии даже сердце быстрее забило в предчувствии столь вожделенного и неизбежного финала.

— В состав зелья входит вытяжка 370 растений. При попадании в организм состав мгновенно воздействует на рецепторы и активизирует корковые ассоциации, вызывает импульсивное движение подкоркового механизма. Он воздействует на тонко энергетическом уровне, удаляя негативные мысли к раздражителю и возбуждая крепкую привязанность и потребность исполнять любые его прихоти. Для этого и надо, чтоб и ты выпила, чтоб энергетическая и тонкая структура Рэйсли опознала тебя, как единственный предмет внимания. В дальнейшем данная модель поведения закрепляется на уровне рефлексов, и ты становишься его хозяйкой.

Алена не поняла и половины, но прониклась:

— Неси, хочу быть хозяйкой!

Массия с готовностью сорвалась с места и вылетела из зала. Ее поспешность не прошла мимо цепкого взгляда Лоан незамеченной. "Интересно, что затеяла жена троуви?" В принципе, ясно, что ничего хорошего, но подробности знать хотелось. И по лицу жены понял — ждать не долго.

Через час в алькове танцзала мэно сунула Алене украдкой тонкую, маленькую пробирку с чуть зеленоватой жидкостью. "Миллилитров пять, не больше", — прикинула девушка и засомневалась: "А хватит ли?"

— И капли хватает, но чтоб наверняка, подели поровну себе и ему, — шепнула Массия, догадавшись о ее сомнениях, исчезла, растворившись в толпе гостей.

И вовремя. Через пару минут Рэйсли появился. Привалился плечом к стене рядом сложил руки на груди и вперил взор в разноцветную толпу гостей.

Алена напряглась, ожидая очередную каверзу, и дождалась.

Помолчал тот и спросил:

— И что нужно Массии?

— А что может быть нужно подруге от подруги? Непринужденное общение, ничего более.

— И только? Наша знакомая приобрела новое качество? Бескорыстие. Однако,...как быстро меняются люди. Да ты чародейка, милая. Монию в ангела превратить, и в столь короткий срок.

— Перестань ерничать! — ну, что за человек? Что характер, что манеры — красный перец чили. Мексиканский кактус в прикиде Элвиса Пресли. День без пакости — время попусту. — И не смей так отзываться о моей подруге! Она не змея, а прекрасный, умный, добрый, чуткий человек.

— Да ты что?! Ах, сколько достоинств! Подумать только, как это я их не заметил... А вот интересно, милая, встает ли она на твою защиту в подобных случаях?

— Однозначно — да!

Рэйс спорить не стал, лишь кивнул с ехидной ухмылкой и заметил:

— К твоему сведению, Массия флэтонка. Она в принципе не знает и не понимает смысла слов: дружба, подруга и, как ты там выразилась, "непринужденное общение". Так вот, она не из тех, кто будет попусту время тратить.

— Ты уникальный человеконенавистник...и женоненавистник! Что она тебе сделала? Что ты все время к ней придираешься? Оскорбляешь, приписываешь чужие грехи... Чем она плоха? Она старается помочь. Если б у меня было столько житейского опыта... — Алена смолкла и вздохнула: в который раз, она пытается ему что-то доказать. И что толку?

— И что бы было? — выгнул бровь Рэй.

— Ты бы стал, как Монтррой — ласковым, отзывчивым и вменяемым!

— А-а-а, понятно, — хмыкнул мужчина и вопросительно прищурился на жену. — Извечная мечта женщины о вменяемом мужчине?...Ищите красавца с характером слизняка, а когда находите, пускаетесь на новые поиски, теперь уже уродливого садиста с кошмарным нравом...чтоб потом всплакнуть о первом, посетовать на судьбу и поискать виновных. Это, кстати, ваше любимое занятие — искать. Не важно что — человека, предмет, качество. А еще облекать истину в фальшивые одежды. А что еще может предложить столь витиеватая психика?

— А твоя прямая: две шпалы в бесконечность! Ты не меня, себя поучи, на других посмотри — милейшие люди. Тот же Монтррой, добрый, умный, любезный. Приятный во всех отношениях. Он к жене физическое давление не применяет.

— Это намек на парадно-выходной пеньюар? Милая, я лишь пресек попытку унижить меня. И тебя обезопасил от сплетен и грязных домыслов. Метод насильственный? Ну, извини, другой способ объяснить очевидное ты не принимаешь. Но это не твоя вина — моя? Я плохой..., могу поспорить, стоит мне исполнить пару твоих незамысловатых желаний и я...вновь стану хорошим. — Рэйс развернулся к девушке, навис, насмешливо разглядывая. — Но самое интересное, что при этом я не изменюсь. Абсолютно. Изменится твое отношение ко мне.

— Да ни за что! Ты же... псих! Маниакальный синдром.

— У тебя?

— У тебя! Пожизненный. А у меня из-за тебя непроходящий депресняк и огромный комплекс неполноценности...имени Рэйсли Лоан! Ты постоянно издеваешься надо мной! Просто маньяк какой-то, озабоченный! И дня прожить не можешь, чтоб меня с паркетом не сравнить! Тупая, слепая, глухая, инвалидка психическая! Сама чашку до рта донести не могу, без твоего чуткого руководства! И во всем тебя должна слушаться. "Старший по званию"! В кого ты меня превращаешь?! В моллюск? Я и так себя бактерией чувствую! Надоело! Хватит! Я стараюсь, как могу: терплю, молчу, пытаюсь быть тебе хорошей женой, а ты хамишь, обижаешь, унижаешь. Что бы я ни сделала — все не так, да еще с намеками — дескать, что от умственно отсталой в стадии дебильности можно ожидать? А я до встречи с тобой была абсолютно вменяема! И слышу, и вижу, и анализировать умею не хуже! И вообще, я, между прочим, в отличии от тебя — реалистка, а вот ты махровый пессимист!

— К чему ж столько слов, милая? И не кричи, я слышу. Значит, ты реалистка? Наблюдательная, трезвомыслящая? Хорошо, докажи. Что ты о ней думаешь? — мужчина кивнул в сторону пары, стоящей невдалеке

— О девушке? — уточнила Алена. Миловидное, юное создание, хрупкого телосложения в серебристо-голубой тунике вызывала лишь жалость. Знает она таких. Бессловесные куклы, которых используют, а затем, бросают без объяснений. — Робкое, забитое существо, мини—

Эльхолия. Молода, неопытна.

— Да, смущенный румянец и наивный взгляд. И молода,... всего лишь за 90. Пустяк. Посмотришь: чудное виденье... только наблюдать советую издали, чтоб в живых остаться. Этот трепетный цветочек не далее, как вчера, восьмого мужа на погребальный костер возложил. И почти тотчас новый кандидат в мужья появился, тринадцатый, если мне память не изменяет, мужчина, что рядом стоит. Этот не старик, моложе вдвое. Он ее кузен, но не суть. Главное, занял должность фагосто. Эгрин, сын покойного Анзифэра. Лакомый кусочек для таких «неискушенных» субъеток, как Вэллота.

Алена растерянно хлопнула ресницами и вздохнула: черт знает что! Как она могла ошибиться? Кроткое создание несмело улыбалось стоящему напротив темноволосому красавцу, словно извинялось за то, что смеет на него смотреть, и рдело, как маков цвет. Нет, нет, ее взор устремлялся к глазам собеседника и был исполнен благоговения и безграничного обожания. А тот, что-то рассказывал с видом просветителя и защитника всего человечества, свысока разглядывая девушку. Алена бы ей лет 20 дала, никак не 90. Наивное, влюбленное создание..

— Я тебе не верю! — прошептала Алена, решительно ничего не понимая, и предположила. — Милая девушка, безответная скромница. И сразу видно — влюблена.

— Ага, — хохотнул Рэйс. — Какая «проницательность»! Бесспорно — «любовь». Она жгучая!

— Я серьезно!

— Власть, милая, вот и вся любовь. И внешность, как видишь, совершенно противоположна внутренней сути. Перестань судить по внешним атрибутам. Загляни в глаза собеседника, заметь не количество драгоценностей и не ухоженное личико, сдобренное кроткой улыбкой, а нюансы взгляда, каждый шорох души, отражающийся в нем. И ты поймешь, что внешний антураж обманчив, другое дело, что открывшаяся истина неприятно поразит тебя,... а этого не хочется, правда? Знаешь, в чем твоя беда?

— Ну, — нехотя протянула Алена, сникнув.

— В привычке четко распределять людей и события на два полюса: хорошо и плохо. Но с субъективной позиции, в зависимости от рожденных в твоей душе эмоций. Посмотрели на тебя с трепетом и обожаньем — хорошие, неприязненно — плохие. Тяжело так жить, Алена.

— С тобой тяжело! — буркнула девушка.

— Не во мне дело — в тебе. Нет добра и зла, пойми и перестань искать то, чего нет. Все это относительно и зависит, прежде всего, оттого, под каким углом ты смотришь на мир. И если тебе не нравится твоя жизнь, измени ее, начни с себя. Научись в плохом находить хорошее, ищи положительные моменты даже в самой отвратительной ситуации. Подумай, посмотри на мир внимательно.... может, не все так плохо? Может, наоборот, очень даже хорошо?

— Что ж хорошего в том, что ты ведешь себя омерзительно? Давишь, унижаешь...

— А ты представь, что я не обращаю на тебя внимания абсолютно — делай, что хочешь.

Алена недоверчиво покосилась на мужчину и, прикинув, что из этого выйдет, поморщилась, неприятно, однако, как бы и более неприятно, чем повышенное внимание...

А может и прав он: женщины столь непредсказуемы, что, зачастую, и сами не знают, что хотят. Когда ревностно следит за каждым шагом — не нравится, покуражиться назло хочется. На самом деле, подтверждение лишний раз получить — что нужна, видит он ее, слышит, внимательно следит и чутко реагирует. Любит.

А внимание не обращает — вдвое хуже, тут не от радости, от безысходности из кожи вон лезешь, устраиваешь, бог знает что. Лишь бы взгляд кинул, грамм интереса проявил, увидел, оценил, проникся. Нет, ничего больнее и обиднее, чем равнодушие избранника... Правда, не всегда мужчина знает, что он избранник. Выберет женщина, а сказать забудет или постесняется, или побоится, или ... Да, мало ли какие еще «или» можно придумать. Но это не оправдание: глаза-то у мужчин есть? И ум. Вон они как своей проницательностью и интеллектом кичатся! Значит, с полувзгляда понять должны, проникнуться...

Не зря Алена наряд готовила, надеялась, словно вызов бросала. Она и макияж придумала, креативный, чтоб мало не показалось, "боевая раскраска ирокеза" называется — такую не заметить, слепым надо быть. Вот только на кого ж она впечатление произвести хотела? На Рэйсли или на Иллана? Или на того, кто подвернется? В надежде на приемлемый вариант? А дальше чтобы делала? Изменила?

Бр-р-р! С чужим мужчиной?! Нет, с другим постельное randevу ее не прельщало, да и Рэй, хоть и сволочь, но не до такой степени, чтоб его чело рогами украшать. Нет, что-то она не додумала, погорячилась, однако.

Алена виновато посмотрела на мужа и тяжело вздохнула: и как у него получается всегда и во всем правым быть? Даже зло берет!

Лоан улыбнулся, обнял жену и решил от излишних переживаний отвлечь. Поняла, прониклась, хорошо, нужно закрепить урок.

— Хочешь, я тебя со своим другом познакомлю? Господином Гэ-шу, — прошептал.

Неожиданное предложение и удивительное. Насколько ей было известно, Рэй друзей не имел, потому и чужих не жаловал, а тут..

— Хочу! — кивнула с готовностью: как не познакомиться с рискованным человеком, способным, как и она, переносить нрав Лоан? Мужественная, видать, личность, выдающаяся.

Ага. Очень выдающаяся. Издалече видать. Утес. Отвесная скала с плоским, чуть поросшим мхом плато. И редкий лесок.

"Плато, наверное — Гэ, а лесок- Шу"- решила Алена, когда они приземлились на поверхность.

— Ничего себе, дружок, впечатляет, — кивнула она, поглядывая вниз с края. Камни одни и высоко...впрочем, после пережитого полета — так себе. Если б Рэйс не устроил ей встряску, показалось бы — ого-го! А после фланирования над землей на высоте птичьего полета всего лишь с плоской коробкой за спиной и Гималаи кухонным столиком покажутся. Подзарядилась Алена адреналином — на пятилетку вперед. Впечатлений получила — век не забыть.

Привел ее муженек на крышу туглоса — круглую сферу, обнесенную витыми столбиками с широкими перилами, нацепил коробку размером с папку, ремни закрепил и себе то же сделал. Потом вскочил на перила и ее рядом поставил. Она и взвизгнуть не успела, как оказалась на высоте не меньше башни Останкино. Ветер, предрассветный туман...Жуть! А не выскажешь молохольному, что о нем думаешь: не то, что говорить, шевелиться страшно. Качнись и все, будет из Ворковской лаваш на метр семьдесят пять. Далеко вниз лететь, всех пращуров до 7 колена вспомнишь, грехи отмолишь, да еще и причаститься успеешь.

Острых ощущений она, конечно, жаждала, но не таких, бог свидетель. Знала б, что Рэйс настолько чокнутый, памперсами б запаслась, во весь рост.

Тот с довольной усмешкой схватил ее за руку и вниз увлек.

Минут пять вой ветра в ушах с Алениным надрывным: "У-у-у, А-а-а!!!" сливалось.

Глаза-то, не судьба была, открыть.

Землю ждала. Шлепок и ...смятка.

Нет, технологии братьев — флэтонцев достигли небывалых размахов. В этом она убедилась в который раз, после того, как Рэйсли дернул ее за руку и умоляюще попросил:

— Алена, перестань выть, пожалей мои уши!

Открыла глаза. Следом рот сам открылся. Так и летела над землей, выпучив глаза с отвисшей челюстью, волосы, как крылья, руки, ноги в позе подкошенного энцефалитом трупики околевшей лошади. Встретилась бы какая птица убогонькая, вниз бы грянула, от переизбытка впечатлений ополоумев. Но не повезло, не узрела живность пернатая чучела парящего, зело мудры флэтонские птичекрылы по гнездам благоразумно рассиживали и в небо клювы не совали.

Хорошо, летели недолго, всерьез скончаться Алена не успела.

Поставил ее Рэй на плато и озадачил:

— Знакомься, мой друг и товарищ: Гэ-шу!

Соображала долго, мужчина на мхе развалиться успел, взгляд в небо впери, Уэхо ждал.

Алене же не до рассвета было и красивый пейзаж не радовал: дорога домой беспокоила. И так покрутилась, и эдак, и там посмотрела, и тут, и выходило, возвращаться им придется тем же путем. Не сказать, чтоб это порадовало. Обеспокоило — факт. Экстрим ей теперь только в виде телеклипов нравился. Но муж, естественно, не спрашивал, рассвет встретил, достопримечательности рукой обвел, показывая, и домой потащил. А когда на крышу приземлились, выразил благодарность:

— Это были самые тихие и прекрасные часы в моей жизни. Ты необычайно мила в своем немногословии.

Она б ответила, да словарного запаса не хватило. И челюсть с языком подводили. Да и с головой не порядок был. Коллапс мозгового вещества и нервной системы в целом.

Потом она много ему сказала. Но мысленно. Вслух уже ничего говорить не хотелось.

Ну, что за бардак! Просто покемонство какое-то!

Ворковская в сердцах пнула бордюр и взвыла. Больно!

— Идите, госпожа, — ласково посоветовал Стейпфил. Взгляд полон нежности, как у разбойника с большой дороги. Кистеня в ручищах не хватало.

Алена надулась, как рыба-шар, попытала, посверлила колючим взглядом ретивого стражника, плюнула мысленно на всю охрану и ее начальника скопом и, развернувшись, побрела к туглосу. Все равно не пустят, да еще и Рэйсли наябедничают. Вечером опять разбор полетов устроит, ему только повод дай.

— Чего гарна дивчина не весела, чего нос повесила? — раздался радостный голос. Алена вздрогнула от неожиданности, огляделась и увидела кожаные мокасины...над своей головой. Сергей сидел на навесе, над лестницей и отсвечивал белозубой ухмылкой.

— Под птицу маскируешься? Зов души или приказ начальства?

— Ну, так... эгрис [\[6\]](#) поправить... вчера еще, вот, — развел руками парень и спрыгнул на мох.

— Понятно, Сергей птица гордая, пока не пнешь, не полетит.

Парень хохотнул, отряхнул ладони и хитро прищурился:

— Так мы, гляжу, из одной стаи, только направление полета разное...

—..И размах крыльев! — дополнила девушка и, надув губы, плюхнулась на ступень.

— Понятно, — вздохнул парень, присаживаясь рядом. — В эфришь собралась? А он не пустил, да? Ах, "наглец"!

— Да, ну, тебя! И так тошно! И не в эфришь я собралась, а в шигон Аваншэлли.

— У-у-у, — закатил глаза парень. — Что там делать-то?

— По Массии соскучилась!

— Ага? — не поверил Сергей.

— Ага!

— Ну, раз "грусть печаль тебя снедает", позови подругу сюда.

— Да, чтоб Рэй ее взглядом придушил?

— Ой, можно подумать, ее это подкосит, — скорчил ехидную гримасу парень.

— Меня подкосит!.. Да, и не поговоришь спокойно. Уши вон в каждом квадратике паркета.

— О-о! Что ж вы за страшную тайну обсуждать собираетесь? Уж не революцию ли устроить задумали? Государственный переворот вашими молитвами намечается? Кого на трон? Кого на кол?

— Примерно.

Алена покосилась на земляка и призадумалась. Хотелось ей планами поделиться, но сомнения одолевали. Не выдаст ли? Поймет ли?

Нет, не один день вместе. И не раз уже тайны доверяла, и не подвел, не выдал. Не болтлив он, да и свой, не агнолик какой-нибудь. И не глуп, может, посоветует что? А поймет или нет...ну, посетует, понудит, не привыкать, переживет она. "Любят мужчины с высокомерной патетикой нравоучительные монологи в жизнь толкать. Все причем. Это у них, как визитная карточка. Отличительная черта и объединяющее всех особей мужского пола свойство. А мы в качестве «благодарных» слушателей, планида наша такая. Доля

женская, тяжкая".

— Понимаешь, Сережа, — решила Алена. — Мы помирить их решили. Домой я хочу.

У парня брови взлетели вверх, растерянный взгляд ощупал девушку на наличие видимых повреждений, и ничего не нашел. Странно...

— А можно подробно? Но медленно. Я что-то связи не улавливаю. Стар, наверное.

— У-у-у, ты, Господи, маразм кругом! Что не понятно-то? Я хо-чу до-мой! Ясно? Не век же мне здесь сидеть. Я что, приговорена к пожизненному лицезрению психопата упыриподобного? Хватит с меня. Смотри, что устроил: роту агноликов до дивизии расширил, ступню поставить некуда, скоро в сортир за мной ходить будут. И все следят, активность проявляют. Не удивлюсь, если завтра блиндажей по периметру нароют, противотанковых ежей натыкают и комендантский час объявят! И главное, из туглоса не выйдешь, вот и сидишь дома, как бабка старая, глазами заунывный пейзаж протираешь. Так и шизу словить недолго. Маячит уже, близэнько. Как представлю: такими темпами до смерти, и у детей то же самое, подбрасывает меня, выть хочется. В общем, полный туглос! — Алена передохнула, поерзала, на парня покосилась: понял, о чем толкую?

Сергей ресницами хлопал и внимательно смотрел на девушку. Мучил его один вопрос еще со времен бурной молодости, и вот в такие моменты особенно остро ответ знать хотелось: почему на анатомическом атласе человека и у мужчины, и у женщины мозг одинаково расположен — в голове, если у первых он явно проявлялся на деле, обозначая свое присутствие соответственно анатомическим данным, то у вторых отсутствовали и малейшие признаки его зарождения, и в любом другом месте?

— Пока Иллан с Рэйсли в ссоре, меня так и будут стеречь, не вырваться, а если их помирить, то надзор ослабнет. Я спокойно сбегу. И еще пара плюсов: у Эльхолии... неприятности с Илланом. Он ни одной ночи с ней не провел, представляешь? Месяц женаты, а он, гад, такое творит!

— Вот это понятно. И объяснимо. Я б тоже в сепришь перебрался от этой мойвы свежемороженой подальше. Хотя я б до алтаря не дошел, по дороге затерялся.

— Даже так?! — возмутилась девушка, глаза мгновенно вспыхнули от злости.

— Да, шучу я. Так к чему ты это? — слукавил парень, спешно переводя разговор в мирное русло. Не успел бы, замучила б она его рассуждениями о развитии «животноводства» в отдельно взятом регионе. По всем бы мужчинам прошлась, умыла, отполировала и высушила.

Это ладно, понятно, женская солидарность, что и мужская, шгука замысловатая. Но отчего злобы столько в глазах появилось?

Алена поморщилась, опять поерзала — что-то в ягодицу колело и не слабо, и продолжила:

— Я к тому, что, если их помирить, Рэйсли на Иллана сможет повлиять, в лоно семьи вернуть, на путь истинный наставить...

— Аминь, — насмешливо фыркнул парень.

— Да! Эльхолия хоть плакать перестанет! Да, и мне спокойней будет: не просто бросила, на брата оставила, в семье. Не один будет, ...присмотрят, если что, помогут..

Сергея улегся на лестницу и взгляд в небо впери — молчал.

— Что молчишь?

— А что говорить?

— Ну, что ты об этом думаешь?

— Правду сказать? Бред! Белая горячка! Сама же понимаешь.

— Почему бред? — озадачилась девушка.

— О-о-о, как все запущенно! — качнул головой парень. — Потому, что это фантазия!

Причем убогая.

— Это почему? — начала закипать Алена: мало, сидела на чем-то остром, мучилась, терпела, так еще и оскорбляют. Зря, получается, она распиналась!

— Первое: как ты их мирить-то собираешься?

— Пикник устроим, с Эльхолией. За стол посадим и накормим. Ты же их традиции знаешь, с кем за одним столом пищу вкушали, против того козни строить грех. Придется им мириться.

— Ага, и как ты их за один стол посадишь? Накормишь? Роту агноликов подговоришь, чтоб те их придержали да еще и покормили? Мало, всю дивизию подговаривать придется. Думаю, сама понимаешь, идея бесперспективная.

— Вот поэтому я с Массией и хотела встретиться. Она женщина умная, придумала б что-нибудь. Монтррой подключила. В конце концов, это и в его интересах. Сестра страдает...

— Ага, — скривился парень. — Мечтать не вредно. Мог бы он, давно б что-нибудь и без тебя придумал. И потом, если Иллан своего троуви не слушает, то и брата тем более слушать не станет. Да и Рэй в их дела не полезет, у него с головой нормально.

— Это ты на что намекаешь? У меня значит ненормально?

— Это не я сказал — ты.

— Ах, ты!.. Значит, я ненормальная?! Я тут для всех стараюсь...

— И для себя, в первую очередь.

— Это почему для себя?! Мне что ли надо, чтоб эти дегенераты, наконец, об ухах кровных вспомнили?! А Иллан чтоб по сепришам не ходил, мне что ли надо?!

— Ага. Ты ж сама сказала — домой хочу и путь изложила. Помирю. Детей и мужа брошу. Ноги в руки и домой, пирожки мамины кушать, в потолок плевать и ...

— Я детей брошу?! Я говорила?! Да ты!.. Да я!..Чтоб детей?!.. — у Алены лицо от возмущения перекошило, веко задергалось и слова разбежались.

— Ага, ты! Я думал, ты уж думать о доме забыла, поняла, что не светит, а ты за свое. Ты думаешь Рэй из-за натянутых отношений с братом охрану держит? Или свою жизнь бережет? Тебя он, дура, бережет! И детей! А помирятся они с Илланом или нет, здесь роли не играет. И помирятся они, когда сами захотят, не раньше, и не по вашему желанию, общественному хотению. А Агнолики все равно останутся. И не сбежать тебе. Ни одной, ни тем более с детьми. Рэйс свое терять не привык, и послушай дружеского совета: даже не пытайся приучить. Что тебе вообще надо?! Что вам бабам нейметса вечно?! И что за натура подленькая?! Все с подходцами, "во благо", а на деле... Корысть! "Домой ей хочется". Перехочется! Сиди и молчи. Мужик для тебя все, а ты детей у него из—под носа воровать собралась, в "благодарность"!

— Воровать?! Это мои дети! И не смей на меня кричать! Вот поэтому я и хочу домой! Там свобода! А здесь каждый норовит надавить, поиздеваться, по составным личности пройтись, патологию выявить, и ладно б, сами чистые и непорочные были, так ведь — нет! У-у-у!..Я тебе, как другу, а ты!.. — Алена вскочила, сверкая глазами, рванула вверх по лестнице. и вернулась. Ткнула пальцем в Сергея. — Если ты кому-нибудь скажешь...я тебя на фарш пушу! Знать тебя больше не хочу! Шовинист!

И вновь рванула вверх. Парень поднялся следом, посмотрел недоуменно. Алена опять вернулась, чувствами переполненная — лицо красное от натуги, злое. и смешное.

— И чтоб больше на глаза мне не попадался!! — выдохнула высокомерно.

"В госпожу поиграть решила"- понял парень, ехидно скривился, смерил презрительным взглядом и кинул:

— Неврастеничка.

— Ах, ты... — задохнулась Алена от обиды, губы надула в попытке достойно ответить и бросила. — Урод! И уши у тебя...локаторы! Чебурашка!!

И вверх рванула.

Сергея заключил пари с самим собой, что она вернется, подождал и проиграл. Не вернулась. Оставила парня в растерянном размышлении над загадкой произошедшего: что же это было? Какая местная букашка ее укусила? И... из-за чего они собственно, поссорились?

Н-да, масса вопросов и ни одного ответа.

Парень пожал плечами и пошел докладывать Стейпфилу о выполненной работе. Бог с ней, с Аленой. Мало ли что с ней, может, кофточку не того фасона одела или фэй на завтрак перепила? А ты голову ломай над загадочностью женской природы...

Девушка, как вихрь, пронеслась по залам и влетела в ванную комнату. Ее тошнило от ярости и обиды. "Да как он смел?!!" — крутился в голове один вопрос.

Алена пнула стену с горя и глянула на свое отражение в зеркале. Оно не порадовало, но моментально отрезвило. На нее смотрело пугало: волосы в разные стороны, лицо красное, глаза безумные.

— Неврастеничка... — вздохнула она. — Клиника на лице.

Это удручало, и на смену обиде пришло смятение, а затем и чувство вины возникло. Что это с ней? Что на Сергея накричала? Обозвала,...вела себя, как идиотка,...хуже. Может, белены объелась? Что там сегодня на завтрак было?

Алена тщательно умылась, причесалась и опять в зеркало глянула: лицо розовое, как у молочного поросенка, и пятнами, как у больного проказой. Это ж надо так себя довести! И из-за чего, спрашивается? К Массии не пустили! А то раньше отпускали.

Что ж теперь с Серёжей делать? Прощения попросить? А он простит? Вела она себя прямо сказать, как параноик. Нет, это мягко сказать.

Может, Сережа и простит, да захочет ли общаться? Она б не захотела. Дважды на одни грабли наступать, не ее стиль. Одного раза хватает.

И почему же так жарко?

Алена рванула ворот рубашки, освобождая горло, и посмотрела вверх: где кондиционеры? Они вообще работают? Всегда прохладно, а сегодня назло ей сломались?

Нет, не в кондиционерах дело, их нет и не было. В ней. Не так что-то. А что, понять не может, мысли разбегаются. И странно так: одна ползет, другая стоит, третья прыгает, как шарик для пинг-понга, не поймаешь.

— Госпожа, я принесла ваш любимый травяной коктейль! — проворковала с довольной улыбкой Зила, неожиданно появившись в комнате с подносом наперевес. Алена глянула на бежевую жидкость в стакане и почувствовала острый приступ тошноты. "Кто тебя звал?" — хотела спросить Ворковская, но вместо этого крикнула:

— Кто тебя просил?!! Пошла вон!!! — и склонилась к раковине.

Зила вздрогнула от неожиданности, отпрянула и выронила поднос. Стакан звякнул. Девушка с ужасом посмотрела на пол, потом на госпожу и спешно ретировалась за дверь. Госпожу тошнит, на полу лужа, и всему виной она. Накажут, ой, накажут! Помоги Оби, чтоб в кьет не отправили, спаси...

Рэйс лениво дожевывал листья футуги и слушал непринужденную болтовню Дэйкса. Настроение было минорным, обед сытным, собеседник приятным. Все, как всегда, вот только уже месяц, как что-то тревожило сегюр и не давалось. Зудело в сфере подсознания, не отпуская, а в разумную причину не облакалось. Непривычное и оттого удручающее состояние нервировало Лоан, и тот раздражался по пустякам, ходил хмурый, недовольный и ждал, сам не зная, чего.

В зал без приглашения стремительно влетел Стейпфил и встал напротив сегюр. Лицо мертвенно бледное, взгляд смертника, кулаки сжаты.

Рэйс замер, предчувствуя плачевные вести, и медленно поднял взгляд:

— Говори.

Стейпфил лишь разжал кулак и осторожно положил на стол прозрачный маленький кубик. Внутри суетливо бегал пушистый, темно-зеленый паук, размером с зернышко моккали.

Дейксклиф застыл с чашкой в руке. Лоан не хотел верить своим глазам. Шугу! Вестник смерти. Ее верный слуга и помощник.

— Откуда? — то ли прохрипел, то ли простонал сегюр.

— Из детской, — еле слышно ответил страж и низко опустил голову.

Чашка выпала из руки троуви. Рэйсли качнуло, краска мгновенно схлынула с лица:

— Кто? — это был не шепот, агональный выдох. Душа завывла смертельно раненным зверем, надсадно, безутешно.

— Гвидэр.

Дэйкс шумно вздохнул, оттер испарину со лба.

Рэйс зажмурился на минуту, разжал кулак, и каша из смятых листьев футуги шлепнулась на стол. Еще минуту сегюр оттирал ладонь, приходя в себя, и, наконец, встал:

— Как? — голос был спокойным и внятным. Это подействовало на стража, как холодный душ, и он медленно, отрывками, начал излагать произошедшее:

— Он. был с сейти. Играл. Потом упал. Позвали нас, мы — Эллана. Яд свежий, не растворился полностью. Тот опознал, мы ...нашли. В ухе. Дети целы. Модраш защитил их.

— Чудо, — выдохнул Дэйкс.

— Ты уверен? — спросил Рэй. В голосе появился металл. Взгляд морозил душу.

— Да. Эллан проверил на пять раз. Дети невредимы. Комнаты и залы проверены. Ничего.

Лоан кивнул и приказал:

— Ты знаешь, что делать. Пора. Сейчас же. Бери всех. Головой отвечаешь.

Мужчина низко поклонился и спешно покинул зал. Рэйс проводил его взглядом и посмотрел на троуви:

— Узнай, как шугу попал в детскую.

Тот встал и, кивнув, вышел. Зала опустела, и сегюр дал выход эмоциям: обрушил кулаки на стол, смахнул всю посуду на пол.

Алена оттерла ладонью влагу и тряхнула волосами: "Здорово! Что за денек? Все кувырком... Понятно, теперь все понятно. Нет, можно, конечно, представить себе, что это не токсикоз, а нервный припадок. Неделю! Как там Рэй говорил: "Ищи хорошее даже в плохом.." Ага, мне хорошо, у меня все замечательно, только положительные ситуации. Ребенок вот будет... Третий! А на фига он мне нужен?! Мне б с двумя справиться, куда третьего? И все Рэй! Контрацептивов у них нет что ли? Зачем мне сейчас ребенок, зачем? Все планы порушил! Куда я теперь? Отложить на год? Тогда на два. А если там опять?... Это я дома появлюсь лет через 50, с футбольной командой! Кошмар! Да, что ж это такое!"

Девушка всхлипнула и хотела расплакаться, да остановилась — это всегда успеется. Призадумалась и нашла решение, гениальное, с ее точки зрения, и простое, как водится: "Гинекология! Аборт! Есть же ведь у них женские консультации? Есть, наверняка. Нужно сделать аборт, чтоб Рэйс не узнал, и ...домой..

Убить ребенка?

Меня Рэй убьет...

А куда она с жутким токсикозом? Нет у нее выхода. Разумная жестокость: убьет одного, спасет двоих.

От кого?

От ...Рэйсли...

Он отец, и не самый худший.

Да, нет, прекрасный, заботливый, но ...она не хочет больше детей. Не нужно ей..

Страшно? Боишься якоря? Навсегда с ним — и никакой Земли.

Да, боюсь. Он жуткий человек...

Может, не он, ты — жуткий человек?

Алена тряхнула головой: что это с ней? Сама с собой разговаривает. Раздвоение личности? Вот она какая, шиза. Нет, господа гуманоиды, хватит! Потом я о гуманности поступка подумаю, свой моральный облик разберу, ...подлатаю, почищу, покрашу и засияет, как новенький, но на другой планете — дома! А сейчас... Как бы узнать, где у них больницы? О, Эльхолия!

Девушка помчалась на половину Иллана.

Иллан вглядывался в восковое лицо отца и пытался осознать его смерть, понять произошедшее, но не мог.

Рэйс, сложив руки на груди, стоял с другой стороны тела и хмуро поглядывал то на него, то на Гвидэра. Странно, после свадьбы с Аленой Гвидэр, казалось, перестал играть в его жизни значимую роль. Он существовал и все. Как воздух, как предметы мебели, не больше. И чувств вызывал столько же. А теперь, когда ушел... Рэйсли овладевала печаль, сожаление о недосказанном, ведь он так и не услышал от отца: "Как прошел день?" "Я горжусь тобой, сынок". Он так и не понял — нужен ли был отцу? И теперь никогда не узнает. Иллан? Тому и тяжелей, и легче. Он знал, что чувствовал к нему отец, но теперь без его руководства и опеки тому будет непривычно. Справиться ли? В этом отношении Рэйсли легче, он с детства независим и самостоятелен и полагаться привык лишь на себя, и помощи ни от кого не ждал и не ждет. А она понадобится. Скоро. Любому ясно.

Кто же подкинул шугу в детскую? Как он туда попал? Иллан? Нет. Убить отца он и мысли не допустит... Впрочем, отца ли? Детская для детей. Неужели все-таки он? Хотел одно, получил другое... А если не он, то кто? Кто?!

— Теперь мы одни, брат, — тихо заметил Иллан и с надеждой посмотрел на Рэйсли. Тот нехотя кивнул.

— Теперь мы должны быть вместе. Время глупых ссор прошло. Давай забудем все, что было. Пора... вспомнить, ... что мы одной крови, мы братья. Нам вместе жить и править, — Иллан подошел к Рэйсли и заглянул ему в глаза. — Я ... приношу свои извинения. За то, что было. Давай забудем и попытаемся... понять друг друга. Я... не хочу больше терять. Мне... хватит отца..

В комнате повисла тишина. Рэйс с каменным лицом сверлил брата испытывающим взглядом и думал, Иллан напряженно ждал. Наконец, младший сегоюр медленно, словно нехотя, положил ладонь на плечо брата и разжал губы:

— Принято.

И тотчас пожалел о том, развернулся и вышел.

Эльхолия приняла подругу на балконе, усадила на диван, половину заученной фразы гостеприимства произнесла и не закончила.

Алена не дала. Прервала, сбивчиво изложила подруге суть дела и попросила помощи.

В глазах девушки сначала появилось недоумение, потом растерянность. А затем презрение, граничащее с омерзением. "Низкая тварь! Да, как она смеет!.. Как язык поворачивается?! Как мысль подобная может зародиться?! О, боги! Где же ваша кара?! Почему вы не убили эту мразь, как только она подумала о подобном! Почему, почему вы опять даруете ей дитя? Не мне, ей?! За что этой? ..."

Эльхолия сорвалась с места и отошла, вцепилась ладонями в перила. Ее возмущение не имело границ и готово было вырваться наружу грязным потоком оскорблений, но она не опустится так низко, как эта канно. Она флэтонка, жена правящего императора, а не какая-то рабыня с отсталой планеты!

Алена сникла: понятно, Эльхолия не одобряет ее задумку. Но что же тогда делать?

— Пойми — детям лишь год, они еще малы... Этот токсикоз, состояние хуже некуда... Думаешь я решилась бы на подобное?

— Рэйс тебя убьет! — выдохнула девушка, не поворачиваясь, и подумала: "А я с удовольствием помогу!" Видела б Алена лицо подруги, поняла бы говорить не о чем. Но она не видела. Перед глазами плавали блеклые пятна, голова была тяжелой, как с хорошего перепоя, и ... в ягодицу что-то колело.

— Да, что ж это! — вскочила она и сунула руку в задний карман брюк. Резкая боль в пальцах напомнила, "что же там такое". Флакончик Массии. Она положила его в карман утром, еще одно гениальное решение: под рукой всегда, удобно, чуть Рэйс зазевался, отвернулся, она успеет в чашку подлить, а так, побегай, пока сходишь, пока принесешь, момент упустишь. И так месяц тянула. Правда, вел он себя эти дни приемлемо, даже весьма, и оттого Алена о зелье и не вспоминала. А вот сегодня вспомнила, применить решила: с чего вдруг? И ведь проверила, не стала на слова Массии полагаться. С трудом плотную крышку открыла, треть жидкости выплеснулась, к досаде девушки, зато убедилась: без запаха жидкость, без вкуса, вода-водой, чуть зеленоватая, правда, да в фэй не видно. Две трети в тонкой пробирке осталось, и Алена засомневалась — хватит ли? У Массии спросить хотела,

...спросила. Флакон разбился, полный карман осколков. Похоже, когда хлопнулась на ступени с Сергеем поболтать, тогда и разбила. Ну, что за бардак! Что ж ей сегодня так не везет!

Ворковская, чуть не плача с досады и сожаления, начала вытаскивать осколки, рняя пальцы. Мелкие осколочки, острые.

— Да, что ж это! — топнула она ногой, и кровь с пальцев облизнула. Лицо несчастное, жалостливое. "Почему флакончик-то из стекла? Какого черта? Все из небьющегося, а этот из стекла. Нарочно, что ли? Издевательство!"

Эльхолия посмотрела на девушку и головой качнула: и как такие живут? Как вообще на свет появляются? И подошла помочь "юродивой".

— Что у тебя там? — пальцы в карман сунула и поранилась. Вскрикнула, палец к губам приложила, кровь, унимая, и на девушку воззрилась, как на картину сюрреалиста: то ли она чокнутая, то ли картина не для ее ограниченного ума.

— Порезалась? Я тоже, — виновато поморщилась Алена. — Стекло..

— Откуда? — удивилась Эльхолия, головой качнула: что с таких возьмешь? И кивнула в сторону апартаментов. — Пошли в ванную

Пошли. Вытряхнули все осколки в прессовку мусора. Карман тщательно вытерли и себя в порядок приводить начали. Алена инструкцию Массии хорошо помнила. Оттого за Эльхолией пристально следила, чтоб пальцы та хорошо промыла, а то попадет той капля в рот, и воспыхает к ней страстью Рэйсли, а Алене это надо?

Эльхолия уловив подозрительный взгляд подруги, замерла: это еще что такое? Зрачки огромные, взгляд сердитый, лицо красное, мокрое..

— Что с тобой?

Та пальцы в рот сунула, кровь, останавливая, и не мигая, смотрела на девушку. Складывалось впечатление, что соображает Алена плохо, если вообще соображает. И вид, и поза, и взгляд, того и гляди, кинется. Был бы повод. Эльхолия насторожилась и вздрогнула — сухо прошелестела открывающаяся дверь, и на пороге возник Иллан. Застыл на минуту, с недоумением рассматривая женщин.

Алену качнуло, в ушах стоял грохот открывающейся двери и серые глаза, неожиданно возникшие в поле зрения, смыли остатки непонятного гнева.

— Сероглазый... — прошептала она и вновь качнулась. Иллан схватил ее за плечо, придерживая, и вопросительно посмотрел на жену:

— Что происходит?

Та пожалала плечами, потупив взор. Роль безответного кроткого существа сейчас ей давалась как никогда трудно. Ладонь к рукоятке мужниного стилета тянулась — убить бы обоих!

— Я...так... в гости зашла... — с трудом произнесла Алена, оправдываясь, и тут же руку парня стряхнула, гордо выпрямилась: за что ей оправдываться? Что было, то было. Подумаешь, снился..

Странные слова и голос тихий, надтреснутый, да и вид...Иллан нахмурился:

— Переживаешь?

— О чем? — встряла Эльхолия, но ее не услышали. Алена огляделась вокруг, соображая, где находится, и, махнув рукой, шагнула из комнаты:

— Adios amigos! А кондишены у вас тоже не работают. Бардак. Весь ваш Флэт.

Нечего ей здесь делать! Душно и все в дымке, хоть бы проветривали помещения...

— К детям пойду, — кивнула она сама себе. И то верно. Там наверняка порядок: прохладно и ясно. И Гвидэр ...Нравилось ей смотреть, как старик с детьми играет. Зря она его снобом считала. Не плохой он мужчина, обходительный, мудрый и добрый. С ней ровен и уважителен, а если и ворчит, то редко, а что нудный да вредный, так неизвестно, какими они в его годы будут. Рэйс вон наверняка...Нет. Что "нет"?

Алена тряхнула головой и качнулась: да что это с ней?

Иллан проводил девушку озабоченным взглядом и посмотрел на Эльхолию:

— Она не в себе?

"Это ее нормальное состояние" — подумала та и пожала плечами.

Иллан покачал головой:

— Еще не хватало, чтоб она заболела. Землянки ...максимум три года и уходят. Хрупкие..

Искреннее сожаление в голосе супруга вызвало у девушки приступ ярости:

— Ничего с ней не будет! И не стоит она твоего внимания! И заботы не стоит!

Мужчина прищурился, с удивлением и интересом рассматривая жену: оказывается, она не так уж кротка. Интересно, очень интересно. Может, он просто не рассмотрел ее? Сколько страсти в голосе, блеска в глазах.

Иллан вплотную подошел к жене, обнял и, приподняв за подбородок, улыбнулся:

— Вот ты какая...

Эльхолия ждала гнева, наказания за несдержанность, но вместо этого ее одарили теплом и вниманием. Это было столь неожиданно, что она забыла роль инертного существа, не потупилась, а улыбнулась в ответ, нежно погладила парня по лицу и решительно заявила:

— Не хочу, чтоб ты уходил, я скучаю.

Иллан с болью посмотрел на нее:

— Сегодня мне придется уйти. Отец...мертв.

Алена вглядывалась в знакомый интерьер и не могла понять: где все? Может она не в детской? Но вот же — по стенам бродят животные, птицы под потолком летают, игрушки разбросаны... А где степсерки? Эти отточенные мечи самураев? Эскадрон гадюк гремучих? Спят? С детьми? Где? В шкафу?

Там никого не было.

Кой черт происходит? Что за инсинуации? Горячка ее что ли сегодня накрыла?

Алена качнулась и вновь огляделась, шатаясь, прошла по комнатам: никого. Ею начал овладевать страх. Может, Рэй узнал что-то и решил ее наказать, лишить детей? Нет, он не может так поступить! А если... с ними что-то случилось?

Ах, ты мамаша! Вот тебе за подленькую мысль об аборте! Не хотела ребенка, и вот нет двух!

— Как же это? Как же?! — взвыла она и заметалась в поисках, закричала, как раненная рысь.

Рэйс смотрел в окно и ничего не видел, с таким же успехом он мог бы смотреть и в стену, и на троуви, который с виноватым видом докладывал итоги расследования. Безрезультатные. Ни виновных, ни подозреваемых, ни причины, ни следствия. Только труп Гвидэра да опустевшая детская. А еще враг, невидимый, хитрый, наглый. Догадайся, кто? Чужал Рэйс — рядом он, и как не хотелось на брата думать, а мысли сами к нему возвращались. Чудовищно, низко и подло! На детей!.. Только бы доказательства найти, он бы и секунды не ждал, и что брат родной — не вспомнил.

Одно хорошо, дети в безопасности. Он смог их вывести из игры, а вот Алена...

Дикий, безумный крик жены разорвал тишину и Лоан непроизвольно поморщился: в своем репертуаре милая, не жалеет связок!

Алена влетела в зал, вцепилась в мужа и затрясла, пытаясь связно сообщить произошедшее, но всхлипы, сухость в горле и сумятица в голове не давали. Получался бред тяжелобольного:

— Рэй, дети!! Их нет!! Нигде!! Не знаю!!.. Это я... Я не хотела!! Ну, что ты стоишь?! Сделай что-нибудь?! Как ты можешь?!!

Лоан поморщился, отодвинул жену от себя и прищурился: с ней что-то было не так. Ее трясло, как в ознобе, лицо покраснелось, мокрое то ли от слез, то ли от пота, глаза безумные, и это можно было понять — мать потеряла детей, но как понять неестественно огромные зрачки? Синие разводы по ауре и ...отсутствие и-цы на губах? Настолько испугалась?

— Успокойся. Я убрал детей.

— Что? — девушка замерла. Ей послышалось? Убрал детей, что это значит?... Убил?

— Зверь!!! — кулак Алены влетел в скулу мужчины, другой в грудь. Рэйс нахмурился, перехватил девушку, зажал и встряхнул:

— Прекрати истерику! Хватит!

Та не унималась, билась, что есть сил, кусалась, выла, сыпала проклятья. Дэйкс смотрел на происходящее, пребывая в растерянности. Странно, Алена, конечно, женщина своеобразная, несколько импульсивная, но не агрессивная. Здесь же фурия находилась,

безумная хищная кошка, большое бешенством животное.

— Уймись!! — гаркнул Рэйс, не выдержав.

— Ты!!..Я тебя!!.. Убью!! Убью, гада!!! Мразь!!! Упырь!!! Чтоб ты сдох!!! Детей!!..

Ублюдок!!! Убийца!!! Грязный монстр!!!

— Да, ты что?!! — дошло до него. — Я их из туглоса убрал!! Идиотка!!

И оттолкнул ее оскорбившись.

Алена стихла, тряхнула головой, ладонями по лицу провела осознавая услышанное, и вдруг сползла по стене на пол, заскулила жалобно, заплакала, раскачиваясь и зажимая рот рукой. Что же она наделала, что?

У Дэйкса вытянулось лицо. Он видел Алену взбешенной, мило улыбающейся, серьезной и хмурой, озорной и беззаботно легкомысленной, но такой жалкой, раздавленной, скрючившейся на полу и надрывно жалобно плачущей — никогда. И представить не мог. Потому стоял как истукан, не зная, что предпринять: то ли выйти, оставив хлопотных супругов вдвоем, то ли успокоить девушку, кафира позвать.

Рэйс подозрительно шурился, в груди росло беспокойство, неприятное чувство беды, еще приглушенное обидой, но внятное. Он вздохнул и подошел к жене, склонился, приподнял:

— Что ты придумала? Слово «убрать», не есть — «убить». Как ты могла такое подумать? Успокойся, слышишь? Ну? Алена!

Девушка вцепилась в него, подняла мокрое от слез лицо, зашептала умоляюще:

— Прости. Прости, пожалуйста. Я ...не знаю, мне... испугалась. Понимаешь? Я испугалась. Там пусто и ты...убрал. Я ...прости...

Мужчина кивнул: понимаю. Обида исчезла.

— Все. Успокойся. Встань. И... не смей, слышишь, никогда не смей унижаться, валяться в ногах. Я могу простить все, но не это. Ты моя жена, а не тэн! Встань!

Алена согласно кивнула и попыталась встать. В голове шумело и стены плавали перед глазами, как—будто она попала на корабле в шторм. Ноги не слушались и хотелось не встать, а вообще лечь, прижаться к холодным плитам. О, блаженство....Алена провела ладонью по полу и склонилась ниже, чуть не ткнувшись лбом. Рэй не дал, подхватил, встряхнул, процедил с яростью:

— Я неясно выразился?!

— Да что же это такое! — в отчаянье всхлипнула девушка. — Оставь меня в покое...я хочу спать...там холодно...Что за бардак творится? Ты сегюр, великий и ужасный, почему кондиционеры ваши...или как их там?.. Не работают, а? Распоясались вы, господа гуманоиды, шатаетесь по галактике, а дома ералаш...

Рэй застыл. Девушка явно не понимала, что говорит. Бессвязный шепот и такой яростный, словно она заставляла себя болтать без умолку, назло или специально.

— Что с тобой? — тихо спросил мужчина. Голос дрогнул. Алена глянула на него и виновато улыбнулась:

— Ничего. Я. встаю, извини. Что-то ...жарко..."прохлада, прохлада". Врушки,...а где дети? Куда ты их отправил? Зачем?

— Здесь опасно, Гвидэр умер.

— Гвидэр? — Алена поднялась с помощью Лоан и недоверчиво покосилась на него. — Когда?

— Это важно?

— Не-е-езнаю...нет, наверно. Пойду я...Гвидэр... забавный...славный. Он тебя любит, просто...не выражает открыто...Тебя все любят,...пойду, шумела я...не задался денек. ... Умер? Бред. Больные вы все.. — Алену качнуло, и она бы рухнула на пол, но Рэй успел подхватить, прижал к себе и замер. Понял все, и симптомы ясные, но как не хотелось верить! Дэйкс хмуро посмотрел на него и заявил:

— Я зову Кхэ.

Сегюр кивнул, слов не было, и понес девушку в спальню.

Алена брыкалась, пока он ее раздевал, и все говорила, бессвязно, путано, но Рэй слушал внимательно, надеясь понять, что произошло, как. А тут царапины на пальцах увидел, еле заметные, свежие.

— Алена, посмотри на меня, — придержал ее голову, в попытке достучаться до разума. — Ответь: откуда ранки на пальцах?

Та слышала, но сосредоточиться не могла, ответить внятно не получалось, по закоулкам сознания плавала:

— Он...я...злой...знать не хочу. За что?

— Алена, царапины? — взмолился Рэй, сжал лицо ладонями, в глаза заглянул. — Соберись.

— Я...флакон... о-о-о, тебе нельзя... ерунда. Глупо,...как лучше ...хотела, получилось...как всегда... — и вдруг заплакала. — Страшно мне, домой хочу...ты, они... соскучилась,... к маме хочу. Не могу больше, живу, как мартышка в клетке с крокодилком.

Рэй головой качнул: что за привычка бегать от трудностей?

Алена словно очнулась, даже зрачки на минуту нормальными стали, вцепилась рукой в плечо мужчины, зашептала быстро:

— Заболела я. Только б не ангина. Злой твой Модраш, несправедливый. Я ведь не решилась бы, не смогла. Мне бы только маму увидеть. Соскучилась я, понимаешь? Как они там? Душа болит. Если б сообщить можно было, что я жива...только б не ангина...нельзя...

Рэй дернулся: что она натворила? О чем говорит?.. При чем тут ангина, когда ясно все?

В комнату вошли Дэйкс и Эллан. Кафир молча посмотрел на девушку, поджал губы и осуждающе глянул на сегюр: опять на него все свалит, рычать начнет, страшать, а что он, Модраш? Зрачки расширены, кожа пятнами и и-цы вдвое меньше нормы, третья стадия, шансов 3 из 10. Спасибо хоть столько!

Эллан открыл чемоданчик, настроил аппаратуру, закрепил датчики и вздохнул.

— Ну! — поторопил Рэй, взгляд настороженный вперил.

— "Ну-ну", — скривился кафир. — Третья стадия.

Лоан перевел дух: шанс есть. Эллан поморщился, шлэгор [7] достал, зарядил и на мужчину глянул, предупредил, словно секрет открыл:

— Месяца три восстанавливаться будет, если выживет.

— Хоть всю жизнь!

Ох, ты! У Кхэ брови взлетели вверх от удивления: Рэйс готов нянчиться с больной женой? Новости. И ладно бы не понимал... а может, действительно, недопонимает?

— Это яд шугу.

Рэй кивнул, взгляд тяжелый, скулы побелели от напряжения.

— Яд разлагает энергетическую структуру, препятствуя регуляции и обмену и-цы. Ты не сможешь взять у нее и капли, самой будет мало...

— Знаю! — оборвал сегюр. — Работай!

Дэйкс неприязненно скривился: нашел в чем просвещать! Заботливый какой попался!

Эллан пожал плечами: мне-то что. И прошил запястье девушки, потом сонную артерию в трех местах и подключичную. Теперь — ждать.

Алена притихла, расслабилась и словно заснула. Рэй осторожно убрал ладонь из-под ее щеки, встал и развернулся к Дэйксу:

— Она была на половине Иллана, встречалась с Эльхолией, — сообщил тот.

По лицу сегюр пробежала судорога: значит все-таки братец...И вдруг вспомнил: Алена боялась, что заболела ангиной...

— Что такое ангина? — спросил у Эллана. Тот плечами пожал, вздохнул:

— У землян воспаление зева ...

Рэйс к жене развернулся, не дослушав, голову приподнял, кафиру кивнул:

— Осмотри зев, ну!

Тот не понял — зачем? Но спорить не стал. Не дурак. И так служба хлопотная, а как девчонка эта появилась, и вовсе покоя не стало. Живет, как на склоне действующего вулкана.

Зев был красным, но не от воспаления. Сожженная слизистая на языке, нёбе, миндалинах, белесые точки омертвевшей ткани...Кафир испуганно посмотрел на сегюр:

— Она его пила!

Рэй дернулся, ноздри раздул и вдруг улыбнулся нехорошо так, многообещающе и встал.

— Посмотри за ней, — приказал кафиру и, прихватив Дэйкса, стремительно покинул комнату.

— Кто за Стейпфила?

— Экзиостиф.

— Зови. Пора братца навестить. Думаю, только так мы эпидемию прискорбных случайностей остановим.

— Да, — согласился троуви. — Так через сутки можно о погребальном костре не беспокоиться. Туглос поджечь проще будет.

Лоан кивнул, и Дэйкс потупился: нехорошо ему стало. Похоже, прекрасную мысль он сегюр подарил. Подпалит тот половину Иллана и в подробности вдаваться не станет.

— У нас нет доказательств Рэй, — попытался троуви остановить безумие.

— Доказательства? — прошипел сегюр, хватая мужчину за грудки и подтягивая к себе. — Мои дети будут расти вдали от родителей, под присмотром чужих людей, моя жена могла умереть... а я буду искать доказательства, закрывать глаза на происходящее и ...ждать, пока он не доберется до детей или не убьет, в конце концов, Алену?!

Троуви промолчал: по долгу службы предупредить и предостеречь он просто обязан, но во многом прав сегюр. Он бы тоже не ждал, правда, ума предугадать возможность подобного поворота событий у него б не хватило, и его ребенок, наверняка, был бы мертв. Дэйкса передернуло, и глухая ярость, смешанная со страхом только от предположения, обуяла душу.

— Пошли, — с готовностью кивнул он. Позже разберутся: кто прав, кто виноват.

Рэй отпустил советника, размял мышцы и решительно двинулся на половину брата.

Иллан растерянно смотрел в огромные зрачки Эльхолии и силился понять: что происходит? За что его наказывают боги? Сегодня он потерял отца, а теперь теряет и жену... Почему?

Двери с шипеньем раскрылись, и в зал ввалилось с десятков агноликов, а следом

появился и Рэйсли. Его троуви отставал от господина лишь на шаг, и вид имел не менее решительный, чем все остальные. Лица стражей и брата внушили бы старшему сегюру опасение, но он был слишком подавлен неожиданно свалившимися на него бедами, чтоб ясно осознавать происходящее.

Он лишь с надеждой воззрится на Рэйсли, не обратив внимания на его грозный вид. "Ты сможешь?" — читалось в этом взгляде, и Лоан, словно споткнулся, замер, разглядывая стоящего на коленях брата, держащего на руках Эльхолию. Лицо девушки было красным, дыхание прерывистым и губы беспрестанно шевелились, шепча, как заклинание, бессвязные, пустые слова.

Рэй склонился к ней, заглянул в глаза и, увидев типичные для отравленных ядом шугу неестественно расширенные зрачки, в бессилии качнул головой и скрипнул зубами.

Нет, брат тут ни при чем. А жаль. Ситуация запутывалась, есть подозреваемые, но нет виновных. Вряд ли Иллан способен отравить жену, даже если учесть его "трепетную привязанность" к ней. И уж на отца, у него и мысли бы не возникло покуситься. Случайность? Ошибка? Их слишком много, чтоб считать таковыми. Кто-то явно пытался превратить туглос сегюру в погребальный костер. Вот только кто? Монтррой? Глупо даже предполагать подобное. Сестру он бережет, как зеницу ока, она его надежда на будущее, его ступень к трону. Гвидэра, Алену, детей... мог бы, а ее нет.

Рэй впечатал кулак в пол и поморщился:

— Кажется, у нас бо-ольшие неприятности брат! — и кивнул Дэйксу: Зови Эллана и ... вызывай Наталью. У них много работы. Вдвоем, может, и справятся.

Тот мгновенно исчез.

— О чем ты? — тихо спросил Иллан.

— Эльхолия отравлена, как и Гвидэр, ...и Алена.

Зрачки Иллана расширились и стали почти такими же, как у девушки, лежащей на его руках, лицо побелело и вмиг окаменело:

— Кто? — выдохнул он.

— Меня мучает тот же вопрос. И чем быстрее мы найдем ответ, тем скорей пресечем вереницу "случайностей".

Алена плавала в тумане: то в темноту провалится, то на свет вынырнет и все сообразить пыталась — почему ей вечно достается? Может, ее мама в понедельник родила? А говорила в пятницу... Никому верить нельзя...

Там, в темноте, ее мучили страшные чудища: тянули свои щупальца, завывали так, что уши закладывало, зубами скрежетали, визжали, схватить пытались. Она бежала от них, что есть сил, в диком ужасе, к свету стремилась. Там ее ждали голубые глаза. Всегда, когда бы ни появилась. И до нее дошло вдруг — она дальтоник! Именно их она в тех снах видела, да не поняла, за другие приняла.

— Голубые за серые... Бывает же так, во сне дальтоник, наяву — нормальная? — вопрошала она у них, извиняясь, что не поняла сразу. И те не обижались, отвечали:

— Конечно, бывает, конечно, успокойся...

— Вы ведь не обиделись?.. Что перепутала, только сейчас поняла?

— Нет, милая.

Алена облегченно вздохнула и вновь провалилась в темноту. Рэйс обтер влагу с ее лба и зажмурился — шестые сутки пошли, а улучшения нет.

— О чем она? — тихо спросил Иллан.

Лоан повернулся и нахмурился:

— Что ты здесь делаешь? — он и не заметил, как брат пришел и сколько за спиной стоит не знал. Сказывается усталость, внимание притупляется. Поспать бы да не может. Стыдно признаться — страшно жену и на минуту оставить. Шестой день жар, и-цы на нулях, и все говорит лишь об одном — шансов выжить с каждым часом, все меньше. И лекарства, и жертвоприношения, устроенные Поттаном в кьете — не принесли желаемых результатов... Сушит жар тело, не отпускает. И Рэй завить готов от отчаянья.

— Эльхолия на поправку пошла. Покушала... Я насчет Алены хотел узнать.

— Как видишь, без изменений, — мрачно заметил Лоан.

— А что за серые да голубые? — несмело спросил Иллан. Любопытство одолевало, еще после той встречи. — Сероглазый, сон...

Рэйс молчал долго, парень уже и не надеялся ответ получить и вдруг:

— Поттан ей сны посылал. Про тебя. Чтоб меня дождалась.

Иллан растерянно моргнул: про меня, чтоб тебя...

— Это как? — склонил голову набок, соображая.

— Просто. Представь, он бы меня ей в сны посылал? Того, желтого, сухого заморыша. Как ты думаешь, она бы меня дождалась? Романтические иллюзии питала? Мечтала б о встрече с таким?

Иллан смутился и опустил глаза. И стыдно вдруг стало, что всю жизнь, все, чтоб ни пожелал, имел, без усилий, не задумываясь ни о последствиях своих желаний, ни о возможности их исполнения, и не ждал ничего, всегда все сразу. А рядом жил родной брат, которого он и всерьез-то не воспринимал, больше, как к домашнему животному относился — есть и ладно, а как и что — не его дело. А это животное, оказывается, трудилось над своим будущим, упорно шло к цели и понимало, чувствовало отношение к нему окружающих, но не останавливалось, не просило ни о чем...

Странно, вся жизнь Иллана за эти шесть дней перевернулась. Устоявшиеся взгляды,

привычки. Манеры, черты характера, заострившиеся, отшлифованные годами, под воздействием обстоятельств вдруг изменились, мутировали, как гены, и одарили неприятным чувством стыда за бездумные годы жизни, за легкомыслие и безответственность, за слепоту.

Ему больше не на кого было положиться, не к кому бежать за помощью, советом. Не было больше той стены, которая надежно укрывала его от волнений, косых взглядов. Гвидэр умер и теперь никто не прикроет его, не обелит в глазах окружающих в случае промаха, не научит. Не подскажет. Сам. Теперь все сам. И бремя ответственности, неожиданно свалившееся всем грузом, казалось, раздавит его, но даже не задело. Период адаптации прошел совершенно безболезненно и как-то незаметно. Он и понять толком не успел и испугаться, как уже принимал, как должное. Некогда было собой заниматься, на незначительное время тратить, слишком многое разом решать пришлось: отца хоронить, жену выхаживать, виновного искать.

Фэйра организовала похороны, троуви помогали, параллельно расследование вели, а они с Рэйсли за своими женщинами ухаживали, бегали в покои друг к другу, о состоянии больных справиться, помочь, где словом, где делом, и искренне переживали. Ни недомолвок, ни ссор, ни насмешек. Необычно, и ...приятно. Идиллия, если б не волнение за женщин. Вот какой должна быть семья, понял Иллан, и ни какой другой.

Пришлось признать, что горе сыграло позитивную роль в его жизни. Мало с братом примирило, помогло себя понять, окружающую действительность в реальном свете увидеть, так еще и жену подарило. Не чужую, свою.

Эльхолия. Год он с ней встречался, год под одной крышей прожил, но так и не понял, не рассмотрел. Да и когда было? Зачем? Другие перед глазами маячили, чужие, значит, лучше. Интересно, он бы увидел Эльхолию, рассмотрел, если б ее не отравили? Если б не понял, что может потерять, понял бы, что теряет? Наверняка, нет. И Рэйсли бы не понял и не принял, так и стояла бы меж ними стена отчуждения, так и жили бы сами по себе, словно чужие.

Впрочем, о близких и доверительных отношениях рано еще говорить, зыбко их перемирие пока и что там дальше будет, время покажет. С Рэйсли тяжело что-то планировать, наверняка говорить, но за себя Иллан был уверен — он эти дни не забудет и, чтобы ни случилось в дальнейшем, как бы ни повернулось, в благодарность за них многое простит.

— Почему так долго?

Рэй промолчал, только зубы сжал так, что скулы побелели.

— А что Эллан говорит? — не унимался Иллан.

Лоан вздохнул, борясь с желанием отправить брата восвояси. Но пересилил себя и попросил:

— Прикажи подать фэй. Мне двойной, покрепче, а Алене обычный.

Иллан с сомнением посмотрел на девушку: как, интересно, он ее поить собирается?

Она была без сознания, приоткрытые губы потрескались, кровили, лицо заострилось, влажное, красное от жара, и-цы синие, еле теплятся. "Вряд ли она выживет"- колынуло в груди, но вслух ничего не сказал, поморщился только и вышел, приказ слугам отдавать. Не нравилось ему смотреть на то, во что болезнь превратила женщину. Неприятно. Да и пахло в комнате отвратительно — смертью, разлагающейся плотью, и памяти от того пьянящего аромата не осталось. И как Рэй выдерживает?

Алена вынырнула из темноты и, резко распахнув глаза, увидела мужа, почти четко, и не

только глаза, но и лицо.

Тело ломило, словно его через мясорубку пропустили, голова тяжелая, будто с локомотивом бодалась, да и во рту не иначе стадо бизонов месяц резвилось. Ей было знакомо это состояние с детства, и она в который раз прошептала, испугано поглядывая на мужчину:

— Только б не ангина.

Рэйс подбадривающе улыбнулся, погладил по лицу:

— Нет, не ангина. С чего ей быть?

— Знаешь, меня в первом классе два отморозка снегом накормили да еще за шиворот натолкали... А с одним из них я дружила, в одном подъезде жили... Гад! Шли домой, а они — "ты за нами бегаешь", а какой «бегаешь», если в одном доме живем?.. С тех пор ангины замучили, каждый год, внезапные и неистребимые, вот только и снова... гланды вырезать предлагали, мама не дала, а потом прошли, лет в 16, Нонсенс, но факт. Нет и все. Гланды есть, а ангины нет. А Сашке вырезали, а ангины остались. Представляешь? Гланд нет, а ангина есть...

— У вас феноменальный подход к лечению болезни и уровень развития медицины ниже и не слышал...

— Ага, и чуть что — антибиотики убойные, потом дисбактериоз, чтоб замучил... Вы ведь не ставили мне антибиотики? — девушка приподнялась, заглядывая в лицо мужа.

— Нет, — покачал тот головой, к себе прижал, устраивая как ребенка, на своих коленях, прилипшие волосы со лба убрал. — Почему ты беспокоишься? Что страшного в ангине?

— Осложнения... — Алена лбом прижалась к его груди, стыдно было в глаза смотреть, и зашептала, спеша облегчить душу. — Я очень виновата, Рэй, очень, прости меня, не знаю, что нашло... свободы хотела, думала дома...

— Тише, милая, — мужчина ласково погладил ее по голове, успокаивая, но от этого Алене еще хуже стало: чувство вины нахлынуло. Заметалась, всхлипнула. И как она могла о нем гадости думать? Третировать? Чудовищем считать? Да она сама чудовище! — Прости, меня, прости! Домой я хотела, сил не было. Маму увидеть, привычный мир... страшно мне здесь, ... а тут ребенок... не знаю, что на меня нашло? С ума сошла, наверное, ... решила — аборт сделаю, куда мне третьего?

Ладонь мужчины замерла. "О, Модраш, нет!! Только не это!!" — и словно лопнуло что-то в груди, закружилась комната, и только жаркий, жалкий шепот жены выворачивал душу, заставляя удержаться на плаву, не закричать, не сорваться.

Вот почему ей хуже! Яд убил ребенка, и теперь мертвый зародыш, разлагаясь, убивает его жену! Рэйс застонал, лицо исказила злобная судорога: куда смотрел кафир? Сколько еще он будет терпеть его халатные промахи и недосмотры? Нет, с него хватит! В кьет!

Рэй осторожно, чтоб не потревожить забывшуюся Алену, нажал кнопку вызова на гуэдо и процедил, глядя на Эллана:

— Быстро сюда!

Через час началась операция по извлечению плода. Эллан старался, как мог, надеясь, в случае ее удачного завершения, заслужить снисхождение сегюр. И как он просмотрел? И ведь намекала ему наложница Дэйкса, эта выскочка, на подобный вариант, предупреждала. Не послушал, да еще фыркнул: куда, мол, лезешь со своими-то знаниями... Теперь как бы место не потерять, впрочем, не о том думать надо — о спасении своей головы. Рэй ему все

промахи припомнит, не оставит без внимания и не простит. Выжить бы, выжить! И эту вытащить, чтоб шанс обрести, маленький, призрачный, но шанс. Эх, раньше надо было думать, в отставку подать, а не жить в ожидании чуда. И ведь знал — добром не кончится! Как появилась эта в семействе Лоан, все наперекосяк пошло, минуты покоя нет..

Рэйс стоял у окна и мечтал разнести весь туглос, а, может, и планету в целом, только бы задеть незримого врага. Он понимал — ярость плохой советчик, а ярость, смешанная с отчаяньем — худший враг, и потому сдерживался, скрипел зубами, прятал перекошенное эмоциями лицо и молча ждал.

Дэйкс сидел за столом и водил пальцем по столешнице, разрисовывая ее невидимыми, непонятными знаками — нервничал не меньше сегюр. И мечтал о том же — подпалить всю систему, сегюр бы с одного конца, он с другого.

Иллан молча подпирал стену и косился то на насупленного троуви, то в спину брата, надеялся, что сможет сдержать того, если операция закончится смертью девушки. Наудачу он не надеялся, слаба канно, не выдержит, на силе Ка операцию перенести сможет, но выжить? Поднять?

Кхе конец. И не отстоять кафира, да и не будет он заступаться, может смертью Эллана Рэй удовлетворится? А то ведь сровняет туглос с землей, костерок погребальный землянке сооружая. Царское посмертное ложе, чтоб спала, значит, спокойно... Не поймет совет, осудит. А может и обойдется? Он, конечно, к ней привязался, но не до такой степени, чтоб мертвую на власть менять. Главное — дети есть, а жену другую возьмет. Жаль, конечно, хороша была, редкосно... да, и смысл теперь горевать? Мало ли что было? Все равно не вернуть, и выживет, прежней не станет, шугу на всю жизнь отметины оставляет.

Эльхолия лежала на широкой кровати и перебирала драгоценности, изображая заинтересованность. Служанки то и дело подносили шкатулки, вытаскивали кольца и браслеты, ожерелья и пояса, выкладывали на постель. Она снисходительно кивала, а сама ничего не видела, гладила камни и ...молила Анториса, чтоб тот забрал канно. Только на ее смерть она и надеялась. Да и быть иначе не могло: время упущено, Эллан молодец, недосмотрел, яд уже серьезно повредил энергоструктуру, не восстановит. Не сейчас умрет, так через сутки, двое. Возможно, протянет пару дней, но на большее не хватит. Иллан говорил, у нее уже и-цы синие, значит, процесс разрушения необратим. Все правильно, такие не должны жить, не имеют права. И как подобные вообще на свет появляются? Нет, боги не должны удовлетвориться потерей ребенка, они должны и ее забрать. Может быть, тогда, насладившись муками Рэйсли, Эльхолия и сможет его простить? Впрочем, такой вряд ли будет мучиться, разумен и излишними эмоциями не отягощен, не то, что Иллан.

Девушка вздохнула. Придется для Рэйсли, еще что-нибудь придумать. А, может, простить? Канно не будет, и жизнь Эльхолии станет спокойной.

Иллан изменился, нежен стал и заботлив...Пока больна, но не будешь же вечно умирающую изображать? Утомит любого, да и какой мужчина выдержит рядом немоющее, ноющее существо? Нет, правильно она решила: выздоравливать. Хватит уже, а то опять в сепришь к рабыням побежит. Тем более такие радостные перемены намечаются. Будет она сегюр-мэно, единолично. Никакой конкуренции. Муж ручным стал, вменяемым, а если учесть, что и смерть канно грядет, вообще притихнет. Он впечатлительный, ранимый. Две смерти подряд — потрясет его. И так расстроенный ходит, понять произошедшие с канно метаморфозы не может. Ничего, все к лучшему. Станет теперь у ног Эльхолии сидеть,

неотлучно, боясь потерять... наверное. Во всяком случае, она постарается, чтоб так и было. Будет лелеять в нем неуверенность, чувство неполноценности и зависимость от нее возвращать, концентрировать внимание на мимолетности ценностей, бренности сущего. Станет ему и другом единственным, и троуви, и женой, и матерью, и тело, и душу к рукам приберет, а там и власть. И ни с кем делиться она не станет, и разрушить планы свои не позволит!

А если канно выживет? Это возможно. Она сильна и боги непонятно благоволят ей, оставляя без внимания не то, что мелкие грешки, но и непростительные проступки: богохульство и неразвитость, кощунство и грубость — то, за малую толику чего любого другого к себе б призвали. И за что они ей покровительствуют?

Не важно. Боги на небе, а Эльхолия на земле, и найдет возможность решить эту проблему. В любом случае, даже если произойдет чудо, и канно выживет, то будет не меньше года слаба и уязвима. Яд, стрела, стилет, паденье с высоты...да мало ли случайностей может произойти с взбалмошной землянкой? Они так хрупки, доверчивы и невнимательны дети той планеты, а жизнь полна опасных происшествий с печальным финалом, устроить который будет не трудно...

Монтррой довольно ухмылялся — боги на его стороне: Гвидэр мертв, канно при смерти, ребенка не будет. Очень хорошо, замечательно. Главное, он ни при чем. Его руки чисты. Останется незначительное, один шаг к трону: убрать первенцев и Рэйсли. И почему таким, как он, боги дарят детей?

Монтррой скривился и покосился на Алорну. Худой, бледный ребенок еле стоял на кривых ножках и, хлопая белесыми ресницами, сосредоточенно сопя, составлял домик из кубиков на диване, между матерью и отцом. Прозрачная кожа, еле заметный пушок белых волос на голове, тонкие синие губы...

Его дочь. Кто бы мог подумать, что у него может быть *такая* дочь?! Невзрачная пигалица, капризная, глупая, хилая уродка. Нет, что-то напутали сленгиры,...хотя, когда они ошибались? Жаль...

И почему от ограниченной взбалмошной девки у окэсто родились два смышленных, красивых дитя? И дочь, и сын. И на любого посмотришь, от зависти челюсть сводит: все при них- и резвые, и умные, и крепкие, и красивые, и здоровые... А он, фэсто, твоуви, в союзе с умницей, благовоспитанной дочерью патерро мог создать лишь подобное чудище?!

"Кто знает, может, это недоразумение перерастет и станет умницей- красавицей?" — утешил себя Монтррой: "А вот обгонит его Алорна наследников по всем параметрам... И так обгонит. Они вечно детьми останутся, а она будет жить, сколько боги позволят, и он естественно". Нет, как бы ни прятал сегюр своих отпрысков, Монтррой их найдет и убьет. Позже, сейчас и пытаться не стоит, чревато. Да и не подберешься. Резво он их вывезли из туглоса и тихо. И никто не знает куда.

Ничего, утрясется все, уляжется и можно будет выведать.

Монтррой щедро улыбнулся девочке и провел ладонью по лысой макушке. Та, непривыкшая к отцовской ласке, испуганно сжалась, скривила мордочку, готовая заплакать, и шмыгнула к матери, прижалась, вцепившись ручонками в юбку. Уязвленный мужчина нахмурился: что за глупый, трусливый ребенок? И смахнув с дивана кубики, вышел. Обиженный рев за спиной удовлетворил троуви, теперь Алорна будет знать, как игнорировать отца!

Массия быстро успокоила малышку, восстановив разрушенный замок, и присовокупила к верхушке башни огромный алмаз. Алорна оттерла со щеки влагу и с благодарностью улыбнулась матери. Та расцвела, расцеловала дочь и сунула ей шкатулку с безделушками. Пусть развлекается.

Об Алене Массия не думала, уверенная, что финал предрешен, а что Рэйсли жив досадно. С ним будет трудно справиться, тем более сейчас. И что она на Алену понадеялась? У этой дурочки духу не хватило мужу в чашку яд подлить, вот действительно трудная задача! Ни на кого надеяться нельзя! Все самой приходится.

Эллан наложил датчики на запястья Алены, закрыл крышку камеры и, вздохнув, кивнул Наталье:

— Иди, сообщи. — У самого сил не было. Устал. Невозможное свершил, с богами поспорил, спас девчонку, теперь бы и награду получить, да от Рэйсли вряд ли дождешься.

— Жить будет. Репродуктивная функция не пострадала, системы в норме, во избежание осложнений ее подключили к системе регуляции. Пытаемся форсировать восстановительный процесс. Через три дня можно будет более предметно обсудить вопрос выздоровления и сроки.

Рэйс спокойно выслушал женщину и кивнул Дэйксу:

— Кхэ под арест. Я иду спать, разбудишь через три часа.

И вышел. Ему нужно срочно восстановиться и найти виновного. У него есть три дня, чтоб выяснить, как такая большая доза шугу попала в Алену. Не иначе пила, как фэй, не разбавленным. И кто ж такой умный и изворотливый, чтоб напоить его доверчивую жену подобной вкусностью? Кандидатур было три, но чуяло сердце, их количество может увеличиться в геометрической прогрессии.

Иллан проводил брата удивленным взглядом: а ему-то казалось, тот переживал... Что ж, пожалуй, и ему здесь делать нечего. За кафира вступаться — дело глупое, не стоит с братом из-за такой мелочи отношения портить. Желает кого-нибудь наказать, пусть. Эллан не самый худший кандидат в жертву, и потом, действительно, сдает кафир, стареет, пора его менять. Бизифар не плох и эта, Наталья, кажется. Вот они и послужат.

Да, пора и ему отдохнуть, в сепришь заглянуть что ли? Развяться...

— Ну!! — рявкнул троуви, насупив брови. Зила вздрогнула и сжалась в комок, взгляд убежал в сторону где, вальяжно развалившись, сидел сегюр, и, казалось, не слушал их. Вид равнодушный, полусонный. В окно смотрит, носком мокапина покачивает, скучает...

Если б Зила не знала нрав сегюра, могла бы поверить в его лабильность, но она знала и понимала, что ее ждут огромные неприятности. А троуви, что с грозным видом стоял напротив, вызывал лишь желание отмахнуться. Девушка с минуту подумала и грохнулась на колени, поползла к Лоан.

Дэйкс скривился, глянул на Рэйсли и сел: разбирайся сам с этой дурочкой.

Зила доползла до ног сегюра, ткнулась лбом в пол и замерла, готовая пыль под его мокасином лизать, лишь бы помиловал. Лоан склонил голову набок, рассматривая спину девушки, и задумчиво спросил, словно огромное одолжение сделал:

— Ты хочешь что-то сказать?

— Я нипричем господин, головой клянусь, душой бессмертной, чтоб мне в будущей жизни песком родиться! — вскинулась тэн, глаза честные, как у лисы застигнутой в курятнике.

— Твоя реинкарнация меня не интересует.

— Господин, я нипричем! Клянусь..

— Слышал. Что-нибудь по делу можешь сообщить?

— Что, господин, я ничего не зна...

— Позови Экзиостифа, — кивнул Рэйс Дэйксклифу: надоело.

— Нет!! Господин! Все скажу, все!! — схватила девушка Лоан за ноги, припала лбом.

— Ну! — поторопил тот.

— Флакочик у нее был, со второго дня свадебных празднеств. Маленький такой. Прятала она его. Откуда и кто дал, не знаю, клянусь!

— И что? — выгнул бровь Рэй.

Зила выпрямилась, руки на груди сложила ладонями вниз: ни дать, ни взять, сурок из норы вылез, и зашептала доверительно, чтоб только сегюр услышал, проникся: вот, мол, преданнее меня никого у вас!

— Думаю, в нем яд и был. Вас она отравить хотела, змея. Все вытаскивала, рассматривала, крутила, подлить хотела, да не могла, боги мешали...

Рэйс равнодушно посмотрел на нее:

— Дальше.

— Дальше? А дальше я не знаю... Она в тот день с утра к госпоже Эльхолии ходила, потом прибежала за флакончиком и госпоже Аваншеллу звонила, спрашивала, какие последствия могут быть, мол, слышала, опасно это для мужчины... та посмеялась, уверяла, что нет. А потом госпожа в ванне заперлась. Долго ее не было. Вышла расстроенная. Ребенку, видать, не рада была...

Рэй резко вскинул руку, схватил тэн за горло, чуть сдавил и спросил вкрадчиво:

— Я тебя просил своими догадками поделиться?

— Нет, — прохрипела та. Мужчина кивнул и ослабил хватку:

— Дальше.

— К госпоже Аваншэллу она собралась, но не пустили... На меня накричала, а я ей

коктейль из трав... — Зилу предупреждаяще тряхнуло. — К госпоже Эльхолии она убежала не в себе уже, красная, злющая.

Рэй откинул тэн, брезгливо поморщился, вытер салфеткой руку и кивнул Дэйксу:

— Передай ее Поттану. Лично от меня.

Зила завывала, поползла к сегюру:

— За что, господин?! Я верно служила госпоже и....

— Поэтому считаешь ее змеей.

Рэйс встал: пора навестить невестку. Что, интересно, она скажет?

Зила и шаг пройти не дала, вцепилась, завывая, моля. Два агнолика, вызванные троуви, миглом отцепили ее и потащили к выходу.

Эльхолия обедала на балконе в гордом одиночестве. Рэйс небрежно отодвинул стоящую на дороге служанку и сел напротив невестки:

— Прекрасно выглядишь. Отравление пошло тебе на пользу, — заметил вместо приветствия.

Эльхолия клацнула челюстями себе по пальцам, поморщилась и, вздохнув, отложила пикит. ^[8]Посетитель, конечно, нежданно-незванный и общаться с ним один на один радость лишь для гурманов, но деверь все ж, и она не дочь монторро — придется соблюсти правила приличия и изобразить радушие.

— Спасибо, — кивнула, скромно потупив глазки, и обвела ладонью накрытый стол. — Присоединяйся.

— Благодарю. Сыт. Но от фэй не откажусь. И от приятной беседы с очаровательной родственницей.

— Буду рада развлечьь.

— Да? — вскинул бровь Рэй, посматривая с ехидством. — Насколько рада и как предполагаешь развлечьь?

Эльхолия растерянно моргнула и схватила стакан с фэй, как спасательный круг утопающий. С минуту подумала и решила не заострять внимания на двусмысленном вопросе Рэйсли, а перевести разговор в спокойное русло:

— Отвратительная погода, редкостно. Даже странно, хэчи и так тепло.

— Действительно, — кивнул мужчина, нарочито пристально рассматривая жидкость в своем стакане, — странная вереница досадных случайностей. Эпидемия отравлений...и сомнения одолевают: а закончилась ли она? Ты что думаешь?

— Я? — Эльхолия искоса посмотрела на сегюру: это его она мысленно с легкостью отправила к пращурам? "Н-да, а не поторопилась ли ты?" — спросил холодок, бегущий по спине. — Расследование ...дело мужчин.

Рэй согласно кивнул и в упор посмотрел на нее:

— Говорят, в тот день Алена была у тебя. Не поделишься темой вашего разговора? О чем речь шла?

— Это допрос? — насторожилась девушка.

— Что ты. Любопытство. Естественное. Муж все-таки.

— Вот у жены и спроси. Или у тех, кто тебе о нашей с ней встрече доложил, — Эльхолия гордо вскинула подбородок, взглядом давая понять, что тема исчерпана. — Как она, кстати? Надеюсь, ей лучше?

— И сильно надеешься? — насмешливо посмотрел на нее Рэй.

— Что ты себе позволяешь? — возмутилась Эльхолия.

— Многое.

— Ты забываешься! — сверкнула та глазами, предостерегая, и мужчина абсолютно не удивился, увидев истинное лицо своей родственницы.

— Забавно, — хохотнул он. Хороши подруги у Алены. Одна другой лучше. — А где же скромность, безответность и послушание? Ай-ай! Какая талантливая актриса в тебе пропадает. Впрочем, по мне, так даже лучше. Не люблю фальшивых скромниц. В женщине должен гореть огонь и пусть он немного жжет, зато хорошо греет. Хочешь совет? Не бесплатно, конечно, услуга за услугу: ты мне рассказываешь, о чем говорила с Аленой, а я открою тебе секрет.

Эльхолия заинтересованно прищурилась:

— Какой?

— Почему Иллан проводит ночи в объятьях той тэн, Шэгона, кажется?

Эльхолия дернулась, ноздри раздулись, в глазах сверкнули отточенные лезвии, секунда, и она бы с чувством глубокого удовлетворения прошлась коготками по физиономии наглеца, но воспитание и занимаемый статус не позволили ей такой вольности. Девушка натянуто улыбнулась, откинулась на спинку кресла, подумала и милостиво кивнула:

— Хорошо.

— Приятно иметь дело с разумной женщиной, — кивнул в ответ Рэй и отодвинул стакан. — Так о чем шла речь?

"Хочешь знать? Сейчас я тебя порадую!"

— Она ... не желала иметь от тебя ребенка. И спрашивала, ... где можно удалить плод.

Она надеялась, что улыбка деверя малость поблекнет, но тот улыбнулся еще шире и лучистее:

— И что ты ответила?

— Тоже, что ответила бы любая другая на моем месте! Пристыдила. Естественно, меня возмутила ее просьба, и сама мысль о подобном вызвала отвращение. Правда высказаться в полной мере я не успела, ни пристыдить, ни образумить... У Алены в кармане оказалось стекло. Мы начали извлекать его, поранились, пошли в ванную комнату, потом пришел Иллан. Все.

— Нет. Это было ближе к вечеру, а как насчет утренней встречи?

Эльхолия почувствовала себя неуютно под пристальным, немигающим взглядом голубых глаз, в глубине которых притаилась тень императорского палача. "Интересно, что еще ему известно?" — в серьез озаботилась она.

— Теперь я понимаю, насколько мужественная женщина твоя жена. Как она тебя терпит?

— С безграничной любовью и обожанием.

Девушка покачала головой и внимательно посмотрела на мужчину: "Нагл, бесцеремонен и до невозможности привлекателен. Мужчина...напористый, решительный, сильный. Почему не Иллан?" В эту минуту Эльхолия от всей души позавидовала Алене и пожалела, что послушала брата и выбрала не того сегюр. Взгляд девушки приобрел пастельный оттенок, она начала накручивать короткие локоны себе на палец, пытаясь выглядеть ранимой и загадочной одновременно, и так увлеклась, что совершенно забыла, о чем шла речь.

Рэй хмыкнул: интересно, кого она пытается изобразить? Изголодавшуюся обезьянку,

увидевшую в чужих руках банан? Н-да, повезло Иллану с женой, ничего не скажешь, но да это его забота. И вздохнул: в таком темпе они к утру закончат, как раз брат из сеприша вернется...

— Так о чем вы говорили?

— Мы? — восторженно улыбнулась Эльхолия и вспомнила о чем речь. — О вас. Алене пришла в голову идея помирить вас с Илланом.

— Алене? — прищурился Рэйс.

— Да, — мило улыбнулась Эльхолия и чуть не облизнулась, беззастенчиво рассматривая его. " Да, застенчива, значит, «кротка» и «невинна» ", — хмыкнул мужчина.

— Гениально. И как она планировала осуществить задуманное?

— Просто. Посадить вас за один стол и накормить.

— "Хороший" план, — кивнул Рэйс.

— "Реальный" — кивнула в ответ Эльхолия.

— Да. А что-нибудь, кроме этого " гениального " проекта, ее занимало?

— Да, но не скажу.

— Секрет?

— Ага, девичий.

— Ну, тогда это серьезно... Поделишься?

— Если не выдашь.

— Даже под пыткой.

— Хорошо, — кокетливо улыбнулась девушка. — Не любит она тебя, сбежать хотела. Спрашивала о ближайших экспедициях на ее планету. Ты подумай, может, не стоит ее держать?

— Подумаю, — кивнул Рэй, — И все?

— Ну-у, спрашивала, как я отношусь к ...привороту, — хитро прищурилась Эльхолия.

— К чему? — изумился Рэй.

— К привороту.

Вот и все. Сегюр покачал головой: вот вам и причина, и следствие, и соус, и блюдо.

— Понятно. А средство, не настой на земляных червях, случайно?

— Незнаю, я не стала вдаваться в подробности. Подобную глупость мне не доводилось слышать, и я посмеялась. Она до абсурда отстала, Рэй. Ты бы просветил ее в этом вопросе, а то действительно что-нибудь натворит.

— Я подумаю, — встал мужчина. — Благодарю.

Эльхолия хлопнула ресницами:

— Ты уходишь? А как ... на счет Иллана?

— Тривиально, — пожал плечами мужчина. — Шэгона не лицемерит и не притворяется, принимает его таким, какой он есть. Это приятно.

Сегюр вышел, оставив девушку в растерянности. Минут через пять Эльхолия поняла, что ее провели, и разозлилась.

Три недели пролетели незаметно. Они промелькнули, как один день, не оставив в памяти и намека о своем существовании. Вакуум, тишина и покой. Рэй, Наталья и постель, двойной фэй, от одного запаха, которого у Алены челюсти сводило, массаж и лектор по литературе вместо книг.

— Еще пару дней и я завою, — тихо заметила она.

Рэйс оторвался от носителя информации и вопросительно посмотрел на жену:

— Думаешь?

— Уверена. Может, хватит из меня тяжелобольную делать? Я детей видеть хочу. С подругами встретиться. Сходить куда-нибудь. Жить хочу! — девушка резко села и уставилась на мужа. Тот равнодушно пожал плечами:

— Неделю назад, ты пыталась пройтись.

Алена поморщилась: подумаешь, ее шатало. Полежи столько, любого шатать начнет, в привычное горизонтальное положение тянуть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Позови Зилу, оденусь и гулять пойду, — упрямо заявила она.

— Зилы нет, — спокойно ответил Рэй.

— А где она?

— Ждет следующей реинкарнации.

— И как это понимать? — нахмурилась женщина.

— В смысле?

— В прямом.

— Ее убили?!

— Нет. Сама умерла. Старая была, — хмыкнул мужчина.

— Шутишь?

Лоан промолчал.

— И к кому еще старость неожиданно нагрянула?

Рэйс рассмеялся и качнул головой:

— Я смотрю, ты действительно выздоравливаешь...

— Доктора хорошие, и не хочу, чтоб и меня старость в расцвете подкосила.

Лоан внимательно посмотрел на нее, отметил, что энергетически девушка фактически полностью восстановилась, вот только синяя дымка, окружающая сгусток и-цы на губах, ему не нравилась. Ворковская, увидев его вертикальные зрачки, закатила глаза, тяжело вздохнула и плюхнулась обратно на подушки:

— И сколько мне еще постельный режим блюсти?

— Дней десять.

— У-у-у!! А дети? — Алена опять села. — Их-то я могу увидеть? Или я заразная?

— Они далеко.

— Далеко? Как далеко? Где?

— Это не важно.

— Вот даже как?! Они мои дети! Я соскучилась! И они скучают! Я хочу их видеть! Я мать!

— Алена, — предостерегающе качнул головой Рэйс. — Мы уже говорили на эту тему. И

возвращаться к ней я не желаю.

— Зато я хочу! Отправил детей и не говоришь куда! Я мать или не мать?! Я должна знать, где они, как?!

— Алена! Перестань. Не надо нервничать. С ними все хорошо. Они в безопасности. Придет время — вернут ся. Пока говорить об этом рано.

— А когда не рано?!

Рэй откинул носитель и подсел к жене:

— Что с тобой? Отчего нервничаешь?

— Овощ изображать надоело. У меня уже пролежни! И бардак кругом! Что происходит, ты можешь объяснить?

— Могу, если ты объяснишь, что происходит с тобой.

— Я уже объяснила!

— Алена, — качнул головой Рэй, теряя терпение. Девушка глянула на него и спросила:

— Где ты вчера был? По стопам Иллана пошел?

— Та-ак, — протянул Лоан: если подобные мысли рождаются в ее голове, значит, нужно срочно сменить обстановку. — Осложнений на оба полушария мы, похоже, не миновали. — Ладно. Вставай. Пойдем.

И нажал кнопку на браслете. Через пару секунд появились служанки и помогли одеться госпоже. Алену немного «штормило», но там, куда ее собирался отвести Рэй, это значения не имело.

Гэ-шу. Он специально выбрал его, чтоб обстоятельно побеседовать с женой без внезапных вмешательств со стороны. Времена наступили мрачные и опасные, Алену пора было просветить на сей счет, а заодно и выправить пару образовавшихся перекосов в психике.

Утес гостеприимно принял их на своем плато. На этот раз Алена не боялась, и полет вызвал у нее чувство щенячьего восторга. Она махала руками, как крыльями, и изобразила пару замысловатых пируэтов, чем насмешила Рэйсли и напугала стайку маленьких, с ярким опереньем птичек.

К приземлению девушка пребывала в самом радужном настроении. Лоан кинул на мох чемоданчик с провизией, сел и, открыв его, жестом пригласил жену.

— Прошу.

— Не-е, благодарю покорно. Хватит с меня, сыта. Ты меня, как индюшку перед Рождеством, откармливаешь, скоро стану толстой, ленивой и неповоротливой.

— Вот, если б на язык...

— И не мечтай, — скорчила ехидную гримасу девушка и хитро прищурилась. — Мы сюда есть пришли или как?

— Или как? Или где?..

— Или зачем, — Алена не спеша подошла к мужу и повалила на мох, легла ему на грудь. — Попался?

Рэй с минуту рассматривал лицо жены, боясь пошевелиться и потревожить ее.

— Ты что? Страшная стала, да? — забеспокоилась она, смутилась и попыталась отодвинуться. Рэй не дал, вернул на место:

— Нет, ты ничуть не изменилась...кьяро.

Она с минуту недоверчиво смотрела на него, пытаясь понять: лжет или нет? Хотелось верить, что — нет, и она поверила, улыбнулась довольно и попросила:

— Тогда поцелуй.

Рэй засомневался: достаточно ли она окрепла? Но Алена ждать разрешения сомнений не желала и прильнула к его губам сама. Через минуту мужчина крепко обнял ее, осознав, насколько сильно соскучился, перевернул на спину и ...благополучно забыл все колебания.

Через пару часов разомлевшая и абсолютно счастливая Алена лежала, упиравшись затылком в плечо Рэйсли, и смотрела, как стая крошечных птичек гоняла одну побольше, с рыжим опереньем. Девушка даже холода не чувствовала, пребывая в нирване. На душе было спокойно и радостно: она нужна и по-прежнему желанна, что еще нужно для счастья?

— Почему ты решила, что я пошел по стопам Иллана? — тихо спросил Рэй. Ворковская покосилась на него: муж смотрел в небо, положив под голову ладонь и имел абсолютно безмятежный вид.

— Не знаю, — потерлась щекой о плечо. — Тебя не было и вообще... ты давно не прикасался ко мне. Вот и подумалось. И потом, мужчина по сути своей не может быть верен одной.

— У нас моногамия, милая.

— Да? По Иллану видно. И Эльхолия обратное утверждает.

— А что она еще утверждает?

— Что ты рано или поздно, как и Иллан, заведешь себе наложницу. Вы же родные: одна кровь, одни гены.

— И давно она тебя подобной мыслью одарила?

— До болезни. Я пришла, а она расстроенная, нервничает, чуть не плачет. Я успокоить ее хотела, а она: " Себя успокаивай! Тебя то же самое ждет. Мужчины так устроены, милочка. Стремление к разнообразию у них в крови, но не стоит обращать на это внимания. Наложниц может быть много, а ты на всю жизнь останешься единственной, потому что жена". Нет, я знаю и все понимаю. Это с каменного века тянется. Нужно было увеличивать племя, а смертность большая, вот и ...осеменяли всех подряд, чтоб детей рождалось много. И потом, вам нужно подтверждение в мужской силе. Еще на втором курсе, когда вереница одногруппниц потянулась стройной колонной в ЗАГС, им наша преподавательница посоветовала: "Относитесь спокойно к увлечениям мужа, Мужчины так устроены, и если обращать внимание на каждую, к кому его потянуло, то и замуж выходить не стоит."

— Своеобразное пожелание, — хмыкнул Рэй. — Только к тебе не имеет ни малейшего отношения. Я флэтонец, милая, забыла? Мне подтверждать нечего. И если мы что-то и ищем, то жизненно необходимое — энергию, а не разнообразие.

— Ну, Иллан тоже флэтонец, однако ведет себя...

— Он женат на Эльхолии.

— О, повод! В чем разница? — Алена перевернулась на живот и заглянула в лицо мужа.

— Она способна лишь брать, но не давать. В ней горит огонь зла и возбудить она может лишь ненависть, но не желание. Она увлечена игрой в блеклую тлю, и уверен, не растает с этой ролью даже на ложе. Это утомляет ее и раздражает, рождает флюиды, отталкивающие любого, кто к ней приближается. Иллан, естественно, это чувствует, и видит. И выбирает, как всегда, легкую дорогу — бежит в сепришь. К Шэгоне. Той незачем лицемерить, играть обременительную роль. Ее жизнь мимолетна и она это знает. Поэтому, она спешит жить, не только берет, но и щедро одаривает, оставляет память о себе. Духовно она свободна, и все, что ей надо...

— Это любовь.

— Минута счастья в объятьях мужчины.

— Ты хорошо ее знаешь, — с подозрением покосилась Алена.

— Как и остальных. Всех, кто нас окружает.

— У тебя штат стукачей?

— У меня есть осведомители. Это естественно.

— А...наложница у тебя тоже есть?...естественно.

— Противоестественно. У меня есть жена. С ней забот хватает, — улыбнулся Рэй. — Весьма хлопотная особа: своенравная и дерзкая девчонка с характером дикого лауга. Еще и наложницу? О-о-о, благодарю покорно! Что я вам плохого сделал?

— Тяжко вам, мессир? День и ночь в заботах.

— Да, уж! Воспитываю, воспитываю, а она упрямая, неподдающаяся, все поперек норовит, да еще и оскорбляет, — скорчил он уморительно-несчастную рожицу.

— Ай, ай! Неблагодарная! — посочувствовала Алена, еле сдерживаясь, чтоб не рассмеяться, — А метод кнута и пряника применить не пробовали?

— Овладел в совершенстве, но, увы. Она у меня морально устойчивая, дрессуре не поддается. Надо бы, конечно, бить чаще, говорят, помогает. Да только наивность не выбьешь.

— О-о-о, она еще и наивна?

— И патологически доверчива. Покажешь на камень, скажешь — сейфер, и она тут же влезет на него и попытается угнать.

— Ну, уж нет! — возмутилась Алена и отодвинулась. Не смешно стало.

— Да, — посерьезнел и Лоан, — Я язык стер, объясняя тебе то, что очевидно для любого другого, а ты словно не слышишь.

— Это ты о чем и к чему? — села девушка, взгляд неприязненный в мужа вперила.

— К тому, что твои подруги — флэтонки. Здесь не Земля. Здесь любовь не имеет значения, это пустой звук, не имеющий ясного определения. Здесь только власть имеет значение. Не важно, в каком проявлении, над кем: над тобой, собой или всем миром. А ты ищешь то, чего нет и быть не может, а то, что есть, не видишь. — Рэй сел и холодно посмотрел на жену. — Живешь в иллюзии, старательно натягивая ее на глаза реального мира, не нравится он тебе, только не понимаешь, что он даже не замечает твои ухищрения. Он живет по своим законам. И хватит мучиться, метаться в попытке пристроить свои детские мечты. Брось их и открой глаза! Я понимаю, тяжело, но, увы, у меня нет времени ждать, когда ты повзрослеешь.

— Мне 20..— черт, сколько ей?

— Я бы дал -20.

— Спасибо, — кивнула Алена, обидевшись, и начала одеваться. — Извини, что рядом стою, такая недоразвитая.

— Извиню, если обещаешь впредь не хвататься за приворотное зелье только потому, что у кого-то назревают крупные семейные неприятности. Запомни, если тебя и дальше будут интересовать чужие проблемы, я обеспечу тебя своими, в большем количестве.

— Это ты о чем? — похолодела Алена. "Вот, влипла! Кто ж ему настучал?"

— Об одной особе, которая не знает, куда себя деть от злости и невосстребованности! И еще об одной, которая дает себя использовать вслепую! — Рэй схватил девушку за руку и подтянул к себе. Та хлопнулась, старательно кося в сторону, и спешно придумывала оправдание, но достойного довода не находилось, а привычное шипение и метод" нападение

— лучшая защита" к данной ситуации явно не подходили. Печально.

— Откуда взялся тот флакон?! Кто дал?! Массия?! — рявкнул Рэй, зло шурясь, и Алена вздрогнула, вжала голову в плечи, в глаза ему глянула, ответить хотела, да слова забыла, как обычно.

"И не надо. Так все ясно", — скривился Рэй, положил ладонь ей на затылок, к себе приблизил:

— Глупая девчонка, — выдохнул в лицо со змеиным шипением. — Эти знатные мэно презирают тебя. Власть, корысть и зависть — вот, что движет твоими подругами. Ты для них насекомое, забавное, но прискорбно живучее и тем раздражающее. В том флаконе, что дала тебе Массия, под соусом взаимопомощи и бескорыстной дружбы был яд. Ты и сама это поняла, да верить не желаешь, упираешься, потому, как придется объясняться, пересматривать свое отношение не только к ней, но и к остальным, а это неприятно, утомительно и о-очень больно. Ты ведь так дорожишь своими ветхими догмами, лелеешь каждый комплекс.

— Не верю. Это случайность. И...ерунду тебе наговорили твои соглядатаи, напутали. И завидовать мне нечему! Повода нет.

— Зависть сама его найдет. Ты дышишь, смотришь, разговариваешь. У тебя есть дети, муж, который каждый день восходит на твое ложе, а не на ложе наложницы. Твой брак подтвержден. Ты канно, а имеешь самый высокий статус. У тебя уникальное и-цы, сильное Ка, редкие по красоте волосы, вольный характер... Мало?

— Глупо, — покачала головой Алена. Рэй отпустил ее и кивнул:

— Да, но факт, — мужчина погладил ее по волосам и поморщился, видя, как поникла жена. — Я обязан предостеречь тебя. Вчера по наивности своей ты могла убить нас всех и чуть не умерла сама. Завтра на той же почве, с легкой руки своей подружки, ты можешь бездумно завершить начатое. Я прошу тебя, не приказываю, а прошу, как равную, разумную..., как жену и друга, не усугубляй положение, не верь фальшивым увереньям, советуйся со мной и не лезь в мужские игры. У нас есть враг, Алена, серьезный и очень опасный. И пока я не знаю — кто? Поэтому и вынужден вывести из игры детей, обезопасить их жизнь. Однако сейчас я склонен думать, что пора отправить куда-нибудь и тебя...

— К детям?

— Исключено. Ты приметна, найдут быстро и уберут. Всех.

— Тогда нет, Рэй, пожалуйста, оставь меня здесь. Я буду тихо вести себя. Правда. И ... прости.. — Алена уткнулась носом ему в плечо и зажмурилась: Господи, какая она черствая эгоистка! Он потерял отца, с братом не ладно, враги,... а тут еще она со своими капризами! И нет, чтоб пожалеть, согреть, помочь, так еще жизнь усложняет,... чуть не отравила.

"Какая же вы редкостная сволочь, Алена Владимировна!" — сообщил ей внутренний голос и Ворковская невольно поморщилась: хорошо, что мама не знает, в кого ее дочка превратилась.

И хоть бы одно оправдание собственной безалаберности, безответственности и равнодушию придумать, совести кинуть на растерзание, чтоб отстала, не душила виной, не маячила скорбной пучеглазой рожицей отвращения к себе, уродцу моральному...

— Ну, почему все так путано, не понятно! — скривилась девушка, лбом о плечо мужа потерлась, в глаза смотреть стыдно было. — Я ведь как лучше хочу, стараюсь! Я... Господи, как ты меня терпишь?!

Рэйс тяжело вздохнул и вперил очи в небо: женщины... О, Модраш, как можно понять

человека, который не понимает себя? Объяснить основы гармонии и законы биполярности мира, если он мечется меж двух полюсов со скоростью света, и никак не может остановиться?

— Милая, ты уж как-то реши, наконец, кто ты, кто я, место свое в этом мире определи. Может, тогда хаос и вокруг тебя, и в твоей голове уляжется? Я понимаю, ты женщина. У вас развито левое полушарие: эмоции, чувства. Вот они и превалируют в поведенческой и мотивационной структуре личности, но ни к чему хорошему они еще никого не приводили. Может, хватит давать им волю? Пора объявить себя хозяйкой собственного тела и разума.

Алена вздохнула:

— Я постараюсь, но это так трудно..

— Нет. Для этого надо всего лишь понять себя, выкинуть ненужные иллюзии и посмотреть на мир прямо. А тебе страшно. Вот он корень зла. Не я и не этот, чужой для тебя мир, а твой собственный страх. Тебе страшно признать себя женщиной, принять подчинение и зависимость от мужчины за естественное для твоего пола положение. Ты пропитана духом феминизма, бредовой идее о равенстве полов, а его нет, понимаешь? Мужчины- созидатели, а женщины — хранители. Это закон природы, главная заповедь гармоничного развития жизни, личности и мира в целом. Мужчины создают, руководят и направляют, в нас природой заложен ген доминирования, по праву более сильных, способных защитить. В вас заложен ген подчинения, потому что вы слабее. Он необходим вам не только, чтоб выжить, но для того, чтоб дать жизнь нашим детям, продлить род. Вы подчиняетесь, храните и передаете будущим поколениям память об их родителях, их делах. У мужчин развито правое полушарие и потому развита логика, рациональное мышление. Они идут дорогой разума, а вы, наоборот, дорогой чувств. И каждая дорога в отдельности — тупиковая. Представь одинокую женщину: она глушит свои инстинкты — ей некого хранить, не для кого жить, и она чахнет, превращается в завистливую неврастеничку, и мучает, пусть и неосознанно, и себя, и других. С мужчиной происходит тоже самое, пусть и в другом варианте. Он опускается в трясины равнодушия. Ему нечего создавать, потому что не для кого. В итоге нарушается ход событий, замедляется процесс развития. А теперь представь, они встретились. Образовалась монада, четкое звено в цепи формирования будущего. Хорошо и для них, и для всего мира, вместо двух моральных инвалидов появились две полноценные личности, которые продолжат род и вырастят минимум еще одну, полноценную личность.

Рэй смолк, устав от непривычно длинного монолога.

— Миф о двух половинках. "Ищите да обрящите". Только как ее найти?

— Перестань противиться своей сути. Да, ты не гений и никогда им не станешь, твое место не на вершине политической карьеры или на поле битвы, твое место в доме, рядом с детьми и мужем. И это прекрасно, понимаешь? Замечательно. Ты женщина и никогда не станешь мужчиной, как мужчина не станет женщиной, прими это за данность и увидишь своего созидателя.

— Отстал ты малость, у нас давно практикуют операции по изменению пола. И потом, не каждая женщина открыто признает главенство мужчины, а уж подчиняться?... Это себя не уважать. Тем более, надеяться на вас нельзя.

— Конечно, лучше изображать из себя мужчину и... плакать в гордом одиночестве, сетуя на превратности судьбы. Слава Модраш, что нас чаша сия миновала.

— Зато утром эта женщина идет на работу и доказывает всем на деле, что она умнее, целеустремленнее, надежнее и сильнее любого мужчины.

— Хотя все это лишь бравада и даже не назло другим, а наперекор себе. И на деле она и слабее, и ранимее, и глупее, и хочется ей не изображать героя трудовых будней, а сидеть дома и возиться с детьми, не взваливать на свои плечи уйму забот, а переложить их на плечи другого, но вашим женщинам трудно признаться в этом и себе самим. Время и стиль жизни, устой общества и основы социального положения не позволяют. Вот они и калечат себя, а заодно, весь ваш мир.

— Почему это?

— Потому, что занимаются не своим делом, лезут на чужую территорию. Амбиции, мечты о независимости. Вот они и становятся независимыми... от мира и истинного предназначения. А в ответ природа им мстит. Экстатическая пляска Кали по всей планете — естественный и закономерный финал данного процесса. Дестабилизация общества, снижение рождаемости, деградация личности, падение института семьи, болезни, войны. Хранители забыли свои обязанности и бросились созидать, и все, чтобы было создано, превращается в руины без их присмотра. Зато они очень заняты, творят хаос.

— Ты на Кали-Югу намекаешь? Ерунда. Некоторые пытаются вернуть матриархат. При том положении вещей, что у нас сложилось, вполне оправданное и единственно верное решение. Видишь ли, у нас с созидателями проблема. Вымерли, как мамонты.

— Потому что вы их место заняли. Что им творить? Этим заняты вы. И оберегаете некого. Разве себя от вас. Вот ваши мужчины и отошли в сторону, чтоб хоть грамм уважения к себе сохранить. Большие у них проблемы, — с ехидством заметил Рэй.

— Ага, они сами.

— Да, в этом ты права. Сами виноваты. Распустили вас.

— Да-а? А надо по морде и в конуру?

— Ну, за отсутствием других идей и эта бы подошла. Для начала. Я б еще и на цепь посадил.

— Вот! Из-за таких, как ты, и цветет криминал! И к мужской половине человечества плохо относятся. Только руками махать и умеете. Нет, еще языком работать: ля-ля-ля. А как коснись, все на женщине.

— Ах, бедная, умудренная опытом женщина, — качнул головой мужчина, развеселившись. — Тебе сколько лет, чтоб так рассуждать?

— Достаточно. С тобой вон год за пять идет.

— Примерно столько я б тебе и дал. Рассуждает она... Видала, перевидала... а сама два и два сложить не можешь, в приворотное зелье веришь.

Алена надуться хотела и в ответ что-нибудь ядовитое прошипеть, да подумалось вдруг: а ведь он прав. Что она знает? Что видела? Слышала лишь да читала ...из источников близких к достоверным. И уж если правде в глаза посмотреть, то баловала ее судьба, лишь с хорошими людьми сводила. И мужчины, коих она знала, личности сплошь достойные: папа, Сашка и братья-бухологи, и Сережа... что тот, что этот.

И все же буркнула из чистого упрямства:

— Много ты понимаешь. Сам на Земле пролетом был, а еще сидит, философствует, словно всю жизнь у нас прожил.

Рэй рассмеялся

— А почему нет? Говорят со стороны видней. Не слышала?

— Я много, что слышала. Каждый день слушаю. Уши вянут.

— За Родину обидно? Не переживай, тебя это уже не касается, — потянулся к ней Рэй,

желая обнять, и замер. Вдалеке шорох послышался, нарастающий. И вот через минуту сейфер пролетел. Затем другой. Мужчина вскочил и начал одеваться. Домой пора, надо узнать что происходит.

Алена скривилась: вот так всегда: "на самом интересном месте"...

— Инсургенты активизировали свои действия на границе. Совет собирается. Хотят расширить зону блокады до самого побережья и ужесточить положение. Роботехов в патруль набрать.

— А оружие применить не хотят?

— Есть и такое предложение, но пока его игнорируют.

— Понятно. Когда совет?

— Уже. Иллан там.

— Тогда, что мы ждем? — вскинул бровь Рэй.

— Еще новость, — Дэйкс вздохнул: не вовремя. А впрочем, может, и наоборот. — Вэрэн на границе. Посадка планируется послезавтра.

— К встрече все готово?

— Да, послал агноликов.

— Результат есть?

— 17 из 59.

Лоан загадочно улыбнулся и кивнул троуви:

— Что ж, неплохо. Пошли.

"И куда Рэй испарился?" — озадачилась девушка, обводя взглядом территорию парка. Ни одной живой души, словно вымерли все.

— Эй, Алена Перемудренная! — прошелестело над ухом. Женщина дернулась от неожиданности и вскинула взгляд. Знакомая физиономия земляка висела в метре от нее. Опять на крышу залез!

— Ты прописался там, что ли? — удивилась девушка. — Все под птицу шифруешься?

— Ага, "прячу тело жирное"... на крыше. Присоединяйся, — мотнул вихрами.

Алена прикинула путь восхождения, но не успела приступить к действию. Дощечка рядом брякнулась, зависла в полметре от земли. Экссер. Подъемник флэтонский. И когда она к их техническим средствам привыкнет? Ох, уж эти высокие технологии!

Через пару секунд, вспрыгнув на доску, девушка была на крыше. Села рядом с парнем обозревать пространство. Ничего пейзажик. Надоел, правда, до зубовного скрежета, но Рэй обещал, как только что-то прояснится, в город ее сопроводить, достопримечательности показать. И на Мольфорн обещал. И...много еще чего... Дожить бы.

— Рад, что не отравилась до конца, — хохотнул Серега и протянул ладонь. — С возвращением с того света. Зело рад, Ваша Брогородь!

Алена рассмеялась и пожала руку:

— А уж я-то как!

— Говорили ж тебе в детстве: " Не пей из лужи, козленочком станешь!"

— Запомнятовала. Склероз.

— А я переживал, веришь? Голову пеплом посыпать думал, — мужчина скосил глаза на челку и вздохнул. — Не стал. Думаю: чего прическу портить? Все равно ведь выживешь.

— Правильно, — хохотнула Алена, скептически оглядев «прическу» а ля Домовенок Кузя.

— Как отравилась-то? Язык, поди, прикусила?

— Ах, ты наглец! — в притворном возмущении вскинулась девушка и шлепнула мужчину по руке. Тот ладонями замахал, отстраняясь:

— Все, все, погорячился, ошибка вышла. Мир?

— Я подумаю, — повела та плечами.

— Королевна, — утробно проорчал Сергей и тут же скорчил невинную рожицу, ресницами хлопнул: а что, мол, ничего!

— Ну, ты и жук! Все укусить бедную девушку норовишь, а я, между прочим, ослабленная. После болезни особенно в тепле и понимании нуждаюсь...

— В ремне ты нуждаешься, на всю голову болезная, с бо-ольшой солдатской пряжкой! Разбаловал вас супруг, ваше величие.

— Шовинист!

— Старо.

— Садист!

— С чего это?! — выгаращил глаза мужчина и дури в них напустил. — Я ласку люблю...

— Щас, я тебя приласкаю! — потянула Алена растопыренные пальцы к горлу земляка, изображая голодного вурдалака.

— Э-э-э! Не надо, тетенька, я ж не мазохист. Такие ласки мне без надобности. Кстати, о мазохистах. Я тут такую пургу скачал, прямо сводный хор озабоченных чудиков. Из психдиспансера что ли транслируют? Слушаю и умиляюсь. Хочешь «шедевры» послушать?

— Откуда скачал-то? Из Интернета братьев-флэтонцев?

— Ага, — хмыкнул мужчина. — Для них наш Интернет, как для нас голубиная почта. Из экспериментальной записи рейдера скачал. Сутки нон-стопом, — и пропел. — "Русское радио, все будет хорошо!"

— Подожди, ты "русское радио" поймал? — не поверила Алена.

— Ага, — ухмыльнулся тот. — И еще пару сотню радиостанции с Земли и других планет. Да они мне без надобности. Слушать-то будешь? Или так обойдемся?

— Давай! — решительно заявила Алена и получила маленький наушник с антенной от лектора. Второй Сергей себе в ухо вдел, покрутил что-то на своем малахитовом браслете и грянуло родное:

— "...охотники за удачей птицы цвета ультра-марин.."

Алена растерянно хлопнула ресницами, открыла рот и протянула руку, желая потрогать гуэдо парня и удостовериться, что в нем не спрятан радиоприемник и компакт диск не затесался.

— Но-но, попрошу без нервных припадков! Врожденная гениальность и никакого мошенничества! — высокомерно заявил мужчина, задрал нос, а глаза смеялись, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Ка-как? — каркнула девушка.

— Я ж говорю, гений. Ты слушай и наслаждайся. С выздоровлением, землячка.

Алена прижала наушник, боясь выронить, и слушала, затаив дыхание, не желая пропустить ни одной ноты, ни одного родного слова. Сердце заняло разбуженной тоской по дому, и по лицу пробежала судорога: и плакать хотелось, и смеяться. Плакать не дали: Серега сидеть спокойно не мог, комментировать начал, и девушка невольно начала вслушиваться в тексты, включилась в игру.

— "...ты супер, детка, от взгляда такого скрываются редко.."

— Тра-та-та-та! — изобразил Сергей автомат Калашникова в действии. А тут и Земфира

подросла:

— ".. выстрелю в спину. Я не нарочно, просто совпало, я разгадала знак бесконечность.."

— А вот и гимн киллерам, — кивнула Алена. — "... где-то далеко летят поезда, самолеты сбиваются с пути, если он уйдет, это навсегда. Значит, просто не дай ему уйти..."

— Дуф-Дуф! — произвел контрольные выстрелы из пальца Сергей и сдул воображаемый дымок.

— О, а вот: ".. ты узнаешь ее из тысячи..."

Девушка выпучила глаза, страшно оскалилась и опять потянула пальчики к горлу парня.

"...и ее изумрудные брови колосятся под знаком луны..." — гремело в наушнике.

— Это ж какую степень косоглазия и дебильности надо иметь, чтоб такую не узнать? Чур, меня, чур! Изыди, сатано! — прогудел мужчина, отмахиваясь. — Кышь! О, вот и гимн женскому маразму!

"... ты меня не понял, я же пошутила, я ведь на минутку уходила. Опоздал мой поезд, ты уже с другою, ну, как же это больно, ты меня не понял. В небе парила перелетная птица, я уходила, чтобы возвратиться..."

— Не-е, о мужской тупости: не понял он ее. Она по-русски ему говорит: на минутку отошла...

— Ага, «отошла», — закатил глаза мужчина, изобразив скрюченный труп.

Эта игра настолько увлекла их, что они забыли и о времени, и о пространстве. Они словно вернулись домой и опьянели от счастья, куражились, смеялись, подпевали солистам, комментировали их произведения, высмеивали или напротив, восхищались. Уэхо уже плавно уходил за горизонт, а они даже не видели, не осознавали, что полдня провели на крыше, и не чувствовали усталости, наоборот только, казалось, вошли во вкус. Начали лихо отплясывать во всю мощь легких, сообщая окрестности очередной шпаягер: "В это трудно поверить, я вернулся домой. Ты открыла мне двери, снег вошел вслед за мной..." — несло над туглосом, приводя в изумление флору и фауну окружающей среды. У навеса стали собираться Агнолики. Стояли, задрав головы, с любопытством глядели на двух резвящихся канно и все силились понять: чтобы это значило?

Дэйкс вылез из сейфера и уже протянул руку, чтоб распахнуть дверцу перед сегоур, как услышал молодецкие вопли. Мужчина повернулся на звук и замер с протянутой рукой. Алена и тот самый мужчина, коего Рэйсли самолично не далее, чем год назад, отпустил на свободу в знак благодарности за спасение жены, в диких судорогах бились на крыше, перекрикивая друг друга и грозя свалиться на головы онемевшей от этого шоу страже.

— Та-ак, — прошипело над ухом, и Дэйкс дернулся. Рэй, не дождавсь его услуги, вылез сам и теперь стоял рядом, подперев бока кулаками и, хмуря брови, сверлил злобным оком новоявленных солистов. Мужчина тяжело вздохнул, хмыкнул и вдруг не сдержался, засмеялся:

— Ничего она у тебя болеет. Полгода, говоришь, восстанавливаться будет? Ну, главное, чтоб за это время здание восстанавливать не пришлось.

"Четыре часа дома не был. Всего четыре часа!" — тряхнул волосами Рэй.

Алена кричала, зажмурившись от переизбытка чувств, и дрыгала ногами: " Страшная, какая ты страшная, накрашенная и ненакрашенная.."

И вдруг смолкла — музыка кончилась. Девушка открыла глаза и увидела хмурую физиономию супруга. Не ласков был его взгляд и любимая поза сержанта ВВС хорошего не

предвещала, но то ли ослепла она, то ли от музыки ее контузило, только не испугалась, а наоборот, с радостным визгом бросилась на шею Лоан, чуть не свалив с экссера, крепко обняла, словно лишь его ей и не хватало для полного счастья, и замурлыкала ему на ухо: "... только мысли все о нем. Я к нему поднимусь в небо, я за ним упаду в пропасть, я за ним — извини гордость, я за ним одним, я к нему одному.."

Рэй прижал Алену к себе, вслушиваясь в слова, и почувствовал, как его оставляет гнев. Его жена сама жизнь, сгусток неумемной энергии. Нет, на столь непосредственное существо нельзя сердиться, да и не возможно.

Мужчина прищурился на Сергея и чуть заметно кивнул:

— Включай на всю мощь.

Тот моргнул, с минуту соображал, настороженно поглядывая на сегюр, переключил наушники на внешнее звучание, расслабленно вздохнул и, оттер испарину со лба.

Минуту назад, как увидел лицо господина, думал: все, пришел этот компакт—гробик в мокалинах по его душу. Освежает бедного «шоумена» за бардак, учиненный с его женой, прямо здесь. Нет, обошлось. Была б церквушка христианская, где поблизости, не поленился бы, сбегал, свечу благодарственную поставил...

Давно стемнело, а Иллан все сидел в комнате и поглаживал пальцами лоб, находясь в горьком разочаровании.

Братик... «Замечательное» заседание было. Отменное. Выставил его в нелицеприятном свете, всем показал — нет согласия меж сегюр. Специально? Естественно.

Заявил, что категорически против ужесточения режима на Мольфорне. И против зачистки, и против продления блокады, и против применения оружия, и против законов, приведших к конфликту. И против недальновидных и несвоевременно жестких решений Иллана, которые лишь усугубляют положение, но не в коей мере не разрешают истинную причину инцидентов.

И ведь он смог доказать, аргументировать свои слова, подкрепив их фактами. Убийственными для старшего сегюр. 2 000 погибших за год — секретные данные. Откуда они у Рэйсли? И зачем он их обнародовал? Чтоб пошатнуть трон Иллана? Предоставить доказательства его несостоятельности? Конечно, а зачем еще? Брат...

А через пять дней он обещал обнародовать и другие данные. Предоставить доказательства невинности окэсто в самом болезненном для любого флэтонца вопросе, указать пути выхода из кризисной ситуации. Кризисной — века! А он нашел решение. И выход. И готов его обнародовать, но в ответ желает, чтоб совет принял закон о равенстве прав окэсто и фэсто, снял блокаду и позволил вернуться инсургентам на свои планеты. Вздор!

Иллан с шумом вздохнул: стоило уйти Гвидэру и вот, пожалуйста, первый признак развала всей системы. Брат. Интересно, на что он надеется? На лояльность совета? Глупо.

И все же, против харизмы Рэйсли трудно устоять, и если сегодня он добился внимания влиятельных фагосто, то завтра сможет и манипулировать ими. А вот Иллану придется потесниться, если вообще, не сложить с себя полномочия сегюр. И кто теснит? Родной брат!

Помирились они...

Эльхолия стояла на балконе и вглядывалась в ночную тьму, туда, откуда доносились

звуки странной музыки, больше похожей на какофоническую симфонию безумца. Она щурила глаза, с вертикальными зрачками рассматривая две фигуры, тесно прижимающиеся друг к другу, и готова была завывать от разочарования, жуткой злобы и зависти к этой отсталой канно, которая выглядела мало абсолютно здоровой, так еще и счастливой. Она была нужна, ее желали. Рэйсли брал ее и-цы ласково, нежно, он хотел ее ...

Девушка скривилась, готовая заплакать с досады: почему ту желают, а она второй год не знает страстных объятий и спит в пустой постели, одинокая, изголодавшаяся и совершенно не нужная?

Эльхолия покосилась на мужа, сидящего в комнате, и презрительно изогнула губы: что он может ей дать? Сгорбленный, жалкий, расстроенный и сам по себе. А она для него, словно обременительное и бесполезное дополнение к интерьеру апартаментов. И не замечает, и не воспринимает.

Иллан вздохнул и встал, мысленно посылая в самые низкие слои астрала и совет, и брата, и его жену, и инсургентов, и своего никчемного троуви, и его сестру — всех. Вот вышел, прошел мимо жены, обратив на нее внимания не больше, чем на балконную колонну, и направился в сепришь.

Эльхолия проводила его неприязненным взглядом и раздула ноздри от бессильной злобы. Ну, почему он, не Рэйсли? Вот если б их можно было поменять местами..

А почему нет? Девушка невольно облизнулась и загадочно прищурилась: хорошая идея. Она выбрала не того сегюр, а теперь поменяет их. Одного уберет, второго себе возьмет. Это просто. Нужно сбросить со счетов Алену, а затем и Иллана. И все устроится, как нельзя лучше. Рэйсли будет одинок, с заботами о детях. Он не тот мужчина, что будет долго печалиться и спать в пустой постели, и детям его будет нужна женская рука, ласка. Он разумен и прагматичен, посмотрит на нее и поймет, лучшей кандидатуры нет. Тем более она останется за Иллана, а двоевластие с женщиной Рэй не потерпит. Значит, возьмет ее в жены и станет править единолично. Она согласится. Ради длинных ночей в объятиях этого дикого животного, с изумительным, сильным телом она готова уступить власть, в конце концов, она лишь женщина, а это намного приятнее, чем быть сегюр. ... Конечно, если рядом такой мужчина, как Рэй. Наверняка он великолепен. Впрочем, это она проверит заранее, чтоб не ошибиться, как с Илланом. И ни с кем его делить не будет. О-да!

Эльхолия даже облизнулась в предвкушении и тут же осекла себя — рано размечталась. Сначала дело, потом долгожданные утехи. И усилием воли уняла разбушевавшуюся фантазию, направила мысли в реальное русло. Нужно разработать план, учесть все нюансы, чтоб не промахнуться второй раз, и четко следовать его пунктам. Не торопясь. Нет, поторопиться стоит.

Рэй выпытывал ее насчет отравления, значит, подозревает...Стоп. Стекло у Алены, разговор о привороте- откуда такие идеи, и стекло...яд... О-о-о, да ясно все. Эта дурочка считает подругой ее и Массию, значит, Рэй ищет виновных меж ними. Конечно, Эльхолия в свете новых событий не может ею быть, следовательно, придется эту роль сыграть Массии. Рэй, конечно же ее убьет... Ну, и что? Не велика потеря, и цена за обладание таким мужчиной пустяковая, зато она будет вне подозрений, чиста и непорочна. Вот только Алорна. Племянница все же, дитя. Ну, это тоже не проблема. Фэйра после смерти Гвидэра вернулась к обязанностям жрицы, в кьет Модраш. Она не откажет новой невестке в просьбе принять девочку на попечение. Все устроится великолепно — Алорна станет жрицей, и душа Эльхолии будет чиста.

Остается связаться с братом и попросить помощи, не раскрывая карт. О, она знает, что делать!

Эльхолия довольно улыбнулась, кинула прощальный взгляд в сторону апартаментов Рэйсли и пошла в зал. Нужно связаться с Массией и попросить ее вызвать Алену к себе, а она направит туда могористов Иллана через Монтррой, чтоб убить дурочку. Так Рэй получит подтверждение вины Массии, Иллана, лишится жены, и первая часть плана благополучно свершится. Еще пару шагов: обольстить — без труда, Рэй горяч; убрать Иллана — тоже не проблема — Рэй и убьет, пребывая в уверенности, что смерть жены его рук дело. Вот собственно, и все. Два шага до прекрасного тела и сильных объятий. Ах, нет, еще Монтррой. Впрочем, он удовлетворится положением дел. Она ведь будет сегюр-мэно единолично, ну, в конце концов, мало ли что может случиться с Дэйксклифом? Жизнь длинная, а место троуви долго вакантным не бывает...

Эльхолия хитро прищурилась и нажала кнопку связи с шигоном брата. Она упредила их, что Алена подозревает Массию и, пока не поделилась своими подозрениями с Рэйсли, ее нужно срочно ликвидировать, и план, как это сделать, изложила. Массия согласилась без раздумий, отчего-то испуганная и несколько взволнованная, а Монтррой поколебался, сомнения его одолевали, и все ж согласился. Надоела ему канно.

"Вот и прекрасно", — ухмыльнулась девушка, душевно зевнула и пошла спать. Завтра ее ждут приятные новости, а как поторопить это завтра, если не во сне?

Утром троуви-мэно связалась с Аленой. Та приводила себя в порядок и не сразу подошла к надрывно пиликающей панели связи, а когда подошла и увидела, кто пытается с ней связаться, застыла в сомнениях. Минут пять думала — стоит ли отвечать? Что Массия ей скажет? Что она ответит ей? Но потом решилась: нужно дать подруге возможность оправдаться. Не чужие, чтоб из-за недоразумения обиды в себе лелеять. И потом, Господь прощал и нам обещал... или как там?

Алена махнула рукой: все равно не вспомнить, и нажала кнопку. В ванной тут же появилась расстроенная Массия. Видок у нее был еще тот, словно месяц не спала и два не причесывалась.

— О, боги, благодарю вас! Ты жива! Я...так рада, Алена. Прости меня, не знаю, как могло такое случиться? Как я могла перепутать? Да, откуда вообще взялся этот злосчастный пузырек?! Что я пережила за это время — и не передать! Ужас! Не иначе, кто-то подменил флаконы, тебя хотели убить! Будь осторожна, пожалуйста, будь предельно осторожна! Я столько раз пыталась с тобой связаться, предупредить...

— Успокойся, Массия, все хорошо, я здорова, Рэйсли тоже, остальное пустяк. Не стоит так переживать, — заулыбалась Алена: не прав был Рэйсли, мания преследования у муженька, только и всего. Нипричем ее подруга. Действительно, кто-то флаконы поменял... Может, Зила? Вот за это ее и выгнали.

— Нет, нет, я виновата. О чем я думала?! О, прости меня,... прости, чтоб и боги простили!

— Не поняла..

— Алорна заболела, Алена. Это мне в наказанье... Не знаю, что делать. Монтррой на совет улетел, я одна, а ей плохо...

— Подожди, — нахмурилась девушка, забеспокоившись. — В чем дело-то? Что плохо?

— Не знаю, не знаю я ... — зарыдала Массия. Это было невыносимо: огромные слезы не капали, а стекали по лицу, как вода из-под крана. Такого Алена еще не видела, бог миловал, и вот довелось. — Успокойся, Массия, я ...подъеду, и мы что-нибудь придумаем, хорошо? Главное, успокойся!

Та послушно закивала, но по глазам было видно — не верит.

— Не отпустят... — прошептала.

— Кто спросит? Жди, скоро буду! — отрезала девушка и, отключив связь, заметалась по комнате, спешно одеваясь.

Рэй просматривал предварительный отчет Вэрэна и Каргера. Молдодцы. После подтверждения кафиоров и сленгиров можно предоставить его и на совет. В обмен на принятие закона о равенстве прав фэсто и окэсто, снятие блокады и депортации инсургентов на родные планеты. А тех, кто особо виновен, можно и наказать в назидание остальным.

Впрочем, блокада, инсургенты, все это такая мелочь по сравнению с этим отчетом, что сейчас и думать о них не хотелось. Главное, результат экспедиции положительный, во всех отношениях. Это ключ к будущему всей планеты вообще и к напыщенным членам совета, в частности. Да, они за него на все, что угодно, пойдут. Однако, дай им волю, могут и засекретить. Нет, это не для частного употребления, а для всех. И любой, от фогосто до

эгнота в вопросе деторождения будет иметь равные права, как и в любом другом. Хватит делить нацию надвое. Пора разрешить вопрос с блокадой и приступить к строительству специализированных баз на орбите. Окрон не жизнеспособен в космосе. Это подтверждено. Впрочем, нужны дополнительные исследования, вот этим и нужно заняться, а не разрешать конфликты, вспыхнувшие на почве абсурдных законов.

В кабинет вошел Дэйкс и встал перед сегюр.

— Ну, — поднял тот голову.

— Она связалась с твоей женой. Вот запись разговора, — троуви протянул мужчине носитель информации. Рэй пробежал глазами текст и хохотнул: Алена в своем стиле. Хорошо.

— Наконец-то, я уже терпение терять начал, — довольно прищурился сегюр и потянулся, встал. — Готовь агноликов.

Алена стремительно неслась по залам к выходу и уже ступила на террасу, как кто-то перехватил ее за руку. Она вскинула недовольный взгляд и сморщилась:

— Рэй...

— Ага, а ты думала кто?

— Тьфу ты!

— Не знаю такого. У нас новый фаворит? — глаза мужа смеялись, и вообще он выглядел чрезвычайно довольным и добродушным. "Стоит воспользоваться столь уникальной и редчайшей возможностью" — решила девушка и умоляюще улыбнулась:

— Рэй, мне нужно к Массии. Аморна заболела, помочь надо...отпусти?

— Ты кафир? — выгнул тот бровь, улыбка приобрела змеиный оттенок.

— Я подруга.

— Это может помочь? Милая, Аморна окэсто, они болеют каждый день и помочь им не могут и кафиры, что сможешь предложить ты? Чудодейственное зелье бабушки-землянки? Еще один флакончик в кармане затерялся? Что на этот раз? О, попытаюсь догадаться — яд монии. Шугу уже не актуально...

— Перестань ерничать, Массия одна, понимаешь? Расстроена...

— Довод, — насмешливо кивнул Рэй: "И почему меня не удивляет, что она одна?"

— Речь идет о ребенке..

— Об окэсто.

— В чем разница? — всплеснула руками Алена.

— Действительно, — согласился Рэй и подтолкнул жену к выходу. — Хочешь пари? Аморны в шигоне нет. И Массия не одна, но с кем, ты узнаешь лишь в последний миг своей жизни.

— Ты больной, — качнула головой Алена. Рэй улыбнулся ей как голодный крокодилчик и кивнул, увлекая на стоянку сейфферов:

— Вот и проверим.

Сердце девушки неприятно заныло: "Неужели он прав? Массия хочет меня убить? Ерунда". Верить не хотелось, как и проверять. Но ее уже не спрашивали. В три сейфера садились Агнолики и Дэйкс, в один Рэй впихнул жену, сел рядом и нажал кнопку взлета.

— Ты что всерьез думаешь, она меня убьет? — спросила девушка через пару минут, озабоченная данным вопросом.

— Нет, — успокоил ее мужчина, — попытается.

— Тогда зачем столько охраны? И сам...дел больше нет?

— Ага, давно мечтал посетить шигон Аваншэллу. Говорят, зело великолепен и величественен. И потом, в моем списке на сегодня еще нет «благотворительных» дел. Хочу восполнить пробел.

— Ты смеешься? — чуть надулась Алена, с подозрением разглядывая довольную физиономию мужа: "Чего ж его так раздражает? Придурок! Но по сравнению с некоторыми... Монтррой вон " на совете", и что ребенок заболел — фиолетово. Тоже мне — отец! Нет, Рэй в этом отношении просто идеал. Послал бы всех разом и рядом с детьми был. За это я его и ценю..., а может, и люблю.." — Между прочим, тебя не приглашали. Массия тебя не ждет.

— Что и ценно, — ухмыльнулся Рэй:

— У нас говорят: "Нежданный гость- подарок судьбы". Вот и порадуем твою "подругу".

— А у нас говорят: "Незванный гость — хуже татарина".

— И в чем суть?

— Ну, иго было... — и запнулась: о чем она? Рэю их иго восьмьюлетней давности нужно, как ей основы селекции. Отвернулась к окну и притихла, думая: как Массия их встретит? Рэйсли она, конечно, не порадует, но Алене с ним все ж спокойней. Мало ли...

Ну, кому мало, а кому и выше крыши. Алене, например.

Не успел сейфер зависнуть на площадке перед шигоном, зданием в стиле Ренессанс, как из дома выбежала Массия, и, спустившись со ступенек, побежала по дорожке навстречу. Ворковская ринулась к ней, но лишь до дверцы, дальше Рэй не дал, оттолкнул вглубь салона, «ласково» улыбнулся и взглядом придавил — сиди! А сам вылез, спиной пространство прикрывая, так что девушка и увидеть-то толком ничего не могла. Зато услышала: протяжный свист, второй и приглушенные вскрики. Пара секунд и Рэй открыл обзор, приглашая супругу наружу. В руке у него было две стрелы. Еще одна лежала у ног, оцетинившись, как еж. О дверцу стукнулась и раскрылась.

Алена растерянно моргнула и пошатнулась, оглядывая пространство, нехорошо ей стало. Затошнило и в озноб бросило. Конечности словно парализовало — не пошевелиться.

— Это «здравствуй» от подружки. Можешь поблагодарить, заслужила, — кивнул жене сегюр, сунул в ладонь стрелы и пошел навстречу застывшей посреди аллеи Массии, окруженной агноликами. Слева и справа подходили другие стражники. Волоча по земле тела в темно-синей одежде с зелеными вставками — могористы.

Рэй, закинув руки за спину, не спеша подошел к мэно, покачал головой, насмешливо цокая:

— Ай, ай, ай, госпожа троуви. И куда ваш муж смотрит? Дела все? А жена покушениями на сегюр-мэно развлекается. Своеобразная забава...Как же так, второй раз и так досадно промахнуться. Собственный почин или кто надоумил?

Женщина гордо вскинула подбородок, посмотрела на него расширенными от ужаса глазами и прочла во взгляде сегюр приговор: пощады не будет.

— Ну, и? — поторопил Рэй, щурясь.

Алена на негнущихся ногах подошла к мужу и, привалившись к его плечу, уставилась на Массию. Две стрелы так и торчали из ее кулака — разжать сил не было.

— За что? — прошептала.

Женщина смерила ее презрительным взглядом и бросила:

— Скучно было.

Алена растерянно хлопнула ресницами: как же так?

— Что ж я тебе сделала, чтоб ...решиться на подобное?

— Скорей не сделала, — ответил за женщину Рэй. Та холодно посмотрела на него и спросила:

— Куда меня.

Лоан выгнул бровь: глупей вопроса он не слышал, разве что от Алены, но с той и вопроса нет. Ворковская же вскинула вопрошающий взгляд на мужа: что ты с ней сделаешь? Не можешь же ты ее казнить?..

"Могу. Легко", — ответил взгляд мужчины.

— Нет, — умоляюще прошептала девушка. — Она мать. И ...не нам ее судить.

И смолкла. По взгляду поняла — нет для Рэйсли доводов в оправдание вероломства женщины, и быть не может.

— Иди, милая, в сейфере меня подожди. Я скоро.

Алена нерешительно затопталась: и уйти боязно, и оставаться — какой толк? А тут стрелы еще эти. Отбросила, с брезгливостью на подругу глянула, на мужа. А те друг на друга смотрели, взглядами мерились. Массия на шанс надеялась, молила Анториса чтоб помог уйти безболезненно и других за собой не утянув. А Рэй ждал, когда Алена уйдет, не хотелось при ней к действиям приступать. Замучает потом претензиями, глупыми переживаниями, и его, и себя изведет. А та с надеждой на подругу смотрела, словно ждала от нее слов раскаянья, и на лице было написано: готова простить на веки вечные. Аминь.

Мужчина тяжело вздохнул и процедил:

— Иди к сейферу, — поторопил, понимая, что Массия может. Алениным мягкосердечием воспользоваться. И не успел, а та, естественно, момента не упустила, рухнула на колени, сложив руки на животе, в глаза тоски напустила и давай девушку умолять:

— Прости, ради Алорны, не хотела, что нашло, не знаю, помутнение, — а сама пальцами стилет нащупывала, спрятанный в складках туники.

Путаное признание, но Ворковская и такому рада была: все ж раскаивается. К подруге двинулась, да Рэй подойти не дал, перехватил, за спину задвинул, взгляд недовольный, жесткий. Массия мгновенно стилет выхватила и вонзила острие себе в ухо. Ни вскрика, ни стоны, только шепот посиневших губ: «благодарю». И все. Алена, как стояла, так и примерзла, не зная, что делать, замутило, в глазах темно стало. Рэй же над женщиной склонился, проверил и укоризненно на Дэйкса глянул: куда смотрел? Тот на полсекунды опоздал, да что теперь.

— Та-ак, — протянул сегюр. Ушла мэно и с собой всех соучастников забрала. И улик против нее нет, мозг поврежден, показания не снять. Опять тупик. Мужественный, конечно поступок, в стиле флэтонских женщин, да не кстати. Одно хорошо, перед советом отчитываться не придется. А лучше б пришлось..

— Зарегистрируй сэн-сэш, оформи и оповести близких. Передай Монтррой — захочет встретиться, я буду ждать.

Рэй встал и, прихватив Алену, пошел к сейферу, сунул милую внутрь, как саквояж, и рядом сел. Машина плавно взмыла вверх, оставляя место трагедии далеко позади.

Девушка все кусала губы и усиленно моргала: плакать хотелось, а не могло. Не укладывалась в голове смерть Массии и все. Ведь и десяти минут в шигоне не провели, а столько случилось. Что за мир? Что за жизнь? Одно радует — Рэй в смерти подруги не виновен, руки его чисты, и она может спокойно разговаривать с ним, в глаза смотреть без

содроганья. Вот тут она и заплакала с облегчением.

Лоан недоуменно покосился на супругу, но промолчал: нравится нервную систему расшатывать, пусть, повод шикарный: "любимая подружка" представилась, смерть жестокою приняла, кару лютую. Как ее не пожалеть, а себя? Н-да... Одно радуется, его она и за уши к этому делу не притянет. Не виновен, однако. Чист перед "святым ликом" Алены Лоан, не осквернил руки свои кровью аспида гремучего. Значит, себя винить будет. По ее логике, виновный обязан быть, себя на эту роль она и примерит. Наверняка на полдня приступ самоедства затянется.

Когда сейфер приземлился, Алена выскочила из него и помчалась в туглос, в тишине и уединении брак в составных своей личности искать да латать прорехи в безразмерной совести. Рэй же проводил ее равнодушным взглядом и медленно побрел к дому. Поднялся на балкон, сложил руки на перилах и осмотрелся вокруг. Погода нынче, как и дела, застойная. То ли похолодания ждать, то ли зной грядет и не догадаться.

Да, похоже, не зной — пекло.

Рэй краем глаза заметил Эльхолию, та крутилась, амплитуды выписывала, то замрет, то приблизится, то за дерево спрячется, то выйдет на площадку, и все ближе подбирается. К лицу с десяток масок перемерила и, наконец, на одной остановилась, «загадочной». Такая обычно у особо хитромыслящих в обиходе: в глазах обольстительный туман, вид скучающе непринужденный, а на лбу надпись — хочу!

Лоан фыркнул и сделал вид, что ее не замечает, а самого любопытство разбирало: что это невестка на его территории менуэт устраивает? Кого ей здесь обольщать? Не его ли? Н-да, веселый денек наметился и плодотворный.

Эльхолия скользнула вверх по лестнице, встала рядом с мужчиной, шею выгнула на манер гуся и лучезарно улыбнулась:

— Здравствуй. Скучаешь? — голосок ангельский с истомой, да вот аромат унылый, в подобный имидж не вписывающийся — запах прелых листьев абразии. Для кого как, а для Рэйсли — рвотное.

Он чуть поморщился, стараясь не обращать внимания на запах, но даже не пошевелился, лишь зрачки расширил, решив подыграть, лениво раздвинул губы:

— Решила развлечь?

Она вопрос за приглашение приняла, ближе пододвинулась, облокотилась на перила, спиной выставляя себя, и в лицо заглянула призывно:

— Если ты не против. Со мной...скучать не придется, — облизнулась и окинула взглядом, словно ценник прикрепила, — а ты красивый.

— А еще умный, сильный, обходительный.

— Я заметила, — мурлыкнула, пальчиками мышцы на руке обвела и еще ближе придвинулась, касаясь заманчивого тела. Рэйс выгнул бровь, уставился вопросительно, изображая недоумение, смешанное с любопытством. Девушка нырнула ему под руку и оказалась в кольце его рук. Посмотрела испытывающее и, не узрев ничего предупреждения, осмелела: одну ладонь ему на грудь положила, другой рукой осторожно начала его плечо от рубашки освобождать.

Рэй не противился, ждал: что дальше будет? Впрочем, и так ясно, но вот интересно, насколько далеко она готова зайти?

Эльхолия освободила торс мужчины и с восторгом разглядывала литую грудь, трепеща и улыбаясь в предвкушении сладкого момента, лизнула кожу, обвела ладонями.

"Что дальше?" — выгнул бровь Лоан.

— Поцелуй меня, — прохрипела и чуть нажала коготками, вонзая их в ребра, губы раздвинула, потянулась. Мужчина не двигался, смотрел на бледно-голубые губы и еле сдерживался, чтоб не рассмеяться. Эльхолия подождала, разочарованно вздохнула, прижалась, обхватив торс, и снова шепнула:

— Поцелуй.

Рэйсли обвел ладонью лицо девушки и сжал шею у затылка:

— А страсть украшает твой лик, — выдохнул ей в лицо, тем же тоном, что и она.

Эльхолия раздула ноздри, вдыхая аромат мужчины, пьянящий запах и-цы, и почувствовала, что больше не может сдерживаться, разгоряченная кровь уже стучала в висках, и тепло разливалось по телу, дурманя сознание:

— Возьми меня, — прохрипела, пальцы кнопку на брюках нащупали.

Рэй склонился к ее губам и тихо спросил, заглядывая в глаза:

— Ты действительно думаешь, что прельстишь меня своей бледной тенью, когда я имею яркий свет?

Эльхолия моргнула и непонимающе глянула на него. Доходило плохо, не тем голова занята была.

— Твое блеклое и-цы может прельстить лишь очень голодного, я же сыт. Я не нуждаюсь в скудном ужине со стола брата, когда мой стол ломится от яств, какие ему и не снились.

Эльхолия соображала не меньше минуты, и вот дошло — дернулась, в глаза презрения напустила и, попыталась высвободиться, но Рэй не дал, сжал шею сильнее и улыбнулся многообещающе:

— А как же развлечение? Мы только начали, куда спешить?

Девушка зло зашипела и вонзила ногти ему в ребра. Рэй ухмыльнулся и оттолкнул ее:

— Ты выбрала не ту стезю. Из тебя вышла плохая жена, но получилась бы искусная ... махо. ^[9]Это можно исправить. Подумай.

Эльхолия сверкнула глазами и рванула к обидчику, желая попортить ему лицо, но Рэй чуть отстранился и, без труда перехватив руки, ошутимо толкнул ее в сторону. Девушка полетела на пол и поморщилась от сильной боли, не столько физической, сколько моральной. Подобного унижения ей испытывать еще не доводилось, что и сердило сверх нормы.

— Генетический ублюдок! Мутант!! — прошипела она, с трудом вставая.

— Достойный лексикон для сегюр-мэно.

Девушка гордо вскинула голову и смерила наглеца уничижительным взглядом:

— Последствия общения с твоей махо! О, она достойна тебя. Такая же тварь! Вы стоите друг друга.

— Как и вы с Илланом. Ему крупно «повезло». Но, видимо, и он не так голоден, раз предпочитает тебе ласки тэн.

— Так же как твоя тварь предпочитает тебе земного раба!

Рэй вlepил ей звонкую, внушительную плюху. Эльхолию мотнуло, перед глазами замелькали звездочки, а из разбитой губы потекла кровь. Девушка замотала головой, придерживаясь за поручень, и украдкой огляделась в поисках свидетелей. Тогда можно было бы и наказание Рэйсли придумать. И как назло ни одной души в округе. Что ж, придется постоять за себя самой, и она рванула к сегюр, вытаскивая стилет. Взмах, подсечка, и мозаичный пол встретил ее нос с распростертыми объятями. Она оттерла кровь и

окончательно взбесилась, представив свое лицо через час. Да Иллан к ней теперь год не подойдет!

Однако продолжения не последовало. Как только она перевернулась, желая вскочить, Лоан впечатал ее в пол, сильно придавив ногой грудь, и произнес предостерегающе:

— Советую впредь держаться подальше от моей территории. Вести себя тихо и неприметно. Продолжай играть роль кроткой тупицы, она тебе идет. И запомни: женщины твоего склада вызывают во мне лишь чувство глубочайшего омерзения. Если я замечу тебя в роли махо еще раз, то порадую Иллана. А чтоб у тебя не возникали сомнения, на сей счет, советую внимательно посмотреть на крышу.

Эльхолия глянула и увидела тонкую окантовку по всей длине. Эгрис.

— Ты промахнулась, махо, обольщать нужно было на своей половине, — усмехнулся Рэй и убрал ногу.

— Животное, — прошипела Эльхолия, жалея, что не может его убить.

— Рад, что ты это заметила, а теперь, будь так любезна, избавь мое обоняние от запаха сгнившей абразии. Я не любитель столь изысканных ароматов, — процедил мужчина.

Девушка подскочила, как ужаленная, подхватила подол туники и стремглав бросилась вон. Рэй поправил рубашку, презрительно передернул плечами и кинул в пустоту:

— Если эта тварь появится здесь еще раз, гнать в шею, без скидок на статус.

— А если к госпоже? — тихо спросил Сергей, вынырнув из-за колонны.

— Без "если"! — отрезал сегюр и вдруг развернулся к канно, вперил в него тяжелый, немигающий взгляд. — Слышал, что она о тебе и моей жене говорила?

Тот замер, побледнев: "Приехали. Кажись, вокзал. До чего бабы стервы, метут языком, как подолом, доказывай потом, что ты не золотая рыбка!" Вот поверит сегюр этой сексуально озабоченной неврастеничке, и останутся от землянина одни сандалии.

Рэй закинул руки за спину, окинул парня пристальным взглядом, посверлил, словно буром, до самых нервных окончаний, так что того столбняк обнял, и чуть качнулся к его уху:

— Забудешь свое место, я тебя без анестезии кастрирую, — заметил проникновенно и зашагал в дом.

Серега минут пять пошевелиться не мог, паралич накрыл. Потом с шумом перевел дух и положил ладонь на пах, удостовериваясь в наличие и сохранности мужского достояния. И мотнул головой, стряхивая обморочное оцепенение: "Не забалуешь у Лоан". Кивнул себе, и побрел, на полусогнутых, к колонне, бдиль дальше. Не пыльная у него служба, да опасная и трудная. Для выживания, хлопотная, как впрочем, у любого из окружения Алены.

Иллан вылез из сейфера и затоптался на площадке. Домой идти не хотелось категорически. Состояние было отвратительное: усталость, угнетенность и опустошенность. Только общения с Эльхолией ему сейчас и не хватало. Призывные взгляды и смущенный румянец. И что хочет? Сегюр тяжело вздохнул: к Шэгоне тоже не пойдешь, днем связывался с ней — заболела, а другие наложницы не привлекали.

Сегюр качнулся и не спеша поплелся в свои апартаменты: придется выдержать унылый вечер с женой. Благо она молчалива и неприметна, и как фагосто нравоучениями его мучить не будет, а поскучать порой полезно, да и подумать в тишине есть о чем. Увы, сегодняшний день дал обильную пищу к размышлениям. Неприятным. Неутешительным.

Его чуть ли не отчитывали, как мальчишку. И каждый из членов совета норовил указать на промахи и недочеты, а еще Рэй. Что за отчет он собирается представить на совет через три дня? Очередная подножка брату? Опять даст надутым фагосто повод пройтись по самолюбию старшего сегюр? Замечательно! Что ни день, то «праздник», просто тоска по будням одолевает.

Иллан сел на софу, вытянул ноги и нажал пульт: поднос с шеврио и бокалами подплыл и остановился у подлокотника. Вино пришлось кстати. "Напиться, расслабиться и забыться" — таков был план на сегодняшний вечер. И сегюр приступил к выполнению первого пункта, а на втором его уединение нарушили. В зал вплыла Эльхолия и села рядом.

Мужчина покосился на нее и выгнул бровь: на щеке девушки красовался кровоподтек.

— Откуда? — поинтересовался Иллан, хоть и не имел не малейшего желания знать. И к собственному облегчению услышал:

— Упала случайно, — хотелось на Рэйсли наябедничать, да про эгрис помнила.

Сегюр промолчал: хорошо, значит, ни с кем разбираться не придется, и дополнительные неприятности и эксцессы сегодня не предвидятся. Правда, такой синяк, по его мнению, получить "случайно упав", невозможно, если, конечно, она не падала на чей-то кулак, причем, раз пять... Но раз жена промолчала, значит, не хочет говорить, а ему вдаваться в подробности без надобности — одной проблемой меньше.

— Приказать накрыть ужин? — тихо спросила Эльхолия. Иллан мотнул головой и хлебнул вина:

— Позже.

— У тебя неприятности?

Тот неопределенно повел плечами.

— Я могла бы помочь...

— Чем?

— Это зависит от проблемы.

Иллан вздохнул и покачал головой: поскучали! Если и Эльхолию тянет оказать ему помощь, значит, пора смело подавать в отставку.

И отчего его жизнь превратилась в бардак, а мир вокруг в хаос? Рэй?

Да, братец сидеть без дела не привык. Второй год на посту соправителя, а сколько плачевных перемен по всей системе с его подачи? Религия Модраш стала одной из главных вероисповеданий, Рэй субсидирует строительство кьетов и секретных экспедиций. Что за экспедиция? "И почему за моей спиной, без санкции совета?" — сегюр задумался.

— Иллан, я чувствую, что-то происходит. Что-то нехорошее. Почему ты не делишься со мной? Я хотела бы помочь.

— Как? Чем? Что ты можешь? Убьешь Рэйсли? — Иллан горько улыбнулся и погладил жену по голове. Та с готовностью кивнула:

— Если ты хочешь..

— Нет! Не он моя проблема, я — сам. Он...просто идет к цели, отмечая ненужное, взвешивая каждый шаг, трезво оценивая каждое задействованное лицо, а я...завидую, наверное. У меня нет цели. Это плохо. Похоже, твой муж ...не создан для принятия серьезных решений, а, следовательно, для власти. Увы, — Иллан поморщился и хлебнул вина. Неприятно осознавать себя слабым, никчемным, а уж признаваться в этом даже собственной жене...Нет, увольте. Женщины слабости не прощают. Им только дай повод — утопят в капризах и упреках. Начнут сравнивать с более удачливым, заведут привычку вместо вечернего и утреннего моциона зачитывать список твоих неудач и просчетов, а любой мелкий промах мгновенно возведут в степень смертного греха. Нет, спасибо, ему и без Эльхолии с лихвой хватает «доброжелателей» и «учителей», озабоченных его личностью и поступками.

— Я не согласна с тобой. Ты обладаешь массой редких достоинств...

— Лень, например.

— У тебя есть троуви. Он все сделает....

— Твой брат бросил меня сегодня. Исчез без предупреждения в неизвестном направлении.

— Наверняка у него были на то причины. А у тебя и кроме него, есть помощники...

— Да, — скептически поджал губы мужчина и отставил бокал, — масса... Давай ужинать.

— Иллан...

— Эльхолия, хватит. Я не желаю продолжать эту тему.

Девушка согласно кивнула, потупила взгляд и вдруг поняла, что ей надоела роль безропотного существа. Сколько можно и зачем?

— А я желаю, — заявила, смелая, и в упор посмотрела на мужа. — Желаю поговорить с тобой. Сейчас, а не «завтра» или «потом». Я не хочу занимать паузы меж особо важными делами: советом, наложницами, гонками на сейферах, друзьями, развлечениями...Я твоя жена! Извини, что напоминаю о своем существовании!

Иллан вздохнул и потер лоб:

— Ты не в курсе: сегодня электроимпульсная обстановка в норме?

— Да, как обычно!

— Да? Странно...

— Перестань! Неприятная тема, да? И как бы ее избежать? А сколько можно бегать? Я живая, понимаешь? Я хочу видеть тебя не только, когда болею. Или мне отравиться вновь, чтоб почувствовать себя женой?

— Эльхолия, я устал от претензий. Встань в очередь.

— А-а-а, члены совета тоже не довольны тобой? Так, может, стоит задуматься?

— Если ты помолчишь, — Иллан попытался взглядом воздействовать на девушку, но она не желала уступать. Она слишком долго терпела, подчинялась и молчала, теперь она вспомнила о чувстве собственного достоинства, о банальной гордости. Спасибо Рэйсли, напомнил, разбудил заснувшие качества, а то так бы и жила: то ли жена, то ли пустое место,

то ли молодая женщина, то ли древняя старуха. И чувствовала себя соответственно. Нет, хватит!

— Я буду молчать когда угодно мне, а не тебе! — предупредила она, одарив мужа по-мужски твердым взглядом. Иллан несколько растерялся, потер висок, взял отставленный бокал и озадачился: может, еще один метеорит упал в ночи? Где-то меж их туглосом и гаосто...только этот «пришелец» принес вирус, влияющий непосредственно на клетки мозга и награждает перекосами в поведенческой структуре? И кивнул сам себе, криво ухмыльнувшись: "Запросто! Осталось дожидаться троуви, братца и Алену, чтоб и они приняли активное участие в процессе обсуждения недостатков моей личности".

— Я...хочу, наконец, ясности в наших отношениях. Конечно, может быть, я выбрала неподходящее время для выяснений..

— О-очень неподходящее.

— Тем не менее, я настаиваю на разговоре. Иначе...ничего не изменится. Никогда. Завтра опять совет, твоя наложница, брат... твой, мой и масса других важных дел и персон. Я не желаю с ними конкурировать и ждать, когда мне представится возможность не то, что поговорить, а и увидеть тебя!

— Эльхолия, не нужно утрировать, мы видимся каждый день...

— Ага, во время приема пищи и в обществе посторонних.

— А что Монтррой стал посторонним? — скептически выгнул бровь Иллан, еще надеясь перевести разговор в шутку.

— Я не его жена, я твоя жена! — с нажимом выкрикнула девушка. — Я вижу его чаще, чем тебя! А общество мужа заменяет мне общество слуг!

Сегюр сжал зубы, повертел бокал: "" Хорошее" продолжение «удачного» дня!" И со стуком опустил бокал на поднос.

— Хорошо! Ты хочешь поговорить? Выяснить отношения? Замечательно! Давай! Правильно, хватит играть роль счастливых супругов, пора все расставить на свои места. Поздновато, правда, ну, да ничего, главное сподвиглись. Благодарю! — Иллан желчно глянул на девушку, отвесив ей насмешливый поклон и встал. — Твой брат мечтал, чтоб я заключил с тобой союз, отец не был против и ты, насколько я помню! Я не скрывал, что питаю к тебе лишь дружеские чувства, и раз 100 за год помолвки сказал тебе об этом. Ты знала, на что идешь, так что тебе надо? Что ты от меня хочешь?

— Признание меня женой! — вскочила девушка. — Признание нашего союза действительным! Я хочу чувствовать себя нужной, желанной!

— Ах, вот в чем дело, — качнул головой мужчина: " И всем нужно от меня больше, чем я могу дать... всем, кроме Шэгоны". И развел руками. — Я не могу тебе в этом помочь.

— Почему?

— Хочешь знать? Хорошо. Я скажу. И буду предельно откровенен, — Иллану хотелось пощадить ее чувства, но видимо настал тот момент, когда тактичность становится излишней и лишь усугубляет положение, запутывая ситуацию. — Я не питаю к тебе ничего, кроме дружеского расположения. Ты абсолютно не привлекаешь меня, как женщина. С тобой холодно и ...скользко. Извини. Наш союз — большая ошибка. Возможно — я виноват. Мы не должны были заключать союз, и этот разговор должен был состояться несколько месяцев назад,...нет, год, как минимум.

Эльхолия растерянно моргнула: меньше всего она желала подобной откровенности.

Иллан виновато посмотрел на нее:

— Я понимаю... твои требования естественны. Ты молода, красива, ранима и ... нуждаешься в сильном заботливом мужчине рядом, но это не я. Прости — так вышло, бывает. Но не стоит возводить это в степень трагедии. Мы живем вместе мало, есть время и возможность все исправить. Нужно исправить, необходимо. Так будет лучше и для тебя, и для меня. Нам всего лишь и нужно объявить союз расторгнутым. Ты согласна?.. Он еще не признан действительным, это будет легко. Заявления об обоюдном согласии на расторжение будет достаточно. Буквально через полгода ты сможешь взять другого мужа, более достойного. Я обязуюсь обеспечить тебя, обеспечивать. Ты никогда ни в чем не будешь нуждаться. Я буду рад остаться твоим другом, помогать всем, чем смогу. Всегда. Мы больше приобретем, чем потеряем, если наконец перестанем третировать друг друга обременяющими, пустыми узами.

Иллан наградил супругу длительным ступором. Она стояла, разведя руки в стороны, в немом изумлении и разглядывала мокасины супруга, силясь понять: в какой момент в его голове созрело подобное решение? Что послужила тому причиной? Она?

Нет, ни на что похожее она и не намекала.

Она холодна? Его к ней не влечет? Ерунда, отговорка, ложь! Он всегда приветлив с ней, отстранен, немного холоден, но ...заботлив, доброжелателен, а когда болела, был даже нежен. Нет. Дело не в ней — кто-то спровоцировал его, кто-то, имеющий авторитет в его глазах. Не Мнтррой, ясно. Арифа, Мансигэф, Таяф — неугомонные друзья-повесы. Те если и могут одарить Иллана безумной мыслью, то лишь в сфере приключений на его царственную голову. В их головах имеется лишь три направления извилин: свобода, экстрим, девушки...

Наложницы. Шэгона? Она больше не помешает Эльхолии, завтра она уйдет к своим пращурам, в пылу, бреду и собственных испражнениях. Хватит, потешила сегюр и сегюр-мэно. Эльхолия прослушивала все их разговоры, от слов приветствия до сладострастных стонов. Их беседы были незамысловаты, и в основном речь шла о пустяках, но иногда ... Рэйсли и Алена!

Девушка вспомнила, какие взгляды бросал Иллан в сторону невестки, его подозрительно трепетное отношение к ней. Вот она — причина. Змея! Мало этой наглой канно своего мужчины, она желает получить и чужого! Стерва!

Девушка побелела от гнева и вперила неласковый взгляд в супруга, гордо вскинув подбородок:

— Я не собираюсь расторгать союз. Этому не бывать, — заметила глухо и выплыла из комнаты.

Иллан молча проводил ее взглядом и кивнул: значит, попытка союзом будет иметь продолжение. Плачевное. И для него и для нее. Первые всходы уже есть.

Интересно, она слышала хоть слово из того, что он ей сказал? Наверняка нет. Если женщина слышит что-то неприятное для себя, она, как правило, старается это тут же забыть или переадресовать другому, чтоб не портить цвет лица излишними переживаниями и не награждать его «мыслительными» морщинками. Логично.

Мужчина грустно улыбнулся и, тряхнув волосами, пошел ужинать. Хоть это-то он может себе позволить? В тишине и покое принять пищу — он заслужил. Пусть это послужит некоторой компенсацией потрепанным нервам и изрядно подпорченному настроению.

Иллан ужинал, наслаждаясь одиночеством, и с тоской вспоминал холостяцкие деньки.

Но суетный день не желал оставлять сегюр в покое и передал свои полномочия вечеру. Начало положила жена, а теперь появился и ее брат.

Монтррой без приглашения, молча, с каменным лицом, несколько бледным и более замкнутым, не довольным чем обычно, прошествовал к столу и сел напротив сегюр, вперив в него тяжелый, немигающий взгляд.

Мужчина вздохнул, сплел пальцы в замок и, пристроив на них подбородок, ожидающе уставился на незваного гостя.

Троуви молчал долго: двигал челюстями, пристраивал брненное тело за столом, злобно пыхтел, шарил взглядом вокруг и усиленно молчал, словно онемел за то время, что Иллан его не видел. Отчего-то поведение троуви сегюр не удивляло. Он лишь тяжело вздохнул:

— Ну? Что у нас еще плохого?

— Моя жена мертва. Сэн-сэш. В присутствии Лоан. Я только от него. И не верю ни одному слову. Он обвинил Массию в покушении на сегюр-мэно. Возмутительная ложь!.. — выпалил тот.

Троуви переполняли негативные чувства. Он смолк и поджал губы, чтоб не сорваться и не осквернить слух сегюр отборными оскорблениями в адрес его родственников.

— Постой, — весть была неожиданной и Иллан несколько растерялся, потер лоб, соображая. — Подробности?...

— Лоан предъявил мне стелы, которые выпустили на моей территории в его канно. И заявил, что основные улики в ее голове, он, дескать, без труда предоставит их в случае необходимости, но сейчас не считает нужным тревожить жену. И так все ясно. Ему! — троуви грохнул кулаком об стол, не сдержавшись, и зажмурился, откинувшись на спинку кресла.

Массия... Порой он был несправедлив к ней, резок, не воздержан. Порой не замечал и игнорировал намеренно и все же был сильно привязан к ней. Она была его единственным другом, человеком, кому он фактически полностью доверял, на которого мог положиться, с которым мог поделиться и тревогами, и заботами, и радостями, не заботясь о том, что она подумает, как отнесется к нему. И вот теперь ее нет, и он остался один. Правда, остались еще Эльхолия и Алорна, но что к первой, что ко второй, Монтррой испытывал легкое чувство брезгливости. Они были лишь способом достижения определенной цели, нужными, но неодушевленными предметами, в то время, как жена являлась соратником, с которым он готов был разделить победу, для которой и готовил сладкий пирог всевластия и могущества. Она понимала его, принимала и помогала искренне, потому что цель их была одна на двоих. И вот теперь эта цель потеряла смысл.

Нет! Монтррой сжал кулаки — его цель имеет смысл! И более актуальный, чем раньше. Теперь он просто обязан добиться своего, чтоб порадовать жену, пусть и мертвую.

— Я требую независимого расследования. Требую жесткого наказания за содеянное. Требую смерти канно!

— Ты не в себе! — отпрянул Иллан. — Подумай, что ты говоришь? Горе руководит тобой и потому не понимаешь очевидного — ты требуешь невозможного. Рэй не станет лгать в столь серьезной ситуации, и сели он сказал, что покушение, было, значит, так оно и есть. Стоит начать требовать подобное, тебя ждет наказание. Тебя казнят по решению совета. Официально. Массия твоя жена, ты отвечаешь за ее действия! Если покушение имел место, ты не мог не знать о ее планах! И должен был вразумить, предотвратить! Как муж, как троуви, как фагосто и законопослушный гражданин!

— Ах, вот как! — отпрянул троуви. — Я во всем виноват?! Прекрасно! И доказательств не требуется: "Рэйсли сказал..". И расследование не нужно. Ничего не надо. Пусть, — и поддался к сегюр. — Ваш брат оперирует лишь домыслами, а не фактами. Он блефует, ведет грязную игру, удаляет ненужных, выбивая трон из-под вас! Вы неудобны ему! Вы! Это выпад в вашу сторону! Массия лишь начало! Следующей может стать ваша жена! Я! И вы! О-о-о, он найдет повод убрать всех, и докажет резонность подобного поступка, с легкостью! Он останется чистым перед всеми и займет ваше место! Вот куда он метит! Скоро вы убедитесь, что я прав, но боюсь, будет поздно!!

— Ерунда, это лишь домыслы.

— Домыслы, значит? — кивнул троуви и, откинувшись на спинку кресла, окинул сегюр презрительным взглядом. — Откройте глаза. Вы же не можете не понимать, что происходит. Через три дня совет, и ваш брат уже подготовил почву к столь знаменательному событию — настроил фагосто против вас. Что он огласит на том совете? Что за важный секрет откроет? Отчет экспедиции? А что за несанкционированная вылазка, пиратский рейд за спинами совета и правителя? Что он затеял? Почему засекретил все данные, по какому праву? Он единоличный сегюр? Тогда, кто вы? Какую роль вы исполняете? Роль пешки? Вот! Именно! Это он и докажет фагосто! И почва готова. Долго он ее удобрял, в доверие втирался. Теперь он. выкинет вас, как щенка...

— И что? — спрятал глаза Иллан. — Это не новость.

— Действительно, вопрос только: почему вы позволяете ему это? Не только не препятствуете, но словно и поощряете?

— Монтррой, — Иллан тяжело вздохнул и вдруг, ослепительно улыбнувшись в упор посмотрел на троуви. Похоже, сегодня у сегюр вечер откровенных признаний перед окружающими и перед собой самим. Не сказать, что приятно, но давно пора, точно. — Всем давно ясно, что я не справляюсь со своими обязанностями. Рэйсли будет лучшим сегюр, чем я, и хватит переживать на эту тему. Он может и должен править. Он гений в этой сфере, а я дилетант, которому не стать мастером, как бы ни напрягался. Я не знаю, что за важное сообщение он приготовил для фагосто, но уверен, оно потрясет не только их, но и весь мир. И я не буду мешать. Перемены всегда болезненны, порой неприятны, как правило, нежеланны, но они необходимы и закономерны. Глупый закон о разделении нации надвое давно не актуален, более того, преступен в какой-то степени. Мы лишаем прав собственных детей, рубим под корень будущее всей планеты. Нужно положить этому конец, иначе и на Викфорне вспыхнет восстание. Все равно это будет, но сейчас можно минимизировать количество жертв, держать под контролем русло перемен. Этого и добивается Рэй. Не стоит ему мешать. Он прав. И не жажда власти им движет, а тривиальный, забытый нами патриотизм.

Монтррой выслушал сегюр и понял лишь одно: он готов сложить с себя полномочия сегюр. Сдаться без боя, шикарно одарить мутанта, нелюдя.

— Вы — сегюр, Гвидэр готовилваск этой должности с рождения! — напомнил ему троуви, еще надеясь на что-то.

— Увы, мой друг, боги не согласились с желанием смертного. Они не наделили меня и толикой тех достоинств, что необходимы сегюр. Приходится признать, что отец был не прав. Моя стезя — свобода и независимость. Это я понял лишь сегодня. Поздновато, конечно, но... не поздно.

— Вы что, готовы сложить с себя обязанности сегюр? — подозрительно прищурился

троуви.

— Да, — кивнул мужчина и безмятежно улыбнулся. — Мне пора познакомиться с самим собой. Я с рождения жил чужой жизнью, по воле чужих желаний. Я потерял почти 40 лет, теперь я не желаю терять и дня, и потрачу оставшиеся 200 лет на себя, на то, что хочу я. Думаю, это будет белее увлекательное и плодотворное занятие, чем обременительная и угнетающая мою суть стезя правителя.

Веко Монтррой дернулось, лицо пошло пятнами. Неожиданное решение сегюр было для него, что холодная сталь у горла. Секунда и все кончиться. Все, ради чего он жил, к чему шел, ломая преграды, перешагивая близких и далеких, а порой и отпинывая, готовый к любому выпад, в постоянном напряжении и ожидании. И вот этот слизняк вдруг решил, что не хочет быть сегюр! Свобода ему нужна! Не власть, а свобода, словно она что-то стоит! Словно она важней! Может, он еще и от жены захочет освободиться?

— Кстати, — словно прочитал мысли своего советника Иллан. — Я разговаривал с Эльхолией. Думаю, нам не имеет смысла и дальше мучить друг друга. Я ...начну процессу расторжении союза. Конечно же, компенсация будет щедрой, и что ты, что она всегда можете рассчитывать на меня...

Троуви резко встал и, не дослушав и даже не взглянув на сегюр, вышел из залы.

— Как ты могла это допустить?! — прошипел Монтррой.

Эльхолия поежилась и прислонилась спиной к дереву. Ночная мгла окутывала не только парк туглоса, но и ее разум. Апатия, усталость и тоска — вот и все, чтобы сейчас при ней.

— Что молчишь? Нечего сказать? Дура! Сколько я тебя учил? Сколько предупреждал? Идиотка!

— Хватит, Монтррой, — умоляюще прошептала девушка, еле сдерживаясь, чтоб не расплакаться.

— Хватит! — ядовито передразнил ее мужчина, не находя себе места от ярости и гнева. Как он мог надеяться на эту тупицу? — Где он сейчас?

— Нянчится со своей тэн. Она умирает.

— Ты постаралась?

— Ну, не ждать же милости от богов.

— Нашла на кого время и силы тратить! — прошипел брат.

— Уходить надо, — тихо заметила Эльхолия, не обратив внимания на замечание. — Если Рэйсли действительно снимет показания мозга Алены, нам конец.

Троуви минут пять молчал, шурился, соображая, и вдруг загадочно улыбнулся. И гнев куда девался?

— Ей.

— Что "ей"?

— Ей конец. Нужно ее ликвидировать. Срочно. Тогда Рэю не до совета будет, а Иллану не до расторжения союза, и мысли об отставке угаснут. Стравить их нужно. Чтоб горло друг другу перегрызли. Через канно и стравим. А там посмотрим: кто кого. Последнего я убью. Со мной многие из совета, не нравится им происходящее. Войска со мной, значит, шанс есть. Сам сегюр стану.

— Как? — озадачилась Эльхолия и подозрительно на брата посмотрела: "Уж не тронулся ли он умом?" Массия так и лежит в шигоне, неубранная, Алорна одна, а он в фантастику ударился.

— Просто, как все гениальное. Будешь помогать и делать, что я скажу. Устроим покушение на наложницу и сына Дэйксклифа, а пока они бегать будут, убьем канно.

— Да зачем тебе эта тупица и мальчишка? — изумилась девушка.

— Мне они без надобности. Но Рэй, скорей всего, их к своим детям отправит, чтоб обезопасить. Вот и узнаем, где он наследников прячет.

— Ты сошел с ума! Детей?!..

— Замолчи! Не твоего ума дело! Хватит, ты уже планировала!.. Теперь настала моя пора действовать. Я не промахнусь, — губы Монтррой раздвинулись в хищной ухмылке, взор задумчиво шарил по окрестности. — Завтра, с утра, ты...

ГЛАВА 12

Рэй и Алена завтракали, когда в зал вбежал взъерошенный Дэйкс и, подлетев к столу, обрушил на него ладони:

— Рэй!!.. — и осекся.

Сегюр по виду и взгляду троуви понял: случилось нечто из ряда вон. Но его жене не к чему знать, что именно. Хватит с нее переживаний и тревог. Он фальшиво улыбнулся советнику, предостерегая взглядом. Тот словно очнулся, покосился на кьяро, застывшую в ожидании известий, и, скопировав улыбку сегюра, медленно осел в кресло:

— Извини, что опоздал к завтраку.

— Ничего, — милостиво кивнул тот.

— Что-то случилось? — поинтересовалась Алена.

— Да... опоздал к завтраку, — смущенно повторил троуви пряча глаза и схватившись за первое попавшееся под руку блюдо, пододвинул к себе, изобразив особо оголодавшего.

Девушка выгнула бровь: немного ли? Огромный салатник даже для Дэйкса, по ее мнению, великоват будет, не осилить. Ну, понятно, "тайны мадридского двора". Теперь и слово при ней не скажут, шифровальщики.

Да больно надо! Обиделась Алена и наградив мужчин высокомерным взглядом, встала:

— Пойду. Секретничайте.

И выплыла из зала. Дейксклиф проводил ее благодарным взглядом и сообщил:

— Наталью и Монтарриона пытались выкрасть!

— Пытались? — выгнул бровь Рэй.

— Да, охрана подросла. Их как раз волокли к сейферу. Наталья, конечно, в шоке, сказать толком ничего не может, икает второй час. С сыном все нормально, он и не понял ничего.

— Кто?

— Роботехи.

Сегюр кивнул: значит, кто инициатор — неизвестно. Лениво отодвинул тарелку и задумчиво уставился перед собой: не такие важные фигуры, близкие троуви, чтоб их красть, если только...

— Рэй,... — прервал его размышления мужчина, с надеждой глянул, просительно.

— Нет, — отрезал сегюр понимая, что тот просит защиты для своих. — Сдается мне, именно на это они и рассчитывают. Больше их красть не зачем. Ты не болтлив, Наталья твоя знает ничего не знает. Женщина она милая, но извини, недалекая и пугливая. От такой хлопот похитителям больше, чем пользы. И информации — ноль. Ну, если они, конечно, не

желали, чтоб их заболтали до смерти, — усмехнулся мужчина.

Троуви фыркнул и чуть расслабился: действительно, попутать его решили, не более.

— И все же... Мне бы спрятать их.

— Спрячем, — кивнул Лоан и загадочно прищурился. — А заодно, узнаем: кто у нас такой шустрый и умный?

Через пару минут он посвятил в свой план Дэйкса и связался со Стейпфилом. Тот, услышав приказ, преобразился на глазах, расцвел и облизнулся, как голодный людоед в ожидании деликатесов.

— Понял, господин. Не беспокойтесь, не упущу.

Монтррой выслушал доклад Гулгэста и довольно кивнул:

— Хорошо. Что еще?

— Они собираются сопровождать их.

— Проследи. Кого пошлешь?

— Анзигора, — хитро ухмыльнулся тот.

— Прекрасно. Устрой, чтоб он обязательно наследил. Потом доложишь, — троуви отключил связь и довольно рассмеялся: Анзигор- кэн могористов Иллана. Верный ему человек. Если его труп найдут, а об этом Гулгэст позаботится, Рэй получит крепкие доказательства в вероломстве брата. Схватка началась.

Он покосился на свое заявление об отставке и нажал кнопку доставки. Через пару секунд документ будет в носителе Иллана. Интересно, как он отреагирует? Скоро узнаем, а пока...

— Пошли, скоро Рэйсли улетит, — кивнул Монтррой сестре.

Алена, качая носком туфельки, сидела на диване и смотрела клипы. Рэй подошел, присел рядом на корточки и мило улыбнулся. Девушка фыркнула — змей! И выключила экран.

— Ну, и?

— Я уезжаю, возможно, буду только к утру.

— Ага, рекогносцировка войск?

— Примерно, — кивнул Лоан.

— Приказ по дивизии?

— Сидеть тихо и не выходить даже в парк. Это действительно приказ.

— С ума сошел? Да я от скуки свихнусь, — растерялась Алена.

— А ты постарайся ... "не свихнуться". Занятие себе и в доме можно найти, а за послушание... Если все получится, мы завтра же слетаем в эфриш, обещаю. Развеешься.

— У-у-у, — глаза девушки озорно блеснули. Она вытянулась и приложила ладонь к виску, — слушаюсь, Ваше Благородь! Так и быть, уломали, засяду в окопы и нос на вражескую территорию не высуну. Под диваном ховаться не придется?

— Надеюсь, — фыркнул Рэй и вновь напомнил: сиди дома. На террасу ни шагу, шоу на крыше не устраивать...

— Мужиков в дом не водить...

— По движущимся целям не стрелять..

— В затыг не курить, спиртное не пить...

Рэй хмыкнул, вздохнул и, поцеловав жену, покинул зал.

Монтррой вынул наушник и посмотрел на сестру:

— Звони, они покинули территорию туглоса.

Алена послонялась по залам и, наконец, нашла, чем себя занять, села отстреливать виртуальных гномиков. Не дали. Только одного дематериализовать и успела, как запищала панель вызова. Кто-то настоятельно хотел ее слышать. Девушка подошла и удивленно выгнула бровь: странно, на панели определителя ничего не было, словно звонили из великой пустоты. Уж не родственничек ли мужа объявился? «Обаятельный» дядечка с рожками?

Не-а, Эльхолия.

Подруга выглядела испуганной и несчастной. На щеке красовался синяк.

— Ничего себе, — вместо «здравствуй» протянула Алена и ткнула пальчиком в синеву. — Это что? Где успела?

— Это?... — Эльхолия смутилась, потрогала щеку, потупилась и вздохнула, — поранилась. Неудачная посадка. Извини, что осмелилась тебя побеспокоить, но обстоятельства складываются так, чтобы больше некого. Я...могу рассчитывать на твою помощь? Если, конечно, тебя не затруднит..

— Не затруднит, если ты внятно объяснишь, в чем она будет состоять.

— Извини... Понимаешь, мы немного повздорили с Илланом. Я решила улететь, куда глаза глядят, села в сейфер и ...в общем, он заглох. Не знаю, как это случилось. Если муж узнает, что я покинула туглос без его ведома...ты же понимаешь, что случится? Он придет в ярость, а я хотела бы помириться. Мне нужно домой, но, увы, сейфер не исправен. А еще... я, кажется, повредила колено..

— О, боже! Я сейчас же сообщу ...

— Нет, я бы сама это сделала, но тогда Иллан будет знать, что я улетела без его ведома, да еще одна. Ты ...не могла бы прилететь за мной?

Алена вздохнула: вообще-то она обещала Рэю сидеть дома... Однако, если б она оказалась на месте Эльхолии, то просила бы не менее униженно, дабы обезопасить свою психику от бурных потрясений. Рэй бы такой концерт закатил, мама моя, роди меня обратно...Да, придется выручать, дай бог, чтоб лететь не далеко и вернуться до возвращения буйных супругов, той и другой.

— Куда лететь? — деловито спросила девушка.

— Вот, — Эльхолия зачитала список из чисел и букв. — Запомнила?

— Ага, — поджала губы Алена, иронично скривившись. — Шутишь?

— Ох, извини, — покраснела подруга и, что-то нажав на своем браслете, отрапортовала, — сейчас получишь схему. Ты просто вставь ее в панель сейфера и он пойдет заданным курсом.

— И куда?

— Мольфорн, — скромно потупилась девушка. Алена чуть не присвистнула и вздохнула: не близко, однако. Вряд ли она до возвращения Рэя успеет.

— 27 минут полета, — успокоила ее Эльхолия. — Сможешь?

Алена кивнула:

— Жди.

— Только никому,...пожалуйста.

Связь пропала, а из щели внизу панели вылезла квадратная пластина, размером со слайд

диаскопа. Ворковская взяла ее, постояла в раздумьях и пошла переодеваться. Туника для подобных приключений не подходила, мало ли что? Еще и ее сейфер оземь грянет, будут вдвоем куковать... Нет, в брюках сподручнее, и аптечку надо. Что там у Эльхолии с ногой?

Алена посмотрела в окно и попыталась припомнить название местности. Однако с лектором по географии Флэта она общалась давно и многое позабыла. То ли приют миражей, то ли конец пути, что-то в этом роде крутилось в голове, но точное название так и не всплывало.

Далеко, однако, забралась Эльхолия. Бурый песок, уходящий в бесконечность и красно-синие скалы у кромки. Да, выбраться отсюда в одиночку огромная проблема. Ни городов, ни населенных пунктов, скалы, камни, песок и бескрайнее небо. Все в буро-красных тонах с синими вкраплениями камней и ни единого признака растительности — даже мох здесь не приживался.

Алена увидела сейфер подруги меж двумя высокими валунами. Он стоял на каменистой россыпи, отбрасывая блики. Эльхолия рядом пристроилась и со скучающей физиономией осматривала местность. Выглядела она вполне здоровой и спокойной.

Ворковская причалила в паре метров от нее, вылезла, вскинула руку для приветствия и вдруг дико закричала. Что-то острое прошлось по спине, как когти хищника, вспарывая мышцы. Она рухнула на четвереньки, не в силах устоять. Мелкие острые камешки впились в ладони и прогнали готовую поглотить ее тьму. Алена повернула голову, пытаясь разглядеть напавшего, и резко выпрямилась. Монтррой.

Мужчина с любопытством смотрел на нее и держал в руках стилеты.

— Добей ее! — послышалось рядом. Алена повернула голову на голос и горько усмехнулась: как просто и как глупо! Банальная ловушка для доверчивых дурочек. Эльхолия сыр, она мышка.

— Иуда! — бросила девушка, вкладывая во взгляд все презрение, на какое была способна.

— Переведи, — выгнула бровь Эльхолия.

— Предательница.

— А я давала тебе клятву верности? — ухмыльнулась та. Странные с ней произошли метаморфозы. Ничего от той "серой мышки", что знала Алена, не осталось: взгляд, выражение лица, походка, манеры — Медуза Горгона на уик-энде. И где кроткий агнец?

Алена сглотнула вязкую слюну и прижалась к дверце сейфера, стараясь пальцами нащупать кнопку и попытаться сбежать.

— Если твой муж узнает... — начала она стращать лжеподругу, пытаясь выглядеть достойно случаю: мужественной, бесстрашной и непоколебимой. В голове даже песня зазвучала: " орленок, орленок взлети выше в небо.."

Эльхолия хитро улыбнулась:

— А отчего ты решила, что он не знает?

Вот это был уже шах и мат. Значит, шанса нет, и ее убьют. Потому что Иллан так хочет. Деверь. Ее детская мечта. Сон. О каком же шикарном принце она мечтала! Дура!

Пальцы нащупали кнопку, но Монтррой буквально на секунду опередил ее и, схватив за плечо, подтащил к сейферу сестры, втолкнул и начал ремни пристегивать. Алена сопротивлялась как могла: брыкалась, кусалась, даже ногтями щеку троуви вспорола, в лицо

плюнула, метко, но слабое было сопротивление, и бесполезное — силы не равны. Она это понимала, но слова Рэйсли помнила: " просто — это не интересно", вот и противилась, усиленно. А хотелось махнуть рукой — делайте, что хотите. Раздавило ее предательство подруги и вероломство родственничка сильнее, чем могла подумать, действовало.

Монтррой спеленал ее, как мумию и выпрямился, кровь со щеки стер, злобно рассматривая бесноватую.

— Зря, Монтррой, она живучая. Нельзя ее отпускать, — заметила Эльхолия, с ненавистью глянув на Алену.

— Точно, — кивнула та, — вернусь. У меня теперь должок образовался, а я девушка обязательная, так что ждите, места себе для казни подыскивайте. Рэй вас четвертует! А я помогу.

Странно, но злости к этим моральным уродам она почти не чувствовала, а вот жалость — да. Уверена была, если ее в живых оставят, она найдет способ с Рэйсли связаться, и тогда останется от Эльхолии лишь подол туники, а от Монтррой — "светлая память". Очень ее муж человек невоздержанный. Прискачет во главе кавалерии агноликов, по макушку в щепень этих отморозков втопчет, ламбаду на них станцует и помчится с горячим приветом к братику, гильотиной порадует. Алена на этот раз роль заступницы проигнорирует. Хватит с нее теплых, доверительных отношений. Сыта флэтонским добродушием, до икоты.

— Убей ее! — ткнула пальцем Эльхолия, приказывая брату. Тот презрительно глянул на нее и качнул головой:

— Нет. Нет чести в убийстве женщины. Я не желаю иметь позорное пятно на своей душе.

— Ты шутишь?! Это канно!

— Я нанес ей серьезный ущерб. Раны не смертельны, но болезненны и кровоточивы. Это ослабит ее, а пустыня довершит начатое.

Алена удивленно выгнула бровь и вдруг рассмеялась: так вот какая участь ей уготована! Трусы и дегенераты. Убить нормально и то не могут все их на извращенные варианты тянет, даже в области эвтаназии. Мудрят флэтонские иуды себе на голову. Теперь она просто обязана их разочаровать и вернуться.

Монтррой нагнулся к ней и вкрадчиво заметил:

— Связь не работает, все технические средства неисправны. Ремни отстегнутся в момент посадки. Думаю, дней через пять и тебя, и сейфер занесет песком, так что и памяти не останется. В сердце пустыни часто случаются фуэро. Ты, конечно, сможешь выбраться и пройтись, чтоб посмотреть на них вблизи, но уверяю тебя, лучше не стоит и пытаться. Из этих мест еще никто не возвращался...

— Я буду первая, — подбодрила его Алена, широко улыбнувшись. Тот моргнул, пошарил подозрительным взглядом по салону, но ничего не нашел и кивнул:

— Мне импонирует твое мужество. Ты достойная жертва, — и нажал кнопку пульта, готовя сейфер к старту. — Передай привет Массии.

— Монтррой, она может выжить! — забеспокоилась Эльхолия.

— Не смей меня, ты, как любая женщина, склонна к преувеличению, — мужчина захлопнул дверцу, и сейфер плавно пошел на взлет.

Посадка была грубой. Ремни отстегнулись, и Алена полетела на пол. Тут же завыло

оповещательное устройство — сейфер не исправен и сейчас взорвется. Пришлось резко выпазить и отходить на приличное расстояние. Правда, он не взорвался, лишь внутри что-то полыхнуло, и он словно сморщился и застыл. Все. Ни к чему не годная глыба металлопластика. Теперь и дверцу не откроешь.

Девушка села на бурый, мелкий как манка песок и начала подсчитывать потери и составлять план эвакуации. Спину нестерпимо жгло, голова болела от встречи с полом, кисть правой руки, неудачно подвернутая при падении, чуть припухла. Все. Она пощупала спину, пытаясь отодрать рубашку, прилипшую к ранам, но образовавшаяся корочка не давала, больно. В итоге Алена оставила ее в покое, пусть. Снимать ее все равно не стоит, мало ли кого в пустыне встретит. То-то удивиться пешеход ее ню. Да и Уэхо раны обожжет, хуже во много раз будет.

Впрочем, этот «ленивец» вряд ли что-то обжечь может. Пустыня, а градусов 20, не больше. И здесь он не больно старается. И хорошо. Алене легче. Погорячился Монтррой, при 20 градусах любой выживет, это не Сахара, где + 40 в тени. Ничего, встретятся, она ему на недочеты укажет. А встретятся они обязательно. И с Эльхолией, и с Илланом. Главное не сидеть. Она не верблюды и скудный завтрак в ее «горбе» не задержится, а чувство жажды и голод — плохие спутники. Ей они точно без надобности. Значит, надо идти, вот только — куда?

И тут Ворковская вспомнила, как называется эта пустыня: "Последний приют" или пустыня Забвения. Многообещающее, даже «оптимистичное» название. Ну, да ей какая разница? Все равно она здесь свой приют лишь на пару дней найдет, не больше.

Алена наморщила лоб и произвела нехитрые исчисления, основываясь на имеющуюся об этом местечке информацию. Пустыня занимала 60 % суши Мольфорна и тянулась с севера на юг, до самого побережья. Не утешительно, но есть один плюс: если Монтррой действительно закинул ее в сердце пустыни — в середину, значит, есть шанс.

Как раз здесь, с запада в пески врезалась скалистая коса, отбирая пространство и огораживая плато Виллатау. А там люди, эфриши сленгиров. Правда, блокада, но для нее это значение не имеет, главное, что туда можно добраться. Так, сколько же это в километрах? Эпс — это 1 400 земных метра, то есть 1,5 км. А всего до скал примерно 135 эпс. Пополам — $67.67 + 135 = 202$. Ну, 200 км. Всего! 200 километров прошагать по песку не такой уж и подвиг. Ей по силам. Сколько это в день? 30 сможет? А 50? Предположим — 40, итого 5 дней пути. Ерунда.

Девушка приободрилась и, тщательно придавив червяка сомнений разудалым оптимизмом, поднялась с песка. Теперь главное — правильно выбрать направление. И в этом вопросе трудностей не возникло, проводник вон светит. Ему на запад и ей.

Алена зашагала по песку, спеша навстречу своему спасению.

Конечно же, за ними следили, и конечно, Стейпфил без труда перехватил любопытных. Экскорт сделал круг и вернулся, когда все уже было кончено. Рэй осмотрел импровизированное поле боя и недовольно качнул головой. Роботехи его не интересовали. А из живых больше никого. Правда трупы без повреждения мозга, значит, уже кое-что.

— Пусть снимут показания, проследи и возвращайся, — кивнул он Стейпфилу. Тот в ответ откинул ткань с одного трупа:

— Анзигор. Кэн вашего брата. И те — могористы.

Вот это Рэйсли не понравилось. Он кивнул агнолику: понял. И пошел к сейферу.

— Ты недоволен? — спросил Дэйкс, усаживаясь рядом. Сегюр задумчиво посмотрел на него:

— Что-то не так. Не знаю что, но чувствую.

— А, по-моему, все так. И улики. Твой брат перехитрил сам себя...

— Или мы.

— В смысле?

— В прямом. Не похоже это на него. И Анзигор....Просто слишком, словно специально. И не мы приманку устроили, а нас приманили.

— Ты не хочешь предъявлять ему обвинение? Сомневаешься? — удивился троуви.

— Да. И предъявлять мне ему нечего. Рано. Это лишь звено в цепи, и слишком незначительное, чтоб по нему добраться до «карабина», а мне нужен именно он. Звенья роли не играют.

— Ты хочешь сказать...

— Именно. Я могу, как сегюр, обвинить Анзигора в покушении на семейство троуви, но и все. Если показания его мозговых импульсов окажутся для нас бесполезными, нет смысла что-то затевать официально. Доказательств нет. Это скорей информация для нашего сведения, не больше. Я уверен, что так и будет.

— Хорошо, может, ты и прав, но... что делать мне? Я должен обезопасить сына и Наталью.

— Обезопась. Сына передашь Поттану, в кьете его не тронут.

— А Наталья?

— А кому интересна наложница? Много чести. Если хватать каждую с кем ты делишь постель...

— Понял, — заулыбался Дэйкс. — Сегодня же их будет с десятков.

Иллан третий час сидел в уединенной кабине высотки эфриша, тупо рассматривал сменный виртуальный пейзаж и все силился понять: что происходит в его жизни и кто тому виной?

Шэгона умерла. Так же скоропостижно, как и отец. Немного ли смертей вокруг? Не меньше, чем неприятностей. Может...это Рэй предъявляет счет?

Рэй отпустил троуви, а сам пошел в туглос. Побродил в раздумьях по залам и решил не спешить с выводами, дождаться слайда памяти Анзигора.

Сегюр пошел искать жену. В залах ее не было, а в спальне...Рэйсли озадаченно оглядел комнату, застыв на пороге. Кавардак был внушительный. Он бы подумал, что в его отсутствие сюда заглянул хошотт... если б не имел жену. Конечно, кто еще может учинить подобный разгром в собственной спальне и не удосужиться позвать служанок. Не иначе, сильно спешила. Интересно, куда?

Мужчина присел в раздумьях на корточки, взял валявшуюся под его ногами туфельку и поискал глазами вторую. Она была метрах в семи от первой, лежала у входа в ванную на куче белья. Шкафы открыты, вся одежда свалена на пол, образуя дорожку до постели. Обувь сброшена грудой прямо у шкафа.

Рэй поморщился. Алена устроила уборку? Пересматривает гардероб?

Сегюр выпрямился и, нажав кнопку связи на панели у входа, и затребовал жену перед свои очи с отчетом о проделанной работе, а сам в ожидании прошелся по комнате,

переступая женские наряды.

Груда обуви его заинтересовала. Он склонился к ней и не стал ломать голову, а просто нажал скрытую в недрах шкафа кнопку и через секунду знал: Алена взяла мокасины. А ведь именно эту обувь она не жаловала. Изящные, но абсолютно неудобные, с его точки зрения, туфельки на высоких каблуках, босоножки, тапки, сапожки, все это сотворили местные мастера по эскизам Алены и с потворства Лоан. Хочет носить неудобную, но привычную глазу обувь — пожалуйста. Что не сделаешь для милой, чтоб только меньше шипела? Тем более такая мелочь — туфли на убийственных каблуках, в земном стиле, чтоб возвыситься над окружающими и иметь возможность дотянуться до подбородка мужа...

И куда ж она в мокалинах собралась?

Рэй подошел к шкафу с одеждой и узнал, что жена взяла клетчатую рубашку и брюки. Получилась интересная картинка, сильно напоминающая эпизоды их жизни двухгодичной давности. Опять в бега? Сегюр прищурился, обводя взглядом разгром. Нет, она бы не стала оставлять комнату в таком виде, да и повода бежать не было. Настроение не то. Значит...

Рэйсли резко выпрямился и рванул к панели связи, не на шутку встревожившись. На этот раз на него, хмурая брови, смотрел Экзиостиф.

— Ее нигде нет, господин. Мы ищем.

Рэй дернулся:

— Сейферы?

— На месте.

— У Эльхолии?

— Даже не появлялась.

— Парк? Сеприш?

— Нет, — качнул головой страж, виновато пряча глаза. Рэй качнул головой: вот и все. Он был прав, предчувствие его не подвело, подвела самонадеянность. Засаду устроили им.

— Где Иллан? — глухо спросил сегюр.

— Возвращается из эфриша. На подлете уже.

— Эльхолия, Монтрой?

— Со вчерашнего вечера не появлялся. Похороны. И... есть информация, что троуви подал в отставку. А Эльхолия на месте, госпожу не видела давно. Мы ее спрашивали. С портами связались — там пока тихо...

— Она не сбежала, ищите, — отрезал Лоан и отключил связь. Но сомнения все же были.

К утру беглянку не нашли, и Рэй забеспокоился, злость на безрассудство и своевольность жены сменилась тревогой за ее жизнь. Не надо было ее оставлять здесь, нужно было, как и детей, вывести из игры.

— Это Иллан, больше никому, — в который раз заметил Дэйкс. Лоан кивнул: он или не он, вопрос, но с братом встретиться надо. Разведать, понять, и если придется — надавить.

— Приготовь гоффит, — приказал троуви, приводя себя в порядок перед встречей с братом.

— Зачем? — не понял Дэйкс.

— Как только Алена найдется, я отправлю ее на Землю. Здесь ей не место. Пусть дома поживет, ностальгию уймет, с родителями пообщается, а мы тем временем стабилизируем обстановку.

— А ...можно и Наталью с ней?

Рэй хмыкнул, разглядывая в зеркало озабоченное лицо советника: все о своей болтливой драгоценности беспокоится, "сокровище бесценное" — наложница... а впрочем, пускай с Аленой летит, присмотрит за ней в пути, да и Дэйкс переживать перестанет, отвлекаться на ее кудахтанье.

— Можно, — махнул рукой и накинул чистую рубашку.

Иллан, понятно, его не ждал. Сидел в кабинете, к заседанию совета готовился: лицо серьезное, взгляд туманный, рубашка расстегнута, в руке чашка фэй, у ног наложница, массаж ступней делает.

Рэй кивнул ей головой: вон! Ту мигом сдуло, а Иллан поморщился: ну, что за манеры! И вздохнул:

— Зачем пожаловал? — меньше всего ему брата видеть хотелось.

— Мимо шел, дай, думаю, проведу, о здоровье и благополучии осведомлюсь.

— Понятно, на троуви намекаешь? Соболезнований не надо. Ушел и ушел. Его право.

— Да, меня Монтррой меньше всего интересуется, — хмыкнул Лоан, развалившись в кресле напротив.

— Тогда что?

— А ты как думаешь?

Брови Иллана взметнулись вверх: наглец!

— Никак! Я не расположен твои загадки разгадывать. Надо что — говори. Нет — я тебя не приглашал, задерживать не буду.

— Однако, не рад ты мне, братец, — прищурился Рэй.

— Так ты не как брат приходишь, скорей, как враг, — парировал Иллан и устало вздохнул. — Может, хватит ругаться? Не надоело еще?

— Очень, — ехидно щурясь, кивнул мужчина. — Вот и пришел в мечтах о перемирии.

Иллан фыркнул:

— Не ерничай, настроение не то, — и подумал: "хуже нет приметы, чем Рэйсли с утра встретить. Теперь весь день кувырком пройдет. И что ему надо?"

— Вот и у меня "не то". Огорчил ты меня. Я ведь родственными чувствами к тебе проникаться начал, тепло, трепет какой-то, душевный почувствовал, а ты на моих слуг нападаешь...и жену, — и кинул на стол перед сегоур слайд памяти Анзигора. Тот с минуту настороженно разглядывал брата, потом взял слайд, оставив чашку фэй, и просмотрел. Лицо стало озабоченным.

— Откуда это?

— Сам знаешь.

— Нет! Не знаю. Да и не говори. Мне все равно. Это провокация. Я ничего не приказывал Анзигору. Зачем? Он всего лишь кэн. У меня, их только в туглосе 12. И с каждым общаться?

"Засуетился Иллан" — прищурился Рэйсли, нехорошо на душе стало, волной ярость поднималась.

— Да, лучше с Аленой пообщаться, приятнее, — заметил, глядя из-под лобья. У Иллана мурашки по спине побежали: никак опять какая-то беда с землянкой приключилась? И опять его винят?

— Слушай, — поддался вперед, по лицу судорога недовольства пробежала. — На Мольфорне, говорят, фуэро злобствовать начал. Не хочешь—ли и в этом меня обвинить?

— Нет. Я, видишь ли, женатый мужчина, и жена, естественно, интересуется меня больше, чем природные явления.

— Тогда причем тут я? Она твоя жена, вот ты с ней и разбирайся. Что за привычка каждый раз, когда твоя супруга устраивает очередную эскападу, винить меня?! Она опять сбежала? О-о, я не удивлен! Выдерживать твой нор — подвиг не каждому по зубам!

Рэй встал, подошел к столу и, чуть склонившись к парню, сказал:

— Ты ничего не знаешь о моем характере, но я выкажу его в полной мере, ознакомлю с каждым аспектом своей личности,...если через сутки Алена не будет сидеть в туглосе, рядом со мной.

— Это ультиматум? — холодно спросил Иллан.

— Родственное предложение. Ты возвращаешь Алену, я оставляю твою психику без шокирующих подробностей о своем нраве. Поверь, ее стоит пожалеть,...как и психику своей жены.

— Ты поднимешь руку на Эльхолию только потому, что в твоей голове зародилась бредовая идея, о моей причастности к исчезновению твоей... легкомысленной, неуправляемой сумасбродки?

— Легко, — с милейшей улыбкой кивнул Рэй и вдруг резко ударил Иллана по лицу так, что того мотнуло в сторону. — А это за оскорбление, задаток. Захочешь продолжения, подходи, — и пошел к выходу, кинув по пути. — Я даю тебе сутки. Время пошло.

— Я не знаю, где твоя идиотка! — вскочил сегюр.

Рэй остановился, развернулся и подошел. Иллан того и ждал, рванул на брата, желая нанести ответный удар, но слишком был взбешен, просчитался. Рэй чуть отпрянул, пропуская кулак, перехватил его, завернул руку за спину, толкнул к стене и прижал.

— Так узнай, — прошептал на ухо ласково. Тихонько ткнул в точку на позвоночнике, пристроил обмякшее тело на полу и спокойно вышел. Иллан смог встать через пару минут, но идти за Рэйсли уже не имело смысла.

Первый буравчик отчаянья появился в душе на второй день. "Может и прав Монтррой — не выжить" — подумала, щуря глаза на Уэхо, и тут же одернула себя: «Выживу!» 40 км она точно прошагала. Осталось 160. Мелочь.

Она сидела на песке в позе лотоса, давая передышку усталому организму, и казалась себе подгорелой гренкой. Хотелось спать, а еще есть, пить и положить на спину ледяной новокаин. Больно. И не знаешь, что больше болит: голова, спина или душа? Не ленилось Уэхо, однако, как стахановец жарило, и не 20, а все 30 выдавало.

Она чувствовала, что слабеет с каждым шагом. Противный песок расползлся под ногами, и они буксовали. А если на пути встречался невысокий бархан, то приходилось затрачивать на его покорение минут 30 не меньше. Хорошо, что их было мало, а то план преодолеть пустыню за пять дней, оказался бы не реальным. Сегодня она и 10 км не прошла, день, конечно, не закончился, но вряд ли, к вечеру она оставшиеся 30 пройдет. Марафонец из нее, увы, посредственный.

"А что из тебя не посредственное?" — разозлилась на себя Алена: "Нытик разве что. Ишь, расселась, рассуждает. Вставай, давай и иди!"

Но сил встать не было. Она дала себе пять минут форы, потом еще пять, еще пять сверхурочных, и вот уже час прошел, как отдохнуть решила. Уже не сидела, лежала, из последних сил стараясь не заснуть. Разглядывала бурый песок перед носом и злилась на светило, которое грело, где не надо, и почти не давало тепла, там, где было нужно. Ненависть была нарочитой и бесполезной, но не давала заснуть.

"Что в принципе и ценно", — вздохнула Алена и резко поднялась. Назло всем и себе — в первую очередь. Все-таки злость — самый прогрессивный двигатель.

"Вперед!" — мысленно указала себе путь девушка и напутствие произнесла: "Норма мазохистских удовольствий на сегодня вами еще не выполнена, Алена Владимировна, так что дерзайте, «целина» здесь не паханная".

И пошла за негодником Уэхо.

Когда Махонг навис над ней в ночном небе, Алена без сил рухнула на песок и мгновенно заснула.

Заседание совета прошло, как Рэйсли и планировал. Фагосто согласились с принятием закона о равенстве фэсто и окэсто фактически единогласно после оглашения данных экспедиции на Землю. Прения на эту тему, как и предоставление нового закона на обсуждение, было отложено на неделю из-за блокады на Мольфорне. По этому вопросу мнения разделились.

Иллан вел себя сдержанно и надменно, старательно игнорируя брата, и всячески препятствовал его предложениям. С его подачи была назначена независимая комиссия сленгиров для детального изучения предоставленных данных.

А в остальном ничего не изменилось. Прошли сутки, отмеренные Рэйсли, но Алена не появилась. О ней не было никаких вестей, не появилось и намек на ее предполагаемое местоположение. Ни один прибор Флэта не зарегистрировал ее присутствие на своей территории.

Это уже серьезно беспокоило. Рэй начал нервничать, но все же решил подождать еще

сутки, а потом приказал взять Эльхолию. Пусть Иллан поторопится, поймет, что он не намерен шутить.

— Алена, Алена... — тихий, как шелест, голос звал ее из забытья. Она с трудом открыла глаза и увидела лицо Рэйсли, как никогда желанное и красивое.

— Рэй... — прошептали потрескавшиеся губы, и он тут же исчез. Алена села и тряхнула головой: "Здорово! Четвертый день в пути, а уже глючит. Или пятый?.. Н-да, и память спеклась."

Девушка обвела мутным взглядом бурую местность. Песок до самого горизонта, куда ни смотри. Впрочем, и песком-то эту пыль не назовешь, все на этой планете не слава Богу. "Задом наперед и совсем наоборот!"

Сколько она там себе в норму пути отмерила? 40 в день? А что не сто? "Реалистка-оптимистка"! Пройди по этой пыли столько! Ноги вязнут, разъезжаются, барханы встречаются все чаще, и не обойдешь, а чтоб влезть на один, часа по два маешься, и столько же потом отдыхаешь. А еще этот «гриль» по кличке Уэхо. У-у-у, гад! Жарил под +50... А может всего +15, только она слишком измотана и, кажется, что пекло. И днем, и ночью жара, любой измучается. На Земле хоть в пустыне ночью прохладно, а здесь одинаково. Ни на час не опускается температура. И песок этот, может, оттого и бурый, что раскален. И не песок — пыль, распадается на жаре. Ползти по нему проще: с одной стороны, не вязнешь, а с другой — тяжелей, забивается во все поры, въедается, горячий, мелкий.

Алена лежала на этой пылеобразной «сковороде», как лещ, воздух ртом глотала и конечностями- плавниками елозила. А хребет-то уже подгорал.

Наверное, прав был Иуда Монтрроевич, еще сутки, и завернет свои «плавники» простая земная девушка, превратившись в обугленный шашлык в мокалинах. Спина уже пузырилась от ожогов, и каждое движение сопровождалось дикой болью, словно шампур, ввинчивающийся в тело.

"Весело"! Записки убогого путешественника. Рандеву для мазохистки. А может я и правда мазохистка? — озаботилась Алена. Сколько здесь живет, столько неприятности ее сопровождают.

"Не-е, хватит, пора ориентацию менять. Что-то меня это все притомило изрядно", — тряхнула волосами девушка: " Идти надо. Обязана идти. Рэйсу надо сообщить".

"А то он не знает ничего", — съехидничал внутренний голос. Вчера появился с вечера. То ли от усталости, от ли одуряющей пустоты внутри и вокруг. То ли предвестник отчаянья, то ли самой мадам смерти глашатай, а может банальная шиза доппельгенгером одарила, для непринужденности общения. А может голосовые галлюцинации естественные особенности пустыни Забвения?

Да какая разница? Другой альтернативы собеседника у нее все равно нет, а на безрыбье и устрица — акула.

— Тогда вставай и топай!

"Во, вывод, а главное в "тему",- мысленно усмехнулась Алена и послушно встала на четвереньки, проползла пару метров. Больше не хотелось, да и не могло. Противная пыль забивалась в ноздри, раздражая слизистую и гортань. Чих и кашель, чих и кашель. "У меня уже кактусы в легких проросли", — подумала девушка, раскашлявшись, как чахоточная. Хороша пустыня! "Краше не-ету..."

— Того свету! — закончил за нее гаденький голос.

— Отвяжись! — рывкнула Алена, получился писк агонирующей мышцы. Это несказанно разозлило и подвигло на героический рывок. Она встала и, стиснув зубы, пошагала к горизонту, пытаясь вспомнить, сколько человек может прожить без воды: 7 дней? 10?

Н-да, скудные знания. Не обременяли вы свое серое вещество, госпожа Лоан, излишней информацией. Неуч, однако, как бы и круче «Недоросля» Фонвизина.

Ну, и ладно. Вот выживет и станет спешно заполнять пробелы в знаниях. С утра до вечера начнет штудировать Олимп всевозможных наук, покорять непокоренное.

— Ага, ты выползи для начала. Рожденный ползать, говорят, летать не научится — крыльев нетути! Природа, мать наша, позаботилась, чтоб небо, значит, над головой обывателя чистое было, балластом не загаженное.

— "А я по шпалам, а я по шпалам иду опять по привычке..." — мысленно запела Алена, перекрывая саркастические ремарки доппельгенгера. Ну, его, и так худо.

Иллан пил шеврио лежа на широком ложе и смотрел на танцы новых наложниц. Рядом пристроились его верные друзья: Арифа и Таяф. Веселье только начиналось, но Лоан уже было скучно, более того неприятно. На душе сумрачно. Он хотел немного отвлечься от неприятных мыслей, забыться, но, похоже, зря выбрал именно этот способ. Друзья раздражали его своими шутками и громким гоготом, наложницы не прельщали при всей своей красоте и грации.

Он, конечно, старался активно участвовать в веселье, делал вид, что ему очень вольготно, но при этом в душу все больше и дальше закрадывалось мрачная меланхолия и горечь обиды на всех: от резвящихся друзей — повес до безрассудной канно, единственной причине его вечных распрей с братом. Может, ее уже убили?

Он бы хотел порадоваться: нет следствия, нет проблемы, но это предположение почему-то рождало не облегченное успокоение, а еще большее уныние и огорчение, чем воспоминание о стычке с братом. И он, в который раз, поймал себя на мысли, что завидует Рэйсли: его постоянные заботы и хлопоты, вынужденные треволнения были приятней необязательных, но весьма обременительных и угнетающих саму его суть обязанностей.

Иллан вернулся домой под утро в еще худшем настроении, чем уходил. Тут ему и сообщили: Эльхолия исчезла. Он без труда уговорил себя подождать пару часов и только потом, если ничего не изменится, идти к Рэйсли за объяснением. Что именно он стоит за этим, сомнений не было.

К обеду вестей о жене не появилось, и Иллану все же пришлось идти на встречу с братом.

Над ухом свистнула сталь. Мужчина вздрогнул всем телом и застыл. Учебный мэ-гоцо торчал из стены перед его носом и отбрасывал блики, чуть вибрируя от сильного броска — Рэй.

Тот стоял в паре метров от брата и с невозмутимым видом рассматривал узор на втором клинке. "И что с ним прикажете делать?" — тяжело вздохнув, подумал Иллан. Вот и пришел поговорить, мирным путем урегулировать возникшие трения.

— А если б промахнулся? — спросил тихо.

— Я? — вскинул бровь Рэй, криво ухмыльнувшись. — Испугался?

— Отнюдь. Ты чрезмерно и неоправданно ...невоздержан.

— Да? — мужчина медленно подошел к брату и встал, напротив прислонившись плечом к стене, слегка толкнул воткнутый в стену кинжал и тот вновь задрожал, издавая неприятный звук.

— Прекрати! — не выдержал старший сегюр и, выдернув нож, наградил родственника неприязненным взглядом, — ты удивительно "гостеприимен"!

Рэй оторвал взгляд от бликов Уэхо, играющих на поверхности узорчатой стали клинка, и вкрадчиво спросил, словно одолжение сделал:

— Разве я тебя приглашал?

— И не ждал? — ехидно скривился Иллан и тут же посерьезнел: взгляд Рэйсли стер с лица и малейшие проявления сарказма. В этот момент сегюр понял, что делается на душе брата, и загрустил, в который раз позавидовав столь крепкой привязанности к женщине. Он сел на землю, воткнул мэ-гоцо в мох и задумался о себе и своих привязанностях. Мысли были неутешительные, а местами и весьма прискорбные. Сегюр вздохнул.

— Я пришел поговорить с тобой об Эльхолии, только вот...есть ли в этом смысл? Ты ведь скажешь, что не знаешь, где она, хотя знаешь, и я знаю, что ее исчезновение — твоих рук дело,...но суть даже не в этом, а в том, что мне, по-большому счету, все равно — где она. Должно быть не все равно, а на деле — безразлично. Наверное, я ...посредственный муж, впрочем, и сегюр так себе, и брат...

— Ты желаешь мне исповедоваться? — неподдельно удивился Рэй, внимательно оглядев Иллана, и подсел рядом, чтоб ничего не пропустить: интересно, что с ним происходит? К чему этот душевный стриптиз? И почему перед ним? — Ты, кажется, принял меня за жреца Анториса. Я слышал: исповедь — их прерогатива.

Иллан грустно посмотрел на него:

— Странно слышать от меня подобное признание? Не веришь в искренность? чтоб ты не сомневался, могу поставить в известность: я подаю в отставку и расторгаю союз. Мои импиро [\[10\]](#) уже готовят документы.

Рэй посверлил его взглядом Фомы Неверующего:

— Что вдруг?

— Желаешь знать причину? Ты и, как ни странно, твоя жена. Удивлен? Понимаю. И для меня это стало открытием. Видишь ли, Алена ужасающе невоздержанна и своевольна, она совершенно непредсказуема в своей непредсказуемости, но тем и увлекательно интересна. Я долго удивлялся твоему терпению: ее причуды и капризы, прямолинейность, дикий характер и ограниченность интеллекта, а ее эскапады? ...И вдруг я понял, что завидую тебе. Ты обладаешь самой жизнью и оттого жив. Вы счастливая пара. Я никогда не причиню вам вреда умышленно. Не смогу, понимаешь?

Рэй отвел взгляд: великий оратор бесславно погибал в Иллане. Он почти поверил ему, почти проникся, почти зауважал. Почти.

— Есть одно «но»: Алена так и не появилась...

— Я не трогал ее! Да, пойми ты, мне незачем ее красть, убивать. Зачем?

— Я могу привести с десятков доводов...

— Оставь их при себе! Я не имею ни малейшего отношения к исчезновению Алены. Повторяю: ни малейшего! И будь так любезен, отпусти Эльхолию. Уж кто-кто, а она-то точно не имеет отношения к данной истории, с этим и ты не можешь не согласиться. Она и раньше ни для кого ничего не значила, а сейчас и подавно. В этом сюжете у нее самая неприметная и незначительная роль, кажется, именно это ее и раздражает.

— И Монтррой?

— О нем забудь. Он прошлое: отжившие и списанное.

— Что так? Вы же с ним друзья.

— Каждый когда-либо был чьим-либо другом. Что это значит теперь? Ничего. Он слишком много позволял себе, в частности, по отношению к тебе и твоей жене. Его агрессивность утомила меня.

"Вот это уже интересно", — Рэй чуть прищурился, рассматривая мох под ступней: "Значит, троуви был настроен против семьи сегюр? Не новость? Не хочешь ли ты сказать, братец, что мне стоит поискать Алену у бывшего троуви?"

— Я устал от распрей, Рэйсли, устал от одиночества и неприкаянности. У тебя есть жена, а у меня...нет и этого. Отпусти Эльхолию, пожалуйста. Я прошу о мизерной услуге, как об огромном одолжении: отпусти, не вмешивай ее в свои дела, не унижай меня в ее глазах. Она скоро покинет нашу семью. И я хочу, чтоб она унесла с собой не горечь обиды, а тепло воспоминаний.

Рэй, ни слова, не сказав, встал и пошел в сторону туглоса.

Иллан проводил его расстроенным взглядом, в надежде, что тот хоть обернется, даст понять, что слышал, понял, проникся, но так и не дождался.

Ответ он получил через час: Эльхолия вернулась домой живой и невредимой, если не считать небольшого провала в памяти. Она не помнила, что с ней случилось после того, как она вышла в сад и до того, как очутилась в нем вновь.

На какой день пути на горизонте появились остроконечные зубья скал, она и сама не знала. Давно со счета сбилась. Что день, что ночь, слились в ее помутненном сознании воедино. Она уже и не спала — забывалась, и чаще, чем хотелось бы. И не шла — ползла, то, уговаривая себя, то ругая.

Все чаще ее душил сухой кашель, бесцеремонно вытряхивая из забытья, выворачивая наизнанку и желудок, и трахею. А еще призраки зачастили, шатались по ее необъятному «саркофагу» многоликой толпой и все манили в "даль светлую", не иначе, как на тот свет.

Рэй их разгонял, генералиссимус! Появится, склонится над ней и рявкнет: Вставай! Ты можешь! Ну, хватит отдыхать!

После такого окрика любое привидение ретируется, а уж что об Алене говорить? Вставала, вернее, просыпалась и ползла: отвяжись, милый!

Иногда она руки к нему тянула — помощи! И почти дотрагивалась, а он вмиг исчезал, словно не было, только воздух качался.

Нет, краем сознания она понимала — Рэйсли здесь быть не может, глюк это, но как хотелось верить в материальность его образа, когда он появлялся вновь! Ведь если он рядом, она сможет, ради него, чтоб гордился. Она ведь любит его. И почему раньше даже мысли подобной не допускала? Содрогалась от одного предположения? Ну, конечно, как это умница-раскрасавица в какого-то ящера инопланетного влюбится?! Щас! Лесом, господа, лесом! "Мама, а я робота люблю", песенка не про нее. Разве ж можно так себя не уважать? Не ценить? По собственному почину опуститься ниже асфальта? А потом с подобным плевком в родную любимую душу жить?! А гордость, как же? Независимость? Самолюбие? И прочая и прочая...

Только вот это «прочая» куда-то исчезла в этой пустыне. Истаяла, видать, под лучами Уэхо, и следа не оставила.

И чем она раньше думала? Какими глазами смотрела? Все патологию искала, придиралась, поводы к недовольству изыскивала. Каждую мелочь в громадину превращала. Заняться нечем было? Теперь вот есть. Ползет по песку, как сонная, осенняя муха по стеклу, да еще мыслить пытается. Думает она! А раньше недосуг? Конечно, были "дела важные": себя, любимую, потешить, приключения найти и мужа сровнять с...ниже некуда.

Вот теперь ее «ровняют», и приключений, о коих душа болела, на дивизию хватит...

Лишь бы доползти, а там она исправится. Все Рэйсли скажет: и про брата — Иуду, и про свою любовь, и про то, что он самый лучший, и она согласна стать его хранителем, а что он ее создатель, уже и сомнений нет.

Только доползти бы до тех скал, не свихнуться окончательно, не свариться. Ведь вот камни, рукой подать. Почти. Столько шла...

Главное, чтоб они миражом не оказались. Вот этого она сильнее всего боялась: доползет из последних сил, пальцем ткнет, а они, как и другие призраки, растают, и все, финиш, можно завещание составлять.

Нет, можно, конечно, потешить себя надеждой, что откроется второе дыхание, но откуда ж ему взяться, если уже и третье, и пятое, и двадцатое израсходовала? И оптимизма-то не осталось, упрямство одно в «аккумуляторах», на нем и ползет. И не отчаянье уже маячило, а апатия, авангард скелета в истлевшем саване с косой. Радовался уже чудный дистрофик, челюстями в предвкушении клацал, слюной исходил.

А вот фиг тебе! Она доползет! И выживет! Кыш, придурок, не дождешься!

Еще рывок, еще, взгляд воспаленных глаз вдаль, туда, где каменные зубья скал, вожделенные, как голодной стае волков одинокий путник в зимнюю ночь, и призрачные, как Шамбала.

К ночи «батарея» села, и Алена забылась, ткнувшись лбом в песок. Минута, другая и девушка отфыркиваясь, перевернулась на спину (бог с ней, с болью, переживет), зато пыль глотать не будет, и закрыла глаза. Она чуть-чуть передохнет, самую малость. И опять в путь, немного осталось до скал, и они реальны, не может быть, чтоб это ей лишь казалось. Мог ведь Рэй ошибиться насчет справедливости? Мог. Есть она. Значит, и скалы эти реальны. Скоро убедится. Обязательно. Главное, верить. И желать. Очень, очень верить и очень сильно желать. На это у нее еще хватит сил.

Нет, не мираж и не плод ее воображения. Вот они — рука нащупала шершавую, теплую поверхность камня, первого, выглядывающего из песка сантиметра на три, а вон еще и еще. А там скалы и наверняка люди. За ними. Не здесь, конечно. Какой идиот здесь жилье расположит? Добровольно жить захочет?

И как к ним добраться, если сил нет, даже до второго камня доползти?

— А как же героические гены? — ехидно поддел голос.

— Спят, — буркнула Алена.

— Тогда буди, самое время.

— Они вечным сном спят. Не добудиться.

— Ну-у, тогда и тебе пора. Баю, баюшки, баю...А жаль. Ведь вот он, приз для особс живучих экстрималок, только руку протяни.

Алена вздохнула и поползла. Вскоре камней стало больше, чем песка, и они царапали тело.

— Кончай изображать гусеницу, ползущую по наждаку, а то к людям такими темпами

только уши доползут. Вставай, убогая, — фыркнул голос.

Девушка полежала немного и начала подниматься. Тяжело это давалось. Тело заваливалось, не желая слушаться, ноги не держали, руки тряслись, да и голова подводила — кружилась. Перед глазами каруселью, проплывали камни, скалы, песок — звездочки и звон в ушах. Потом опять тем же списком. И как она не разбилась? Не иначе клыкастый божок свою длань подставил, уберег подопечную. Жива осталась, только щеку раскроила да ладони в кровь оцарапала. Вяло кровь текла, густая темная. Алена слизнула ее с ладошки шершавым языком и не почувствовала вкуса.

Полежала еще, собирая силы на второй раунд борьбы за свою никчемную жизнь, и села. Голова опять кругом пошла, в уши, словно ваты напихали, и в желудке бунт наметился. Но ничего, посидела, проморгалась и полегчало. Можно и дальше. Сможет.

Смогла. И встать, и даже пару шагов сделать, вялых, черепаших. Все, на том ее марафон и закончился, отказали ноги, подкосились. Плевать им на ее оптимизм и решимость. У них свое мнение на сей счет образовалось.

Алена вцепилась в огромный валун и сползла по нему, обдирая щеку и пальцы. Так и застыла колени на россыпи камней, тело на поверхности глыбы, как обоина на стене. Сначала дух переводила, пытаясь задержать приступ кашля, справиться, а потом и вовсе вставать расхотела, сроднилась с каменной поверхностью и уже не различала: где она, а где он. Тепло под щекой, удобно, уютно, так бы век и пролежала. "А ведь идти надо", — подумалось некстати, и мысль эта не понравилась, спазмами в желудке отозвалась.

— Правильно, не надо. Лежи. Загорай, как ящерица. Глядишь, лет через 300 археологи местные тебя вот в такой позе и найдут, натянутую на эту глыбу, как шкурка кролика. Будешь экспонатом тесного содружества живой и неживой природы. Порадуешь деятелей флэтонских, гипотезой какой-нибудь бредовой одаришь, из серии: "истина где-то рядом".

— Отстань! — взмолилась Алена и глаза приоткрыла.

— Да, пожалуйста! Лежи. К ночи из тебя шикарное барбекю получится, пальчики оближешь. Там дальше тень, а может, и вода, но ведь идти надо... — глумился голос.

— Достал! — скривилась девушка и с огорчением оторвалась от удобной «лежанки», с трудом поднялась с колен, побрела по камням, то и дело рискуя упасть.

Может, и правда там вода? Значит и жизнь.

Нет, нельзя ей умирать. У нее дети, муж, «долги». Да и не умирают дважды. Дома-то ее точно мертвой считают. Сколько уж прошло с того дня, как она исчезла? Наверняка уже схоронили и отпели, значит, жить ей теперь долго, примета такая есть. И, конечно, счастливо. В этом она сама постарается, а иначе зачем маялась? Вот только дойдет до воды, ну, не дойдет, так доползет, дотянется, в тени отоспится...

К ночи Алена поднялась вверх по острым камням метров на десять, пятнадцать, не больше. Подвиг, не каждому альпинисту под силу. И столько же до пещеры было. Маячило темным проемом вверху, правее, возделенное укрытие, наверняка с водой и прохладой. Обязательно с водой.

Вот только, как туда добраться, если на пути отвесные камни, а сил совсем нет, не то, что идти, думать? Да она б и в нормальном состоянии туда полдня пыхла, добираясь, а в таком, изрядно потрепанном и вовсе не дойти, мысленно, если только поднатужиться. Ох, и круты вы, флэтонские вершины! Не ласковы. И Уэхо — озорник...

Странно, куда он делся? Ночь уже? Или глазам финиш?

Нет, со зрением не сказать, что нормально, но не ослепла она, точно.

Алена почувствовала странную дрожь под ладонями, камни завибрировали и в ушах начал нарастать устрашающий гул. Она повернула голову в сторону пустыни, глаза сами широко распахнулись, проигнорировав отечные веки.

"Господи!", — сорвалось с губ, девушка рванула из последних сил в сторону грота. И голос, подстрекатель, не понадобился, лезла, как спринтер, с завидной скоростью для любого спортсмена-рекордсмена. Еще бы. Она ж почти спаслась, почти дошла, а тут с пустыни ее кончина летит, завывает. Огромные смерчи кружились столбами бурой пыли и неслись к скалам со скоростью света. Даже не смерчи, торнадо. Что там хошотт? Ерунда. Это «чудо» всех стихийных бедствий чемпион. Накроет ее, и привет, рука на юг, нога на север, а голову вообще не сыскать.

Нет, не для этого она столько мучилась, поиграет еще наперегонки с фуэро, потягается. И вверх, обдирая пальцы, цепляясь чуть ли не за воздух, лишь бы успеть до пещерки добраться, молясь всем святым, чтоб она достаточно просторной оказалась и живностью флэтонской не занятой.

Она побила все мыслимые и немыслимые рекорды, преодолев десятиметровое расстояние по отвесным скалам вверх за пару минут. И недосуг было думать — как ей это удалось? Какие резервы высвободил ее организм в момент опасности? А может, и на чистом адреналине пробежалась, не важно, фуэро уже дыхания касался, пылью в глаза бросал, камень над виском ухнул и в скалу. Алена только и успела в пещеру ввалиться, как еще один пролетел, немаленький, врезался с треском в камни. И понеслось: вой, скрежет, грохот, столбы пыли бурой в расщелину, в лицо, камни летят и холод дикий.

Алена в ужасе, ничего не соображая, ползла на четвереньках вглубь, подальше от входа, и кашляла, задыхалась от пыли и промозглого ветра. И все удивлялась: от чего холод-то? В пустыне жара. Холодильную установку этот фуэро зажевал что ли?

Да, ну его! В спину камень прилетел, сбил и с ног, и с мысли. Девушка еще глубже поползла, голову прикрывая, и вдруг оступилась, ухнула вниз, ослепшая от пыльной дымки. Летела недолго, хруст, дикая боль и темнота. Посадка.

Она слепо шурилась, пытаясь рассмотреть свод пещеры. Шевелиться было страшно. Затылок лежал на чем-то твердом, прохладном, и Алена сильно подозревала, что он повторяет силуэт поверхности неспроста. Правда, влаги она не чувствовала, значит, череп цел и смертельной раны быть не должно, но сильнейшая головная боль заставляла в этом сомневаться. Не слабо она кувыркнулась. Надо бы пошевелиться, тело на наличие повреждений проверить, но боязно, чудились ей глобальные увечья по всей длине и ширине.

Вот и лежала буквой «зю», изображая балласт: спина и затылок на камне, словно штамп в паспорте, руки в стороны, ноги выше плеч, пыльными мокасинами в лицо смотрят. И чудилось что в этих потрепанных «шлепанцах» не ее ступни, чужие. И изодранные, грязные джинсы.

Однако, удобная поза, а если учесть, что метрах в трех вверх, в расщелину пробивающегося тусклого света, слышалось гроыхание беснующегося фуэро, то и вовсе, комфортная. Там бы ей не поздоровилось. Холод и пыль с мелкими камушками и сюда периодически попадали, но немного. Это радовало.

Алена вдруг хихикнула, потом откровенно засмеялась над глупым смерчем, которому она не досталась, и подавилась, закашлялась надсадно. Кашель заставил ее сдвинуться с места и скрутил клубком, перевернув набок. Она с трудом откашляла сгусток крови и песка

и зажмурилась. Пора и плакать. Похоже, атрофируются ее легкие всем составом, конец вам, Алена Владимировна.

Развивать эту мысль не хотелось, тем более, прислушавшись к своим ощущениям, она поняла, что как минимум сломала ребро, а вполне возможно и еще что-нибудь. Болело все.

Алена не стала вдаваться в подробности — толку? Она лишь прислушалась к звукам вокруг и чуть приободрилась. Если убрать фон фуэро, можно было различить слабый звук, монотонный и многообещающий: так капли воды падают на камень. Влага.

Девушка вздохнула и скривилась от боли, готовая заплакать. Не дойти. Головой она приложилась сильно, может, это очередной глюк, а ей ползти? Ага, чтоб убедиться, что вода — миф?

— В пессимистки записалась? — усмехнулся голос. — Плохо тебе, верю, но не до такой же степени? Кончай труп невинно убиенной каракатицы изображать, сходи и проверь. Авось и, правда, вода?

Алена сжала челюсти и зажмурилась: идти? Только не это!

— Ладно, лежи, увечная, себя пожалей. Монтррой порадуи и подруженьку свою, гюрзу, и мечту убогую. А говорила, вернусь...

Девушка открыла глаза, намереваясь послать голос в дальний путь, и нахмурилась: на нее смотрели бирюзовые глаза с вертикальными зрачками. Рэй? У него голубые. Тогда чьи? Очередной призрак этого забытого всеми нормальными существами места? Вот ведь шатаются без дела, покоя от них нет, и с мыслью сбивают.

— Иди-ка ты по—добру по-здорову, — посоветовала чуть слышно. Нет, смотрит и хоть бы моргнул. А взгляд-то холодный, подозрительный, неприязненный. — А-а-а, я в твою вотчину забрела? — дошло, — ну, извини, потерпи, уйду.

Глаза прищурились, зрачки нормальными стали:

— Ты кто?

"О, они еще и разговаривать умеют!" — удивилась Алена и зажмурилась, поморгала, стараясь развеять странные очи, избавиться от присутствия незваного призрака. Нет, мало не исчез, так еще и лицо появилось. Никак флэтонец здесь вечным сном почивает, окэсто. Лицо мужское, волевое, жесткое, с восковидной кожей, щеки впалые, губы лиловые. Давненько она таких не видела, а вот то, что на его голове намотано было, и вовсе не встречала, разве что дома, на Земле, подобное. Коричневая кисея, обмотанная вокруг лба, спускалась по щеке к шее, обвивая ее и свисая на грудь свободным, потрепанным концом. Звезды на лбу не хватало и гурий, исполняющих танец живота вокруг.

— Ты падишах? — хохотнула девушка. Получилось сухое, невнятное карканье. Но тот, видать, понял, ответил невозмутимо:

— Шаванпрат.

— Ничего имечко.

— Она не в себе.. — прошелестел голос рядом, мягче, женственнее, но его владельца Алена не могла разглядеть, повернуться надо было бы, а этого ей хотелось меньше всего, да и не могло.

— Я вижу, — прищурились глаза. Мужчина склонился ниже, раздувая ноздри, и девушке почудилось, что он сейчас вопьется ей в горло клыками, как вампир. Она ждать не стала, взмахнула рукой, целясь в глаза, желая либо прогнать призрак, либо воспротивиться нападению. Но лишь воздух всколыхнула. Мужчина без труда перехватил ее запястье, останавливая и откидывая руку.

— Зря, — укоризненно качнул головой, во взгляде плескалось презрение. — Антористка? Сленгир-мэно?

Он не спрашивал- обвинял.

— Она канно, Шаванпрат, на волосы посмотри, — встрял другой голос.

Алена моргнула, не зная печалиться ей или радоваться, что призрак обладает вполне материальной плотью. И сил в нем много больше, чем в ней. Так и не успела к какому-то определенному выводу прийти, раскашлялась не вовремя. Так бы и скончалась в приступе, если б добросердечный «призрак» не сунул в рот фляжку с жидкостью. Не вода, а что-то неведомое, но чрезвычайно вкусное: то ли настой на душистых травах, то ли сок диковинных фруктов.

Да, добрый, но жадный. Четыре глотка только и дал сделать, а потом безжалостно отобрал, буквально выдрал из намертво впившихся во фляжку пальцев.

Она сильно обиделась, всхлипнула и...потеряла сознание.

Очнулась она от жуткой боли. Кто-то пытался отодрать рубашку со спины. Она забилась возмущенно и захрипела. В горле тут же запершило, ей опять сунули в рот фляжку. И опять дали сделать лишь несколько глотков. На этот раз она не обиделась. Четыре глотка влаги — это же целое богатство.

— Спасибо, — прошептала.

Мужчина нахмурился, словно его оскорбили:

— Что? — голос прозвучал резко, неприятно громко. Алена поморщилась:

— Благодарю. Грация. Мерси. Сенкью..

Лоб мужчины разгладился, дошло, кивнул:

— Ты канно.

— А ты?

Он промолчал и опять полез к рубашке на спине. Воспротивиться она не успела, только лбом в камень ткнулась и потеряла сознание.

В чувство привели ее быстро, сунули под нос какую-то дымящуюся палочку с жутким запахом: не захочешь, да очнешься, лишь бы подальше от подобного амбре оказаться. Она распахнула глаза и, морщась, попыталась отползти. Запах тут же исчез, и Алена увидела, что лежит на шкуре какого-то животного. Ярко-оранжевая, мелковорсистая и мягкая, как пух.

— Лауг?

— Гур.

Алена потерлась щекой и успокоено легла, воззрилась на мужчину. Тот сел напротив, как йог, не спуская с неё глаз. Осанистый, широкоплечий, одежда чудная, как униформа агноликов, только с длинными рукавами и с перехлестывающими ремками на груди и поясу еще масса всяких брелков на правом плече присовокуплена: трезубец, куб, полумесяц, матовая сфера, бусины, еще что-то.

— Ты кто? — тихо спросила она. Тот промолчал, словно не услышал вопроса, зато кивнул в сторону. И перед Аленой появилась девушка, весьма экзотической наружности, в сари и с блестящей накидкой на голове, закрепленной у виска изумительной заколкой в виде цветка.

Девушка ласково улыбнулась ей, присела на корточки, протянула небольшой фрукт и, обхватив колени, стала смотреть, как она ест. Алена вгрызалась в мясистый плод, как крот в почву, и смущенно поглядывала на незнакомку. Хорошенькая, черноволосая, черноглазая,

лунноликая, с матовой ровной кожей и полными, ярко-малиновыми губами. На лбу две синие полосы и маленький алмаз — грутонка, стихия воды. "Вот это да!" — Ворковская опустила взгляд, стараясь не выказать удивления. Грутонка и окэсто — бывают же чудеса на свете?

Дети Грутона при рождении отмечались знаками той стихии, в которой родились. И не зря. Так степень их опасности для окружающих определялась. Одни энергию руками забирали, другие взглядом, третьи, воздух втягивая. Вообще, встретил «счастье» такое, считай, в русскую рулетку поиграл, а вот насколько удачно — вопрос.

А вообще, грутоны, милейшие существа — верные, добрые, гостеприимные, да еще и однолюбы. Вот только мало их осталось, может, с сотню тысяч по всей галактике и наберется, но что на Флэте их резервации есть, Алена не знала. Эту-то информацию случайно из лектора почерпнула, Рэй заставил, когда к первому выходу в «свет» готовил, чтоб перед «заморскими» гостями не стусевалась, не оконфузилась. Вот и пригодилось.

Н-да, этой водная стихия покровительствует, значит, самая безобидная из грутонов, и, когда сыта, не энергию забирает — болезни. Но все равно с такой окэсто связываться — безумие, нонсенс. Очень надо быть храбрым для подобного подвига. Или любить, как никому не снилось. Интересно: жена, знакомая или такая же незваная гостья, забредшая на огонек? Хотя, раз чавраш на голове, значит, жена.

Ворковская вздохнула и с сожалением облизала пальцы — кончился фрукт.

— Спасибо.

Девушка кивнула и хотела, видимо, что-то сказать, но мужчина не дал, напомнил о себе:

— Иди, Агия, — и голос при этом прозвучал на удивление мягко. "А ведь и правда — любовь", — сонно подумала Алена, довольная, что хоть у одних жизнь в радость. И глаза сами закрылись. Разморило ее мгновенно, словно не один хилый фрукт съела, а метровую лососину приговорила.

Экзиостиф тих и неприметен, как ночное светило, застыл перед балдахином троуви, отбрасывая тень на все ложе. Наталья испуганно ойкнула и попыталась спрятаться под простынями и подушками. Дэйкс недоуменно выгнул бровь, поглядывая на маневры наложницы и поджав губы, встал: под сиреневым атласом уже слышалось характерное икание, значит, не до утех, а как хорошо ночь начиналась...

— Две лявры в профильное пространство! Что ты здесь делаешь?! — насупил брови троуви, шаря недовольным взглядом по каменной физиономии Экзиостифа. Тот смиренно потупив взор, буркнул в пол:

— Важные новости. Неотложные.

— Ну!

Мужчина со значением глянул на ложе, потом на выход. Дэйкс с сожалением покосился на теплую постель, монотонно икающий силуэт Натальи под грудой подушек и, тяжело вздохнув, кивнул: уговорил. Прошлепал в соседнюю залу босыми ступнями, прислонился к дверям спиной, упер кулаки в бока и милостиво разрешил, поторапливая:

— Излагай. Кратко и быстро.

— Готов слайд памяти, — уныло сообщил мужчина.

— Чей? — озадачился троуви, — Анзигора? Издеваешься?! Трое суток, как готов!

— Сегюр-мэно, — тихо пояснил страж, старательно кося в сторону.

— Что?! — нахмурился Дэйкс: он ослышался? И по лицу агнолика понял: нет. — О. Модраш! Да как ты смел?! Без приказа?!.. Ты хоть понимаешь, что натворил?! Да Рэйсли твой сэн-сэш проведет самолично! Можешь начинать ритуальное омовение!

Экзиостиф глянул исподлобья, останавливая полет фантазии троуви, и бросил:

— Виноват, знаю, но не о том жалею, что сделал, а о том, что не сделал. Мне не суд нужен, совет: как господину сообщить?

Дейксклиф насторожился: видать, черные мысли у Эльхолии были, а может, что и много хуже мыслей... И руку протянул:

— Давай слайд. Посмотрю — решим.

Десятиминутного просмотра троуви хватило с лихвой. Он с грохотом опустил кулак на сенсор, останавливая запись, и в мятежных чувствах закружил по зале, стараясь не глядеть на агнолика. Не стоит тому видеть, что он не одинок в своей растерянности.

"Да-а, поредеет теперь династия Лоан, а из ветви Аваншеллу, если Алорна останется, и то хорошо", — и сморщился, представляя, какой шум поднимется, глянул на закрытую дверь, за которой икала наложница, в ванную комнату пошел: не придется ему Наталью успокаивать — ночь обещает быть хлопотной.

Дэйкс заметался по ванной то ли в поисках одежды, то ли выхода из создавшегося положения и все думал: что же делать? Сообщить? Обязан. Но будет буря, такая, что хошотт и фуэро покажутся легким бризом. Всех сметет.

Где же брюки? Ага.

А если выждать? Сколько? И зачем? Пустыня большая, фуэро неделю не стихает, в лучшем случае найдут они кости кьяро и что? Положит он перед Рэйсли слайд родственницы и останки жены? О-о-о... Сможет ли он за секунду спрятаться на другом континенте, хоть в той же пустыне?

Рубашка....Нет, не эта...

А если жива Алена? Нонсенс, но кьяро на многое способна...

А Иллан действительно не имеет к данному инциденту отношения. Рэй словно чувствовал...

Но кто бы мог предположить, что эта....невзрачная, застенчивая женщина, сегюр — мэно, дочь высокородных, законопослушных родителей, способна на такое?! Монтррой — мужчина честолубив, мстителен... не удивил особо, но женщине участвовать в подобном...

Что с застежкой?!!

Ах, кьяро, кьяро...Прав Лоан, домой надо было тебя отправить...

Войска! Нужно срочно проверить, сообщить совету о коварных планах Аваншеллу... В обход сегюр? А как сообщить ему?..

Да, что с мокасином?!!

Дэйкс выскочил из ванной:

— Пошли людей в пустыню Забвения...

— Отправили. Результаты отрицательные.

— Искать! Поднимите все пласты, переверните каждый камень, загляните в каждый дом! И молчи пока. Слайд останется у меня, я сам сообщу сегюр...позже.

Шаванпрат оценивающе рассматривал женщину: худая, высокая, с него ростом, лицо изможденное, в кровоподтеках, царапинах, не то серое, не то зеленое и губы в цвет, а вот волосы длинные. Большая редкость и единственное, по его мнению, достоинство этой незнакомки.

Интересно, как она сюда попала? Кто она? Беглая? Не похоже, манеры госпожи, гордыня непомерная и характер отвратительный, заносчивый. Он только и хотел рану на щеке посмотреть, а она руки распускать. Баловали, видать, ее родные. Зря. Вот наверняка сейчас и сожалеют. Подобных замуж надо отдавать еще в период созревания, чтоб место свое осознали. Хотя, кто такую возьмет? Разве что особо отчаянный или отчаявшийся.

А энергия у девчонки странная. Видно, жар в тело проник, день, два и съест ее, дотла сожжет, а и-цы дымкой на губах собирается, словно век хозяйке отмеривает. Непонятно. При истощении подобное наполнение? Подозрительно. И раны на спине: не смертельные и не глубокие, но болезненные — обожженные. Словно специально их нанесли, чтоб ослабить и тем сочувствие вызвать, да просчитались, Уэхо постаралось, впечатление подпортило. А может, она посыльная? Специально по их душу явилась? Не исключено.

Что же с ней делать? Выхаживать? Он исполнил свой долг: напоил, дал приют, представился, а она даже имя не назвала... Нет, он не будет с ней возиться, да и смысл? А если она действительно подослана, а еще и заразна? Смерть уже стережет ее, чахотка вон лихорадкой давит. Но даже если и выживет, почему он должен помогать ей, подвергая опасности Агию? Вздумается той, сердобольной, руку помощи протянуть и перехватит болезнь.

А если девушка беглая? От сленгиров ушла, такое редко случается, но бывает. Или тэн...

Эта? Абсурд. У нее все на месте: и руки, и ноги, и пальцы, а что спина изрезана...опять не его дело, и явно не работа могористов. Значит, не тэн. Сленгир-мэно? Заблудилась? Он бы знал, что они кого-то потеряли, рыскали бы патрули по округе, сейферы крутились, да и свои бы ему сообщили. Нет, тихо вторую неделю. Фуэро гуляет, все скалы песком засыпал, пустыню вдоль и поперек перепахал. А в остальном, застой. И беглых уже месяц не было,

контроль ужесточен, охрана такая, что и мония не проскользнет.

Следовательно, не беглая, и не женщина сленгиров. Канно.

Тогда, он либо отнесет ее на тропу, чтоб патруль, проходящий под утро, нашел и разобрался, либо здесь оставит до утра, а потом выпроводит.

А если окажется, что она атористка и сленгир-мэно?

Значит, в скалы поднимет, пусть умирает вдали от него, чтоб запах падали ни его, ни Агию не тревожил.

Он покосился на жену. Девушка готовила на ужин махлу [\[11\]](#) и явно рассчитывала накормить гостью. Гостеприимство в крови груттонов.

Шаванпрат невольно улыбнулся, залюбовавшись ее проворными движениями, прекрасным, безмятежным ликом. Она ведь тоже канно.

Семь лет назад у Шаванпрат Малеху умер отец. Дальний родственник, единственный фэсто в ветви тут же предъявил права на имущество и должность усопшего, и естественно, его притязания признали законными. Шаванпрат оказался на улице с довольно приличной суммой, кинутой ему родственником, как отступное. Эта сумма не являлась и тысячной частью, того, что досталось тому.

Мужчина же попытался устроить свою жизнь. Надо сказать, что это ему удалось. Почти два года он промотался с фишэдо по галактике, увеличивая свое состояние и зарабатывая необходимый для выживания опыт, но в один момент его пиратская карьера закончилась.

На Кургосских торгах. Он увидел Агию и без раздумий купил, отдав за нее почти все, что скопил. Товарищи смеялись, не понимая, зачем окэсто груттонка. А он и сам не знал, просто увидел ее глаза, заплаканное личико и понял — она должна принадлежать ему и тогда эти дивные глаза не будут знать других слез, кроме радости.

Конечно, на пиратский гоффит он уже не вернулся, домой улетел — на Флэт и пошел на поклон к сводному брату Магрио. Тот был эстибом в кьете Модраш и жил в шигоне под Корли, на Викфорне. Он был окэсто и единоверцем, поэтому не отказал, помог, устроил.

Четыре года они прожили все вместе, но два года назад Агия ушла в эфриш и не вернулась. Ее взяли к сленгирам, а ему прислали уведомление и сумму выкупа. Только тогда Шаванпрат пожалел, что не заключил с ней союз. Жену бы не тронули, а вот тэн...

Он оказался бессилён. Сначала пытался вытащить ее законными путями, потом хитростью и подкупом, в итоге сам стал изгоем, но ей не помог. Пришлось уходить в горы, присоединиться к таким же, как он, загнанным в угол законами, системой и обстоятельствами бесправным озлобленным и вычеркнутым из списков людей. Там он и понял, что не сдастся и не остановится. И вырвал Агию силой, подговорив товарищей и разгромив лабораторию, в которой ее содержали. Вскоре он женился на ней и стал гешетом [\[12\]](#) инсургентов: его одолевала жажда мести за то, что пришлось перенести его женщине, ему и многим другим, что встали с ним в ряд в защиту незнакомой груттонки. Он хотел изменить положение вещей, изменить мир и отношение к окэсто, канно. Он самолично убедился в несовершенстве законодательной системы, в предвзятости именитых фагосто. Он слишком многое увидел и понял, и если раньше у него бы и мысли не возникло пойти против высших чинов, вековых законов, то, оказавшись изгоем, отщепенцем, он не увидел другой дороги, кроме этой. Терять ему уже было нечего, а получить он хотел много, сразу и навсегда. К тому же ответственность за Агию обязывала его если не обеспечить ей достойную жизнь, то хотя бы достойно умереть, оставив ей в наследство свое честное имя и добрую память.

А потом брат принес ошеломляющую весть — младший брат сегюр, окэсто, не умер, вернулся, выздоровел, заключил союз с канно и теперь не только муж и совладелец, так еще скоро станет отцом фэсто! Это была уже не надежда — вера.

Война то затухала, то разгоралась вновь, и если б не тайная помощь сегюр через кьеты, окэсто вымерли б по всему Мольфорну, да и канно бы не поздоровилось. Но они выжили и дожили.

По слухам скоро войне конец, сегюр добьется снятия блокады и принятия закона об объединении нации в единое целое. Немного осталось. И могористы словно знали о том, под конец решили оторваться с разрешения своего сегюр и его троуви, бесчинствовали: то ультоны [13] у троп поставят, то в пещеры энерголовушки сунут, проигнорировав высочайшие указы и вековые законы. В эфришах каждого подозрительного или просто непонравившегося хватают, паек воды урезали до одного потрула [14] на десять дней, кьеты закрыли, связь с Викфорном блокировали, патрули усилили...

Канно закашлялась, судорожно вздрагивая, и открыла глаза. Агия поспешила к ней на помощь, взяла флягу, но мужчина жестом остановил ее, приказывая не подходить. Сам подошел, пить дал и, забрав флягу, сел рядом, вперил пристальный немигающий взгляд, намериваясь, наконец, выяснить необходимое и принять решение.

Алене под этим взглядом неуютно стало, смутилась, губы обтереть хотела да тут свою руку увидела и ужаснулась:

— О, Господи! — вырвалось непроизвольно. Рука, как лапа у старой замученной курицы: кожа сухая, сморщенная, костяшки пальцев сбиты, и все в мелких трещинах, царапинах, грязных разводах.

Она представила, как выглядит, и взгляд мужчины уже не удивлял. Мучается тот наверняка в догадках: что за чучело к нему в пещеру приползло? От кого такое народилось и почему само не удавилось?

А Шаванпрат удовлетворено прищурился: вот и ответ на один из главных вопросов — не единоверка. Что за бог «Господь» он не знал и даже не слышал о таком, но ничуть не сожалел. Ее вера — ее дело. Пусть ее бог ей и помогает. Еще два вопроса, и он со спокойной душой избавится от гостыи.

— Чья ты?

Алена вопрос не поняла, моргнула, лоб наморщила и брякнула:

— Своя.

Мужчина кивнул: ничья значит, как лауг, сама по себе, а, следовательно, для себя. Ладно, второй плюс за прощанье.

— Как здесь оказалась?

— Из пустыни пришла. — "И что ему надо?" — озадачилась Алена.

— И долго шла? — спросил с долей скепсиса в голосе.

— А какой сегодня день? Число? — и растерялась, услышав, осознав. — Восемь дней шла.

Мужчина дернулся, словно она ему пощечину залепила. Взгляд стал жестким, неприязненным, ноздри раздулись, скулы побелели:

— Ложь! — бросил, как перчатку в лицо.

Девушка нахмурилась, силясь понять, что происходит: почему ей не верят? Что за допрос? И, отчего, черт возьми, так жарко?

Но спросить она ничего не успела: мужчина бесцеремонно поднял ее за руки:

— Вставай и убирайся!

Алена скривилась, готовая расплакаться от подобной жестокости: неужели снова идти? Куда? Как? Почему? И застонала от боли, разлившейся по груди и спине. Перед глазами все закружилось, запрыгало, поплыло зыбкой дымкой. Она вцепилась в нагрудный ремень мужчины, чтоб не упасть и, слепо ткнувшись в плечо, сползла, уже ничего не соображая.

Мужчина брезгливо поморщился и поднял ее на руки. Агия тут же встала на пути, преграждая дорогу, и умоляюще сложила руки на груди: поняла уже, что муж задумал:

— Она больна, Шаванпрат.

— Она опасна и обременительна! — грубо ответил тот и смутился: Агия подобной резкости не заслуживает.

— Она нуждается в нашей помощи.

— Тебе помогали такие, как она, когда нуждалась ты?

Девушка опустила голову, не смея перечить, но отойти не спешила, и мужчина мягко попросил:

— Отойди, милая. Мы сделали, что могли, теперь эта лгунья — не наша забота, да и не достойна она твоего сочувствия. Я отнесу ее на тропу. Утром ее найдет патруль.

— До утра может налететь фуэро...

— Он ей не страшен. Ты же слышала: восемь дней по пустыне. И жива, — с ядовитой усмешкой заметил мужчина.

— Она могла ошибиться, у нее жар, — робея от собственного упрямства, парировала Агия. Шаванпрат лишь укоризненно посмотрел на нее, не понимая, чем эта гостья той по нраву. Конечно, сердце у жены большое и вместительное, но он проследит, чтоб лишние там не задерживались.

— Я не стану спорить. Ей здесь не место, вот и все, что я могу сказать. Отойди.

Девушка окончательно сникла и отошла.

Мужчина отнес Алену довольно далеко, положил на камни и сел рядом, передохнуть. На тропу он ее, конечно, не понес, уверенный, что эта женщина имеет отношение к высшим чинам. Если не дочь и не невеста эгнота, то подруга сленгира точно. Такие канно, как она, умеют приспособливаться, выгодно продавая то, что имеют. А этой есть что продать. Было.

Он с ненавистью посмотрел на нее и встретился с устремленным на него взглядом синих глаз:

— Почему? — прошелестел ее голос. Мужчина промолчал, и она ответила сама:

— Канно? Какова же тогда жизнь у тэн?

— А ты не знаешь? — этот вопрос его взбесил. — Нет, конечно. Быстро устроилась, сообразила. Что-то предложила, кого-то предала.

— Ты ничего не знаешь, как же можешь судить?

— Я знаю подобных тебе. Гордячки, лицемерные лгуны! — Шаванпрат смолк: что это он? Воспоминания нахлынули? Обида за Агию, которую предала вот такая же лживая канно, указав на нее сленгирам? Тем срочно нужна была груттонка для эксперимента... Ладно, дело давнее.

— Тебя сильно обидела канно, — догадалась Алена.

— Вот ты и расплатишься, — бросил мужчина.

Ворковская, услышав заявление, почувствовала необычайный душевный подъем и легкость. Она широко улыбнулась и довольно облизнулась. Шаванпрат удивленно покосился на нее:

— Что смешного я сказал?

— Ты меня порадовал, — попыталась сесть девушка. Удалось. Мужчина помог, любопытно стало: о чем она толкует?

— Я все время содрогалась от ваших обычаев и традиций, а теперь рада. Значит, я тебе долг за другую заплачу? А кого обидели — тебя или Агию? Она ведь жена тебе? Я не ошиблась?

Шаванпрат отвечать не собирался, подозрительно прищурился, решив для себя, что эта женщина точно подослана и потянулся к ножнам на груди, собираясь ее убить. Ворковская же ответа и не ждала, смотрела в темнеющие перед ней валуны, опираясь руками о камни, чтоб не упасть, и говорила, не переставая улыбаться:

— Значит, ты мстишь за жену. Значит, и Рэй за меня отомстит так же, убьет Эльхолию. Туда ей и дорога. Правильно, ее и надо, а зная его характер, смело могу сказать, что только смертью этой змеи он не удовлетворится. Значит, и брата ее грохнет. И своего. А как раз их всех и надо. Они предатели и враги. Все, можно не спешить с сообщением, — и вдруг смолкла, погрустнела и добавила тихо. — Я так и не сказала ему, что люблю.

Шаванпрат уже достал мэ-гоцо, но, услышав последнее заявление, замер, опустил клинок и озабоченно спросил, сделав вывод:

— Ты мужняя?

— Ага, правда, у нас говорят — замужем. Но это не верно, правильно именно так — мужняя. Да, так, — уверенно заявила она и посмотрела на него. — Иди и спасибо тебе.

— Подожди, — немного растерялся мужчина. Ее статус многое менял, и уйти вот так, бросив и не выяснив подробности, он уже не мог. — Ты же говорила — ничья.

— Я так считала. Помнишь, у Есенина: "Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии". Вот и у меня так же. Когда рядом был, плевать хотела: и взгляд не тот, и говорит не то... и вообще дышит не так, а как нет, так словно шторы с глаз слетели.

Мужчина недоуменно нахмурился, окончательно запутываясь, и головой качнул: одно ясно, эта канно ненормальная. Однако для успокоения души уточнил:

— Он сленгир? — кто ж еще на эту чокнутую позарится?

— Он? Он самый, самый, самый! Принц из сказки, — и лицо обтерла: жарко. В голове мутилось, перед глазами плыли кадры из прошлого, перемежаясь с настоящим: скалы в темноте, Рэйсли, Поттан, Массия, россыпь камней под ногами, Эльхолия, дети, Агия, пустыня, опять валуны.

— Иди, давай, — просипела Алена, укладываясь на камни. Хватит с нее: сейчас заснет и не проснется, назло всем инопланетным дуалистам-садистам-параноикам. Надоело! Сколько можно над ней издеваться? Сколько она здесь кругов ада прошла? Флэт, как же — бред! Горячечный! И вдруг вспомнила благословление клыкастого бога, решила одарить им этого знакомца. А почему нет? Пусть знает доброту землян! — Эт вито Модраш эн фиэлло.

Шаванпрат от этих слов окаменел и сидел минут пять, словно продолжение валуна, только с глазами. Потом тупо глянул на зажатый в ладони кинжал, сунул его в ножны и лишь тогда очнулся. Посмотрел на девушку, осознавая, что чуть не убил единокровку, сестру. Подобное кощунство не только ему, но и всему его роду не искупить.

Мужчина встал и, бережно подняв женщину на руки, понес обратно в пещеру. Теперь он отвечает за двоих. Он должен выходить ее, чтоб искупить вину, и, конечно же, вернуть мужу целой и невредимой.

Рэйсли внимательно наблюдал за троуви. Странно тот себя вел: весь день молчит, слова не вытянешь, в глаза не смотрит, напряжен и словно ждет вселенского траура.

А Дэйкс действительно ждал и очень надеялся на хорошие вести, оттого не спешил информировать сегюр. Но время неумолимо таяло, а вестей так и поступало.

Прошел день, вечер клонился к закату, вот уже Уэхо плавно ушел за горизонт. Рэй бросил учебные кинжалы, сходил в душ. Вечерний фэй дымится в чашках, внутреннее освещение становится все ярче... а новостей нет. И надежды на чудо больше нет. Нашли лишь сейфер с обугленными внутренностями у кромки вод, покореженный, смятый. Фуэро вдоволь с ним развлекся и бросил, как ребенок порванный мяч. Ни единого шанса выжить у оставшегося в салоне машины не было и быть не могло. Может, Алена вышла? Значит, сама отдала себя во власть фуэро и столь же убийственному зною бескрайней пустыни. Теперь и ее останков не найти.

Троуви окончательно сник, тяжело вздохнул, понимая, что момент горьких объяснений близок, и виновато покосился на сегюр. Тот словно ждал этого, тут же повелительно махнул массажисту, выпроваживая из зала, подошел к креслу, и сел напротив Дейксклифа, вытянув ноги.

— Рассказывай, — бросил, подозрительно щурясь.

— Что? — немного растерялся тот.

— Все, — отрезал мужчина вперив в советника тяжелый, бездушный взгляд.

Троуви потер подбородок в раздумье и, вытащив из кармана слайд, молча подал сегюр. Тот так же молча вставил его в носитель и просмотрел. Ни вздохов, ни криков, ни всплеска ярости, лишь лицо закаменело, да скулы побелели. Это внешнее спокойствие встревожило Дэйкса больше, чем бурное выражение негодования, и он напрягся, не зная, чего ожидать.

Сегюр вытащил слайд, встал и неторопливо покинул залу, так и не сказав ни слова.

Рэй прошел в ванную комнату, связался с Поттаном, медленно, словно находясь в забытии, облачился во все белое, подошел к зеркалу, критически оглядел себя и, увидев брачную цепь, висящую на шее, рванул ее с горла: теперь она не нужна. Но цепь не поддалась, лишь поранила кожу да издала жалобный звук, будто застонала. Рэю этот звук показался возмущенным криком Алены, и он зажмурился, отгоняя горечь воспоминаний, желанный образ, погребенный по прихоти властолюбцев слоем бурого песка.

Нет, сейчас он не даст воли чувствам. Не сейчас. И пусть простит его Алена.

Он расскажет ей все, что испытывал к ней с первой минуты встречи, что чувствует сейчас и как будет жить дальше, но — позже, когда душа успокоится, взгляд насытится муками врагов, слух насладится их стонами, а руки устанут убивать.

Он придет в их спальню, чтоб в последний раз встретиться с женой, пусть не живой и не видимой, но еще царящей в той комнате, наполняющей её своим ароматом. Потом он опечатает залу и больше никто, никогда не ступит в эти апартаменты. Они принадлежат Алене и ему. И пусть у него появится вторая жена, третья, та комната так и останется опечатанной, закрытой для всех, кроме него. А на шее до конца срока неизменно будет висеть именно эта цепь, напоминая о лучших днях в его жизни, о женщине, которая была рождена для него...и которую он не смог уберечь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Рэй прищурился на свое отражение: он хоронит ее? Эту маленькую сумасбродку с острым язычком, неугомонную дикарку, способную кого угодно толкнуть на погребальный костер своими выходками? Разве он потерял ее? Она не вернется? И больше никогда не обольет его презрительным взглядом синих глаз? Не прошипит что-нибудь колкое в спину, не пожелает подавиться устрицей? Разве он позволил ей покинуть его? Разве отпускал к очагу неизвестного Господа, в объятья пращуров?

Рэйсли обрушил кулак на пластик столика, превращая его в нечто абстрактное, и метнулся к противоположной стене, пытаясь совладать с рвущимся наружу негодованием, отчаянной яростью обиженного, обманутого человека.

— Как ты могла?! Как ты смела?! — вопрошал он у стены, точно не немой пластик был перед ним, а жена собственной персоной, в полный рост и в осязаемом виде. — Я не отпускал тебя, не разрешал уходить! Я же сказал — ты будешь жить, пока жив я! Как ты смела послушаться?! Глупая девчонка! Тебя не взял даже яд шугу, так неужели горстка бурого песка оказалась для тебя смертельной?! Ты не могла уйти! Я не отпускал тебя и не отпускаю! Нет!

И вдруг, словно очнулся, уставился непонимающе на стену, потер лицо ладонью, огляделся вокруг в надежде найти Алену и воздать ей должное за слушание и зажмурился, застонал: глупец! Никого вокруг, лишь четыре Рэйсли, застывших в нелепых позах, отражались в зеркальных стенах ванной.

Мужчина передернул плечами и вышел.

— Ты как? — настороженно оглядывая сегюр, спросил троуви.

— Отлично, — глухо ответил тот. Взгляд говорил об обратном.

— Позвать агноликов?

Рэй пожал плечами: "Я и без них обойдусь".

— Найди Монтррой, — бросил, развернувшись, и зашагал в покои брата.

"Если б это было так просто", — огорченно качнул головой Дэйкс и пошел следом за господином, на ходу отдавая приказ стражам. На Лоан смотреть не хотелось, воображение рисовало самые мрачные картины расправы, и каждый шаг сегюр, приближающий их к половине Иллана, казался треском погребального костра.

— Ты думаешь, Алорне в кьете будет лучше? Подумай, религия Модраш не для маленьких девочек, — тихо заметил Иллан, взглядываясь в лицо жены, в надежде найти в ней нечто привлекательное для себя. Нет. Робкий взгляд будил уныние, блеклое и-цы, еле теплящееся на губах — легкую брезгливость, а хрупкая фигурка недоумение, сродное омерзению.

— В любом случае ребенку лучше находиться под присмотром Фэйры, чем слуг. И потом, она станет жрицей.

— И Монтррой согласился с тобой?

— Я его не спрашивала. Девочка была одна. Лучшего выхода я не нашла.

— Где же твой брат? — спросил голос, который Эльхолия хотела слышать меньше всего. Рэй. Мужчина стоял напротив них, взирая свысока с некоторым отвращением. Девушка насторожилась, Иллан попытался проявить любезность:

— Я сам искал Монтррой. Его нет третьи сутки, и никто не знает: где он.

— Загадка, — ядовито ухмыльнулся Лоан и воззрился на Эльхолию. В тот же миг она поняла, зачем он пришел.

Женщина качнулась в сторону мужа, желая спрятаться за его широкой спиной, но не успела. Рэй перехватил ее и прижал к перилам. Девушка, возмущившись, вскинула руки, стараясь оттолкнуть наглеца, но тщетно. На запястьях словно сомкнулись челюсти аллигатора — Лоан сжал их, удерживая.

— Рэй! Не смей! Что ты себе позволяешь?! — наконец очнулся Иллан и, грозно глянув на родственника, водрузил ладонь на его плечо, отодвигая от жены.

Рэй посмотрел на его руку, как на букашку, посмеившуюся облюбовать белую ткань, и резко вскинув кисть, погрузил два пальца в диафрагму брата — отдохни. Два агнолика, выросшие за спиной Иллана, подхватили падающее тело и зажали, помогая сохранить вертикальное положение.

" Минут 5-10, сегюр будет овощем", — прикинул Дэйкс, приглашая агноликов внести сегюр с террасы в зал. Эльхолия влетела следом, с грохотом и визгом собирая телом встречные предметы, врезалась в столешницу и приземлилась на пол, калеча руки. Хороший разгон ей Рэй придал, приложив все свои немалые силы.

Дэйкс поморщился от звука падения и заунывного поскуливания женщины и отошел в сторону, чтоб не мешать господину.

Эльхолия попыталась встать, но успела лишь подняться на четвереньки, как Рэй вновь отправил ее на пол. Девушка пошарила взглядом, ища помощи и сочувствия в лицах окружающих, и поняла, что напрасно. Агнолики, если и могли помочь, то лишь своему господину, и судя по их взглядам, с радостью.

Иллан взирал на нее с ужасом, мыча нечто нечленораздельное, но был недееспособен. Дэйкс брезгливо кривился, подпирая плечом стену. Рэйсли разглядывал женщину, склонив голову набок, словно прикидывая: как бы половчее ударить и куда?

Она только и успела рот открыть, приготовив поток ругательств и проклятий, как задохнулась от жуткой боли. Нос хрустнул под ударом ноги, кровь залила лицо, пол, платье. С минуту девушка изумленно разглядывала густую массу, капающую с лица, и упала в обморок.

— Не-ет, — прохрипел Иллан. Рэй оглянулся, с любопытством посмотрел на брата и, оставив свою жертву в покое, подошел.

— Не смей! Зверь! — выдохнул ему в лицо Иллан. Тот, словно не слышал, пошарил взглядом по вороту его сорочки, нашел его чуть перекошенным, поправил заботливо и резко сорвал с шеи брачную цепь.

— Я расторг этот союз. Ты свободен, — Лоан откинул ненужный кусок золота, достал слайд, вставил его в носитель брата и сунул в руку агнолика, чтоб тот удерживал его перед глазами сегюр:

— Развлекись, — хлопнул по плечу и направился к Эльхолии. Та уже пришла в себя, села, шаря безумными глазами вокруг и бормоча что-то невнятное. Рэй присел перед ней на корточки, улыбнулся «нежно» и спросил:

— Поговорим? Меня о-очень интересует твой брат. Где он?

— Не-не-не знаю, — прошептала, заикаясь женщина, стремясь отползти: близость Лоан повергала ее в ужас.

— Пробуем вспомнить? Сама или помочь? — еще «лучистее» улыбнулся мужчина. Девушка содрогнулась и с криком попыталась сбежать. Неудача. Рэй придержал ее за волосы, схватил за горло и поднял:

— Ну, так что решила? — спросил вкрадчиво.

— Не-не-незнаю, не-не.. — хрипела девушка, отбиваясь. Ладони шлепали по рукам мужчины, не причиняя вреда.

— Я жду, — поторопил ее Лоан, встряхивая и сжимая горло чуть сильнее.

В зал бесшумно вплыл Поттан, встал напротив своего подопечного, сложив руки на груди, и с любопытством рассматривал дергающееся в его руке существо. Рэй заметил учителя и вопросительно выгнул бровь.

— Вся ветвь Аваншеллу в кьете. Отсутствует лишь Монтррой.

Лицо Рэйсли дрогнуло, исказилось злобной судорогой, руки разжались, выпуская жертву. Жаль. Эту раздавить — не велика честь, Монтррой — вот кто ему нужен, вот о ком грустит мэ-гоцо.

Эльхолия устремила к мужу, моля о заступничестве, но тот и не слышал ее, смотрел на картинку, всплывающие на дисплее носителя, и хмурился, мрачней на глазах. Его уже не поддерживали, сам стоял.

Девушка почти добежала до него, но была вновь перехвачена Рэйсли. Через минуту дико вопящую сегюр-мэно выволокли из зала за волосы, как самую низкую махо.

Что ж, мечты сбываются...

Уже рассвело, когда Рэй вышел из кьета. У подножья храма, прямо на мху сидел Иллан. Он всю ночь просидел тут, вглядываясь в тени, играющие на сине-зеленой поверхности у ног, вслушиваясь в завывания ветра и не желая слышать, казалось он мог донести до него безумные крики жертв, которых распинали во имя Модраш. Войти он не решался. Ждал.

Рэй глянул на поникшую фигуру брата и, устало вздохнув, сел рядом. Эта ночь, похоже, подействовала на Иллана сильнее, чем смерть отца. Тот посерел, кожа лица утратила роскошную гладкость и матовость, наваянную множеством чужих и-цы. Губы отдавали синевой, взгляд тусклый, по-стариковски больной.

— Она мертва? — тихо спросил он у Рэйсли и воззрился с надеждой: скажи «нет», скажи!

— Нет.

— А другие?

— Да. Кроме Алорны. Она дитя и моя единоверка. Ее воспитает Фэйра.

— А что дальше? Что будет с Эльхолией?

— Посмотрим через полгода.

— Она ни в чем не виновата, Рэй, это я...

— Я не судья, я — палач. Мне ее мера вины без надобности, — криво ухмыльнулся мужчина и посмотрел в небо. Там был свет, в глазах же брата поселился мрак.

— Так нельзя. Алену не вернешь. Год, два, и ты вступишь в новый союз... — попытался вразумить его Иллан и осекся под предостерегающим взглядом. Обратил внимание на кровавые разводы на белой рубашке и содрогнулся, понимая, что это может быть кровь Эльхолии.

— Варварство, — бросил, отворачиваясь.

— Да, — согласился тот.

— Тогда зачем? Ваши обряды — дикость..

— А ваше мягкосердечие и всепрощение — преступление против личности. Твоя жена молила Анториса о крепких объятьях, о власти... и шла по головам, отбрасывая призрачных врагов... Теперь ей придется молить об обратном.

— Ты неоправданно жесток.

— Неоправданно жестоким, я буду, когда встречу с твоим дружкой Монтррой.

— Ты знаешь, где он? — заинтересовался Иллан.

— Да. На Мольфорне. В районе Колви.

— Что он там делает?

— Неужели не понимаешь? Войска собирает, против нас с тобой настраивает, смуту сеет, членов совета подкупает — готовит свой зад под наш трон.

— Зачем? — покачал головой Иллан, не понимая.

— Власть, — пожал плечами Рэй: что ж здесь не ясного?

— Эта не та цель, которая может оправдать подобные средства, — заявил Иллан.

Рэйсли задумчиво посмотрел на него и опять пожал плечами: каждому свое.

— Я больше не желаю так жить! — взвился старший сегюр. — Я отказываюсь от звания сегюра, подаю в отставку! Хватит с меня крови, предательств, смертей!

— Не истери, — осек его Рэй. — Иди, отдыхай. Сходи к наложницам, развейся, с друзьями в эффриш слетай. Отвлекись. Остальное — не твоя забота.

— Нет, это наша общая забота. Хватит жить порознь. Ты забыл, что мы одной крови! — оскорбился Иллан и, встав, решительно зашагал к себе.

— Главное, чтоб ты это не забыл, — прошептал Рэй ему в спину и опять в небо посмотрел: Алена..

В списке мертвых ее не было, Поттану верить можно, да и сам проверил, полночи бродил в поисках. Значит, жива, милая, значит, они встретятся.

Рэй скрипнул зубами и сжал кулаки: высеку, раздену, нагишом до туглоса пуцу и запрю в комнате, чтоб и шагу ступить не могла! Ты у меня, милая, на привязи сидеть будешь, пока пустыня в цветущий сад не превратится! Я тебя, счастье мое, неугомонное, поучу уму-разуму, до конца жизни помнить будешь!..

Нет, глупо. С тобой так бесполезно, иной дорогой придется идти. Что ж, так тому и быть. Домой полетишь, охладись малость. Ты ведь этого хотела? Земля, мама с папой, друзья и ни какого Флэта, Рэйсли, все сама со своим недалеким умишком. Хорошо. Я, конечно, тебя подстрахую, чтоб сильно не заносило, а в остальном... Посмотрим, как оно, мужские дела на женские плечи? Так месяц, два, глядишь, и феминизм интоксикацию вызывать начнет, а не моя физиономия, и свобода с независимостью той же дорогой пойдут. Отправлю — поживи без меня, может, что и поймешь...

Рэй встал, потянулся, и пошел к себе, нужно еще совет оповестить, а Иллан ему не помощник.

"Странная штука жизнь, ох, странная. Но почему именно у меня она складывается так, а не иначе? Я что, чем-то отмечена с рождения? Клеймом сатаны?" — вопрошала Алена синеватую накипь камней над головой.

Заботами Агии она чувствовала себя, если не хорошо, то вполне сносно. Настойка груттонки, кисло-пряная жидкость чернильного цвета, развеяла вязкий туман, клубящийся в голове. Матовые горошины с горьким привкусом алоэ сняли обезвоживание и интоксикацию. Боль глушила и-ку, кашель и першение в горле и груди — странные пастилки, и вкусом и видом напоминаящие Алене квадратик застывшей смолы. Раны исправно смазывали чем-то едким, неприятным, и они зудели нещадно, где-то внутри, словно не заживали, а еще больше увеличивали раневую поверхность. С этим дискомфортом можно было примириться, перетерпеть, даже забыть на время, заснув, например, но какое средство применить против грызущей душу тоски? Было ли от нее лекарство у Агии? Может, и было, но как узнать наверняка? Ведь спросить, значит признаться в том, что отвергала три года...

Ворковская зажмурилась и прикусила губу, чтоб не завывать и не расплакаться, а для верности еще и руку на глаза положила. Широкий рукав блекло-розового цвета с коричневыми разводами рисунка хитона упал на лицо, закрыв его до подбородка. Теперь можно плакать — никто не увидит.

Алена хотела домой. Не просто хотела — жаждала так сильно, жгуче и яростно, что сама себе удивлялась. Она рвалась не на родную голубую планету, на зеленую улицу в старую девятиэтажку, под защиту бетонных стен и дубовых дверей, а в туглос, вычурное создание флэтонских архитекторов, под сень сине-зелено-бурой растительности, в сумрак и холод огромных пустых залов. Не в объятия матери и отца летела ее душа, а в стальной круг рук Лоан, к его широкой груди.

Рэйсли... Дикарь, тиран, вампир, а стал ей дороже родных, милых, интеллигентных людей. Он заслонил своей огромной фигурой, взрывным темпераментом, манерами диктатора тишину и покой уютной малометражки, безобидный трекот подруг, запах маминых щей и котлет, тепло ее глаз. Все это покрылось дымкой, отошло даже не на второй план, а на десятый, двадцатый, ушло куда-то вглубь памяти, зарылось в ворохе других воспоминаний и словно умерло вместе с глупыми мечтами о сероглазом принце.

Рэй. Он царил над ней, властвовал над памятью, душой и телом, лез в сновидения со свойственной ему бесцеремонностью. Холод голубых глаз, презрительный изгиб губ, трехцветные пряди, обрамляющие его каменное лицо...

С ним она не ведала страха перед миром, не знала забот. Он сдержал свое слово, став мужем, отцом, братом и другом в одном весьма недурственном лице.

Интересно: ищет ли он ее? Обвиняет, злится, переживает? Или забыл, выкинул из памяти капризную землянку?

Думает, что она сбежала или понимает, что ее похитили, ложью выманили из дома?

Что толку гадать? Что ждать? Три дня она сидит в этой пещере, зализывая раны, а к Рэйсли так и не приблизилась ни на шаг. Как он ее здесь найдет? Нужно что-то сделать самой. Встать и пойти в ближайший эфриш, сдать патролю, связаться с мужем..

Алена резко села и обвела взглядом пещеру. Шаванпрат тут же открыл глаза, но так и

остался сидеть в позе лотоса, сложив пальцы в замысловатую мудру.

Агия спала на шкуре гура, свернувшись клубком и прикрыв лицо чаврашем до бровей. Не стоит будить хозяйку. Девушка ей нравилась: открытая, мягкая, улыбочивая. Добрая. Душа ангела, лик богини. А вот муж у нее...

Шаванпрат ассоциировался в сознании Алены с древней, сколотой во многих местах статуей Будды. Мало, что он сидел постоянно в такой же позе и молчал, так и вид имел под стать: на лице застывшая маска загадочной отрешенности, взгляд не «в», а сквозь.

Нет, он ее не пугал: после трехгодичного общения с матерой анакондой, банальный полоз уже не страшен. Однако мастерством общения со змеями она все же не овладела в совершенстве, оттого чувствовала себя неуютно. Терялась.

— Шаванпрат, — позвала тихо. Тот моргнул: слышу. — Я хочу поблагодарить тебя... и Агию. Спасибо вам за все: за заботу и кров, и тебе особое спасибо за то, что не оставил там... Вообще, еще раз огромное спасибо и... до свидания. Мне пора.

Мужчина не шевелился, ни одна эмоция не отразилась на его лице. Может, она не доступно объяснила, не так сказала?

— Мой муж наверняка беспокоится, ищет. Вряд ли он сможет меня здесь найти. Мне нужно идти. Ты не подскажешь: есть ли поблизости средства связи?

Мужчина молчал.

— А ближайший эфриш? До него далеко?

Мужчина нахмурился: канно собралась в эфриш одна? Не зная, что это за город, где? По незнакомой местности с незалеченными ранами?

Алена вздохнула: как же с ними трудно! Мужчины...И встала, опираясь на выступающие камни:

— Где моя одежда?

Шаванпрат скосил глаза вправо. За шкурой лежал квадрат блестящей, кремовой ткани. "Ну, спасибо", Абдула!" - поджала губы девушка. Чавраш, конечно, хорошо, но она имела в виду джинсы и кофту.

— Я о своих брюках..

— Тряпки.

— Одежда!

Малеху спорить не стал, лишь возвел очи к своду пещеры: во истину их господин, великий крестник Модраш, наделен божественным терпением.

Алена промолчала: бог с ними, с джинсами. Стиль "а ля Фатима", конечно, не ее, но здесь не бутик, и она не на базаре. Пойдет в этом балахоне. Нет, побежит. Хоть в ночнушке, хоть в бальном платье, хоть в валенках, хоть босиком, хоть по камням, хоть по углям, главное — к Рэю. К его широкой, стальной груди, ядовито-ехидному прищуру, сардонической усмешке, настолько родной и привычной, что светлая улыбка ангела на его лице показалась бы ей комичной.

Однако без обуви она далеко не уйдет- камни, не песок.

— Мне бы обувь, какую, — с жалобной мордочкой попросила она, чуть подняв подол широкой рубахи. Обнаженные ступни выглядели нелицеприятно.

Мужчина скосил глаза влево.

О, родные мокасины. Не ее, другие. Бежевые полусапожки из мягкой невесомой замши с множеством бусинок. Новые. Алена брякнулась на шкуру и спешно начала натягивать их на ноги, обнажая конечности до "не хочу".

Челюсть мужчины непроизвольно упала на грудь.

Алена, повеселев, вскочила, притопнула мокасином и с благодарностью выдохнула:

— Спасибо! Красивые и удобные! — и, смиренно сложив руки на животе, кивнула: ну, я пойду.

"Куда?" — вопрошал его недоуменный взгляд. А, правда — куда?

— Э-э-э, уважаемый Шаванпрат, не будете ли вы столь любезны, сообщить мне местоположение ближайшего населенного пункта и направление пути?

Спросила девушка и застыла в ожидании, умиляясь сама себе: "Браво! Эк, ты, солнце мое, загнула!"

Мужчина нехотя поднялся, подошел и встал напротив, сложив руки на груди. Оценивающий взгляд просканировал безумный дар Модраш и нашел его годным не всякому. В душе появилось сочувствие к сегюр и понимание: откуда на спине девушки раны.

— Странная женщина со странной планеты, разве ты жаждешь попасть в чертоги своего Бога скорей, чем в руки мужа и господина? — тихо спросил он, чуть качнувшись к ней.

Алена растерянно моргнула: витиеватая логика флэтонских парнишек не каждому по зубам, и уточнила:

— Это риторический вопрос?

Действительно, что здесь скажешь? Шаванпрат пожал плечами и заскучал: его план по доставке хлопотной кьяро сегюр затрещал по швам. Девушка абсолютно необразованна, своенравна и неразумна. К тому же, ранена. И не послушна. И еще масса всяких «не». "Где ж такое сокровище нашел наш господин? И чем, интересно Модраш компенсировал отсутствие благоразумия? И-цы? Да, есть на что позариться. Появится в Колви и станет чьим-то донором еще до того, как ее обнаружит патруль. Если по дороге кто-то к своим рукам не приберет".

Алена вздохнула: общение с сфинксообразными окэсто утомляло.

— Понимаешь, мой муж весьма своеобразная личность. Вряд ли он рад тому, что я отсутствую вторую неделю, а учитывая его нетерпимость и нетерпение,...скорей всего, он поднял на ноги всю армию, и теперь во главе ее бороздит пространство Флэта в поисках достойной жертвы своему гневу. Ты не хочешь ей стать? Нет? Я тоже.

— Ты ранена. Телу нужен покой.

— Раны могут заживать еще месяц. Мне что провести его в твоём обществе? — игриво улыбнулась Алена.

"Спаси меня, Модраш!" — тряхнул головой мужчина. Ладно, он ответит ее в город. Но дойдет ли она? Если на и-ку, то да. А потом просто рухнет на руки сегюр, и тот снимет с Шаванпрат голову. Впрочем, возможно ее снимут раньше, чем он появится в городе. Его давно ищут. Можно, конечно, отвести ее на Виллатау, там ему появляться безопасней, но туда девушка и на и-ку не дойдет. Значит, Колви. 16 эпс всего. Полночи пути. Она дойдет, а вот он умрет. Форт-пост могористов, база сленгиров, Колви наводнен патрулями, рышущими, как голодная стая гуров, в поисках пристойной пищи. А он деликатес. Его данные не только в каждом носителе, на каждом глэйве, ^[15]видимом издалека. Ступи на мостовую, и спецопознаватели запищат на руке каждого дежурного...

— Хорошо. Я отведу тебя. С условием, — мужчина выставил палец и прищурился. — Послушание!

— Клянусь! — бездумно кивнула Алена.

— Шаванпрат, — прошелестел голос, полный печали. Агия проснулась и стояла на

шкуре, молитвенно прижимая чавраш к груди, — я пойду.

Мужчина чуть качнул головой: нет! И девушка поняла — спорить бесполезно. Сникла, уронила голову на грудь, зашаталась.

Алена озадаченно поглядывала на нее, силясь понять, чем вызвана подобная скорбь. Они в эфриш идут, не на войну... А ведь это Мольфорн, блокада. Значит, опасно. Может, Малеху вообще нельзя появляться в городе, и потому они сидят в этой пещере?

— Я дойду одна, вы только скажите, куда...

Тщетно. Мужчина уже приступил к сборам: начал крепить к ремням носитель, дестабилизатор, стилеты. На спину лег арбалет и стрелы.

— Накинь чавраш, — приказал хмуро Алене и кинул пачку и-ку. Та поймала, сжала в руке и кинулась к материи. Огромный лоскут замерцал в полумраке. Как его крепить на голове, девушка понятия не имела. Агия помогла, показала, заколку подала.

Шаванпрат оглядел критически и бросил:

— Лицо закрой. Не каждый достоин зреть твой лик.

Алена послушно укрепила ткань над ухом и презрительно фыркнула в нее: средневековье! Мужчина одобрительно кивнул, поцеловал Агию в лоб, шепнул тихо:

— Я вернусь. Жди семь дней, потом иди к брату.

И вышел. Девушка за ним, было, шагнула да грутонка ее придержала, схватив за руку. Алене словно косою по ногам проšli. Вспышка и падение. "Господи, да она голодная" — мелькнуло в голове. Только этого ей сейчас и не хватало.

— Прости, прости, — умоляли над ухом. Ворковская тряхнула головой, с трудом поднялась, глянула на девушку: ее лицо плавало в полумраке, испуганные, умоляющие глаза... Откуда ей быть сытой? Здесь доноров нет. А жить каждому хочется. Пусть это будет платой за их заботу. Малой платой. Алена и не такое переживала.

— Ничего, — прошептала примирительно, голоса не было, сел вмиг.

— Госпожа, помоги Шаванпрат, не бросай! — взмолилась Агия и сунула в руку ножны. Мэ-гоцо. Девушка озадаченно разглядывала узор маленьких ножен: что она с ними будет делать? И кивнула:

— Хорошо.

— Обещай..

— Обещаю! — глянула серьезно: не сомневайся. Грутонка лицом посветлела, и даже силы нашлись улыбнуться:

— Храни тебя Модраш.

Ворковская шагнула в ночь, крепко прижимая к груди мэ-гоцо и твердо уверенная, что он ей не пригодится.

Дэйкс удивленно вскинул бровь и чуть не выронил чашку: сегюр явился к столу в светло-кремовых брюках и прозрачном длинном халате, небрежно наброшенном на плечи. В белом халате с золотистой вязью тесьмы от висящего до пояса ворота до подола. А как же траур? Он счел его неуместным? Или... Брачная цепь по-прежнему висела на шее рядом с цепью мэ-гоцо.

Мужчина не сел за стол, прошествовал к креслу и, вытянув ноги на пуфик, кивнул слуге:
— Двойной фэй.

Подали. Дэйкс вздохнул, покрутил чашку, исподтишка поглядывая на сегюр. Тот был расслаблен, спокоен и ни грамма скорби или тревоги ни на лице, ни во взгляде. Странно.

— Траура не будет? — спросил троуви.

— У нас есть усопший? — выгнул бровь мужчина.

Дэйкс растерянно потрогал ворот своей белоснежной сорочки: что происходит?

— Алена...жива?

— В списках мертвых ее нет. Жива, — фыркнул сардонически, и по лицу пробежала судорога. Зол был сегюр на благоверную. Несдобровать кьяро. Грядет крупная семейная ссора насильственно-нравоучительного порядка.

Фу-у! Троуви облегченно вздохнул и тут же досадливо поморщился: зачем он тогда в белое вырядился? Наталье все рассказал? Та все утро воет, так что уши закладывает, домой просится, умоляет отпустить: Витенька, Витюша...А о Монтррионе ни слова! Женщины...

— Гоффит готов?

Дэйкс кивнул, не понимая, и на сегюр воззрился: это он о том приказе? Неужели найти надеется и на Землю отправить?

— Монтрой?

— В Колви. Точно. Наши засекли. И Гулгэст там. Силы собрали немалые.

— Прекрасно. Будет с кем развлечься. Завтракай и собирайся. Летим в Колви.

Идти оказалось трудней, чем она себе представляла. Ветер, темнота и острые камни. Ноги заплетались, Алена то и дело цеплялась за портупею Шаванпрат, чтоб не упасть. А тот шел, не сбавляя темп и не обращая внимания на ее тычки и рывки, даже не оборачивался.

Мысленно девушка раз сто попросила его остановиться, отдохнуть, на деле же не произнесла и слова, лишь губу изжевала от бессилия. Мужчина и так, по всему виду, к ней не благоволил, и кто его знает, скажи она что-нибудь, не кинет ли ее здесь? Это у них просто, по себе знала.

Часа через два мужчина, наконец, остановился, сел на валун и ей кивнул: отдыхай. Алена плюхнулась всем задом на плоский камень, блаженно вздохнув, достала и-ку и сунула в рот. Вторая пластина. Ничего, ничего..

Одно ее на ногах держало, заставляя идти, игнорируя слабость и желание послать все к черту и лечь прямо на камни. Не давало свалиться, разразиться капризной тирадой жалоб, не впасть в забытье — Рэй. Ее воображение рисовало его лицо: взгляд голубых глаз, пристально следящих за ней. В нем не было привычного равнодушия и холода, в них плескалась тревога, сочувствие и любовь. Брови чуть сдвинуты к переносице, губы кривятся, взывая, словно из последнего удерживая крик отчаянья: Иди, милая, иди. Я жду тебя...

И душа летела на этот зов, забывая отеле, не успевающим за ней: иду!

Алена горько усмехнулась: ерунда, всего лишь мечта. Очередная. Бредовая. Прислонилась к камням спиной и затылком и вдруг запела, вглядываясь в ночную тьму неба широко распахнутыми глазами:

"Одинокая птица, ты летаешь высоко
В антрацитовом небе безумных ночей
Повергая в смятенье бродяг и собак
красотой и размахом крылатых плечей.
У тебя нет птенцов. У тебя нет гнезда.
Тебя манит незримая миру звезда,
А в глазах у тебя не земная печаль.
Ты сильная птица, но мне тебя жаль
Одинокая птица, ты летаешь высоко.
И лишь безумец был способен так влюбиться
— за тобою вслед подняться,
за тобою вслед подняться,
чтобы вместе с тобою разбиться.
С тобою вместе...
С тобою вместе,
с тобою вместе...
Черный ангел печали, давай отдохнем,
Посидим на ветвях, помолчим в тишине.
Что на небе такого, что стоит того,
чтобы рухнуть на землю тебе или мне?
Одинокая птица, ты летаешь высоко.
И лишь безумец был способен так влюбиться
за тобою вслед подняться,
за тобою вслед подняться,
чтобы вместе с тобою разбиться.
С тобою вместе...
С тобою вместе,
с тобою вместе..."

Когда голос канно, чуть хриловатый, но удивительно приятный, разорвал ночную тьму, Шаванпрат хотел ее прервать, но, прислушавшись, забыл об этом. Он не понимал слов, но чувствовал, как голос, проникая в самое сердце, трогает самые светлые забытые стороны души.

— Можешь перевести? — попросил он, когда девушка смолкла. Та перевела, спев тоже самое на флэтонском. Некоторые слова были не понятны, но сути не меняли.

Мужчина молчал минут пять, потом встал, прошел несколько метров, повернулся и с достоинством кивнул:

— Хорошая песня.

И пошел дальше. А что говорить? Он понял, почему сегюр взял эту девушку под свою защиту, почему назвал своей женой. И Модраш здесь был не причем. Шаванпрат даже позволил себе улыбнуться и гордо вскинул подбородок: большая честь умереть, соединяя эту пару. Они стоят друг друга.

Алена обиженно поджала губы и поплелась следом.

В предрассветном сумраке Колви ничем не отличался от окружающей местности. Шпили зданий напоминали зубья скал. Кругом тихо и темно: ни огней, ни естественных городских звуков.

Шаванпрат нырнул куда-то вниз с проворством мыши. Алена еле успела последовать за ним, нащупав каменный обод лаза. Он напоминал каменную трубу в никуда. В ней чуть слышался шорох. Мужчина прополз далеко вперед. Девушка чертыхнулась и полезла следом, проклиная свою неудобную одежду.

Ползти пришлось долго. Дорога оказалась еще хуже, чем она предполагала. Во весь рост не выпрямишься, узко, передвигаться можно только на четвереньках, запинаясь о подол и карябая конечности, чертовски неприятно. К тому же проводник, похоже, забыл о ней и ушел далеко вперед, пыхтя, как локомотив.

Девушка, скрипя зубами, продвигалась вперед, костеря на чем свет, невоспитанного, бессердечного окэсто. Она уже перешла к десятому раунду его насильственного обучения нормальным манерам, как наткнулась на что-то мягкое.

— Отдохни, — разрешил голос Шаванпрата.

— О-о-о, как вы великодушны, милостивый государь, — процедила Ворковская, пристраиваясь рядом и прикусывая язык, чтоб не сказать этому дикарю все, что о нем думает. Но язык никак не держался.

— Вы, молодой человек не пытались войти в город как все нормальные люди? Ногами! Через ворота! Или легкий путь унижает флэтонца? А как на счет манер? Они и в принципе отсутствуют с рождения или потеряны по дороге взросления? Вы что-нибудь слышали о культуре общения с противоположным полом? Женщин, между прочим, принято вперед пропускать, а не показывать им свои ...пятки!

— На земле? — в голосе мужчины звучало удивление.

— Представь!

— Кто пропускает?

"Ну-у, тупой!"

— Мужчины! Воспитанные!

— Трусливые.

— А ты, значит, смелый? Оставил меня одну далеко позади, в какой-то дыре. А если я заблужусь? А если меня крыса укусит? А если испугаюсь? А если меня кто-нибудь встретит и придушит? — шипела девушка.

— Если ты прикусишь язык, то можешь отравиться, а может, и нет. Но если ты пойдешь впереди, то умрешь наверняка.

Алена озадаченно смолкла и припомнила Рэйсли, Дэйкса и всех, кого узнала на этой планете. Мужчины всегда шли впереди. Их бесцеремонность в этом вопросе ее просто потрясала. Рэй спокойно оттирал ее плечом за спину или просто отдергивал за руку, и не важно — выходила она в парк прогуляться или шла в столовую завтракать. Защищал, значит? Случись что, ему первому принимать, а ей шанс в сторону отойти есть. Вот как. Интересно, что она еще не так поняла, не приняла, не осознала?

— Я плохо знаю землян, но из тех, с кем мне доводилось встречаться, ты самая несдержанная и безрассудная.

— И в чем это проявляется? — озадачилась Алена, предполагая ответ. Но услышала

лишь шорох. Шаванпрат пополз дальше. Девушка мысленно плюнула на всех окэсто разом и устремилась следом.

Город Мертвых. Именно так, и не иначе Ворковская бы назвала этот эфриш. К тому времени, как они перестали, наконец, изображать диггеров, рассветало, но тишина стояла такая, что уши закладывало. Не было даже шума ветра или трепещущей листвы. Впрочем, листвы вообще не было. Стеклянная мостовая, курганы жилищ с каменными арками, слюдянистые заборы — перекрытия трехметровой высоты, голографические доски объявлений, фонтаны с бесшумно падающей воды прямо на мостовую, хрустальные мосты, парящие над головой. И никого, ни единой живой души или ее признаков.

Шаванпрат чуть не силком волок ее по улицам, не давая оглядеть строения. А ей было любопытно. Розовый камень, хрусталь, скульптуры из стали, высоты два на два, как свечи, круглые и матовые, почти прозрачные. Мужчина же тащил ее туда, где узкие улочки плавно перетекали одна в другую, и не представляли для нее никакого интереса. И в Латвии их полно, и в Турции.

Наконец, они оказались на площади, от которой в пять сторон отходили треугольные высоты из бордово-розового камня без окон и дверей, острыми углами врезаясь в дымчатый хрусталь мостовой и соединяясь меж собой прозрачными тоннелями крытых мостов и переходов. На углу одной Шаванпрат остановился и чуть подтолкнул Алену к стене — на ее поверхности красовалась знакомая панель. Сам же повернулся к ней спиной, обозревая пространство. И увидел себя. Над площадью транслировали список особо опасных лиц — выявленных инсургентов. Четвертым был он. Хорошо, что в этот час город был тих и безлюден. Чудо, что его до сих пор не опознали. Счастье, что на дисплеях дежурных и патрульных не высветилось его местонахождение. Эгрис вился по всему периметру эфриша, лежал на каждой арке, сопровождал каждый мост, обозревая любой уголок любой улицы.

Девушка застыла на минуту, не веря своим глазам: неужели ее похождение подошло к концу? И протянула руку к панели.

— Монтррой, — ладонь Гулгэста легла на плечо. — Она здесь. На площади Хэйзфи.

— Что?! — Аваншэллу подпрыгнул, как ужаленный. — Ликвидировать! Сейчас же!

— Хорошо, но это еще не все. Агнолики Рэйсли тебя обнаружили. Одного убрали, но сколько их здесь, мы не знаем. Нужно уходить.

Монтррой скрипнул зубами:

— Почему они ищут меня?

— С твоей сестры сняли слайд памяти. Теперь ему все известно. Он идет по следу.

— А что с Эльхолией?

— Ее участь не завидна. Остальные... У тебя осталась лишь дочь. Она станет жрицей Модраш. Вся ветку срубили под корень. Ночью. Сам.

Монтррой потрясенно смотрел на товарища и понимал: все кончено или почти все. Пара суток агонирующего бегства и его возьмут. Последнего из династии.

— Дай ей связаться с Рэйсли. Дождись его появления и... убей обоих. Любой ценой! Поднимай войска. И никого не щадить! Они не должны уйти из Колви живыми. Ты понял?!

Гулгэст кивнул: нет проблем.

— Но вам лучше уйти.

Монтррой кивнул и, с сожалением оглядев уютное жилище, вышел. Через пару минут

сейфер бывшего троуви взмыл в небо.

Дэйкс все же уронил чашку. Гуэдо сегюр надрывно оповестило о чьем-то желании его лицезреть и через секунду они увидели, кто это был?

Алена. Кьяро исхудала до неприличия, но как ни странно, казалась еще более прекрасной, чем прежде. Огромные синие глаза взирали на Рэйсли, как на бога. В зале повисла тишина. Молчали все Алена, Лоан, Дэйкс, стража. Нечего было сказать. Троуви просто выронил чашку.

Рэйсли вздрогнул и, вскочив, устремился навстречу жене, словно хотел нырнуть в голограмму и схватить ее.

— Где ты?! — в голосе слышалось лишь отчаянье и ни грамма злости.

— Я? Я...

— Алена, четко: где? — Рэй не просил, умолял. Брови Дэйксклифа непроизвольно поползли вверх. Он нажал кнопку своего гуэдо и тихо проинформировал агноликов, чтоб они засекли звонок и срочно выслали туда людей, на всякий случай.

Девушка потеряла способность и говорить и мыслить, лишь беспомощно моргала, разглядывая мужа и силясь ответить на его вопрос, но трудно вспомнить, когда не знаешь, и она повернулась к Шаванпрату за помощью.

— Колви. Площадь Хэйзфи, — бросил он через плечо.

— Колви? — Рэй нахмурился: случайность? ...И кто этот мужчина? Что он делает рядом с его женой?!..Что с Аленой? Почему она настолько измождена? Ей не оказали помощь? Сегюр начал звереть: взгляд покрылся инеем, в голосе появился металл. — Стой там! Жди. Я буду через полчаса. — И вдруг сорвался, взмолился. — Не уходи, чтобы ни случилось, Алена, послушай меня хоть раз!

— Я... не уйду, Рэй, — Ворковская потерянно кивала, борясь с желанием ущипнуть себя за руку, чтоб проверить реальность происходящего. Неужели всего полчаса до финиша? И это не глюк? Ни сон, не игра ее воображения?

— Она не уйдет, господин, — пообещал Шаванпрат, развернувшись. Рэй подозрительно оглядел наглеца и, углядев мэ-гоцо на груди, облегченно вздохнул. — Береги ее, брат. Награжу — не обижу.

На лице мужчины расцвела снисходительная улыбка:

— Я уже награжден.

Рэй прервал связь, а потому не смог уточнить: что тот имел ввиду?

Девушка, как стояла с начала разговора сжав кулачки у груди, так и осталась стоять, тупо взирая на розовую стену: это было или нет? Это был Рэй? 30 минут и все? Он прилетит сам? А что он ей говорил? А как смотрел? Он был рад ее видеть? Значит переживал? Значит, любит? Любит!

— Он меня любит, — выдохнула Алена в лицо Шаванпрат и улыбнулась, как девочка — олигофрен. Мужчина издал нечто среднее между «хм» и «гы» и закатил глаза в небо: это какую же логическую цепочку нужно выстроить, чтоб прийти к подобному выводу? Гениально!

Девушка обиженно нахмурилась, надулась, встала у стены, сложив руки на груди и зло щурясь: бука-букой.

Шаванпрат протяжно зевнул, качнул головой и отвернулся обозревать окружающее пространство. Любит, не любит — потом разберутся, сейчас главное выжить. И дожить.

А роботехи, могористы и лучники уже кружили по переулкам, беря их в кольцо.

Сейфер сегюр шел на предельной скорости. Рэй готовился к схватке: проверял оружие. То, что Монтррой там и знает об Алене, он не сомневался, значит, попытается ее убрать и сбежать. А Лоан нужно успеть, помешать троуви. Задача, в принципе, для малышей, и действия, и последствия понятны. Не ясно лишь одно: кто из них успеет?

Дэйкс прибавил скорость, стараясь не отставать от сегюр: мужчина горяч. Бросится в толпу могористов и ляжет. Ишь, рванул, агноликов не дожидаясь.

Вспыхнул дисплей.

— Монтррой уходит в горы, — сообщил Экзиостиф.

— Догнать! Взять живым, бери половину людей и не возвращайся без него! — распорядился Рэй.

Дэйкс выслушал доклад Экзиостифа и глянул в небо: эскорт сегюр разделился. Половина сейферов действительно меняла курс — уходила вправо. Плохо. Очень. Неправильное решение принял сегюр. Насколько троуви знал, военные силы, стянутые в Колви усилиями Монтррой, имели угрожающий всему сегюрет масштаб. Лезть в самое пекло с пятидесятью воинами, пусть и агноликами, было, по его мнению, верхом безрассудства. Рэй, конечно, и один к жене пробьется, но выстоит ли? Глупо. И так не похоже на него...

Троуви качнул головой и связался сначала с Поттаном и Стейпфилом, потом с Илланом. Последним он оповестил совет. Конечно, он не прав: поднимать войска за спиной сегюр, без его ведома, да еще брата и совет вмешивать. Рэй будет недоволен и вполне возможно лишит его сана. Но ничего, зато они вернутся домой. Все.

Серое на розовом. Низкорослые крепыши с одним лицом на десяток. Роботехи. Они окружали их спокойно, планомерно, как и подобает безвольной технике. Исполнители. Тупые машины. А за ними могористы и лучники. Эти вымотают, те добьют.

Шаванпрат вытащил мэ-гоцо, оттер плечом шагнувшую навстречу патрулю девушку и приготовился к нападению. Их пришли не брать в плен, а убивать. Это было ясно. Никаких предупреждений, обвинений, попыток договориться, требований. Роботехи просто окружали их, сжимая в кольцо в молчаливой решимости. Их было много. Гораздо больше, чем мужчина мог предположить. Уже 20. А из проулков еще слышался drobный шаг.

Неужели по его душу? Неужели он навел их на сегюр-мэно? Тогда почему они смотрят на нее, не замечая его присутствия?

Мужчина чуть отодвинулся в сторону, словно желая уйти, и первое, что сделал ближайший роботех: метнул стилет в девушку. "А я прав, претензия не ко мне!" — Шаванпрат перехватил нож у лба Алены и вернул хозяину. Минус один.

Немое оцепенение, в которое Ворковская погрузилась, увидев два десятка однойцовых близнецов, выстраивающихся пред их взором, резко схлынуло. Она зло прищурилась и выхватила мэ-гоцо, вспомнив Агию добрым словом. Мужчина укоризненно качнул головой, чуть поведя широким плечиком, откинул ее к стене и прижал.

— Ну, уж нет! — вспыхнула Алена, отталкая защитника. — Мы вместе!

Шаванпрат не успел возразить — роботехи начали нападение.

Алена хотела спросить: почему они это делают? Зачем? Но вопросы потеряли смысл: девушка увидела голограмму: Шаванпрат в списке опасных преступников-инсургентов, на которых велась охота. А дальше... Она словно попала на съемки исторического боевика. Свист стрел, толпа мужчин, машущих клинками, грохот падающих тел, скрежет. Те лезли прямо по телам поверженных товарищей и чуть руки к ее шее не тянули. Стрелы били не прицельно, еще пугали, не калечили, боясь, видимо, попасть в своих.

Шаванпрат бился, как Конан-варвар, и все старался поспеть везде: стрелу отбить, лезвие остановить, врага поразить и девушку прикрыть. Она, конечно, пыталась помочь, но больше мешалась и себя подставляла, пока не крикнула мужчине, чтоб тот ей второе лезвие из рукоятки извлек. Он не спорил: нажал голубой лазурит и тонкое, красное лезвие лазера вырвалось наружу, раскраивая идущего навстречу роботеха. Алена порадовалась: этот клинок не царапал тело, вспарывая одежду — он убивал легко. Провел, взмахнув, по строю, и парочка упала, заливая мостовую зеленой слизью внутренностей.

Долго им не продержаться, понял Шаванпрат, оттирая с раскроенной стрелой щеки кровь. Девушка, хвала Модраш, не из трусливых истеричек, но и не воин. Машет клинком не умело и совсем не защищается. Ладно — роботехи, а встанут за ними могористы и снесут их первой же волной. Тех, как это тупое железо не вывести из строя. Они воины, и девчонка с отчаянным инсургентом-самоубийцей для них, что аэрозольный баллончик на пути бронетранспортера. Он, конечно, пока может и пока сможет, будет стоять, но... сегюр стоит поторопиться.

Его словно услышали: трое крепких парней с характерными полосами на щеках прыгнули с экссеров прямо перед роботехами, откидывая тех в сторону.

Еще трое пробивались сквозь ряды воинов, устроив бойню прямо на площади и преграждая проходы к кьяро и Шаванпрат.

Бой чуть снизил темп и двое агноликов, уступив место товарищу и Малеху, кинули к ногам девушки экссер, желая вывести ее из игры, удалив с поля боя. Та не послушалась — к досаде стражей, пнула ненужную, мешающую ей дощечку в толпу роботехов. Женщина, не понимала опасности, принимая серьезный бой за шутливую возню. Махала клинком с азартом бравого улана, чрезмерно гордясь своим мастерством и удачью.

Агнолики переглянулись. В этом взгляде читалось все, что они хотели бы сказать глупой канно, возомнившей себя валькирией, да не могли по долгу службы. Еще секунда, и они встали рядом с товарищами защищать собственность сегюр.

Когда волна роботехов схлынула, Алена смогла внимательно оглядеться и поняла серьезность происходящего. Клинок упал на мостовую, и девушка чуть не заскулила, но вовремя опомнилась и лишь прикусила губу. Площадь была усыпана искореженными телами, которые таяли со злобным шипением под воздействием зеленой слизи, разъедающей их. Место роботов теперь начали занимать люди в форме стражников Иллана, и девушка поняла, в чем дело. Все это из-за нее. Каким-то образом Монтррой, Иллану и Эльхолии стало известно, что она здесь, и они решили избавиться от нее! А эти, что встали на ее сторону, ни при чем!

Девушка огляделась и все-таки заскулила. Из двух агноликов, что бились на площади совсем недавно, в живых оставался один. Он еще раскидывал врагов, но из спины, чуть ниже шеи, торчало древко стрелы, и плечо было залито кровью. А могористы наседали без

жалости, добавляя ран, ослабляя, добивая.

Из троих агноликов, стоящих рядом с ней также жив один. Другие лежали в разных сторонах: один с множеством рубленых ран и стрелой во лбу, другой — изрубленное тело: голова отдельно, рука, сжимающая мэ-гоцо, отдельно. Шаванпрат бился с двумя кровавыми ранами на груди, а исподреберья торчало обломанное древко.

Алену зашатало, она всхлипнула, оглядываясь вновь и вновь в надежде увидеть Рэйсли, его кавалергард, но лишь темные фигуры могористов выплывали из переулка, словно стая саранчи. Стрела свистнула, ожгла острием скулу и шею. Она непроизвольно вскрикнула, зажала ладонью кровь и вдруг закричала в отчаянье, взывая к мужу:

— Рэй!! Рэ-эй!!!

Агнолик откинул ее к стене, спасая от следующей стрелы, и бросил:

— Тише, госпожа, сегюр уже здесь.

— Где?! — и увидела.

О, это было великолепное зрелище. Бой даже стих на пару минут: могористы растерянно оглядывались, кэны докладывали обстановку и вызывали подкрепление. А на площадь, прямо в их гущу, с сейферов прыгали Агнолики. Первым Алена увидела Дэйкса, а потом...

Нет, Рэй, как всегда, был в своем духе. Ну, не по чину ему, как другим, сваливаться на головы. Он шел ногами. Из проулка. Бело-золотистая газовая хламида развевалась на ветру, словно плащ Зорро. Голый торс, мерная поступь ног обтянутых кремовой кожей, трехцветные пряди, обрамляющие лицо и шею. В руке сверкающий клинок, во взгляде огонь и насмешка.

Алена больше не слышала шум боя, не видела ничего вокруг, кроме него, своего мужа, великого и ужасного, самого прекрасного и единственно желанного Рэйсли Лоан, чеканящего шаг по розовой мостовой в ее сторону. Он был всего лишь метров в двадцати от нее, и девушка рванула навстречу, откидывая стерегущие ее руки, отталкивая прикрывающие ее собой тела агноликов. Она летела к нему, еще не веря до конца, что это не сон.

Глаза Рэйсли потемнели, брови предостерегающе нахмурились:

— Не смей!! — прозвучало в воздухе, в попытке остановить женщину, уже летящую под градом стрел, мимо разящих клинков и бьющихся в смертельной схватке тел. Она бежала к мужу, не ведая опасности, не понимая, что за эту минуту безумного бега, двадцать шагов навстречу своему любимому, она может 20 раз умереть.

Рэй рванул навстречу, не глядя размахивая мэ-гоцо, откидывая могористов с дороги, отпихивая своих, прорезая путь клинком и телом: лишь бы успеть схватить свою глупую жену и прикрыть до того, как стрела вонзится ей в сердце, до того, как лезвие стилета срежет ее шальную голову с плеч.

И успел. Алена врезалась в его грудь, прижалась доверчиво, вся в слезах от счастья. Но ему некогда было радоваться, успокаивать ее и ругать. Могористы бились насмерть. Стрелы кучно падали на агноликов, метко разя их и тесня сопротивление. Рэй успел лишь прижать всхлипывающую, дрожащую жену к груди и прикрыть своим телом, чуть склонившись. Две стрелы ужалили в спину, еще одна чиркнула над ухом и вспорола рукав девушки. Их подхватили и увлекли к стене, образуя заслон из живых тел. Рэй тяжело вздохнул, сдержал стон и посмотрел в глаза Алены.

Совсем недавно он хотел ее наказать, а сейчас и дышать в ее сторону боялся. И слов не было: все обличающие тирады, что он готовил, казались неуместными, пустыми,

ненужными. Он видел синие глаза, на исхудавшем лице, которые говорили больше, чем мог произнести язык. Эти глаза не просто любили, они открыто обожали. И этому нечего было противопоставить.

Лоан ласково улыбнулся ей и поцеловал в лоб. Не стоит ее ругать — не за что. И учить незачем, и на землю отправлять... Как он без нее? А она без него?

— Рэй! — гаркнул над ухом Иллан. — Уводи ее!

Тот удивленно посмотрел на брата: как он здесь оказался и что говорит?

— Рэй, совет встал на сторону Монтррой, — добавил тот тихо, — девять фагосто. Это война брат.

Веко Лоан дернулось.

Алена, открыв рот, смотрела на Иллана, стоящего перед ними, сжимая стилеты в руках, взъерошенного и грозного, сказочно красивого и решительного. Горящий взгляд, гордая осанка, волевое лицо... Она поняла, что ничего уже не понимает.

Парень резко отвернулся и, уложив своего же могориста взмахом клинка, вновь уставился на Рэйсли.

— Он, он.. — попыталась высказаться Алена

— Мой брат! — отрезал Рэй, давая понять ей, что Иллан за них. Тот с благодарностью глянул на него и поторопил:

— Уводи ее. И сам уходи. Ты ранен.

"Ранен?!" — Алена с ужасом воззрилась на мужа. А тот смотрел в глаза брата. Секунда другая и он резко толкнул девушку в объятия Иллана.

— Нет! — завопила Алена, забившись, цепляясь за мужа. Иллан удивленно распахнул глаза и хотел возразить, но Рэй не дал, бросил в лицо:

— Я окэсто, у меня больше шансов выжить. Уводи ее и уходи сам. На краю площади сейфер. Там Сергей. Он отвезет вас к гоффиту.

И рванул в гущу воинов. Через секунду и Алена, выкрикивая его имя, начала удаляться. Иллан тащил ее из толпы дерущихся, прикрывая от стрел. А та не хотела, упиралась, рвалась к Рэйсли, видя лишь два древка, торчащие из его спины. " Он ранен, ранен!" — тупо стучало в висках, наполняя ужасом и отчаяньем сердце, разрывая душу болью, которую он должен был испытывать. Руки тянулись к нему, желая дотронуться, вцепиться и не отпускать, в слепой надежде удержать его в рядах живых, уберечь от смерти и боли.

А Рэй, словно не слышал ее умоляющий надсадный крик, не хотел слышать. Он бился, не щадя ни себя, ни врагов. Взлетал клинок, металась золотистая ткань, кривились губы, хмурились брови. Тело откидывало могористов играючи, словно не чуя ослабляющих ран в спине, отвергая их наличие напрочь.

Она удалялась от него, влекомая чужой волей, зажатая чужими руками в тиски. Перед носом сверкнуло лезвие. Иллан успел преградить ему путь, откинул и, взмахнув клинком рассек трахею могориста. Алену обдало кровью. Она зажмурилась, всхлипнула и вдруг почувствовала толчки: один, второй. Шаг назад, еще. Почти край площади. Вот только руки, держащие ее, стали слабеть.

Девушка рванулась в надежде вернуться и почувствовала, что ее уже не держат. Над ухом раздался слабый стон и смешался с лязгом клинков, свистом стрел и другими стонами. Она обернулась. Серые глаза виновато смотрели на нее и не просили о помощи, а пытались запомнить ее.

Иллан падал. Белую рубаху заливала кровь — из груди торчало жало, лицо вспорото до

шеи, обезображено не столько грубой, кривой раной, сколько мукой. Парень рухнул на колени и еще пытался подняться, мотая головой, но силы уходили, вытекая с кровью.

Алена подхватила его, беспомощно огляделась, выцепила глазами Дэйкса, закричала призывно. Тот оглянулся, Рэй, услышав ее, замер на секунду, вглядываясь, качнулся в их сторону и ...получил удар мечом по груди. От плеча до пояса прошла кровавая полоса, раскрылась кожа, оголяя мясо и край кости.

— Нет!!!

Крик девушки перекрыл все другие звуки. В тот же миг ее подхватили и потащили с площади, но она не видела, кто, и все кричала, обезумев вконец, глядя, как в грудь мужа, чуть выше страшной раны, вонзается еще одна стрела, и Рэй падает на мостовую, не спуская с нее глаз, в которых сквозит мольба: уходи! Падение и клубок отточенных лезвий взрывают его тело, выходя наружу со спины. Тут сомкнулся круг агноликов, одни защищают сегюр, другие пытаются его поднять, но он недвижим, неподъемен, словно мертв.....

Как в замедленной съемке она видела, как Иллан пытается подняться, устремиться к брату, и падает подкошенный предательским ударом под ноги. Дэйкс подхватывает его тело, что-то кричит агноликам, призывно махая им клинком. К ним подбегают, прорываясь сквозь заслон могористов, подхватывают безвольное тело. Перекошенное лицо Сергея в полуметре от нее и метание красных лучей мэ-гоцо. Все начало сереть, покрываться дымкой, отступить, исчезая, и только чей-то дикий вой еще стоял в ушах, оглушая сознание:

— Нет!!! Рэй!!! Нет!!!

Может быть, это не было концом света или катастрофой в общепринятом понятии, но для Алены произошедшее стало больше, чем апокалипсис. Она была уверена — жизнь кончилась, и тело Рэйсли поставило жирную точку на ее дальнейшей судьбе, упав на мостовую Колви.

В ее понимании случившееся на ее глазах было не столь непоправимо, сколько неоправданно жестоко по своей несправедливости, абсолютно неправильно, дико нелепо и абсурдно по сути своей. Но это было и убивало своей реальностью.

Рэйсли мертв.

Рэйсли? Мертв?

Она шла к нему по пустыне, терпела все тяготы пути в неизвестности, раны, жажду, боль и неудобства. Шла, прилагая нечеловеческие усилия, ползла на пинках допельгенгера, без сожаления вычерпывала до дна все силы,...Зачем? Чтоб увидеть, как тот, кого любит, к кому стремилась всей своей сутью, упадет замертво утыканный стрелами, как еж? Неужели она заслужила лишь это? Поспешный поцелуй в лоб и прощальный взгляд голубых глаз? Все?

Почему так случилось? Почему не иначе? Кто виноват? Почему вообще все это с ней произошло?

За что? В чем она виновата?

18 дней они летели на Землю.

18дней она задавалась вопросами, на которые не находила вразумительных ответов.

18 дней она честно мечтала умереть и прилагала к этому все усилия. Но она жила. Тело оказалось крепче, чем ей хотелось, раны менее опасны, а кафиры более опытные и внимательные, чем ей было надо.

Ее выходили, вытащили, насильно заставили жить.

Действительно, отчего ей умирать? От ран на спине? Глупых детских царапин на щеке и плече? А от горечи и щемящей тоски в душе не умирают. Но и не лечат. Нет таких лекарств. Пилюль от пыток совести виной, пастилок от безысходности и боли утраты, порошков от горя, рвущего сердце на части, настоек от садистки-памяти, мучающей воспоминаниями, нет.

Наталья пыталась растормошить Алену, вела заумные беседы и успокоительно-согратательные разговоры.

"Зачем? Его все равно не вернуть", — отвечали синие глаза.

Сергей рисовал ей будущее в радужных тонах, объясняя, что они скоро будут дома, на Земле и ее ждет привычный круг родных и друзей.

"Зачем? Рэйсли там нет", — сообщал ее взгляд.

Она не помнила, как попала на гоффит. Не утруждала себя пониманием, куда они летят, и почему, откуда здесь Наталья и Сергей? Их постоянное присутствие ее не удивляло, удивляло отсутствие Рэя.

Ее не раздражали навязчивое внимание и забота окружающих, раздражали их пристальные, полные сочувствия взгляды.

Ее не беспокоило возвращение домой, беспокоила невозможность вернуться на Флэт.

Она не испытывала ни радости, ни естественного волнения в преддверии встречи с родителями и друзьями, страдала от понимания невозможностью воссоединиться с семьей:

Рэйсли, детьми.

В какой-то миг она поняла, что можно все вернуть, нужно только отдалить этот мир, в котором ее постоянно беспокоят, заставляя есть, пить, дышать, реагировать на раздражители и чувствовать постоянную боль, и погрузиться в тот, который сохранил свою целостность в памяти.

Там все были живы. Дети, смеясь взбирались на спину Гвидэра, и тот, шаркая коленями по синему мху, важно двигался, перевозя ценную ношу. Фэйра улыбалась, глядя на причуды старого и малых.

Рэй зорко обозревал пространство, заложив руки за спину и заслоняя своей монументальной фигурой атланта ленивца Уэхо.

Агнолики тенями скользили меж хлопьев парковой листвы.

Крупницы кристаллов устилают бурую почву, ряды алоэподобных кустов футуги.

Хрустальные колонны приемной залы, застывшие лики усопших героев-полководцев и императоров на стенных барельефах, тихий шорох шагов в прохладу и сумрак вечернего туглоса. Дикая сторожевая кошка степцерак у спальни детей подозрительно щурится, обнюхивает воздух и успокоенно пристраивает лохматую голову на свои лапы.

Иллан, презрительно щурясь, надменно вскидывал подбородок, выговаривая что-то Рэйсли. Тот ехидно поглядывает на старшего сегюр, как на маленького капризного сопляка.

Рэй... Он царит в том мире: самоуверенный до наглости, пылкий и спокойный, резкий и ласковый, насмешливый и презрительный до грубости, холодный, загадочный и нежный.

Взгляд голубых глаз по-прежнему очаровывает, властвует, бросает в дрожь и ласкает. Сильное, прекрасное тело манит своим мощным рельефом, руки сильны, объятья крепки, поцелуй долог и сладок...

— Забудь, ты молода. У тебя все еще впереди, — уверяет Наталья

Слова кажутся казенными, пустыми и холодными. Избитые фразы успокоения, жалкие потуги сочувствия. Алена содрогается в недоумении: как можно забыть родных детей? Любимого мужа? И что ее может ждать впереди, если самое лучшее позади?

— Послушай совета старого и мудрого человека. Несколько дней и ты будешь дома: представь, что все, что случилось с тобой за это время, сон. Всего лишь кошмар. И забудь. Начни новую жизнь. Выйди замуж, роди ребенка...

А если она не желает? Не может. Она так долго сопротивлялась Рэю, себе и своим чувствам, что просто не в состоянии пройти этой дорогой вновь. А в сердце и душе живет лишь Рэй. Он собственник, и больше никогда и никого туда не пустит. И она не пустит. Она принадлежит лишь ему. И не важно, что она осознала это слишком поздно, и согласилась уже с мертвым.

Сон? Если б тогда, давным-давно, она была внимательней к своим сновиденьям, может, тогда разглядела бы в том принце голубоглазого флэтонца? И тогда, кто знает, не наделала бы столько ошибок: и не мертвому, а живому, прямо в глаза, не стесняясь и страшась, призналась в любви? Наверное, это ничего бы не изменило, но она бы не чувствовала себя настолько отвратительно.

18 дней слились для нее не то в сутки, не то в год. Она не заметила ни один из этих дней, как не заметила старта и посадки.

— Последние наставления и инструкции, мадам, и по коням, — предупредил Сергей, внезапно появившись в каюте. Перед Аленой легла стопка одежды: светло-голубая, тонкая рубашка и джинсы в тон. На пол упали бежевые мокасины.

— Кроссовок, увы, нет. Но, думаю, под брюками мокасины не приметят. Так что... — Сергей развел руками: извини.

Алена начала лениво одеваться под спешное бормотание Натальи:

— Так, и-ку знаешь. Рубашка. жаль. Надо еще дней пять, чтоб раны были открыты. Регенерация идет хорошо, но поверхность нужно оставить открытой. Струп только начал образовываться. Не вздумай чем-нибудь мазать и не подпускай местных остолопов, а то залечат. Будешь с рубцами по всей спине ходить. А так через месяц — два и признаков не останется. И не делай резких движений, не тревожь раны. Рано. Пять дней, Алена, максимум неделя. Что еще, что еще?... И-ку? Говорила.

Девушка оделась, не обращая внимания ни на болтовню женщины, ни на присутствие Сергея, и села, сложив руки на коленях, как послушный, маленький ребенок.

Она с трудом воспринимала происходящее не понимала, что прилетела и скоро ступит на родную Землю. Взгляд законченного аутиста, лицо узницы Освенцима. Она вообще исхудала до невозможности и в этом светлом наряде казалась хрупкой, как фарфоровая статуэтка. Сергей поморщился и отвернулся, а Наталья, вздохнув, продолжила лекцию на тему диетологии:

— Ешь все калорийное: пирожное, мороженное. Как можно больше мучного, сладкого и фрукты в неограниченном количестве. Чтоб жиров и углеводов — зашкаливало.

Гуэдо Сергея предупредительно пикинуло.

— Пора.

Алена встала, парень кинул ей в руки легкий маленький рюкзачок:

— Донесешь?

Кивнула, закинула на плечо, не понимая: зачем он ей? Наталья, вдруг осознав, что пора прощаться, всхлипнула, обняла, запричитала:

— Господи, девочка моя, неужели больше не свидимся? Ты уж береги себя, тетку Наташу не забывай. Нет. Подожди, адрес скажи, телефон ... — и смолкла. Зачем? У каждой из них свое горе и встретиться — душу разбередить. Не стоит, право.

А жаль. Ох, как жаль. Ведь душой уже прикипела, срослась, сроднилась с этой девочкой. Она для нее, что Витя, что Монторрион — дитя родное. И заплакала, понимая, что больше не увидит их. Витю — да, а Алену вряд ли, Монторриона же — никогда. Но за сына она спокойна, отец у него — золото: и вырастит, и воспитает, и обеспечит, и убережет, и поможет. А кто Аленке поможет? Как же она теперь? Ведь сгорит в горе своем. Господи, помилуй...

— Ну, все мадам, сеанс слезотерапии подошел к концу. Мы пошли, — и увлек Алену, вырвав из объятий Силиной. — И не стойте столбом! У вас десять минут на сборы. Магррифф проводит. Не будьте в нем зверя, поторопитесь.

Женщина с полминуты рассматривала закрывшуюся стену и, наконец, опомнилась, побежала к себе. Мало переодеться надо, так еще сумку не забыть. Вот главное: презент Дэйкси. Не поспешил он. Столько дал, что и потратить на что не знаешь. Не то, что Витюшкины дети, а праправнуки нужды знать не будут. Одних бриллиантов не сосчитать.

И как же она без своего милого жить будет? Вот ведь сердце материнское, всегда поперек женского идет, и никак они к совместному консенсусу прийти не могут.

Алена удивленно огляделась: сосны, пара кривых березок, небольшая полянка в желтых, голубых, лиловых цветах. Запах хвои и летнего зноя наполнил легкие. Солнце, огромный

палящий круг на голубом фоне неба. Звуки птичьего гомона, жужжание пчел, стрекот кузнечиков и комариный писк. Это Флэт?

— Земля, — с благоговеньем выдохнул Сергей и, блаженно улыбаясь, подставил лицо солнечным лучам.

— Земля, — эхом повторила девушка, всматриваясь в естественный пейзаж средней полосы России, словно житель глубокого Севера в африканские пальмы у песчаной косы.

Интересно, сколько она будет привыкать к мысли, что живет на Земле? Столько же, сколько привыкала, что живет на Флэте?

— Три года...

— Четыре, — поправил Сергей. — Здесь прошло четыре. Сегодня 29 июля, 12 часов дня местного времени. Сама понимаешь, долго стоять не сможем. Мало ли грибник какой прискачет или местные пацанята...Иди. До трассы метров пятьсот, прямо, никуда не сворачивая. Извини, ближе никак. А там налево. До города километров 10, не больше. Я бы проводил, но не могу...это значит, ждать, а мы стоим открыто, как ...в общем, здравствуйте уфологи...

— Я сама, — кивнула Алена и внимательно посмотрела на парня. — А ты? Не останешься?

— Нет, — мотнул тот головой взгляд в траву под ногами.

— Почему? Это ведь наша Земля.

— Была. Я...флэтонец. И в голове, и на деле, — парень, словно боялся заплакать, и крутился, оглядывая спички стволов, только чтоб Алена не заметила его состояния, мокрого блеска в глазах не заметила. А голос-то выдавал. — Я бы остался, ненадолго, сына повидать, а жить...нет. Здесь я клоп, а там...чувствую себя полноценным, понимаешь? Сейчас там...тяжело, не дело бросить..

— Там война, — глухо предупредила девушка.

— Время перемен, всего лишь. Оно всегда ...так. Я там нужен, своим.

Алена кивнула, начиная понимать, что силится ей объяснить соотечественник:

— Мужчины не уходят с поля боя.

— Да, примерно так, — обрадованно закивал парень и развел руками, предлагая обняться. — Ну, прощай, что ли? Рад, что познакомился с тобой. И за эти годы спасибо. Если что не так, ты уж зла не держи...я, правда,...нравишься ты мне.

Алена шмыгнула носом, жалко улыбнулась и прильнула к нему, всхлипнув:

— Прощай, друг...брат!

— Пошалили мы на славу... — Сергей робко обнял ее, провел ладонью по волосам, пытаясь запомнить их цвет, запах. — Ты, Ален, сильно-то не распространяйся, где была. А то, сама понимаешь, будут за ненормальную принимать, у виска покручивать. Не поймут все равно и не поверят..

Девушка кивнула и вдруг подняла голову, пристально заглядывая в глаза парня:

— Сереж, а почему меня сюда? За что? Я ведь тоже флэтонка!

— Там опасно, Ален. И потом, ты сама хотела, рвалась...

— Значит, мне опасно, а тебе — нет? А дети? Я что, никогда не увижу их?

Сергей вздохнул:

— Они будущее Флэта, они встанут во главе сепарет, когда все закончится...

— А я? Прошлое, да?

— Они флэтонцы, наследники...

— А я канно...

Это было обидно. Девушка отпрянула от него и посмотрела вглубь леса:

— Понятно. Пошла вон, значит. Флэт церемониться не привык.

Сергеа поморщился: что он мог сделать? Объяснить? Что, как? Он сам знал не больше нее и видел столько же. У него приказ. У него долг. А желания... Их у него много, только вот диаметрально противоположные, не связывающиеся меж собой. Значит, не те, значит, не стоит идти на их поводу. Ее жалко, да, но жалость плохой советчик, она, как первый порыв, растает, и зависнут последствия этой жалости над его жизнью, как нож гильотины...

Он, конечно, может плюнуть на приказ и долг и уйти с Аленой в город, начать новую жизнь. Вдвоем легче, вдвоем ничего не страшно, и финансов хватит, и сил... только он ей не нужен, а она ему... пока не его, а там все прахом пойдет, да еще совесть жевать будет, убивать их отношения, давя самую суть. Нет, не может он так поступить. В принципе не может. У них разные дороги. Она женщина: погорюет и забудет, начнет жить, как все, с полным социальным комплектом.

Он — мужчина, значит, должен вернуться и следовать долгу. Он встанет в ряды агноликов и будет стоять на стороне Лоан до конца. Может это глупо, умирать за других, но правильно, это он знал точно. По-мужски. А что такое быть мужчиной он осознал именно там, а здесь... слова, зыбкие рамки и пустая патетика дутой гордыни по половой принадлежности.

Нет, нет, еще раз нет, даже ради сына, нет.

Парень отступил. Алена обиженно глянула на него и побрела в лес. Она — не оглянулась, он — не окликнул.

"Вот и все", — подумала Алена, пробираясь сквозь лес. В голове всплыли строчки стихов неизвестного ей поэта:

"Как больно, милая, как странно, сроднясь душой, сплетясь корнями,
как больно, милая, как странно, раздваиваться под пилой..."

Где она их слышала? Ах, да, культовый фильм "Ирония судьбы.." Только у нее никакой иронии в судьбе, сардоническая ухмылка, желчный сарказм.

Алена вышла к шоссе и встала, растерянно оглядывая местность: налево или направо? Что там, что здесь, поля с островками леса, полынь, лопух, гравий и серая лента расплавленного асфальта. Куда же идти? Вспомнилось, что Сергей говорил налево. Туда она и пошла, вернее — медленно побрела, нехотя переставляя ноги. Ей казалось, что она не приближается к дому, а удаляется от него. Да и куда торопиться? Когда она шагала по пустыне, она имела цель, решимость, желание, одним словом, она четко и ясно представляла себе итог и жаждала его. Рэй, вот как он назывался...

Сейчас же цели не было. Там, на финише, ее никто не ждал. Мама, отец, брат, друзья могли помнить ее, но ждать — нет.

Алена нахмурилась, осознав, что ничего не чувствует, вспоминая родных, ни единой эмоции. Пусто в груди, в душе. Не нормально, но факт. И то, что не хочется домой, не хочется видеть их, тоже факт. Что она им скажет? Как, да и зачем? Они не поверят ей, не поймут. Рэй в их понимании вампир, нелюдь, негодяй... Как и для нее когда-то.

Неужели она считала его таким? И не скрывая от него, говорила в лицо... Как она могла?

Шоссе было пустым, заброшенным: ни одной машины, ни одного человечка или простенького указателя направления на всем обозримом просторе. Солнце нещадно жарило, но она даже не чувствовала это. Ей было холодно от беспросветной тоски и неутешительных мыслей. Она ежилась, не замечая липкой духоты, шагала, не видя ничего вокруг, не понимая, не принимая реальности.

Этот мир стал ей чужим, она не желала его знать так же яростно, как когда-то стремилась вернуться в него. Ведь это он виноват в том, что случилось. Он отобрал у нее естественное стремление жить, как заложено природой, а не людьми. Жить свободной от предрассудков и догм, жить по своей воле, а не под гнетом чужих желаний. Жить любя. И не страшиться этого, не сопротивляться, не стесняться. "Независимость, свобода" — что она будет с ними здесь делать? Они там, здесь лишь их фантом, заскоружный архетип. Что этот мир знает о них? И что они могут дать женщине, кроме горечи одиночества?

Над ухом хрипло каркнули. Алена вздрогнула и остановилась, с удивлением рассматривая серо-черное чудище с длинным клювом, нагло ковыляющее в метре от нее. Ворона. Надо же. А там еще одна и еще. Поля...

Девушка поправила съехавшую лямку рюкзака и пошла дальше. Мимо промчалась машина, вторая притормозила, грянула клаксоном:

— Подвести, красавица? — спросил рыжий детина, высунувшись в окно. Она просто посмотрела и слов не потребовалось — парень нахмурился и нажал на газ.

Алена проводила зеленую колымагу презрительным взглядом и словно очнулась, осознав, что видит банальный автомобиль, а не привычный сейфер. Значит, она

действительно на Земле? Уже?

"18 дней всего. Это же новейший гоффит, а не развалюха Вэрэна, служившая еще его деду..." Кто это ей говорил? Серега.

Сердце сжалось от боли — его она тоже больше не увидит. И Вэрэна. И Дэйкса. И Иллана. И...детей. Ворковская всхлипнула и закусила губу. Слезы сами брызнули из глаз. "Жалость, прежде всего к себе — вот источник слез" — сказал ей Рэй, когда, не выдержав очередного давления с его стороны, просто расплакалась от бессилия. Но он был прав, на деле она плакала, жалея, что не может его победить, добиться своего.

И сейчас ей было жаль, только диаметрально противоположного, того, что добилась. Возвращения домой. И слезы были горькими от осознания того, что цель не стоила затраченных средств. Она была пустой и ненужной. В этот момент она благословляла Эльхолию и Монтррой и готова была добровольно отдаться в их руки, пройти вновь все что прошла и даже вдвое, втрое большее, но там, на Флэте, тогда, когда Рэй еще был жив, и Иллан, и другие...

Иллан, сероглазый принц из ее снов, надменный красавец, обливающий ее холодом и презрением, винящий в распре с братом. В его глазах жил укор, а потом его сменила задумчивая меланхолия. Из памяти всплыла его стройная фигура, пальцы, ласкающие высокий фужер с шеврио, светлая кисея рубахи, волнами спадающая с обшлага на узком запястье...и кровь на груди, виноватый, прощальный взгляд. Одна рука сжимает стилет и упирается в хрусталь мостовой, другая зажимает рану. Он стоит на колене и пытается встать, но уже не может. Иллан...Он был таким же маленьким человечком, воображающим о себе больше, чем может и имеет, как и она. Он стремился к чужим высотам и понял — это слишком поздно. Рэй был другим. Рэй был сильным — духом, телом разумом. Он шел к своей цели, не размениваясь на пустяки. Он не воображал, а реально оценивал, не пытался — делал, не желал — добивался. Рэй...

Теперь в ее памяти он был выткан из одних достоинств, окружен светом благородства, как Спящая красавица рамкой хрустального гроба. Над его головой сиял нимб святости, и даже бесцеремонность, властность и жестокость влились в его грани и существовали в полной гармонии с мудростью, отвагой, чувством долга, как единое и неделимое целое. Теперь он был идеален. Был...Нет!

Алена резко выпрямилась и вытерла слезы. Хватит. Еще минута и она завоюет. Еще час, два и она сойдет с ума. Нет, так нельзя, не надо. Нужно отвлечься, посмотреть вокруг.

Мимо прошуршала легковушка, проурчал КАМАЗ, поднимая столб пыли и обдавая девушку угарным газом. Машин становилось все больше, значит, скоро город.

Она прошла пост ГАИ, свернула на узкую тропку, выходящую мимо серого бетонного забора. Завод транспортных трансмиссий. Неужели еще помнит?

Люди. Один, два, потом все больше и больше. Грохот и рев машин, крики, гам и духота, в которой стоял запах раскаленного бетона и металла. Неужели она здесь жила?

Алена растерянно оглядывалась, не узнавая родной город, не понимая, где находится. Ее пихали, отталкивали спешащие граждане. Им не было дела до странной девушки, решившей постоять на их дороге. И она брела дальше, не зная куда, не сопротивляясь течению многоликой толпы, не видя пути.

Мимо пролетел трамвай, гремя колесами.

— Жить надоело? — гаркнул над ухом грубый голос, и ее опять отпихнули в сторону. Девушка вскинула взгляд: худой черноволосый парень зло глянул на нее и побежал дальше.

Ворковская, вздохнув, пошла прочь. Взгляд скользил по серым зданиям, она смотрела в лица прохожих, но не узнавала. Все было чужим и странным. Высотки зданий, усадые троллейбусы, красные тенты с надписью Coca-cola и жуткий гам, закладывающий уши, бьющий в виски: какофония музыки, льющейся из окон проезжающих машин, открытых окон домов, гогот, крики, шум транспорта. И запахи, от которых першило в горле.

Неужели она здесь жила? Считала нормой подобный шум, хамство толпы, сизый дым выхлопов? Это ее Родина? Место, где она выросла и прожила 20 лет? Сюда она стремилась 4 года?

Алена чувствовала себя растерянной и раздавленной. Она не знала куда идти и больше не могла вынести весь этот шум. Он винчивался ей в виски, давил обручем голову, перед глазами плыли маски людей, чужих себе, чужих друг другу.

Она зажмурилась, чтоб не видеть разноцветного мельтешения, зажала уши руками, чтоб не слышать какофонию звуков, прикусила губу, чтоб не закричать от тоски и непонимания: неужели они не видят? Неужели они не слышат?

Кто-то толкнул ее, скинул с плеча лямку рюкзака. Она открыла глаза.

— Жизнь прекрасна, — качнул ладонью перед носом взерошенный юный оптимист. Стайка его товарищей весело засмеялась, окинув девушку критическим взглядом.

Алена отошла, глянула на сумку в своих руках и открыла. Зачем она ее тащит? Что в ней? Сверху лежал моток серебристого провода, она потянула за него и улыбнулась. Сережа. Он, верно, перепутал сумки, отдав Алене свою. Продолговатые коробочки с рядом лэкторов на магнитной ленте, стопка слайдов, разноцветных стеклышек, горошины батареек, диодов и прочей непонятной ерунды и серебристый блин размером с ладонь.

Алена счастливо рассмеялась: Сережка, Сереженька, милый озорной человечек, техник — самоучка, шалопай — энтузиаст, лучшего подарка ты не мог преподнести. Плеер. Маленькое чудо флэтонской техники. Интересно, что хранят твои компашки? Что жаждала услышать твоя душа?

Ворковская сняла с крышки дистанционные пуговицы наушников, вдела в уши, проверила наличие диска. Серебристый, разделенный на разноцветные сектора, как торт на кусочки, слайд лежал внутри. Почти такой, как обычный земной CD, только меньше вдвое, а объем записанной информации больше раз в сто. Что же на этом? Она захлопнула крышку, положила большой палец на розовый круг сенсорной кнопки, и окружающий мир перестал давить ее своим шумом. Он исчез, растворился в потоке прекрасной музыки, близкой ей по духу. Ах, Сережка, о чем ты думал, когда слушал это в тиши флэтонских ночей?

Алена стояла посреди тротуара и слушала, глядя перед собой, не обращая внимания на толпы прохожих, не видя их, не ощущая толчки. Кирпичные здания, поток машин, ряд ларьков, кроны редких деревьев — все отдалилось от нее и словно потерялось. Она вслушивалась в слова, внимала звукам музыки, живя на волне песен, звучащих не в ушах — в сердце.

" Мой друг, все приходит с годами, покой и надежность, на круг, что накоплено нами, шепот речки таежной, на круг, речи верных подруг, и неверные плечи.

Мой друг, канул день в пустоту, приближается вечер.

Куда катит дней череда? По годам.

Постой, ты не вернешься сюда никогда.

Что есть, все приходит с годами, успех и болезни.

Ты весь в ожидании славы, так подчас бесполезной.

Ты весь в ожидании счастья, а счастье мгновенно.

Для нас это счастье сейчас говорить откровенно

Куда, катит дней череда?

Постой, ты не вернешься сюда, никогда...

Поверь, все приходит с годами,

Намечены сроки потерь, для пылких признаний, большей частью жестоких..."

Алена беззвучно заплакала, даже не замечая этого, а в наушниках уже билась другая

песня:

" Когда домой вернусь, открою дверь, рукою стен коснусь

я в темноте. Лишь теперь знаю точно, есть место на Земле,

к которому стремился. Когда домой вернусь в знакомый двор,

цветы роняя, куст качнет листвой мне в укор.

Реветься в руки, и нет разлуки,

есть место на Земле, где ждали даже листья.

Не думал никогда, как обмануть зиму, счастье найти,

но только возвратившись домой, в тысячный раз

пойму, счастье в пути.

Когда домой вернусь на свет в окне, все в доме

наизусть известно мне, как во сне. Это значит, я удачлив,

есть место на Земле, где ждут не изменяя..."

Сережка, как должно быть болела твоя душа, как она рвалась домой. Почему же ты не остался? Ведь ты хотел этого, мечтал.

Алена давно исчезла из вида, а Сергей все стоял, жмурился под яркими солнечными лучами и вдыхал воздух родины, наслаждаясь ароматом хвои, стараясь, как можно четче запомнить шершавый ствол сосны, плети березовых веток, звуки, наполняющие лесную поляну: от жужжания пчелы до комариного писка. Когда еще доведется побывать здесь? Конечно, он слишком задерживается, но может же человек позволить себе, потратить 20 минут драгоценного времени один раз за 10 лет на единение с природой, на встречу с Родиной?

Сергей улыбнулся, почувствовав себя Штирлицем, как минимум, и тряхнув лохматой шевелюрой, решил, что пора возвращаться, и повернулся. Лучше б он этого не делал, кошмары б ночью не мучили... Прямо перед ним стояли четверо агноликов в земной одежде и с кейсами в руках.

Это было не смешно, это было нелепо. Внушительные фигуры, абсолютно лысые черепа, насуплено-сосредоточенный вид, татуировки на щеках, мэ-гоцо на груди, висящие на золотых цепях, таких внушительных, что подошли бы для Кощеого хрустального ларца и ... в джинсах и футболках с дурацкими надписями и рисунками.

Тайклиф, самый молодой, с утонченным лицом интеллигента и ярко-фиолетовыми глазами, в алой футболке, с рожей тассманского дьявола, из детского мультлика, показывающего язык. Мэнгриф, вечно хмурый громила под два метра, в нежно-розовой, со скромной надписью на груди: Lov me, и розочкой из люрекса, ближе к подмышке. Вэйнгрин, самый худой и низкорослый, в синей, с зелеными разводами и надписью на всю грудь: МАХИНО. И замыкал ряд кэн Арвидейф в ярко-оранжевой рубашке с кактусами и стручковым перцем.

Сергей не знал, как реагировать: слов не было, а смеяться вроде не по чину. Он собрал все силы, чтоб изобразить серьезное лицо, и попытался проскользнуть мимо, внутрь стартовой платформы.

— Ты остаешься, приказ троуви, — прогудел Арвидейф, преграждая путь.

"Здравствуй, ступор!" — примерно так называлась скульптура, которую невольно изобразил Сергей. Он замер в пути, открыл рот и продекламировал агноликам русский алфавит в урезанном варианте:

— А-а,...М-м...Э-э-э, Хм...Ну-у... а...

Флэтонцев впечатлило — они дружно нахмурились. Стартовая платформа гоффита закрылась и тихо взмыла вверх. Сергей проследил за ней глазами и растерянно глянул на Арвидейфа. Тот без лишних слов кинул ему кейс. Мэнгриф сунул стопку одежды.

Сергей ничего не понимал, так и стоял в обнимку с кейсом и брюками, замороженно поглядывая на агноликов.

— Твое жалование, — стукнул по кейсу Тайклиф. — Переодевайся.

— Зачем? Что происходит?... — и смолк, понимая, что напоминает сейчас мальчика — дебила, пытающегося сложить косинус с котангенсом. Парень бросил сумку и стал переодеваться, молясь, чтоб его футболка оказалась менее красочной. Оказалась. На черном фоне оскаленная волчья морда и надпись — "спецназ это сила!" Скромно.

Арвидейф критически оглядел его и кивнул: приемлемо. Вэйнгрин чуть склонил голову набок и облизнулся, любуясь мордой хищника на груди парня.

"И что дальше?" — взглядом спросил Сергей. Кэн отчеканил:

— Ты поступаешь в наше распоряжение. Должность — проводник. Цель — адаптировать нас к местной жизни.

"Не собрались ли они приготовить здесь плацдарм для окэсто и модрашистов?" — забеспокоился парень. Не шутка, однако, если рядом с мирным и ничего не подозревающим населением оккупируются «невинные» флэтонцы. Это круче, чем сидеть на ядерном реакторе в ожидании взрыва. Как бы ему и впрямь в спецназовца играть не пришлось. У него сын все-таки здесь живет. Мирно спит, ходит в школу...

— А ваша цель? — спросил не смело, слабо надеясь на ответ.

— Кьяро. И кафир.

"Ага!" — не сдержал вздох облегчения. Все-таки не экспансия, значит "будем живы!"

— Мы должны быть неприметны.

Сергей оглядел четверых лысых, татуированных амбалов в аляпистой одежде и, ухмыльнувшись, хотел пустить остроту, да вовремя опомнился. Агнолики с юмором не дружат, плохо у них по этой части. Не поймут, а могут и обидеться, взмахнут «нежной» ручкой... и будет он выплевывать зубы в траву.

Парень кивнул, потупив взор. Агнолики цепочкой двинули в лес, «неприметные» меж сосен, как стадо мамонтов в степях Казахстана.

— Мы надолго? — спросил Сергей, пристраиваясь в конец цепочки, за Тайклифом.

— Пока кьяро не устроит свою жизнь, — охотно пояснил тот.

"Бессрочная командировка, значит", — кивнул Сергей и больше вопросов не задавал. Им. Основная масса вопросов была задана себе. Результат, конечно, тот же, но безопасно.

Бравы флэтонские ребята высыпали на шоссе и замерли, отсвечивая лысыми черепами, в ожидании подходящего транспорта. "Самосвалы, наверное, здесь редко ходят — долго ждать будем. А легковушка... я бы не остановился.." — подумал Сергей, искоса поглядывая на мужчин, но развить мысль до конца не успел. Арвидейф протянул ладонь и хмуро бросил:

— Лэктор.

"Ой, ё!" — еще на Флэте, впопыхах, в его рюкзак скидали лэкторы. И где он теперь?

Сергей огляделся и... поймал рюкзак, кинутый Мэнгрифом. "Ну, слава богу". Парень торопливо открыл его и понял что без зубов он все-таки останется. Сумка была до отказа набита драгоценностями. Алениными. Скромная доля ее наследства, должна обеспечить ее достойное звание сегюр-мэно существование.

Парень растерянно моргнул: значит у Алены его рюкзак, полный слайдов, лэкторов, технических средств?

Мэнгриф подозрительно прищурился, качнулся, заглядывая в недра сумки, и презрительно изогнув губы, полез в свой кейс:

— Канно. Примитивные существа с нулевой потенцией подкорки и зачатками интеллекта.

"Я б тебе сказал, кто ты!" — глянул на него Сергей, но промолчал. Агнолик раздавал товарищам запасные лэкторы, которые, видимо, захватил, не надеясь на прикомандированного вольнонаемного.

"Ну, и ладно!" — отвернулся парень. "Тоже мне! Ну, перепутал, с кем не бывает? Да, как тут не перепутаешь? Стандартная сумка из голубого физлона. [\[16\]](#) Поди узнай, что в ней и чья? Может, там 38 кирпичей, а может, балетная пачка — вид и вес одинаковы. Мне что,

заглядывать в каждую?"

На горизонте замаячила машина. Агнолики дружно выпрямились и встали в стойку. Сергей закатил глаза, предчувствуя последствия внушительной композиции, и не ошибся: машина вильнула, прибавила скорость и на всех парах обошла их чуть не по обочине. Мелькнуло перекошенное лицо водителя и пятки Тайклифа. Тот, видимо, оскорбившись до глубины необъятной флэтонской души, решил взять автомобиль на абордаж.

— Отставить! — гаркнул Сергей неожиданно для себя. Агнолик выпустил стекло дверцы и остановился. Волга прибавила газу и, ревя, как авиалайнер, умчалась в даль светлую, неприлично виляя задом.

Тайклиф обиженно засопел и пошел на парня с явно нехорошими целями. Вэйнгрин, видимо, был с ним солидарен, оттого повторил маневры товарища.

— Стоять! — рявкнул Серега уже от испуга. Агнолики опешили и озабоченно переглянулись.

— Тачку я буду ловить! Вы их пугаете!

— Пугаем?! — взвопили все четверо и шеренгой двинулись на него, желая пояснений.

— Я проводник или не проводник?! Это моя Родина, мне видней! — поспешно прокричал парень, поддавшись назад. Арвидейф остановился и жестом остановил других.

— Согласен.

"Фу ты!" — перевел дух парень и отчеканил:

— Мне нужно знать наши планы: куда едем, зачем?

— Ты глухой, землянин? — неподдельно удивился Арвидейф. — Цель: безопасность кьяро.

"Ага, гениальный план и простой. Правда, Алена уже на подходе к городу... Охраннички!" — подумал Сергей, но скепсиса не выдал.

— Ясно. Значит, нужно добраться до города, снять квартиру, купить машину... Деньги-то есть?

И непроизвольно икнул: Вэйнгрин открыл кейс и продемонстрировал 2 ряда по шесть запечатанных пачек зеленых купюр. В долларах, сотнями. А зная истинный объем кейса... миллионов ... сот, даже по самым скромным, приблизительным подсчетам. Ну, ребята...

— А деревянные? В смысле, рубли?

Тайклиф открыл свой.

"Ну, все, привет олигархам". Серега вздохнул — серьезно они заправились, под завязку. Сердце встревоженно заныло: с такой суммой следить за вдовой? Обеспечивать безопасность? Бред! Да на эти деньги Африку можно купить, а Австралию под дачный участок застолбить... Ясно, ему все не скажут истинных целей — кто он? Пешка.

— Понятно, — кивнул потерянно парень и взял пачку из кейса Тайклифа, порвал, проверил. Зеленые тысячи. Он таких и не видел. Н-да-а, интересная картинка... А сколько сейчас «зеленый» в рублях стоит? Проводник... Самого бы, кто провел. Мудрят ребята.

— Средство передвижения, — качнул рукой Вэйнгрин, предупреждая.

— Вижу, — буркнул Серега, щурясь на серебристый лексус,двигающийся в их сторону. — Отойдите, я сам.

Агнолики послушно строем шагнули на обочину и замерли, как телеграфные столбы. Серега качнул головой и попытался придать лицу беззаботно — развязное выражение и небрежно взмахнул купюрами. Лексус, как ни странно, тормознул. "Криминал у них и, правда, видать, завял" — подумал он, дивясь отваге водителя, и сунул фейс в салон.

— Слыш, братан, до города не подкинешь? Не обидим, — махнул небрежно пачкой. Водитель широко улыбнулся, качнул бритым затылком и понимающе хохотнул:

— Загужевали?

— Ну, а тачка...того...

— Ясно, прыгай.

Сергея кивнул агноликам и сел вперед, назло. Пусть, как хотят, размещаются.

Рессоры заныли под весом флэтонцев. Водитель поморщился и улыбка увяла:

— Э-э, ребят, не все... машина-то не резиновая... — и смолк. Прямо в лицо ему глянули лиловые глаза Вэйнгрина, макушка уперлась в крышу, руки легли на подголовники передних сидений. Что-то жалобно скрипнуло и хлопнула дверца.

— А ты потихоньку, куда спешить? — качнулся к нему Сергей и шлепнул на колено десять тысяч. Стоять на шоссе в обществе флэтонцев ему больше не хотелось. Минут тридцать, и вороны слетаться начнут, принимая их за приемлемое место посадки, пацаны местные набегут, приняв их за авангард шапито...

Водитель тяжело вздохнул, вздыбля широкую, загорелую грудь под белой майкой, скрипнул тяжелой челюстью, лениво сгреб веер купюр и нажал педаль газа. Машина, надсадно пыхтя, поползла по шоссе. Минут пять в салоне царил тишина, потом водитель произнес "сакраментальной фразой"

— Боюсь, не доедем, рессоры полетят,... — и глянул со значением на Сергея. Тот без слов впечатал ему в ладонь еще десять штук.

Лексус пополз бодрее.

Город агноликам не понравился. Они выгрузились из машины на перекрестке у площади Мира и встали, хмуро обозревая пространство, заполненное шумящей толпой спешащих граждан, потоком общественного и частного транспорта.

— Кьяро здесь не место, — угрюмо буркнул Тайклиф, исподлобья глядя на беснующуюся толпу малолеток в скверике у летней кафешки. Разудалый Ramchtain бил по ушам флэтонца, подтачивая нервную систему.

"Надо вам бирушами заpastись, братцы", — подумал Сергей.

Арвидейф, открыв рот, смотрел на здание драмтеатра. Вэйнгрин, широко распахнув глаза, пялился на фонтан, постоял и шагнул к нему, желая удостовериться, что льется настоящая вода. Стайка ребятшек с любопытством оглядывала огромного дядю, черпающего воду ладонью и пробуящего ее на вкус. Мамочки начали настороженно подтягиваться к своим чадам, бросая косые взгляды на лысого чудака.

Мэнгриф сверлил хмурым взглядом трех размалеванных малолеток, курящих на лавочке.

— Ну, чего, дядя? — пробасила одна, шуря жирно подведенный наглый глаз. Агнолик неуловимым движением вырвал окурок из ее руки и раздавил огонек пальцами. Девушка так и осталась стоять в ступоре, отвесив пухлую малиновую губу на подбородок.

— Ну, ты даешь! — с восхищением выдохнула вторая, тряхнув облаком рыжих кудрей.

— Он еще не то может, — мило улыбнулся Сергей, перехватывая руку Мэнгрифа уже протянутую за второй сигареткой. И увлек его в сторону.

"Ну, дети, прости и помилуй!" — подумал парень, оглядывая разбредающихся агноликов. "Сейчас еще вертикальные зрачки выкажут и: "Здравствуй, родная милиция!" Да-а, неприметны, значит, почти невидимы...Да, через час местное вещание оповестит население, что зону отдыха в центре города оккупировала стая «Годзилл». И какого черта

мы здесь вышли?! Нет, ребят, так дело не пойдет, надо бы вас проинструктировать. Только бы место потише найти... Срочно!!!"

Тайклиф присел на корточки перед третьей девушкой и зачарованно разглядывал ее... вертикальными зрачками. Та забыла, как курить: сидела полумертвая, боясь моргнуть. Смуглая кожа светлела на глазах, губы уже сами тянулись навстречу.

— Тайклиф!! — гаркнул Сергей. Тот медленно повернулся, вертикальные зрачки с минуту неприязненно сверлили его и, наконец, стали обычными. — Иди сюда!

"Идиот!" — так и хотелось добавить. И как сдержался?

Парень нехотя подошел, следом подтянулись и другие, окружили землянина и вперили в него немигающие взгляды, полные «любви». Неуютно стало, словно холодный ветер подул, ознобом до косточек пробирая. "И, за что мне такое "счастье"?" — озаботился Сергей. И почему этих сюда послали? Совсем дикие. Нянчись с ними...

Одно радовало, подобным остолопам серьезную миссию вряд ли поручат, значит точно Алену охранять посланы. А что неинформированные и неопытные совершенно, так что под рукой было, то в ход и пошло. Собирались на скаку, стартовали впопыхах, кого сунули, того и прикомандировали. Ох, и намается он с ними. Нет, чтоб пару из состава прошлой экспедиции на задание послать, те хоть немного адаптированные, во всяком случае, в фонтан купаться не полез ли бы и суть свою вампирскую во всей красе выказывать не стали бы... Наверное. Уверенным Сергей ни в чем быть не мог. Флэт непредсказуем, как мина — ловушка образца 1943 года — то ли взорвется, то ли еще полежит — это как на душу ей ляжет.

Нет, все ж взорвется. К Тайклифу подошла та самая курносая девушка и, не обращая внимания на остальных парней, дернула за руку. Тот повернулся и растерянно уставился на нее сверху вниз

— Меня Анжела, зовут, — сообщила с придыханием, глядя на великана, как на предмет своих самых давних и глубоких чаяний.

"Ну, все", — понял Серега. Будет теперь эта дурочка малолетняя — обед голодного вампира, изо дня в день сидеть на той лавочке и послушно ждать, когда ее соизволят "съесть".

И тут случилось неожиданное — Тайклиф обнял девчонку и впился ей в губы. Агнолики с дружным шумом вздохнули, выражая то ли одобрение, то ли порицание. А Сергей уныло качнул головой: теперь эта девица из парка и на ночь не уйдет, а с лавки ее и трактором не сгонишь. Все, "на веки ваша, Ваня", тьфу, Тайклиф".

Парень отпустил Анжелику, заглянул в затуманенные негой серые глаза и заверил:

— Я тебя найду.

"Да, чего ж искать?" — пожал плечами Сергей. — "Туточки она будет, белым флагом на скамеечке махать". И решительно направился в кусты сирени: не успеет, так к этой Анжеле еще трое присоединятся, дежурство организуют в предвкушении общения. Одной хватит.

Агнолики дружным строем, бодро потрусили следом.

— В общем так, господа — загулявшие флэтонцы, кабаки и бабы — отставить! Вы прибыли с четким заданием, поэтому извольте соответствовать и не забывать о долге! Слушать приказ по части: в ближайшем киоске покупаем газету объявлений, находим квартиру, машину..

— Четыре, — поправил Вэйнгрин.

— Пять! — пошел ва-банк Сергей. Агнолик растерянно кивнул, забыв, как возражать. —

По дороге не кричать, ногами не топтать, руками не размахивать, к потенциальным донорам не цепляться, заботу об окружающей среде не проявлять, в проемы канализации не нырять! Ясно?!

Инструкция была краткой и безапелляционной. Изумленные столь резким тоном и наглым напором землянина Агнолики дружно кивнули. Арвидейф тоже, но по глазам было видно, память у него хорошая.

Сергей не стал расшаркиваться в реверансах, развернулся и яки Ленин, простер руку в сторону узкой тропки, ведущей из кустов. Бравые флэтонцы цепочкой двинулись на выход.

Денек не задался с утра. Хозяйские шаги дробно прогрохотали в сторону выхода, и звук хлопнувшей двери произвел на Михаила Борисовича Саблина неизгладимое впечатление близкой канонады.

Парень вскинулся, как от команды "подъем!", и со всего маху въехал лбом в гитару. Семиструнка жалобно тренькнула, упала сначала ему на колени, потом на пол, сбивая табуретку с конспектами, зачеткой, чашкой недопитого с вечера кофе, бутылкой пива и пачкой открытых сухариков. Светильник, стоящий на полу, всем этим составом получил по абажуру, который тут же лопнул.

С минуту Миша разглядывал учиненный погром, не решаясь опустить ноги на пол, потирая ушибленный лоб и соображая: какой дурень, с какого интоксикационного синдрома положил гитару на спинку дивана? Потом перевел взгляд на будильник, стоящий в стороне, как и подобает стоящим предметам, и понял, что глобально опоздал, причем везде!

Можно, конечно, махом влететь в джинсы, сунуть ноги в туфли и рвануть к стоянке маршрутного такси в надежде, если не успеть, то достойно опоздать..

"Три ха-ха, парниша!", третье опоздание — ни одна причина не прокатит, если только не смерть «бойца». Махнет ему Гаврикова пухлой ручкой и права будет. Накрылся "Гранд".

Да и бардак такой не оставишь, свинство все-таки. Сашка, конечно, мужик мировой, но это не повод пакостить в его доме, на его палас, хоть и в собственной комнате!

Миша встал. Быстро убрал, что смог, пока чайник закипал и уже наливая себе кофе, решил все ж попытать счастье и заехать в институт на «авось». Зря, видать. Чашка выскользнула из рук и разбилась. Ступни обожжены, брюки в пятнах, на полу лужа. Нет, не задался денек.

Парень, чертыхаясь, переоделся, убрал остатки кофе и галопом побежал на остановку, так и не позавтракав.

Гаврикова его, конечно, не ждала, умчалась на дачу чеснок выкапывать. Пришлось вымалывать номер ее сотового, потом не менее униженно выпрашивать аудиенции и тащиться в Галино, за 20 километров от города. А что делать? Не успеет вводную диплома к сентябрю предоставить, «Гранда» ему не видать. Одно порадовало, не зря съездил. Наталья Леонидовна критически оглядела его фигуру, нашла годной к употреблению и сунула в руки лопату. Через час сдал ей выкопанный чеснок, получил одобрение, чашку чая и вразумительную консультацию по своей теме.

Теперь бегом к Стасову, взять нужные дискеты и в "Строймастер".

Друга он прождал час, потом столько же троллейбус, в итоге залетел в него в 15. 18. и чуть не подпинавал силком неповоротливое чудо враждебной народу техники. Пятница, не успеет в контору, останется без полочки. И накроются выходные, которые он планировал провести очень бурно и с максимальной пользой для молодого, требующего особого внимания организма. 15. 40. Не успевает явно. Машка, бухгалтерша, к разделу трудоголиков себя не относил ввиду выдающихся (со всех сторон) физических и интеллектуальных (на уровне самки-бабуина) данных. Оттого в конторе долго не задерживалась и в четыре ее уже было не сыскать.

В 15. 56 троллейбус наконец-то открыл двери на нужной остановке, и Миша, работая локтями, начал продираться сквозь толпу, увеличивая темп с каждым шагом, стремясь к

вожделенной цели и еще надеясь на удачу. В пылу гонки он нечаянно сшиб какую-то девушку, стоящую на остановке, открыв рот. Что-то серебристое мелькнуло в воздухе под ноги и, хлопнувшись об асфальт, разлетелось на мелкие осколки.

Парень прибавил шаг, предчувствуя, как минимум, возмущенный крик, град ругательств и, возможно, погоню, но ничего не услышал, кроме обычного гомона толпы. Хорошо, конечно, но странно. Судя по тому, как исказилось лицо девушки, он помог разбиться чему-то очень ценному. Парень оглянулся, не сбавляя темп, и невольно притормозил. Девушка собирала осколки под ногами прохожих, ползая по асфальту и орошая его горькими слезами. Она не выла, не кричала, она плакала молча, закусив губу.

Что ж он такого разбил?

Миша глянул на часы: 16.00. Поздно. Очередной Мерседес, с Машей на борту, наверняка уже летел в сторону загородных поместий. Пятница, июль и "лето такое жаркое". А вот ему теперь подобная роскошь не светит. Впрочем,... Девушка, подбирающая осколки, могла бы скрасить его одинокий уик-энд. Симпатичная, фигурка подростка-переростка, но он не в претензии, зато волосы редкостно красивые: длинные, светлые, шелковистые.

А что? Он извинится, она простит, на этой почве познакомятся и ...ну, на бутылку «Клинского» и пачку «кириешек» у него финансов хватит.

Миша развернулся и пошел обратно, подобрал серебристый осколок, повертел и понял, что убил банальный плеер, а это останки компашки. Н-да, нехорошо. Если дорогой.

Парень присел перед девушкой на корточки и подал осколок:

— Твое?

Она глянула, и сердце Саблина подскочило к горлу. Да-а, с «кириешками» он перегнул, таким леди лангусты в самый раз. Лик русской красавицы с полотен Васильева. Глаза — мечта китайца, их мультишным длинноножкам такие и не снились. А ведь он их уже где-то видел, эти синие омуты. Вместе с ней. И не на полотнах любимого художника. Впрочем, где еще? Девушке лет 18–20, а взгляд если не старого, то давно мертвого человека, и так убиваться из-за плеера? Нет, с неврастеничками и психичками он не связывался. В его круг входили люди без атеросклеротических завихов и маразматических комплексов.

Миша кинул осколок в стопку его товарищей, прижатых к ее груди, как бесценное сокровище, и смущенно улыбнулся:

— Извини.

Девушка отвернулась, поднялась и отошла к стене универмага богатство свое в рюкзак запихивать. И ни оскорблений, ни упреков. Миша озадаченно наморщил лоб и пошел следом, в попытке то ли познакомиться, то ли вину загладить.

— Дорогой? — качнул подбородком в сторону осколков. Девушка молчала, и парень, неожиданно для себя выпалил. — Я виноват, я и исправлю — куплю новый. Это плеер? Правильно? Давай так: подойдем сейчас со мной по одному адресу, здесь не далеко, за углом, и в ближайший магазин техники. Через дорогу вон, «М-видео». Купим новый плеер.

— Такой не купишь, — тихо заметила она, закидывая рюкзачок за спину.

Миша вздохнул: скверно, и решительно подхватив девушку под локоть, повел за собой:

— Пусть не такой, купим другой, по возможности не хуже. Меня, кстати, Михаилом зовут, а тебя?

Девушка словно не слышала, шагала рядом с покорностью сомнамбулы, разглядывая асфальт под ногами. Миша покосился на нее и подумал что зря, наверное, он к ней пристал. "Леди" явно не в себе. В таком состоянии, что третьей в подворотню к бутылке паленой

водки, что единственной в постели «de» trua", что с крыши высотки головой вниз. Но с другой стороны, бросить ее неправильно, мучиться потом будет. Совесть, мадам непредсказуемая и настырная, сейчас не успокоишь, ночью бодать начнет, а Саблин спать любил сладко и спокойно.

Нет, Михаил себя к разряду супергероев не относил, да и на джентльмена тянул с трудом. Геройских поступков за ним не числилось так же, как, впрочем, и низких. Обычный студент, нормальный парень 23 лет, со стандартным набором недостатков и достоинств, среди которых была природная тяга к благородству (как ему хотелось думать). Эта девушка и могла стать ее достойным объектом.

Парень усадил девушку на скамейку у подъезда офиса и, перепрыгивая ступени, помчался в бухгалтерию. Маша, как ни странно, оказалась на месте, окинула его хмурым взглядом, хлопнула на стол ведомость и отсчитала купюры. Саблин расписался, сгреб деньги и, махнув ладонью бухгалтерше, побежал обратно, в значительно приподнятом настроении. Как хорошо все складывается: деньги получил, теперь барышне поможет и устроит себе шикарный уик-энд! Вот они — положительные стороны добрых дел.

— А ты везучая! — с довольной улыбкой сообщил парень, присаживаясь рядом и махнув купюрами. — Гуляем, с меня хороший CD.

Девушка посмотрела на него, как на пустое место, и встала.

Миша нахмурился — плохо. Конечно, он не секс-символ, но и не уродец какой-нибудь ушастый, не богач, но и не совсем нищий. Девушки табуном за ним не ходили, но отказывали редко, а вот такое, откровенное пренебрежение ни разу не проявляли.

— Подожди, а как же плеер?..

Девушка качнула головой и, не попрощавшись, зашагала прочь.

"Ну, и иди! Ишь, цаца!" — обиделся парень, отвернулся, посидел с минуту и, вскочив, ринулся за ней.

— Хорошо, не надо плеер, возьми деньги, купишь сама, — встал поперек дороги.

— Он бесценен, — качнула головой девушка, пытаясь его обойти.

— Ладно, последнее предложение: пошли в кафе, помянем убиенный «сидюк». Ты что пьешь?

— Фэй, — брякнула Алена.

— Что?

— Чай.

— А-а. Чай, так чай, — Миша растерянно хлопнул ресницами, прикидывая, где у них «чайные». Выходило — нигде. Не слышал. По чаю братья-студенты прикалывались в отсутствие средств, и не в «чайной», а дома. — А кофе подойдет?

— Кофе? — в голосе девушки прозвучал неподдельный интерес. Парень улыбнулся: ну и чудачка! Если б все девицы были столь падки на дешевый напиток и игнорировали стопку купюр, как эта, Мишка б жил как падишах.

— Кофе! Глиссе, по-турецки, Nescafe. Пошли? Обещаю огромный выбор любимого напитка и неограниченное количество литров.

Алена недоверчиво косилась на парня, но тот был ликом чист и глазом честен. Не врет. У Ворковской даже голова закружилась: кофе? Неужели? А в памяти уже всплыл его аромат, вкус, вожденный столько лет.

— Алена!

— Красивое имя. Михаил, — парень картинно шаркнул ногой, тряхнув черной

шевелюрой, и предложил руку, как подобает гусарам.

Они пошли в «Багс». Два квартала неспешным шагом — и приличное заведение на тихой улочке гостеприимно приняло их за свой столик. Кафе Саблин выбрал не случайно: дорогое, но во всех отношениях приятное — тихая публика, отменное обслуживание и недурственная кухня. Столики снаружи под темным тентом расположены с видом на тенистую аллею.

Они сели на улице и тут же получили меню. Алена изучала его минут 20, водя пальчиком по строчкам и шевеля губами. Она смотрела на родной алфавит и не верила глазам. Со стороны выглядело это странно, но Саблин терпеливо ждал и удивления не выказывал. Наконец, девушка заказала кофе и шарик шоколадного мороженого, парень, решив выказать щедрость, присовокупил к заказу кофе с коньяком и шашлык. Зря. Алена безглаголиво поморщилась, отодвигая свою порцию мяса, и с благоговением отхлебнула кофе.

Миша старался выглядеть завсегдатаем подобных заведений — лениво жевал мясо и поглядывал вокруг, девушка, довольно щурясь, пила кофе и мучила мороженое. На второй чашке она поняла, что для полного счастья ей не хватает двух вещей: удобства и Рэйсли. Со вторым, конечно, ничего не поделать, а вот с первым... Она подвинула пустой стул, сложила на него ноги, повернувшись к парню боком.

Саблин хмыкнул: молодец. И прищурился: профиль у его знакомой был идеальный. Где же он его видел?

— Ты учишься, работаешь?

— Я пытаюсь жить.

Саблин выгнул бровь и ...

— Вспомнил! Ты сегодня на Рылеева дорогу переходила и чуть трамвай не сбила! Я тебя спас, помнишь?

Алена пожала плечами: ерунда какая — Рылеева, трамвай...

Странная девушка.

— Как вечер планируешь провести? Предлагаю свое сопровождение в любом направлении.

Девушка сняла ноги со стула и повернулась к нему:

— Стоит ли так расшаркиваться из-за нелепой случайности?

— Ну-у, я не только из-за этого. Понравилась ты мне, — неуверенно протянул парень, мысленно жалея, что не развернулся еще там, на остановке, и не пошел своей дорогой. Нет, правильно люди говорят: свяжись с идиотом, сам идиотом станешь.

— А чем понравилась? — она не насмеялась, не пыталась оттолкнуть, а искренне хотела понять. Миша видел это по глазам и немного растерялся:

— Странная ты, ... Чем женщина мужчине понравиться может?

Алена кивнула:

— Параметры: глаза, фигура, голос. Только это не правда, все тоньше. Мы чувствуем друг друга энергетически, но не видим, что именно притягивает нас или отталкивает, отсюда попытка дать объяснение на физическом уровне: стройные ноги, приятные манеры или скользкий взгляд, некрасивое лицо.

— Интересная версия, из серии: случайностей не бывает. Ученые выдвинули теорию, что наши отношения строятся на вырабатываемом железами запахе. Он очень тонкий и для одного приятный, для другого отвратительный, вот на этом и базируются взаимоотношения. Считай, твой аромат мне по вкусу, — улыбнулся парень.

— Ты не можешь его уловить, как увидеть энергию, которую он сопровождает. Наше зрение примитивно.

— К чему ты клонишь?

— Так, пытаюсь проанализировать ситуацию и понять, что такому молодому симпатичному парню от меня нужно?

— А ты всегда и во всем видишь корысть? Зря. В моем случае ее нет.

— Есть, она есть в любом случае, это производная человеческой сущности.

— Хорошо, — Миша отодвинул тарелку и водрузил локти на стол, устраиваясь удобней. Тема его заинтересовала не меньше собеседницы. Девушка вела себя не так, как ожидалось. Она говорила тихо, голос бесцветный, во взгляде ни грамма интереса и все-таки заметила, что он "симпатичный, молодой". — Тогда объясни, в чем твоя корысть?

— Элементарно — выпить кофе, вспомнить его вкус.

Парень опять растерялся и качнул головой: удивительный экземпляр.

— А ты оригиналка. Не знаешь даже, как себя с тобой вести: то ли "до свиданья" сказать, то ли в «Киномакс» пригласить.

— Закажи еще чашку кофе и скажи "до свиданья".

— Без проблем, а на счет расставанья... ты куда-то спешишь? Давай еще посидим?

Девушка неопределенно повела плечами. Саблин заказал еще кофе и спросил:

— Ты всегда такая? Грустная. Что-то случилось? Хочешь помочь?

— Ты уже помог.

— Я же не специально, — вздохнул парень. — Очень дорогой? Родители ругать будут? Так не говори. Пойдем, купим другой.

— Нет. Такой не купишь. Да и не в том дело. Видишь ли, этот плеер и диск, единственное, что мне осталось в память об одном очень хорошем человеке.

"Понятно", — Миша фыркнул: "неудачный день". Хотел познакомиться и налетел мало на чудачку, да еще находящуюся в глубокой депрессии по поводу несчастной любви. Ей махнули ручкой, кинув на прощанье диск со слюнявыми излияниями. Да, из-за такой потери стоит убиваться.

— "Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте", — уныло продекламировал Саблин и подозвал официанта. Через минуту перед Аленой возникла чашка кофе, а перед Михаилом счет. Вроде бы все, можно поставить точку и искать на выходные другую кандидатуру в подруги, но что-то не давало ему уйти. Наверное, стоит ее проводить, а заодно вразумить, прочитав лекцию на тему: "любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда".

— Ты долго с ним встречалась?

— С кем? — не поняла Алена, вскинула взгляд на парня: серьезный, осмысленный. Где же он его видел? Нет, не этот взгляд, а эти глаза...

— С тем, кто тебе плеер подарил.

— Не встречалась я с ним, да и не дарил он ничего, случайно получилось, сумки перепутал.

Миша окончательно растерялся: ну и чудачка!

— Тогда отчего такая скорбь?

— Диск. Песни классные, а я даже не знаю в чьем исполнении.

Парень крякнул, обрадовано:

— И все? В этом беда? Название помнишь?

— Нет.

— А слова?

— Да, — девушка явно заинтересовалась, даже чашку отставила.

— Тогда проблем нет, допивай и идем. Я тебя с одним человеком познакомлю, он тебе их из Интернета за спасибо скачает. Он как раз сейчас на работе, здесь недалеко.

— Подожди, как по паре строчек даже в Интернете можно найти песню? Если б название знали, а так... Это же какой слой информации нужно поднять? С чего он этим будет заниматься? Нет, не надо.

— Зря, мужик мировой, отвечаю. Гений. У него своя фирма по компьютерам, он тебе по одному слову все найдет.

— Не стоит человека беспокоить, — отрезала девушка и отвернулась.

"Все, хватит с меня!" — решил Саблин и развел руками, разозлившись:

— Как хочешь. Мое дело предложить, ваше дело отказаться. Пей и пойдём, провожу. Мне пора, ждут.

— Иди, — кивнула девушка.

— Ладно! — Миша схватил сумку, встал и кинул напоследок: хочешь совет? Обратись к специалисту. У тебя бо-ольшие проблемы!

Девушка закрыла глаза и ...заплакала. Без всхлипов, истерических вздрагиваний и стенаний. Она сидела не шевелясь, вцепившись в чашку, и роняла слезы в кофе.

"Тьфу, ты! Самое лучшее сейчас уйти", — подумал парень и ...сел на место.

— Валерианку пить не пыталась? — спросил грубо. Алена открыла глаза и парень пожалел о резкости. Нет, не похожа она была на истеричку или ненормальную, скорей на раздавленного горем человека. Ему стало неуютно, словно он и был его виновником. Но ведь так не скорбят по глупому куску пластмассы оставленному случайным знакомым.

— Извини, — попросил тихо.

— Это ты извини, — также тихо ответила она и смущенно оттерла слезы. — Не обращай внимания, иди. И спасибо за кофе.

— Странная ты, — протянул парень, задумчиво разглядывая ее лицо. — И все-таки я тебя знаю,... Мы раньше не могли встречаться? Не на Рылеева, раньше.

— Я тебя точно не знаю.

— Да? Может, виделись где, общая компания, институт? Ты где учишься? Или работаешь?

— Ты уже спрашивал... Я училась на истфаке, давно, четыре года назад.

Сердце Саблина забилося, как у охотника почуявшего дичь. Он мучительно вспоминал: окружение, институтские друзья и знакомцы, лица, фигуры, параллельный поток, старшие, младшие курсы, девушек из других потоков... И почему это казалось ему важно? Вроде, брось ее и уйди, так нет. Память уже отщелкивала слайды в поисках нужного, пальцы рылись в шевелюре, потирая висок, лицо морщилось.

— Истфак... Четыре года назад... Я только пришел, первый курс, психология..

И замер: не может быть!

— Как твоя фамилия?

— Лоан, — ответила Алена и отвернулась. Ей не было дела до его мучений. Она его не знала, да и знать не хотела. Уйдет он или останется, ей также было все равно.

— Лоан, — повторил он, потирая висок. Нет, ничего. Редкая фамилия, он бы запомнил и ее владелицу... И все-таки... Мог ли он ошибиться? Два портрета, один на стенде, в

институте, маленькое черно-белое фото — не она. А вот другой... Но это одно и тоже лицо. Ворковская. Алена. Сестра его квартиросъемщика, Саши Ворковского. Человека, который чуть не стал его родственником. Человека, которого он искренне уважал, которому сопереживал.

В его комнате висел огромный портрет Алены. Светловолосая красавица в кремовой водолазке задорно улыбается в объектив, обнимая рукой шершавый ствол сосны. Синие глаза лучатся безмятежным счастьем. И взгляд... Такой бывает у «коханных» чад, выпестованных, взлелеянных, закрытых спинами родни от малейших жизненных неурядиц, юных оптимистов, наивных мечтателей, еще не тюкнутых жизнью об асфальт...

В глазах же этой Алены жила скорбь всех вдов и сирот. Эти глаза видели больше, чем хотели бы, чем могли вынести. Они ознакомились с неприглядными сторонами жизни и больше не источали света. Не было в них ни озорства, ни радости.

Та была стройной, из тех, про кого говорят: все при ней. Ровная кожа, высокая грудь, покатые плечи, изящные руки.

Эта напоминала узницу Бухенвальда. Впалые щеки, бледное лицо, ключицы наружу, кофта висит на плечах, как на вешалке, руки, как сломанные ветки.

Ничего общего? Да, если б он не знал эту историю, не был знаком с Ворковским до того, как все случилось, и сейчас. Того жизнь за эти 4 года изменила круто, и эту наверняка не побаловала... Если это она. А сомнения были.

— Ты где живешь? — осторожно спросил Михаил.

— Не знаю.

— Как это?

— Так. Не помню. Дом, улицу — да, а квартиру нет.

"Вот оно! Амнезия! Значит она", — осенило парня.

— А вспомнить не пыталась?

— Нет, зачем?

— Чтоб вернуться.

— Не хочу. Меня не ждут.

— Ты уверена? А если ждут? Переживают, ищут?

— Нет, — в голосе не было и грамма волнения, лишь равнодушие. Ошибся? Да, хватит мучиться, один звонок и все станет ясно! Миша полез в карман за сотовым.

— Ты иди, спешил ведь.

Саблин упрямо качнул головой: теперь его от нее и насильно не оттащишь. Тенью станет, а Саню дождется и девушку ему представит. Если окажется, что ошибся, тогда домой отконвоирует, чтоб как с Ворковскими не произошло.

— Саша, привет. Ты мне срочно нужен, — заявил он в трубку.

— Миш, ты в курсе, что мой рабочий день не нормирован? — прогудело в ухо.

— А ты плюнь на свой рабочий день! — с нажимом процедил Саблин, фальшиво улыбаясь Алене, которая с долей интереса рассматривала мобильник в его руке.

На том конце с минуту молчали. Подобный тон был в новинку, хоть их отношения не были обычными для квартиросъемщика и клиента, а скорее подходили под определение дружеских и доверительных, но даже за стопкой водки, в унылой пустоте души, при откровенной беседе подобной фамильярности не допускали.

— Миша, больше не пей, хорошо? Я подъеду, как только освобожусь... — в голосе не было обиды, лишь усталость.

— Нет! Сейчас! Немедленно! «Багс» Мы на улице.

— Через час...

— У меня нет часа. И у тебя! Саша, это важно...

— Саша... У меня брат тоже Саша... — прошелестел голос Алены. Она печально улыбнулась и отвернулась. Две молоденькие мамы толкали впереди себя коляски с детьми и что-то бурно обсуждали. Алену они интересовали больше, чем все остальное. Мишу же ее слова подстегнули:

— Если не хочешь искать свою сестру еще четыре года, то приезжай сейчас же! Она рядом со мной! — и отключил сотовый.

Александр с минуту разглядывал смолкнувшую трубку, еще не веря в то, что услышал, но, понимая, что Михаил шутить не станет. И вскочив, ринулся из кабинета, в надежде на чудо.

Он сшиб ребят поднимающихся по лестнице с коробками, но даже не заметил этого, не услышал грохота падающих CD-RW, модемов, укоризненные крики мужчин. Он, как стрела, пролетел мимо охранника и торопливо открыл машину. Дрожащая рука с третьей попытки сунула ключ в зажигание, и Ворковский с ходу дал по газам. Машина, взвизгнув, помчалась по улице.

План был прост и не требовал семи пядей во лбу для удачного исполнения, но Сергей не учел менталитет флэтонских мальчиков и когда понял это, было поздно.

Нет, началось все нормально. Они спокойно дошли до «Росспечати», а вот дальше...

Сергей взял блокнот, ручку и кипу газет с объявлениями. Ретивая старушка—киоскерша, видимо, учуяв в парне богатого покупателя, решила всучить ему с десятков залежавшихся газет и журналов и для убедительности высунулась в окошечко. Четыре пары глаз с вертикальными зрачками пристально воззрились на ее морщинистую физиономию. Старушка дико заверещала и попыталась перекреститься, похоже, приняв четырех гигантов за посыльных Сатаны, и стукнулась лбом, ввиду лилипутских размеров проема.

Секунда и окошко с треском захлопнулось перед лицом Сергея. Минут пять он стучал в попытке забрать, уж если не сдачу, то хотя бы купленный товар, но старушка, икая, таращила на него глаза и сползала со стула все ниже. Не иначе бабулька мечтала о машине с красным крестом и тишине больничной палаты. Ее порадовали. Арвидейф, без лишних раздумий, сунул кулак в окошко, разбив стекло, и сгрэб в лапищу купленное. Несколько прохожих ускорили шаг, несколько откровенно рванули в подворотню с завидной, даже для ягуара, скоростью. Небольшая очередь за мороженым в соседний киоск мгновенно поредела. Старушка-киоскерша икнула в последний раз и свесила подбородок на грудь.

Сергей отпрянул, огляделся вокруг и порадовался образовавшемуся вакууму, отсутствию ретивых граждан и доблестных работников правоохранительных органов. Пенять же агноликам он не стал, а просто спешно увлек их в проулок. Только удалившись на пару кварталов от места происшествия, спокойно вздохнул и пристроился на скамейке в тихом дворе девятиэтажки. Флэтонцы от приглашения сесть отказались и, разместившись вокруг парня, попеременно несли дозор, с сумрачным видом оглядывая местность и редких прохожих.

Две пожилые женщины, застывшие в ступоре на соседней скамейке, при их появлении отчего-то вызывали у мужчин негативные эмоции. Особенно у Арвидейфа. Он злобно скалился в их сторону, устрашающе двигая челюстью. Старушки не выдержали и минуты, вскочили и скрылись в подъезде, плотно прикрыв за собой дверь. Агнолики значительно успокоились, а Сергей, укоризненно поджав губы, углубился в изучение ассортимента сдающихся квартир. Предложения порадовали, а вот отсутствие средств связи огорчило.

Мысль постучать в первую попавшуюся квартиру с просьбой позвонить, Сергей отмел сразу. Одного его не пустят, а присутствие столь колоритной особи за спиной произведет на жильца неизгладимое впечатление, не пройдет и пяти минут, как взвод спецназа явится выполнять свою главную задачу — беречь жизнь граждан. Агнолики, понятно, не сдадутся. Если своими будет двигать генная удаля, то теми — бесшабашное наплевательство. Павлики Морозовы и инопланетные Александры Мотросовы падут в неравной битве вместе с теми, за кого боролись. К вечеру город оповестят о героической ликвидации банды головорезов...

Пока Сергей фантазировал, Тайклиф сходил за угол дома и, вернувшись, сунул ему в руку маленькую трубку. "До чего дошел прогресс", — подивился парень, изучая чудо мобильной связи и не обращая внимания на гам и шум, поднявшийся за углом. Там кто-то надрывно звал на помощь. А вот кто? Он узнал через пару минут.

Во дворе появились два дяденьки строгой, правоохранительной наружности и

заплаканная гражданка с инфантильной фигурой. Они прошествовали прямо к ним и нависли с грозным видом.

— Вот! — ткнула гражданочка в сотовый, приложенный к уху Сергея.

— Па-апрошу документы! — гаркнул усатый сержант, со значением придерживая рукой дубинку.

Агнолики дружно нахмурились.

— Как ты смеешь орать, раб! — оскорбился Вэйнгрин.

— Вы украли сотовый.. — догадался Сергей.

— Мы?! — дружно рявкнули возмущенные флэтонцы.

— Вы! — процедил парень и, встав, уставился на Арвидейфа. — Знаешь, что сейчас будет?

Арвидэйф не знал, но догадывался, потому повернулся к гражданке и уставился на нее вертикальными зрачками. Женщина замерла, потом кокетливо поправила съехавшую на затылок шляпку, несмело улыбнулась, и, умильно сложив ладони на груди, потянулась к мужчине. Милиционеры, видимо, хотели вразумить потерпевшую, дабы она не потерпела еще больше, но не успели. Агнолики вскинули пальчики и, стражи рухнули им на руки с остекленевшими глазами. Через пару минут земляне лежали на лавке, и блаженно улыбаясь, смотрели в небо, а мадам ластилась к Арвидейфу и клялась, что его навеки, вместе с немалым имуществом.

Сергей потерял дар речи.

— Фу, — поморщился Мэнгриф, стряхивая ладони. — У всех землян такой беспорядок в голове? Не берегут себя.

— Стало примитивных существ! — презрительно качнул головой Тайклиф.

— Все, Людмила нас отвезет по нужному адресу, пошли, — скомандовал Арвидейф.

— Подождите, а они? — растерялся Сергей и ткнул пальцем в лежащих соотечественников.

— К вечеру очнутя, — буркнул Мэнгриф, подталкивая его к товарищам.

— Они же ...нас найдут!

— Как? Я стер их память.

— Полностью?!

Агнолик кивнул и потащил парня за всеми.

— А-а-а, подожди, а эта...

— Ты любопытен, — обвиняющим тоном бросил Тайклиф. Понятно, у них это огромным недостатком считается, но Сергею сейчас было все равно. Он хотел знать, что произошло, и засыпать их вопросами как юный «почемучка». Но кто б ответил?

Через час с помощью Людмилы они арендовали на год шикарную трехкомнатную квартиру с телефоном вблизи лесопарковой зоны. Хозяйка, увидев стопку банкнот, обладательницей которой она может стать, про документы и не заикнулась и, клятвенно пообещав завести к вечеру необходимую мебель, спешно удалилась.

А еще через час опять же с помощью Людмилы, оказавшейся менеджером автосалона, они приобрели новенькие машины.

"Все-таки что делают деньги!" — качнул головой Серега, с умилением разглядывая серую шестерку, обладателем которой он стал. Документы, оформление, регистрация — все это с радостью взвалила на себя женщина, готовая хоть черта из ада за рога притащить для обожаемого «Арви». Тот, ухмыльнувшись, поцеловал ее и, прислонив к стене магазина, вдел

в ухо лектор по вождению. Через пару минут пять новеньких машин влилась в поток других и направилась к месту нового жительства.

Женщина долго вздыхала, сидя на асфальте и с тоской глядя вслед. Служащие косились на нее и насмешливо переглядывались.

— Где же ты была? — прошептал парень, разглядывая профиль Алены. Она повернулась и воззрилась на него со смесью непонимания и удивления:

— Что?

— Где ты была? Что с тобой произошло тогда?

Алена нахмурилась:

— О чем ты?

— Я знаю твоего брата.

— Сашу?

Вот так, равнодушно отстраненно, словно речь идет о давнем, почти забытом знакомом.

— Да, Сашу. Александра Ворковского. Ты ведь Алена Ворковская, я не ошибся.

— Не ошибся, — эхом повторила она и отвернулась, теряя интерес к теме.

Миша покачал головой: "Она хоть что-нибудь понимает?" Пару минут царил тишина и вдруг улица наполнилась ревом мчащейся на всех парах машины. Темно-синий джип с визгом тормознул в паре сантиметров от столба, поддерживающего тент кафе. Четверо посетителей и официант шумно перевели дух и с неодобрением уставились на мужчину, вывалившегося из машины. Он производил впечатление бизнесмена, с перепоя закосившего под Шумахера. Высокий, спортивного типа, светлые аккуратно стриженные волосы отсвечивали сединой, лицо гладко выбрито, одежда дорогая, явно не китайского производства, и дикий взгляд.

Алена, шурясь, разглядывала странного типа, застывшего в паре метров от них и буквально пожирающего ее глазами, и отвернулась: мало ли загулявших магнатов бродит по вечернему городу? Жаль только, тормоза в его авто хорошие или реакция водителя. Пара бы секунд, пара метров...

Михаил поглядывал то на девушку, то на ее брата и молчал. Слов не было, да и не нужны им его слова. Главное, он не ошибся.

Саша смотрел на сестру и не мог поверить, что это она. Взгляд хватывал любые изменения, фиксировал их и отдавался болью в сердце. Он ждал, что она кинется к нему или улыбнется, но она словно не узнала его, посмотрела и отвернулась. Ворковский на негнущихся ногах пошел к столику, не глядя, перелез барьер, ограничивающий территорию кафе, и, присев на корточки рядом с сестрой, несмело позвал:

— Алена... — он и сам свой голос узнал. Девушка покосилась на него, но промолчала.

— Аленушка, родная, — Саша потянулся к лицу, положил руку на ее ногу, и тут же она отодвинулась, лоб наморщился в попытке понять, что происходит. Мужчина зажмурился, сдерживая эмоции, и сел на стул рядом, поддался к ней, вглядываясь, надеясь увидеть малейшее шевеление в глазах. Они были пусты.

— Аленушка, милая, — он с трудом сглотнул образовавшийся в горле ком. — Ты не узнаешь меня? Я Саша, твой брат.

Он несмело взял ее за руку, боясь напугать и потерять вновь.

Девушка хмурила брови, силясь признать в этом молодом, но уже седом мужчине своего повесу-брата. Неунывающий «Сашкин», как она его называла, в ее памяти имел другой вид,

другой взгляд. Она сомневалась, но не спорила. Брат? Может быть, вот только что же должно было произойти за эти четыре года, чтоб он так сильно изменился?

Саше было больно видеть ее сомнения, не менее больно, чем осознавать, что эти годы она хлебнула лиха. Ничего не осталось от прежней Алены: тусклый взгляд, поникшие плечи, удручающая худоба. Она сидела, словно не живая. Он не видел шрамов, ран, но понимал, что ими полна душа, и не знал, как себя вести, чтоб не причинить еще большей боли.

— Ты почти не изменилась, похудела только...Аленушка... — парень дрожащей рукой провел по волосам. В голове крутилась масса вопросов, но здесь не место их задавать да и не время.

Она сосредоточенно сверлила его взглядом и не двигалась.

— Пойдем,...я отвезу тебя домой. Хорошо?

Тон просительный, голос мягкий и ласковый. Алена нахмурилась: это голос брата.

— Ты ...Саша? — она еще не верила.

— Да, родная, я. Я, наверное, сильно изменился?... Давай поедem домой и поговорим, хорошо? У тебя наверняка много вопросов...и у меня их не мало...Поедем? — и чуть потянул за руку. Девушка встала, с сомнением глянула на поднявшегося следом парня:

— А ты?

— Он с нами, — успокаивающе заверил Ворковский. Саблин кивнул.

— Да? Ну, хорошо...

Саша бережно обнял сестру, довел до машины, словно тяжелобольную, усадил, сел сам. Минута, другая, но машина не двигалась с места. Ворковский смотрел на Алену, играя желваками на скулах.

— Сань, поехали, — тихо попросил Миша. Мужчина не шевелился. Минуты текли дальше. И лишь когда Алена отвернулась, Александр очнулся, взял ее ладонь в свою:

— Аленушка, с тобой ...все нормально? — и покачал головой, глупее вопроса он задать не мог. Как нормально? Смотрит на родного брата, как на чужого дядю! — Ничего, ничего! Теперь все будет хорошо, все нормализуется...

Кого он уверял: себя или ее?

Ворковский скрипнул зубами: узнать бы кто замешан в бедах Алены! Убил бы!

И повернул ключ зажигания. Машина плавно, на предельно низкой скорости двинулась вверх по улице.

— Что у нас в холодильнике, Миш? — спросил деловито.

— Как всегда, холостяцкий хвост колбасы да пакет молока.

Ворковский вытащил из нагрудного кармана две купюры, не глядя, подал парню:

— Я у «Пятерочки» тормозну. Возьми всего, побольше. Икру, торт...в общем..

— Я понял.

Алена покосилась на Мишу и нахмурилась:

— Ты знаешь, где мы живем?

— Да, — парень отвел взгляд и встретился с глазами Александра в зеркале. Оба понимали, что правда неизбежна, и оба понимали, что сейчас она убийственна для девушки. А та не унималась:

— Он часто бывает у нас? Он твой друг? — спросила у брата. Тот сжал сильнее руль, делая вид, что внимательно следит за дорогой, а сам мучительно искал выход. Сказать правду или солгать? Лгать бесполезно, не пройдет и часа, как она все поймет. Он решил сказать часть правды:

— Михаил живет у нас.

— Где? В моей комнате? — нахмурилась Алена. — Кто он?

— Друг.

Саша не смотрел на нее и Миша не смотрел, это Алене не нравилось. В сердце прокрался холодок то ли обиды, то ли плохого предчувствия.

— А почему в моей комнате? — впрочем, почему нет? Она ведь умерла для них.

Саша словно угадал ее мысли, почувствовал ее недовольство и поспешил успокоить:

— Не в твоей, Аленушка. Твоя закрыта. Там все...как было,...Я надеялся...

— Ты? А мама? А папа?...

— Конечно, и они...

— А где Миша живет? Если не в моей, значит, в твоей? Нет, с тобой нет. Значит...родительская...Тогда где родители?

Мужчины молчали. Миша в окно смотрел, на плывущий за стеклами город, словно впервые его видел. Александр хмурился, поглядывая перед собой. Что-то было не так. Нарочито сосредоточенные лица, нежелание смотреть в глаза. Отсутствие ответа на простой вопрос.

Алена отвернулась, потерла ладонью лоб: нет, не могло же ничего случиться. Не могло! Мама? Папа? Почему она думает о плохом?

— Что с родителями? — глухо спросила девушка.

Брат молчал.

— Ну?! Саша!

Ворковский резко затормозил, бросил руль, посмотрел в окно и, наконец, попытался посмотреть в глаза сестры. Не получилось, взгляд соскальзывал вниз.

— Их нет, давно.

Алена застыла на минуту, потом кивнула, хотела спросить: как? когда? И не смогла, голос пропал.

— Алена, я понимаю, это тяжело, но... — Саша качнул головой, сморщился: ни одно слово, ни одна фраза не смогут выразить того, что он чувствует, что чувствует она, успокоить, залечить пустоту в сердце, что образовалась с уходом родителей. Бессильны здесь слова.

Девушка закачала головой, как китайский болванчик, закрутилась на месте. Она пыталась взять себя в руки и не могла. Смерти вокруг нее, сплошные смерти. Почему? Гвидэр, Массия, Рэй, Иллан...Отец, Мама... Ей казалось, что они встают вокруг машины окружают ее, смотрят на Алену и что-то говорят, нехорошее, укоризненное.

— Нет! Нет!! — Алена зажмурилась и зажала уши: я ни в чем не виновата, нет! Нет!!

Саша испугался, обнял сестру, встряхнул, чтоб она очнулась, закричал на нее.

Миша, недолго думая, выскочил из машины и бегом направился к аптечному киоску на той стороне. Через пару минут общими усилиями они напичкали девушку влерианкой и новопасситом. Она перестала вырываться, кричать и лишь плакала, разглядывая смятый носовой платок в руках.

— Поехали, Саня, поехали быстрее. Ее домой надо, ты же видишь, — поторопил Саблин. Машина тронулась в путь.

Минут десять Ворковский плутал по переулкам, боясь ехать по шоссе, и все озабоченно поглядывал на сестру. Он словно вернулся в старые времена, когда Алена была ребенком, и он забирал ее из садика, вел осторожно домой, вытирая слезы обиды с ее лица, выслушивая

сбивчивые рассказы о том, что Машка отобрала у нее зайца, а Данила обозвал душой, а еще она пребольно ударилась коленом и теперь у нее большая «сыска» и ее ножка — инвалид. Тогда он знал, как ее успокоить, а сейчас — нет.

Алена не узнала родной двор, дом в котором выросла. Она и квартиру не узнала. Смотрела на дубовые двери, светлые обои на стенах и не понимала, что это ее дом.

Саша осторожно подтолкнул ее вглубь. Она растерянно покосилась на него и прошла по коридору. Ее комната: стопка конспектов на столе, белый махровый халат на спинке стула, шазюбль, брошенный на диван в тот день, так и лежит на месте не убранный... Словно она не уходила, словно не было четырех лет разлуки.

— Мама ничего не трогала и нам запретила, — глухо сказал Александр. — Ей казалось, что если оставить все, как было, ты обязательно вернешься.

Алена кивнула, не слушая. Взгляд скользил по цветастому рисунку штор, репродукциям Айвазовского и Боттичелли, по корешкам книг на полке: Осокин, Карамзин... Тетради...

— Филя так и не забрал конспекты?

Саша нахмурился: какие конспекты? До них ли было тогда?

— Он заходил, но ничего не говорил про тетради...

Алена кивнула, потеряв к ним интерес, подошла к шкафу, открыла и вздохнула: мама...

Наряды аккуратно развешаны, чистая обувь в ряд, на полках идеальный порядок. Алене в свое время никак не удавалось его добиться: новые джинсы мирно соседствовали с постельным бельем, а полотенца с носками и колготками.

Девушка глубоко вдохнула воздух, чтоб не расплакаться: теперь у нее никого нет. Она одна. Она потеряла всех и все.

— Алена, ты пока иди в ванную, а я поставлю чайник. Ты что будешь: чай или кофе? — спросил брат.

Девушка недоуменно посмотрела на него и пожала плечами: ей было все равно, а вот вопрос — что в ее квартире делает этот седой мужчина — занимал. Она взяла полотенце и прошла в ванную, ища ответ: "Саша? Нет. Похож...и голос. Неужели он так изменился? Седой, постаревший — странно". И увидела себя в зеркале — метаморфозы, произошедшие с братом, больше не удивляли.

— Ты не закрывайся, пожалуйста, — попросил Александр. Она кивнула и прикрыла дверь.

Ворковский качнул головой, поморщился и, дождавшись звуков льющейся воды, нехотя пошел на кухню.

Через пару минут появился Миша, водрузил два объемных пакета на кухонный стол и вопросительно глянул на мужчину: ну, что?

— Не знаю...Она в ванне...

— Прекрасно. Потом есть и спать, а вопросы, родственные встречи и объятия — завтра.

— Она...словно замороженная, — качнул головой Ворковский, хмуро разглядывая содержимое пакета и не видя его.

— Ну, вряд ли она вернулась со светского раута, — и уловив настороженный, больной взгляд мужчины, начал поспешно выкладывать на стол продукты. — Ты не мучайся, все образуется. Главное, она дома. Остальное...время, время, время. Сейчас она не адекватна, и это естественно... Будем присматривать за ней- то ты, то я. Все наладится, Саня, вот увидишь.

Ворковский хотел бы в это верить, но сердце щемило то ли от тоски, то ли от нехорошего предчувствия и колебало надежду. Слишком многое он узнал и пережил за эти четыре года, чтоб безоглядно поверить словам молодого оптимиста. Судьба любит манить и баловать, чтоб потом в кровь изранить душу. Нельзя верить тишине и покою, нельзя расслабляться и радоваться счастьем — оно сиюминутно и выделено тебе лишь для того, чтоб боль от потерь была сильнее.

Но Алёну он терять не собирался. У него больше никого нет, и он будет бороться с судьбой, драться насмерть, отстаивая жизнь последней женщины, оставшейся в роду Ворковских. Четыре года смертей, четыре года горя и постоянных потерь. Он больше не хочет, не сможет выдерживать такой напор. Старый, уставший, раздавленный человечек ещё потрепыхается ради сестры. Не может быть, чтоб у него не получилось.

Хлопнула дверь ванны. Алёна ушла в свою комнату, легла на диван и мгновенно уснула.

Месяц прошел мимо, как стадо черепашек — медленно и печально. Время, казалось, вязнет, как патока на зубах, и не желает двигаться. Месяц...

Саша подкурил вторую сигарету от первой и, щурясь, посмотрел на Михаила:

— И сколько это будет продолжаться? Ты, молодой специалист, можешь что-нибудь предложить?

— Тоже, что и предлагал: тишина, покой, положительные эмоции... и не лезь ты к ней с расспросами!

— Не лезу. Давно не лезу! Смысл? Она же ни на что не реагирует, ничего не слышит, не говорит. Ей хоть литаврами под ухо — не вздрогнет! Месяц, Миша, месяц! «Да», «нет» — все! В лучшем случае, — Ворковский начал яростно размешивать уже не на раз размешанный сахар в чашке. Саблин посмотрел на его дрожащую руку и, тяжело вздохнув, отложил бутерброд:

— Пригласи психиатра.

— А ты?

— Я психолог, будущий. Психиатр — дяденька другого профиля. Или тетенька.

— И в чем разница?

— О-о, Сань, огромная. Я не могу копаться в ее душе без ее согласия и желания. Не навреди — главная заповедь психолога.

— Значит, не хочешь помочь.

— Да, не могу! Не могу! Понимаешь?! Я и так, что только ни делал — без толку. Она ведь не слышит — не хочет слышать! Смотрит, как на пустое место, и молчит! Здесь помощь психиатра нужна, квалифицированная помощь специалиста, причем хорошего и своего, чтоб не клеймо шизофреника наклепили, а помогли реально.

— Я не отдам ее «психам», — бросил мужчина угрюмо.

— Тогда жди.

— Сколько?! И чего?

— Выхода из стресса. Некоторые годами восстанавливаются, а здесь месяц. Не срок. Может, через месяц, другой она начнет разговаривать, перестанет прятаться в своей комнате...

— Есть самостоятельно, а не как ребенок — с ложечки? А если за этот месяц она... что-нибудь сделает с собой? Ты можешь гарантировать, что этого не случится?

— Ничего я не могу гарантировать. И ты не можешь. Но выбор не богат: либо ждем и по-прежнему не оставляем ее одну, либо ...сдаем в стационар.

Саша затушил сигарету и уставился в окно: нерадостная перспектива.

Месяц постоянной тревоги, ожидания самого худшего... А как он радовался, когда сестра нашла, верил, что все наладится...

Алена. Эта? Нет, та девушка, что целыми днями с отсутствующим видом сидела в комнате и внешне слабо напоминала его сестру — вездесущую Ворковскую, проказницу и непоседу. Эта была лишь ее подобием, бледным истаивающим силуэтом некогда сильного и неглупого человека.

Саша чувствовал, что теряет ее. Теряет то, что лишь мечтал приобрести, но так и не получил. Она даже не узнала его и до сих пор не понимала, что он ее брат, тот самый

«Сашкин», который укрывал ее от родительского гнева, выслушивал сбивчивые детские небылицы. Он смотрел в ее пустые глаза и мечтал перестрелять всех, кто был замешан в этой истории: от ее жениха до себя самого. Вот только главные виновники оставались неизвестны. Где она провела 4 года, с кем и как? Воображение рисовало самые ужасные картины: от плена в Чечне до объятий какого-нибудь богатого извращенца. Многие говорили и за то, и за другое: красивая татуировка на плече из драгоценных камней и тонкие полосы шрамов на спине, ее исчезновение и полное отсутствие информации в течение долгих лет и внезапное появление в родном городе. Как это еще можно было связать меж собой?

Страх подгонял его к той черте, за которой живет отчаянье. А если он не сможет уследить за ней? А если в тот момент, когда он на работе, а Миша разговаривает по телефону, она просто вскрыет себе вены? А если окажется, что ее не отпустили, а она смогла сбежать, и за ней придут вновь? А если она так и будет до конца своих дней смотреть в одну точку и молчать?

— Что же делать? — прошептал мужчина, спрашивая себя, но Саблин подумал, что его, и ответил:

— Ждать. А еще...нужно попытаться ее встряхнуть: устрой ей шопинг по магазинам, купи какую-нибудь тряпку. Или свози на Кипр. Перемена места, обстановки...

— Ты уверен, что перемена...

Миша вздохнул и пожал плечами: он ни в чем не был уверен, но искренне пытался помочь. В конце концов, и Алена, и Саша могли стать его родней. Да, в принципе, стали, и не важно, что Кати уже нет. Они вместе с Сашей пережили ее смерть, и мучительное возвращение Алены в жизнь должны так же пережить вместе.

— А ты спроси и посмотри на реакцию. Так и узнаешь, что и как.

Алена сидела на диване, поджав под себя ноги, и прижимала к груди томик неизвестного писателя, открытого на неизвестно какой странице. Она и названия книги не знала — этот томик был прикрытием от внешнего мира, оградой меж ней и тем, кто называл себя ее братом. Его голубые глаза и постоянное внимание к ней нервировали и раздражали.

Память не отпускала, манила и убаюкивала, притупляя горе. Там в ее глубинах она еще летела на Флэт, и Рэй объяснял ей особенности своей религии. Только теперь Алена не боялась ничего, не отталкивала Лоан, а с любовью вглядывалась в его лицо, нежилась в его объятиях, теряя печаль. Аромат имбиря и корицы теперь не казался навязчивым, взгляд — холодным, манеры — отвратительными, суждения — нравоучительными, забота — тиранической. Теперь ей нравилось все: от вертикальных зрачков до презрительной усмешки. Теперь она его любила и больше не противилась этому чувству, не скрывала его, не игнорировала.

"Поздно"? — говорил разум. "Почему?" — не понимала душа.

И в ответ было лишь скорбное молчание да картинки прошлого, всплывающие без приглашения то ли укором, то ли спасательным кругом.

Странно, двадцать лет жизни оставили размытые образы, единичные кадры, а четыре года целую хронику: четкие, ясные воспоминания о каждом дне и каждом чувстве. Ветер, касающийся кожи на рассвете, шелест шагов на террасу, запах горячего фэй, яркая синева мха под ногами, гладкая теплая кожа мужа под пальцами, интонации голоса, ленивая лента времени, бредущая под сводами туглоса.

Алена пыталась нырнуть глубже, в те времена, когда не знала Флэта и его обитателей,

зацепиться за те образы, чтоб встряхнуть унылую дрему, обуявшую ее суть навязчивой разъедающей тоской.

Запах сбежавшего на плиту молока, мишка с деревянной головой, глупые куклы и такие же глупые мечты, о которых и не вспомнишь.

Весна, набухающая почками сирени, блестящая галька на морском берегу и крик чаек, слившийся с криком мамы, ищущей ее. Полет стрекозы и длинные стебли гладиолусов, которые она, ненавидя всей душой, тащит на первое сентября в устрашающий ее мир букв и цифр.

Миг и последний звонок. Нелепые банты, завязанные впервые за много лет, слезы радости и страха расставания с привычным миром.

Еще миг и лысый полный человечек громко возвещает о начале новой эры в жизни первокурсников. Гордость от осознания, что ты уже взрослая. Студентка...

И все. словно широкая борозда в пахоте отделила двадцать лет от четырех. словно эти — главные, а те не важны. Чужой сюжет из потрепанного романа о становлении личности. Не ее.

То, что после — семейный альбом родных, близких, любимых душой и сердцем людей. Четкий список дел и событий, реестр ее достоинств и недостатков, неудач и побед. Вымпел самолюбивой девчонке за торжество глупых амбиций над разумом и нормальным человеческим счастьем.

А помнится, в 16 она казалась себе очень взрослой и умной. В 18 поняла, что была непроходимо глупа и вот, наконец, поумнела. И только сейчас, в 24, сидя, как та старуха у разбитого корыта, поняла, насколько была недалекой и в 16, и в 18, и в 20, да и вряд ли умна сейчас.

"Человек не должен меняться под гнетом обстоятельств", — говорила ее учительница русского языка. Может, и не должен, но, увы, меняется лишь так. Ни один еще не научился на чужом опыте, не почувствовал боль от чужой шишки. Каждый считает себя исключительным. Но жизнь — не правило правописания и исключений не делает. Вину, грехи и собственную глупость не закрасишь маркером, не выбелишь с листа, не сотрешь ластиком оправдания.

А может, ей уйти в монастырь?

Алена повернула голову к окну. Из форточки доносился запах уходящего лета, жар солнца, разрываемый порывами холодного ветра.

Она подошла, отодвинула шторы и распахнула окно, впуская в комнату звуки улицы и свежесть августовского дня. Взгляд окинул двор, наполненный детворой, копошащейся на детской площадке, бабушками на скамейках, взъерошенной стайкой подростков под грибком.

Уйти из этого мира? Так ее здесь нет. Все это на Земле, а она до сих пор на Флэте...

— Аленушка!! — голос брата ворвался в ее мир, разрушая преграды. В нем ясно различался целый сонм чувств от отчаянья до упрека. Запах знакомого одеколona смешался с запахом улицы, и крепкие руки обвили ее за талию, пытаясь оттащить от открытого окна. Она вцепилась в подоконник, не понимая, зачем ее беспокоят, скривилась, готовая и возмущенно закричать, и заплакать, и вдруг сникла. Мягкий и в тоже время жалкий, умоляющий шепот родного голоса проник в сознание, заставляя очнуться:

— Аленушка, милая, не надо. Прошу тебя, родная, пожалуйста. Я знаю, это трудно, очень трудно начинать жизнь сначала, но губить себя не надо, нельзя! Ты не одна, пойми...

ты хочешь, чтоб я следом за тобой?... Я не смогу по-другому, твоей смерти мне уже не вынести...

Алена повернулась и с удивлением посмотрела в глаза мужчины: о чем он? Она не собирается выпрыгивать из окна.

Столько надрыва в голосе, словно он переживает за нее. Какое ему дело? Кто он такой?

И вдруг широко распахнула глаза:

— Сашкин!

По лицу мужчины пробежала судорога, в глазах появилась растерянность и надежда. А пальцы Алены уже трогали его щеку:

— Сашенька, — прошептала она, узнавая родные черты, и вдруг расплакалась, ткнувшись головой в его плечо, прижимаясь в поисках спасения. Ворковский крепко обнял ее и зажмурился. Теплая мужская ладонь гладила волосы, а губы шептали, как заклинание:

— Теперь ты не одна, мы вместе, родная. Нас двое. Двое.

Он успел, удержал ее здесь, и в награду получил эти слезы. Она узнала, она заплакала, значит самое плохое позади. На душе стало светло и спокойно, тревога покинула его, схлынуло напряжение всех этих беспокойных дней, и вера уже не нуждалась в аутотренинге, чтобы существовать.

Одна, вторая слеза скатились по его лицу. Они были легки. Они были нужны ему, как летний ливень в жаркий душный день раскаленному городу. Они смывали страх и горечь одиночества с его души.

Саблин заглянул в комнату и, увидев две плачущие фигуры, застывшие в объятьях у раскрытого окна, мгновенно все понял и облегченно перевел дух: кризис миновал, теперь все будет хорошо. Он осторожно прикрыл дверь и пошел к себе дописывать вводную к диплому. Завтра первое сентября. Не успеет, «Гранд» его ждать не будет.

Ворковский до самой ночи сидел в комнате, обнимая Алену. Та уже не плакала, а просто грелась в его объятьях, успокоенная теплом его тела, знакомым запахом морской свежести. Саша консервативен и тем хорош.

Они не разговаривали, боясь вспугнуть покой и близость душ. Да и не нужны были слова, они бы все равно не выразили всего, что было на сердце.

Саша в эти часы и знать не хотел, что было. Это потеряло для него значение. Главное, Алена вернулась, совсем. Вся.

Когда ночь проникла в комнату, девушка спала. Впервые ее сон был спокоен и легок. Ни криков, ни всхлипов, ни метаний.

Мужчина осторожно уложил ее голову на подушку, накрыл пледом плечи, крепко закрыл окно и вернулся к дивану. Постоял в раздумьях и сел на пол возле спящей сестры, разглядывая тени скользящие по стенам. Ему казалось, что время, не хотя скрипя и ворча, покатилося вспять. Минута, другая, час, и он услышит звон будильника, мамыны шаги на кухню. Ноздри начнет щекотать запах сваренного кофе и гренок. Отец протопает в ванную, начнет жужжать бритвой, напевая под нос арию Мефистофеля, потом толкнет дверь в комнату сына и провозгласит утро нового дня. Пока Саша будет натягивать брюки и шарить ступнями в поисках тапок, Аленка хлопнет дверью туалета...

Все будет, как всегда, все будет, как было до той злосчастной поездки в "Лесное".

Ворковский открыл глаза и потянул ноздрями воздух, еще не веря себе: гренки и кофе! Мама?!

Сашу подбросило с места. Он вылетел из комнаты и застыл на пороге кухни. Алена стояла у плиты и жарила хлеб. Над кофеваркой струился дымок. Горка золотистых гренок стояла на столе, рядом лежали салфетки, стояли чашки из забытого сервиза. Пол сверкал отмытым линолеумом, на окне висели новые занавески. Все, как было при маме.

Саша сглотнул образовавшийся в горле ком и увидел, что стоит в трусах. Он хотел тихонько пройти к себе и одеться, да из комнаты напротив вылетел взъерошенный Мишка, в столь же непрезентабельном виде. Парень застыл в проеме рядом с Ворковским и, хлопая ресницами, пытался сообразить, что происходит: Алена в переднике, накинутом поверх светлой футболки и брюк, аккуратно перекладывала готовый хлеб на фарфоровую тарелку. Толстая светлая коса чуть вздрагивала на спине. Стол сервирован, Сашкина пепельница вымыта, вокруг чистота и порядок. Кто же совершил подвиг по чистке кухни в столь сжатые сроки? Ясно, не Геракл...

— Мойте руки и идите завтракать, — сообщила им девушка, мельком взглянув на двух застывших мужчин. Те переглянулись и, сообразив, что теперь с ними дама, спешно разошлись по комнатам одеваться.

1 сентября. Миша идет в школу. В какой, интересно, класс: четвертый, пятый? Да нет, в шестой, 12 ему.

Сергей посмотрел вниз с балкона: малыши цветы несут, рядом гордые мамы плывут. Дети постарше тоже с букетами. Белый верх, темный низ, костюмы... И Тайклиф на лавочке с удивлением смотрит на странную процессию. Анжела ему, видимо, объясняет. Вот ведь «Джульета»! Самой наверняка в школу надо, а она к подъезду любимого, как на день знаний. А тот и рад.

Да-а, всем дело нашлось, только Сергею — нет. Вот и бродит по квартире неприкаянный, то телевизор посмотрит, то с балкона поплюет. Месяц уже. И что он, собственно, здесь делает? Алена из дома ни на шаг, и жива ли она и здорова, похоже, никого не интересуется. Не до нее агноликам.

Тайклиф с малолеткой любовь крутит, Мэнгриф и Вэйнгрин оккупировали близлежащий карьер и, разогнав немногочисленных поклонников мутной и холодной воды, с утра до вечера изображают амфибий, а по ночам вместе с остальными флэтонцами поют мантры своему Модраш, содрагая весь микрорайон диким воем. Поначалу некоторые ретивые жильцы милицию вызывали, но, встретившись пару раз с глазами обладателей столь мощных баритонов, пыл свой значительно умили. Оно понятно — жить-то всем хочется.

А вот Ларисе не хотелось. Славная, но весьма недалекая женщина весь август ходила к «Арви», как на дежурство. То влажную уборку затеет, то джемпер сантиметровой толщины свяжет, чтоб не мерз любимый. То ужин приготовит из диетпродуктов, чтоб желудок не давило, то к утренним кашам приучить вздумает, состоянием его здоровья озабоченная. А однажды, видимо, всерьез приняв мечту о совместной жизни за реальность — кактус свой в их квартиру принесла — на кухонный подоконник водрузила. Да незадача приключилась — Арвидэйф о ее планах узнал, но восторга не разделил, и хмуро поглядев на колючий столбик, решил, что вдвоем, они в одном доме не уживутся. Не прошло и суток, как вместо семейного гнездышка Ларису определили в нервное отделение, с надеждой на дальнейшее лечение в закрытом стационаре другого профиля — сильно ею психиатры заинтересовались...

А кактус тот сгинул на помойке.

Арвидейф с тех пор спокойно сидит на кухне, холодильник охраняет, и с довольным урчанием поедает метровые бутерброды с любимившимся ему сливочным маслом. На завтрак теперь овощи и фрукты, на обед рыба и овощи, а на ужин фрукты и овощи. В перерывах рис, масло и жгучие приправы.

Организм же Сергея сильно подобным рационом возмущался — мяса требовал. И хоть агнолики морщили носы и заявляли что оно — яд, парень бы с радостью скончался от метрового бифстрогана или, на крайний случай — шницеля из этого яда. Но лучше, конечно, и то, и другое, и еще борщ, горячий, мамин.

Парень прошел в квартиру, глянул на Вэйнгрин, следящего за монитором и тайно поедающего шоколадные конфеты, хмыкнул и решительно направился на кухню.

Мэнгриф в цветастом переднике с vareжкой на ладони стоял у плиты и жарил кабачки. Арвидейф пытался засунуть в рот метровый бутерброд с маслом. Сергей мешать ему не стал, но поторопил, встав у стола. Тот нахмурился недовольно и глянул вопросительно.

— В отпуск хочу! — смело заявил Сергей и чуть вжал голову в плечи, ожидая

возмущенный крик. Нет. Мэнгриф покосился недоумевающе, на кэн глянул и опять за кабачки принялся. Арви крякнул досадливо, скривил зверскую рожицу и отложил бутерброд:

— Еще раз.

— У меня здесь сын, мать, жена. Хочу их увидеть, — послушно повторил парень.

— Почему молчал? — поинтересовался Мэнгриф.

— Так вы не спрашивали.

Флэтонцы переглянулись.

— Месяца хватит? — спросил Арвидейф.

— Месяц? — вот это удача! Он на неделю-то не надеялся. — Конечно! Может, и меньше. Я и адрес оставляю...

— Пульсар оденешь, — бросил безапелляционным тоном мужчина и к бутерброду потянулся.

— Да вы что?! — возмутился Сергей — смеются они над ним, что ли? С такой машиной на щиколотке и на Родину?

— Ручной, — снисходительно кинул Мэнгриф и качнул головой, умиляясь отсталости канно.

— А-а-а, когда можно испариться?

— Сейчас! — гаркнул Арвидэйф и поспешил сунуть в рот бутерброд. Надоел, ходит тут, от дел отвлекает...

Через два дня Сергей в самом радужном настроении вылетел в родной город, чтоб провести первый и единственный отпуск за 11 лет.

Поездка оказалась нравоучительной и прошла под лозунгом — "не звали, не ждали, и знать не хотим".

Сначала он не узнал город, в котором вырос, потом его не узнала родная мать. Женщина, конечно, тоже сильно изменилась, постарев, но порадовала сына физическим и моральным благополучием.

Два дня ушло на рассказ о потерянном для Сергея десятилетии, с подробным отображением через предоставленные фотографии. Параллельно выяснилось, что родни у него осталось — сват да кума прихват.

Лариса благополучно вышла замуж, буквально через год после его исчезновения, и его сын принимает чужого дядю за родного отца.

Сергей естественно пожелал встретиться и с бывшей супругой, и сыном, вопреки уговорам матери, предупреждающей его о чреватости этой затеи. И только, когда увидел Ларису, понял — права мама. Женщина сильно изменилась — заматерела и остервенела. Часа два он изображал загулявшего ловеласа в ее магазине цветов, внимательно рассматривая бывшую супругу и возлюбленную сквозь темные стекла очков. Та охотно флиртвала и... весьма искусно раскрутила его на покупку двух жутких экзотических растений в аляпистых громоздких горшках за не менее жуткую цену. Далее дело не пошло и тема о вечернем randevу по окрестным заведениям приличного порядка забуксовала, а с появлением ее супруга — лысеющего детины пухлой наружности и вовсе сошла на нет. Более желания встречаться с ней у Сергея не возникло.

С сыном встреча оказалась не менее удачной. Минут 20 большеглазый мальчуган в шикарном джинсовом костюме поощрительно кивал, с хитрым прищуром рассматривая странного дядьку, через забор огораживающий двор его гимназии. И заверещал, как сирена, на предложение прокатиться в парк. Два внушительной комплекции бойца из охраны

данного заведения прибыли незамедлительно и мужественно спасли неокрепшее подростковое сознание и тело от покушения извращенца. С обвинением в педофилии Сергея препроводили в ближайшее отделение милиции, стойко игнорируя его объяснения.

Уже в отделении выяснилось, что в городе давно орудует сходный по параметрам и претензиям маньяк-педофил, и доблестные сотрудники органов правоохраны мужественно увеличив свой рабочий день на один час, вытащили на свет божий с десятков нераскрытых дел и примерили их к физиономии Сергея. К утру он понял, что отпуск обещает затянуться лет на пятнадцать по совокупности, и вызвал агноликов.

Те порадовали своей оперативностью и явились в составе двух особей буквально через четыре часа. А еще через два, немного пошалив в отделении, они объявили Сергею о досрочном прерывании его отпуска без права восстановления в будущем и сунули в машину. Последствия этого безобидного набега долго еще муссировались местной прессой во множестве вариантов, но Сергей о том не узнал. Он смотрел на уплывающие улицы родного города и клялся сам себе, что больше никогда и ни за что на свете не пойдет в отпуск.

Прошел сентябрь и октябрь уже догорел листвой, а Алена по-прежнему не знала, что делать с собой, куда податься от воспоминаний, от боли и тоски. Ни работать, ни учиться Саша не пускал, размахивая руками, кричал, что с него хватит ее учебы в институте, а работать ей незачем в принципе, он не инвалид и в состоянии ее содержать. Миша выступил парламентаром меж сникшей Аленой и встревоженным Сашей и, выслушав доводы обеих сторон, сделал вывод, основываясь на звании без пяти минут специалиста и друга семьи: работе — нет, дома ее хватает, а учиться — ради бога, но на будущий год. Девушка возражать не стала: во-первых, брата расстраивать не хотела, во-вторых, дел дома действительно хватало, в-третьих — мужчинам виднее, это она четко уяснила после четырех лет жизни с Рэйсли.

В итоге она осталась дома, перечитывала книги, занималась домашними делами и боролась с тоской. Эта борьба была выматывающей и бесполезной, боль от утраты не проходила, как предсказывала Наталья, а становилась все сильнее с каждым днем. Болела уже не только душа, но и тело. Все чаще стали одолевать головные боли, апатия сменялась нервными вспышками раздражения на себя саму. В такие моменты ей хотелось разбить зеркало, из которого на нее смотрела большеглазая девица унылого вида — бывшая императрица, бывшая мать и бывшая жена. Фальшивая императрица, посредственная мать и отвратительная жена.

Она мучилась осознанием собственных ошибок и никому ничего не могла сказать. Саша просил, почти умолял — расскажи, что тебя угнетает, но что она ему могла сказать? Что без памяти влюблена в усопшего вампира, который ее украл и одарил двумя детьми, которых она также не увидит, как и его? Вампира, инопланетянина, приносящего человеческие жертвы в угоду клыкастого идола. Вряд ли брат ее поймет. Это не пересказ детских снов о сероглазом принце в зарослях лип, не фантазия, а правда, с которой она примирилась четыре года, а тому лет сорок понадобится.

В лучшем случае. А в худшем, он пригласит психиатров, и те дружно поставят настораживающе монументальный диагноз, что-нибудь вроде: *Kranticus psihicus*. Брата это ясно не порадует, но огорчит изрядно. Алене же огорчать его не хотелось категорически, как, впрочем, и врать. И она молчала. Только вот все чаще стала уходить из дома и до темноты слоняться по улицам, вдыхая стылый воздух поздней осени. Он напоминал ей Флэт настолько сильно, что порой, рассматривая витрины магазинов, вглядываясь в лица прохожих, она задавалась вопросом: что она здесь делает?

В один из таких дней Алена в который раз задала себе этот нелепый вопрос и, глядя на стеклянные двери супермаркета, нашла ответ — Саша. Хватит ему беспокоиться о ней, пора и ей побеспокоиться о нем. Мамы нет, но есть она. Три месяца дома, а мужчины так и питаются всухомятку, желудки портят. А что еще можно приготовить из того, что Саша покупает? Дежурные бутерброды. А торты и китайская лапша надоели до оскомины.

Ворковская решительно шагнула в двери магазина — сегодня она сама возьмет все необходимое и приготовит шикарный ужин. Фьеронгу. А почему нет? Конечно, чисто флэтонскую кухню изобразить не получится, из-за отсутствия нужных ингредиентов, но подобное отобразить все ж возможно.

Алена в некотором смущении оглядела помещение магазина, и последовав примеру

других, взяла тележку, с решимостью атакующего прошла в зал. Ассортимент ее порадовал. Есть почти все, что нужно для задуманного блюда. В сетку на колесиках упала упаковка кальмаров, филе трески, банки с аджикой, хреном, кукурузой, бобами, морковь, лук, рис, майонез, приправы с укропом и петрушкой, помидоры и, наконец, вилок капусты.

В значительно приподнятом настроении девушка встала в хвост очереди в кассу и через пару минут, присмотревшись к манипуляциям кассира и покупателей, почувствовала разочарование и стыд. Она совсем забыла об этой стороне земной действительности. Может, и завалялась в кармане старого пальто пара монет четырехлетней давности, но вряд ли они ее спасут. На Флэте денег не было, здесь она еще ни разу ничего не покупала, все брал Саша. Глупо вышло. Алена уныло посмотрела на продукты в своей тележке и поняла, что нужно срочно все положить на место, пока она не дошла до кассы и не оказалась в положении идиотки в глазах кассира и людей из очереди. На душе стало неуютно, неприятно.

Девушка, стараясь не смотреть на людей, попыталась выйти из очереди, но оказалась столь неуклюжа, что налетела спиной на какого-то парня и выбила из его рук банки с пивом. Те с грохотом полетели на пол, и очередники дружно повернули головы в ее сторону. Алена низко опустила голову, боясь смотреть на чертыхающегося парня и людей, и пятилась, как рак, мечтая, как можно скорей разложить продукты и покинуть это неуютное заведение. Ее недовольно толкали, ворчали в спину и лицо, а потерпевший поднял свое пиво и преградил дорогу так, что не пройти. Алена подняла глаза и тихо попросила:

— Пропустите, пожалуйста.

Парень, наверное, многое хотел ей сказать, но отчего-то молчал, только смотрел так, словно встретился с привидением. Алена не решилась просить второй раз и попросту обошла его, потеснив очередников. 10 упреков вместо пяти было уже не принципиально.

Сергей посмотрел в спину девушки и на негнущихся ногах последовал за ней. Он не верил своим глазам, но чем больше смотрел, тем меньше оставалось сомнений — Алена. То же пальто, что она носила четыре года назад, светлая коса до ягодиц, лицо, походка, жесты... Девушка сосредоточенно выкладывала продукты.

— Что ты делаешь? — спросил парень севшим от волнения голосом. Та вздрогнула и выронила вилок капусты. Тот успел подхватить его и нахмурился:

— Здравствуй Алена. Не узнаешь?

Девушка вскинула взгляд и неуверенно пожала плечами.

— Я Сережа. Сергей Мальцев. Неужели не помнишь? — в голосе звучало отчаянье словно ему было жизненно необходимо, чтоб она его вспомнила.

Алена помнила и не узнать его было трудно. Он почти не изменился, только пополнел да в плечах раздался, а в остальном такой же, каким был — спортивный стиль одежды, ежик темных волос и серьезный взгляд.

— Сережа. Помню, — кивнула она и попыталась забрать капусту.

— Подожди, зачем ты все на место..

— Деньги забыла.

— Не проблема, — обрадовался чему-то парень. — Я заплачу, пойдём, — и толкнул тележку к кассе, увлекая за собой Ворковскую. Пришлось идти.

В очереди стояли моча. Сергей косился на Алену, но спрашивать не решался, а той эта встреча была неприятна по сути своей, поэтому ни темы для разговора, ни желания говорить вообще не было. Она лишь старалась на него не смотреть и мечтала, чтоб он и дальше молчал, до самого выхода из магазина, а там испарился так же внезапно, как и появился. Она

даже дала себе слово, что если так не случится, она в магазин больше ни за что не пойдет.

Уже на выходе, складывая продукты в пакет, Мальцев не сдержался:

— Ты давно вернулась?... Ну-у, в город. Э-э-э, домой.

— В июле, — так же тихо ответила она и поспешила к выходу, не взяв пакета. Сергей нагнал ее уже на улице, придержал за плечо и, словно устыдившись этого, чуть отстранился. Так они и стояли на мокром асфальте, глядя, как ветер гоняет листья в свете уличных фонарей и проезжающих машин. Вроде не враги, но и не друзья, некогда близкие, а теперь как никогда далекие. И обоим было неуютно и тоскливо, словно на гитаре оборвались струны, а куплет очень хорошей песни остался недопетым.

— Прости меня, — тихо попросил Сергей, виновато глянув на нее.

— За что? — спросила Алена, чувствуя не меньшую вину перед ним.

— Тогда, там я напился от радости и ... Это не должно было случиться. Прости. Конечно, ни тебе, ни мне от этих слов легче не станет, но ты должна знать, что я осознаю свою вину.

Алена поежилась: неужели она действительно готова была выйти за него замуж?

— Тебе холодно? — забеспокоился парень. — Пойдем к машине, я подвезу.

Алена поморщилась и хотела отказаться, но Сергей, словно угадав ее мысли, смолк и, подхватив под локоть, повел к стоянке машин. Через минуту несуразный, ярко-салатный «субару» запахнул перед ней двери и в ухо ударил неприязненный голос:

— Мальцев, совсем озверел что ли?! Тебя сколько ждать можно?! До утра?! А это еще что такое?!

Сергей виновато посмотрел на смутившуюся Алену и буркнул в салон:

— Помолчи, а? Это Алена. Встретил вот.

— Алену?! Ворковскую?! — неподдельно удивился голос. Задняя дверца запахнулась, и девушку буквально втащили в салон. — Вот это да!! Ну, подруга! Привет!! Где он тебя выкопал?!

Ворковская не верила своим глазам — перед ней сидела Марьяна. Вот кого тяжело было узнать. Она стала необъятной. Короткая стрижка и яркий, как всегда обильный макияж старили ее лет на 10. Зеленый цвет исчез, уступив место короткой черной юбке и лиловой кофте с рисунком из бусинок по круглому, низкому вырезу. Наряд смотрелся странно, с годами чувство вкуса у Марьяны значительно убавилось, а вот массивных, золотых изделий изрядно прибавило. В средствах, по всему виду, Арон Гургенович дочку не ограничивал.

Пока Сокирян бурно радовалась встрече, Мальцев нажал педаль газа и, хмуро поглядывая в зеркало на девушек, выехал на проезжую часть.

— Нет, ну, кто бы знал?! А я думаю, что он завис?! А ты изменилась, худущая, а я все в стороны ползу... И пальтишко, смотрю, старенькое, что Сашка не заботится? Ты давно в городе? Учишься? Восстановилась? А я отстрелялась, все. Молодой специалист. Педагог. Вот, блин, кому скажи, умора! Какой из меня педагог? Я, конечно, по специальности и не собираюсь работать, но тебе советую — не восстанавливайся. Иди лучше в юридический. И статус, и деньги не малые, а то встрянешь, как я, — вещала Сокирян с присущим ей темпераментом. Алене резали слух привычные некогда словечки, но вообще-то она была даже рада этой встрече. Еще бы Олесю сюда, Мишу Сокола и неумных братьев—бухологов всем составом — вот бы встреча получилась.

Интересно, а что Марьяна делает в машине Мальцева? И почему так фамильярно себя с ним ведет? Друзья? Любовники? Алена невольно улыбнулась своему предположению.

— Ну, что улыбаешься, как блаженная, я тебе правду говорю. Знаешь, сколько педагог получает? У меня туфли больше стоят! Так что, слушай подругу, дело говорю. Иди к нам, а? Точно! Это идея! Нам как раз продавщица нужна в автосалон, смазливенькая, но честная...

— Нам, это кому? Отцу твоему и тебе? — перебила ее Алена, перестав улыбаться.

— Отцу? Да ты что?! Он уж год, как схоронен. Инфаркт накрыл. Раз и нет. Високосный год, столько смертей, ужас. Сашка-то твой как? Оклемался или так и живет один? Красивый он у тебя, все при нем, да вы вообще в этом плане не обижены. Не знаю, к счастью ли? — и чуть поддалась к Алене, заинтересованно сверля глазами. — А ты в Чечню попала, да? И как там? Насиловали?

— Тьфу, ты, дура! — вполголоса выругался Сергей и уже развернулся к ним, чтоб добавить пару фраз на чисто русском, но, увидев спокойное лицо Алены и чуть насмешливый взгляд, передумал.

Марьяна в подробности вдаваться не стала и даже не огорчилась, не услышав ответа. Видимо, он ей и не был нужен, мысль ее уже летела дальше со скоростью авиалайнера. Оставалось удивляться, как за ней поспевают язык.

— А здесь такое было, кошмар! Менты, допросы, Сашка с отцом твоим лютовали, а потом, как мать-то твою ... в общем не до того им стало. А мой год меня под замком держал, под впечатлением — ни вылазок, ни ресторанов. Сереже из рук на руки сдавал.

Алена нахмурилась, пытаясь понять, что к чему, а Сокирян не умолкая, вещала дальше:

— А Макса чуть не посадили и Серегу еле отвоевали. К счастью, все вместе теперь Мужик он золотой, зря ты нос от него воротила. Глупо, что теперь? Изнасиловали да выкинули, а могла жить, как человек.

Алена сжала зубы, чтоб не сказать что-нибудь грубое в ответ. Слова рвались с языка, но уподобляться Марьяне не хотелось. Хороша у нее подруга. После такой встречи и Олесю видеть не хочется. И Сергей... Она посмотрела в зеркало и, встретившись с ним взглядом, решительно попросила:

— Останови!

— Здесь осталось-то... — и понял по ее взгляду, что лучше не перечить, тормознул.

— Обиделась что ли? — удивилась Марьяна. — Гордая ты больно, не мешало это там? Не обломали? А-а-а, ты за Сергея? Извини, было твое, стало мое.

— Дура ты, Сокирян, — бросила Алена, вылезая. Не сдержалась.

— Может, и дура, да замужняя, и не Сокирян, а Мальцева! — донеслось в спину.

Алена вдруг рассмеялась: прав был Рэй, к такому спешить не стоило.

Это же до какой степени нужно не любить и не уважать себя, чтоб так сильно наказывать?

И пошла вглубь домов.

— Алена, подожди, — крикнул Мальцев, но та даже не оглянулась. Зато Марьяна взвилась:

— Куда?! Ты куда, я тебя спрашиваю?! А ну вернись?! Мальцев! Вернись, говорю!!

Видимо, тот ей что-то сказал доходчиво, потому что она смолкла, а Сергей нагнал Ворковскую и попытался объясниться. Давалось это с трудом. Голос пресекался, дрожал:

— Они меня вытащили, понимаешь? Тогда. столько версий бредовых было, пока их отработывали, меня держали...неделю среди ...всяких...И не факт, что потом бы не посадили. А Марьянин отец помог, адвоката хорошего нанял. Не знаю, нелепо все так. Я ведь тебя сильно любил. И до сих пор забыть не могу... А тогда, хоть в петлю, а тут она и ...

Девушка молча шагала по темной улице и все пыталась понять — зачем он оправдывается? О какой любви речь идет?

— Алена, ты на Марьяну не обижайся, она не со зла, по глупости... Не соперница она тебе, и нам не помеха, — и встретив удивленный взгляд девушки поспешил пояснить. — Я к тому, что предложение мое в силе остается. Только скажи. В ЗАГС пойдем. Детей у нас нет, я быстро разведусь. Ты же понимаешь, не по любви я с ней, от безысходности. Тоска тогда заела. Люблю я тебя, каждый день, каждый час помню... Алена... Почему молчишь? Обиделась? Конечно, твое право, я ведь понимаю, бросил тогда, напился... Сволочь, знаю. Ты уж прости... Главное — жива, вернулась, а остальное переживем. Я тебя никогда не попрекну... только прости...

Алена горько усмехнулась: и отчего ее тянуло к таким «шедеврам»? Иллан, ее мечта, Сергей, несостоявшийся жених... Может, она не только на голову скорбна, но и слепа от рождения?

Вдали замаячил мужской силуэт с огоньком сигареты. Ее подъезд. Наверняка Саша встречает. Лучше ему не знать, кто ее провожает.

Алена остановилась и повернулась к Сергею:

— Спасибо за предложение и ...прощай. То, что было, ошибка юности, не больше.

— Подожди, я... Ты не поняла, Аленушка...

— Я все поняла, Сережа.

— Нет, — не унимался парень. — Я серьезно. И свадьба будет, и остальное... Я богат, независим...

— Я тоже очень богата, Сережа. Несказанно. У меня двое чудесных детей...и муж. Замечательный, самый лучший. Я люблю его. А ты... Прощай, — Алена взяла пакет из рук обалдевшего Сергея и пошла к подъезду.

Саша, как она и предполагала, стоял на улице и ждал ее. Девушка молча отдала ему пакет и пошла к лифту, а Ворковский с подозрением посверлил взглядом мужской силуэт в глубине двора и прошел следом. Уже дома, выкладывая продукты, он спросил:

— Откуда?

— Так, — неопределенно пожала плечами сестра и закатала рукава тонкой водолазки.

— Так, это как? Гуманитарная помощь?

— Почти.

— От того парня? Кто он?

— Прохожий.

— Из универсама до дома?

— И дальше, — Алену больше занимали продукты. Она выставила банки и подала брату нож: открывай.

— Будет королевский ужин?

— Императорский.

Пока Алена готовила, Саша послонялся по кухне, не зная, стоит ли расспрашивать дальше, закурил, посматривая в окно и, не узрев мужчины, успокоился.

— Утром я тебе сотовый привезу, — сказал тихо.

— Зачем?

— Чтоб знать, где ты, а то, как сегодня, время девятый час ...

— Переживать за меня не надо, я взрослая...

— Это я понял четыре года назад.

Алена промолчала. Через 20 минут фьеронгу был готов, и девушка разложила его на тарелки. Как раз и Миша подоспел. Потянул носом воздух, потер руками в предвкушении сытного ужина и брякнулся на диван.

— Ну-с, что у нас? О-о-о!

Нечто отдаленно напоминающее голубец плавало в светлой подливке, щедро сдобренной зеленью. Парень, довольно улыбнувшись, смело взял вилку и приступил к дегустации. Саша же оглядел Аленино произведение с некоторой опаской и, осторожно косясь на сотрапезников, отрезал кусочек и с не меньшей осторожностью положил в рот. Его взгляд встретился с Мишиным. Оба застыли с видом смертников, ожидая сиюминутной кончины. Первым из ступора вышел Саблин, мужественно проглотил кусок и замер, прислушиваясь к импульсам желудка. Саша, понимая, что выплюнуть данную гадость не сможет, последовал примеру жильца. По горлу словно огнемет прошел. Он раскрыл рот, хватая воздух, спешно хлебнул чая и, чуть отдышавшись, с недоумением и ужасом посмотрел на сестру, фактически доевшую свою порцию.

— Алена, что это такое? — осторожно спросил он.

— Фьеронгу.

— Теперь буду знать, что не заказывать в ресторане, — буркнул Саблин.

— Не понравилось? — удивилась девушка.

— Нет, что ты, такая прелесть... А что там? Аджика и хрен точно есть, а вот с остальным затрудняюсь. Да вообще-то и не важно. Что-то у меня сегодня аппетита нет, я, пожалуй, чаем обойдусь, — смущенно сказал парень, видя огорчение девушки.

— Аленушка, где ты этот рецепт вычитала? Чья это кухня? — осторожно спросил Саша, отодвигая тарелку.

— Не важно... Зря, фьеронгу очень полезна.

— Маринованный чеснок тоже, но есть его сложно, особенно без ничего.

Девушка молча собрала тарелки, выкинула их содержимое в ведро и начала мыть посуду. Вид у нее был расстроенный, и мужчины притихли.

— Нет, очень даже вкусно, просто много не съешь... — попытался исправить положение Миша и удостоился испуганного взгляда Саши. Прикинув, что так за фьеронгой может последовать какое-нибудь не менее изысканное блюдо, парень и сам испугался, смолк и спешно покинул кухню.

Утром Мальцев явился в офис Ворковского. Саша был в техническом отделе, помогал собирать компьютер. Сергей заглянул в приоткрытую дверь и, встретившись взглядом с женщиной, кивнул: выйди, мол.

Тот его появлению не удивился, но и не обрадовался. Повертел в руках отвертку, хмуря брови, отложил нехотя и вышел. Они молча прошли в кабинет Ворковского и только, когда дверь плотно закрылась, Саша бросил, делая огромное одолжение:

— Здравствуй, я тебя слушаю.

— Я вчера Алену встретил...

Александр испытывающее посмотрел на него, усаживаясь на край стола: разговор, по всему видать, обещает быть томным.

— И что?

— Да, так... Говорит замужем, детишек двое, — замялся Мальцев.

— Понятно, и ты решил узнать, правда ли? Счастливый, мне она и этого не сказала, так что извини, прояснить ситуацию не смогу, не в курсе. Детишек не видел, мужа тоже. Не знакомила, — Ворковский говорил насмешливо и раздраженно, но Сергей был готов к подобному тону, поэтому старался не обращать на него внимание. Трудно было ожидать другого обращения. Могло быть хуже. Прошлый раз Ворковский его по-простому с лестницы спустил, молча и спокойно. От души.

— Значит, придумала? Я так и подумал...

— А ты что хотел? Чтоб она тебе на шею кинулась? Придумала, не придумала, твое дело мимо идти.

— Зачем ты так, Саша? Я ведь по-хорошему...

— Я тоже! Как по-плохому умею, сам знаешь!

Мальцев кивнул и сник, свесил голову на грудь, начал ключи от машины изучать.

— Ты только за этим и пришел? Узнать, правда это или тебя восвоеси интеллигентно отправили? — спросил Ворковский. — Или за деньгами, что за продукты заплатил?

Мальцев вскинулся:

— Не надо мне ничего! — опять сник, помолчал, на Сашу глянул. — Значит, она сказала, что меня встретила?

— Нет, сам догадался. Про тебя она и словом не обмолвилась. Прохожий, сказала, гуманитарную помощь оказал.

Парень потерянно кивнул и вдруг вскинул взгляд, подошел к столу и присел рядом. Ворковский удивленно выгнул бровь: наглеешь, "милый"?

— Я ей предложение сделал, — сообщил тот, глядя в глаза.

— Да ты что?! Честь-то какая! — ядовито скривился Саша и зло прищурился. — Ответ знаешь? Или более доходчиво объяснить?

— Ну, зачем ты так? Я ведь серьезно...

— Да плевать мне на тебя!! — подскочил мужчина, разозлившись окончательно. Вытащил пачку сигарет, подкурил одну, к окну отошел и бросил, не глядя на парня. — Уходи. И никогда больше не появляйся. Не нужен ты ей. Все.

— Это ей решать, не тебе, — упрямо заявил Мальцев.

— Мне! Она ничего решить не может! — затянулся дрожащей рукой и добавил тише. —

Хватит об этом. Проехали. Была невеста и нет. Зато жена есть, вот с ней и живи. А то, что сбереечь не смог, сам виноват, потерял, искать незачем, поздно.

— Да, я виноват... Не смог сбереечь, говоришь? А ты смог? Тоже — нет, так не тебе меня и судить.

Ворковский предостерегающе посмотрел на Сергея и еле сдержался, чтоб не ударить. Затянулся, помолчал, разглядывая голые ветки деревьев под окном, и тихо, но внятно сказал:

— Пошел вон.

Мальцев с минуту придумывал себе оправдание, но понял, что все безнадежно испортил и не стал мучиться, вышел из кабинета, тщательно прикрыв за собой двери.

Саша даже не оглянулся, смотрел в окно и думал: а ведь прав, стервец, прав.

На душе было гадко, словно кучу навоза в нее высыпали...

Четыре года назад Ворковский даже мысли не допускал, что в их семью может прийти беда. Уютный мирок, в котором они жили, казался незыблемым, надежно огражденным от всяких треволнений. И если раздавались в их квартире звуки автоматных очередей, взрывов и крики жертв, то лишь из телевизора. Это там, бог знает где, шла война, гибли люди, пропадали без вести, попадали в плен и заложники. Там рушились дома, погибали целые семьи. Здесь этого быть не могло. Двое взрослых мужиков в семье...

Саша зажмурился на минуту и, затушив сигарету, буквально через секунду подкурил другую. Память уже тащила его в тот сентябрьский день, когда закончилось благополучие семьи Ворковских.

Хлопнула за Аленой дверь и словно разделила их мир на две части.

Тогда Саша не почувствовал и малейшей тревоги, не понял, не знал, что первый шаг к беде уже сделан...

Всю ночь он сидел в интернете и лег спать лишь утром. Казалось, только заснул, как какие-то негодяи стали ломиться в дверь. Чертыхаясь, Саша поплелся в коридор и впустил в квартиру родителей.

— Ну, ты даешь, сын. Хоть гранатами запасайся, — проворчал Ворковский—старший, снимая ботинки.

— Минут 20 стучим! — недовольно бросила мама и прошла с сумками в кухню. Саша поморщился и рванул в туалет. Уже в комнате, натягивая джинсы, увидел, что время без пяти двенадцать. А ровно в 12 ему надо быть у памятника Ильича. С Катей свидание. Черт!

— Где Алена? — крикнула мать из кухни.

— На даче, у Сокола, с Сергеем. Обещала в воскресенье вечером быть, — крикнул он в ответ, застегивая рубашку, а сам о девушке думал.

Катя, Катенька, Катюша... Милая тонконожка, остроумная и необидчивая прелестница, добрейшее и милейшее создание 23 лет от роду. Сколько он уже с ней? Почти два года. Не пора ли закончить конфетно-букетный период и податься в ЗАГС? Лучше все равно не найти...

— Родители, я исчез! — бросил он громко, накидывая кожанку, и хлопнул дверью.

— Катенька, кисонька, ну, не злись, — проворковал Саша, обнимая ноги любимой и виновато заглядывая в ее лукавые, рысьи глаза. Девушка рассмеялась, тряхнув каштановыми локонами, и поднялась со скамейки:

— Ты не исправим, Ворковский.

Хрупкая, точеная фигурка, обтянутая белыми брючками и кремовым кардиганом, привлекала внимание прохожих. Это и нравилось и не нравилось Саше. Он поднялся и поспешил ее обнять, наложив вето на заинтересованные взгляды мужчин.

— Пошли?

— Куда?

— В Киномакс, потом в кафешке посидим. А потом, что-нибудь придумаем, — прищурился хитро и потянулся к ней губами.

— Ну тебя, Саш, все-то баловаться, дитя малое, — шлепнула девушка его по плечу и рассмеялась, увидев скорченную лично для нее рожицу обиженного ребенка. — Ладно, уговорил, только мои дома...

— Мои тоже, но они люди тактичные, в комнату без приглашения не зайдут, — мурлыкнул Саша.

— А-га-а! Ну, тогда — ой!

— Так, может, ну его, Киномакс?

— Не-а-а, — протянула Катя, хитро улыбаясь, и пригрозила пальчиком.

— Понял, — тяжело вздохнул Саша и увлек ее в сторону проспекта.

Полупустой, темный зал их порадовал, буфет впечатлил, а фильм отложился лишь частично, начало и титры. Переживать по этому поводу они не стали и, прогулявшись после сеанса по парку, сели за столик кафе.

— Что желаете, мисс? — насмешливо прогнулся Ворковский.

— Мор-роженное и пир-роженное, — проурчала девушка, смеясь.

— Желание Катерины для меня закон! — Саша кивнул официанту и присовокупил к заказу фрукты и кофе с коньяком. И тут запел сотовый.

— Опять коллеги? — насторожилась девушка.

— Нет, сестренка, — глянул тот на дисплей и поднес трубку к уху. — Привет, Аленка!

— ...Это ...Сергей. Мальцев.

— И?...Не понял?

— Да...понимаешь, такое дело...Ты Алену не видел?

— Ты чего, старик? Она ж с тобой уехала! — встревожился парень.

— Ну-у...понимаешь, мы вчера выпили...и..

— Поссорились, что ли?

— Да...не помню!

— Что ж ты пил, бедолага?

— У-у, чего только не пил, — вздохнула трубка. — Повод был шикарный. Алена замуж за меня выйти согласилась, вот я и ...переборщил, похоже. Боюсь, обиделась, домой ушла. Беспокоюсь...

— Понятно. Ну, если дома, то сообщу...Подожди, а сотовый как ее у тебя оказался?

— Она ничего не взяла, вещи на месте: и куртка, и сумка...

— Ну, ты!..Случится с ней что, Серега, убью! — Ворковский отключил связь и, хмурясь, набрал домашний номер. — Папа? Алена дома?

— Сам же объявил — завтра приедет, — сонно проворчал Владимир Игоревич.

— Да, забыл...вообщем, мало ли, если появится, пусть мне на сотку перезвонит, хорошо? Передай.

— Передам, — буркнул мужчина и положил трубку.

— Случилось что? — спросила Катя, встревоженная видом Саши.

— Да, ...жених Аленин звонил. Предложение ей сделал, она согласилась и ...сбежала. А он пьяный в "не могу" был. И теперь не знает где невесту взять.

— И все? — облегченно вздохнула Катя.

— Мало? — чуть обиделся Ворковский.

— Ерунда, не переживай, найдется. Наверняка обиделась и решила характер показать. Правильно, нечего себя плохо вести. Неизвестно, что он там себе по пьяни позволил, а Алена у тебя девушка гордая и с характером.

— Думаешь, проучить его решила? — расслабился Саша, принимая версию.

— Конечно. Сидит где-нибудь в кафе, как мы, мороженное ест. Потом у подруг зависнет до плюс бесконечности. А жених пусть хлопочет. Поделом.

— Да, вроде не похоже это на Алену...

— А на Сергея?

Саша согласно закивал и улыбнулся:

— Новобрачные...А вот, интересно, ты бы так же, как Алена, поступила, случись подобное?

— Нет, я бы просто по мордочке твоей, распрекрасной, настучала.

— Ты склонна к агрессии? — Саша сделал огромные глаза

— Да, — хитро улыбаясь, кивнула Катя. Парень помолчал, рассматривая ее, и вдруг спросил:

— Слушай, киса, а может, и нам?...

— Что? Напиться? Поссориться?

— Нет, пожениться. По-моему, мы вполне созрели для серьезных отношений. Лучше меня тебе все равно не найти, а мне лучше тебя, так что ждать?

— Ну, если на этой основе...

— Почему ж только на этой... как я к тебе отношусь, ты знаешь... — Саша почувствовал себя неудобно, предложение руки и сердца давалось с трудом, появилось косноязычие, не ведомое ранее, и даже робость во взгляде, не присущая ему никогда.

— И как? — посерьезнела девушка.

— Катя!.. — смутился парень, поерзал, покрутил салфетку в руке и кивнул, пряча глаза: люблю. И...почему бы нам не пожениться на этой основе?

Посмотрел на Катю, ожидая ответа. Та молчала.

— Ты против?

— Против чего? Извини, Саш, но я плохо поняла, что ты хочешь.

— Я не хочу... вернее хочу. Короче, Катерина, выходи за меня замуж!

Вот тут девушка счастливо улыбнулась:

— Хорошо. Я согласна.

— Правда? — обрадовался Ворковский. Самый тяжелый момент остался позади. Все-таки Катя умница. Ни с кем ему не было так легко и спокойно. Правильно он решил, давно пора.

— Да, Саша. Я ведь и не ждала уже... а что люблю...так ты сам знаешь, — пришло время и ей смутиться.

— Ну, вот что, сейчас же идем к твоим! — постановил парень. — Торт, коньяк, конфеты. Все, как у людей. Поставим их в известность, а в понедельник в ЗАГС!

Но в тот понедельник Саша в состоянии близком к панике, рыскал по лесу в поисках сестры. В следующий ездил по больницам, опознавал изувеченных, больных в коме,

потерявших память ...

События закрутились, как карусель, и лишь к зиме все немного успокоилось, словно затаилось на время. Слепая надежда еще жила в квартире Ворковских, но и ее вскоре убили бездушные глаза молоденького лейтенанта.

— Ничего, к весне всплывет, — сообщил он, захлопывая папку.

— Как это? — не понял Саша и возмутился, увидев, как вытянулись лица родителей.

— А вот так, молодой человек. Когда снег сходит, трупы из-под него, как подснежники, вырастают.

К весне мама слегла. Она не верила, что дочь вернется. В ее глазах поселилась скорбь. В квартиру как-то незаметно проник запах валерианы, нашатыря и других лекарств, вытесняя запах щей и выпечки. Отец держался. Катя сочувствовала и поддерживала. А весной слова лейтенанта сбылись, и они вновь закрутились по моргам и больницам. Трупы, трупы, трупы... И каждый звонок, повторяющаяся сухая фраза: "Подойдите на опознание. Труп неизвестной женщины", — вызывали внутреннее содрогание и страх: а если Алена?

Летом мама попала в больницу, и они с отцом крутились, как могли, стараясь поспеть везде и при этом хорошо выглядеть, чтоб ее не расстраивать.

А в декабре мамы не стало. Она даже не умерла — угасла в безмолвии поглотившего ее горя. Тихо стало в квартире, пусто. В апреле Катя переехала к Ворковским, пытаясь наладить их жизнь, вновь появились горячие обеды, зазвучал смех, и Саша сделал ей предложение второй раз, уже не смущаясь и не переживая. Но свадьба не состоялась. Отец благословил их и попал в больницу с инфарктом.

Вытащили, выходили, но не надолго, следом произошел инсульт, потом еще один инфаркт. Только тогда Саша понял, что отец просто не хочет оставаться здесь, когда мама там.

Он умер в июле. Вечером лег, а утром не встал.

Смерть всех близких за два года, настолько потрясла Александра, что он долго не мог прийти в себя. Он запил, чуть не развалил фирму, пытался порвать отношения с Катей, но та оказалась преданной и терпеливой. День за днем настойчиво боролась за него, вытаскивала из омута отчаянья, ухаживала, как за маленьким ребенком, прощая все, что можно и чего нельзя.

И Саша очнулся, посмотрел на себя со стороны на нее, маленькую хрупкую девчушку, взвалившую на свои плечи его беды, и устыдился. Уткнулся в ее ноги лицом и расплакался. А утром, ни слова не говоря, повел в ЗАГС.

Он готов был сделать для нее все, отплатить хоть немного за заботу, любовь, за тепло, что отогрело его душу, за бескорыстную преданность, столь редкую в этом жестоком мире. Он хотел хоть немного успокоить свою совесть, загладить те минуты, когда позволял себе хамство и грубость в отношении Кати.

Свадьбу назначили на конец ноября. Был заказан зал в самом дорогом ресторане города, две путевки в Египет — свадебное путешествие лежали в столе. Кольцо он ей взял с россыпью бриллиантов. Платье заказал в Париже — воздушное чудо и фата до пят с венчиком из страз...

За четыре дня до свадьбы его доставили в аэропорт, но приехать за ним Ворковский не мог — заказы просто рухнули на его фирму в таком количестве, что ребята не справлялись. А деньги были нужны, как никогда. Он ведь хотел бросить к ногам любимой весь мир, а это дорого стоит.

— Я съезжу, Марина отвезет, не переживай, — безмятежно улыбнулась ему Катя и, чмокнув в щеку, выпорхнула из кабинета. Запах Eclat еще долго стоял в воздухе. Его Саша помнил четко, и ее лицо: чуть вздернутый носик, пушистые ресницы, белая кожа с веснушками... Остальное помнилось смутно и отчего-то в черно-белых тонах. Лишь покореженная красная Тойота и два изуродованных окровавленных трупа на ее передних сиденьях, которые вырезали автогенном, воспринимались ярким пятном. Красная Тойота, красный от крови снег и цветная, совершенно целая коробочка с надписями на французском и фигурками жениха и невесты, кружащимися в туре вальса.

Всего лишь год назад он стоял на шоссе и даже не чувствовал порывов ледяного ветра, не видел людей — отца, мать Кати, не слышал их причитаний и разговоров с ним, милицией... Он смотрел на машину и не понимал, почему там Катя, а не он? Почему она в крови, искалечена, а иностранная коробочка с ненужным теперь платьем цела и невредима?

Катю хоронили в этом платье в день, когда она должна была под звуки марша Мендельсона ступить на красную дорожку ЗАГСА, стать женой. Вместо веселья в ресторане теперь будут поминки в маленькой квартирке Саблиных, вместо медового месяца под теплым солнцем Египта — холодная вечность стылой земли, комьями летящей на гроб.

Саша вытащил билеты на самолет, путевки и выпустил из рук. Бумажки полетели, кружа на ветру, и упали в могилу. Что было потом, ему лишь рассказывали, сам он не помнил, не знал, да и не хотел знать. Белый больничный потолок, белые простыни и запах антисептиков — это все, что он воспринимал.

Из больницы он вышел седым.

Алевтина Петровна, мать Кати, привезла домой, усадила за стол и, поставив перед ним тарелку горячего борща, заплакала. Его вид вызывал в ее добром сердце щемящую жалость. Она знала всю историю, принимала в ней живейшее участие, помогала, и теперь тем более не могла оставить того, кого давно называла сыном.

Месяц она регулярно ездила к нему домой, готовила, убирала и вела беседы, но глаза Саши были пусты, ни умом, ни душой он не воспринимал ничего. Тепло дома или холодно, есть что в холодильнике или нет, побрит он или нет, сколько ходит в грязной футболке — ему было все равно. Саблина, видя, что парень скатывается все ниже и находится фактически на грани безумия, притащила своего старшего сына, брата Кати:

— Ты уж помоги, Сашенька, парню, институт заканчивать надо, а мои разве ж дадут заниматься? Пусть поживет у тебя, а? Я заплачу..

— Да, ничего мне не надо. Я давно ему говорил, еще при Кате... Пусть заселяется, хоть все приходите и живите...

Так Михаил поселился у Ворковского, и к весне Саша, благодаря жильцу, немного пришел в себя, оттаял. Конечно, дома Мише заниматься было трудно — семья Саблиных относилась к разряду многодетных, покоя в доме не было, но парень учился хорошо, да и дальше бы учился не хуже, привычный к гаму и шуму неумных братиков и крикливой сестрички. А вот Саша без него вряд ли выжил. А тут... Стыдно, если мужчина при пацане сопли распускать начнет, хоть и по теме, хоть и по делу. К тому же он брат Кати, и хотелось Ворковскому в его глазах выглядеть достойно. Вот и пришлось в руки себя брать, вставать по утрам, бриться, на работу ходить.

А теперь и Алена есть. Может, и наладится их жизнь...

"Ни черта она не поправится!" — подумал он через несколько дней, глядя, как сестра мешает сахар в чае. Мешает и смотрит в стену напротив глазами фарфоровой куклы

"Это все Мальцев", — решил для себя Александр. И ведь объяснил по-человечески, нет не понял. Целыми днями под их окнами сидит, ждет. Чего только? Нет, надо было, как в прошлый раз объяснить, носом об асфальт.

— Хочешь, я его убью? — тихо спросил у девушки.

Та недоумевающе посмотрела на него:

— Кого? За что?

— Мальцева. Просто так. Для души.

— При чем тут Мальцев? Какое ему дело до нас, а нам до него?

— Ты ведь из-за него расстраиваешься?

— Саша, у меня и без него немало причин расстраиваться.

— Из-за чего?

— Из-за твоей мнительности, например. Ну, что ты придумываешь? Мальцев...кто он такой? Ты помнишь? Я — нет.

Саша промолчал, но не поверил.

А Алена сказала правду. Ей не было дела до старого знакомого. Она и знать не знала, что он караулит ее у подъезда. У нее были дела важней.

Она отучала себя думать о Рэйсли.

Она пыталась не вспоминать о детях.

Она пыталась разобраться в себе, выплыть на поверхность, не захлебнуться в собственном горе. Забыть все и жить, как все.

Но ей не давали.

На второй неделе ожидания, Мальцев не выдержал и явился к Ворковским домой с огромным букетом роз, чтоб еще раз объявить о своей негасимой любви. Алена еле отделалась от него. Потом выкинула всученный насилу букет и благополучно о том забыла. Но на следующий же день прошлое ей напомнила Марьяна. На этот раз в присутствии брата.

Армянка влетела в квартиру, как разъяренная фурия, и начала с порога страшить девушку ужасными карами, если она только посмеет еще раз взглянуть на ее милого и горячо любимого супруга. Заодно Алена узнала о себе массу новых и интересных вещей. Правда, нервный припадок бывшей подруги не произвел на нее должного впечатления, зато впечатлил Сашу. Он выволок разъяренную женщину и послал на лифте...далеко и надолго с подробной схемой маршрута, в котором квартира Ворковских обозначилась, как запрещенный объект.

Вечером их вновь посетил Мальцев, но зачем, Алена не узнала и не опечалилась. Саша на этот раз вежливость проявлять не стал, а выкинул парня по-простому, без сантиментов, тем же маршрутом, что и его жену, но в личном сопровождении до асфальта на улице и клятвенно пообещал в следующую встречу наградить того шикарной инвалидностью. Мальцев, видимо, внял, так как, к всеобщему облегчению, больше не появлялся.

Зато начали появляться другие. Лавина бывших друзей и знакомых обрушилась на их голову с естественной для данного процесса неожиданностью. Первой была Олеся. Алена внимательно слушала ее минут пять, а потом заскучала. Подруга слезно винулась, бог знает,

в чем, и просила ее простить.

Затем появился Макс.

Потом пришла Маша с супругом. От них Алена и узнала, кто стал катализатором этих встреч.

Мальцев и Марьяна. Они обзвонили всех и оповестили о возвращении Ворковской. Он посылал к Алене с целью разведать обстановку, Марьяна — глянуть, на кого она стала похожа, и выразить всеобщее «фи» ее провокационному поведению.

Маша отметила явную неадекватность армянки и столь же явную лабильность Ворковской и обозначила следующую встречу в необозримом будущем, чем и порадовала. Расстались они вполне довольные друг другом.

Потом явился Сокол, потом опять Олеся ...

Этот милый дружеский набег утомил Алену не столько своей интенсивностью, сколько выделяемым взглядами сочувствием и явным любопытством, сквозящим даже в интонациях голоса. Одни и те же взгляды, одни и те же вопросы...

Саша выказывал доблести гостеприимства, а Алена стойко игнорировала любого гостя, проявляя самую низкую степень вежливости. Одарит впечатляющим взглядом и уходит к себе.

— Ты не хочешь их видеть? Тебе неинтересно с ними общаться? — начал выпытывать брат.

— Не хочу.

— Хорошо, но проявить элементарную вежливость ты можешь?

— Зачем?

— Чтоб гостей не ставить в неудобное положение, не шокировать.

— Саша, их неудобное положение — их дело. Меня меньше всего волнуют глупые условности. Я не хочу общаться и ухожу. Ты хочешь — общаешься. Я не мешаю. Какие могут быть претензии? — равнодушным тоном спросила она и открыла банку с огурцами.

Миша лукаво посмотрел на Ворковского и пододвинул к себе тарелку с печеньем." Теперь не выгоните", — говорила его поза. Очень мальчику их прения послушать хотелось.

— Хорошо. Предположим, ты не хочешь видеть Сокола, Макса, но Олесю? Вы ведь с ней подруги с ясельной группы. Она хочет возобновить отношения.

— А я не хочу.

— Почему? Обиделась? Считаешь ее виновной? Так, она раскаялась, постоянно у тебя прощения просит, плачет вон, а ты... Тебе ее не жалко?

— А за что ее жалеть? Ее вина — ее фантазия, ко мне это какое имеет отношение? Ни ее, ни кого-то другого я ни в чем виновным не считаю, а что они там себе придумали — их дело. Может, им так нравится: виниться, плакаться. Не нравилось бы, подумали и поняли, что все это ерунда.

— Алена, — укоризненно качнул головой мужчина, — откуда в тебе эта черствость? Разве этому тебя мама учила?

— Саш, меня много чему учили и тебя, но в основе своей — бесполезному и даже обременительному. Что ты хочешь? К чему этот разговор? Хочешь убедить меня, что я не права и должна надевать фальшивую улыбку радушия и сидеть в обществе бывших знакомых, пока те не соизволят испариться? Уволь. Эти игры уже не для меня. Я не желаю тратить свое время на пустую болтовню и не нуждаюсь в обществе других людей, кроме вас.

Миша шумно отхлебнул чай, скрывая хитрую улыбку. Саша нахмурился:

— Ты рассуждаешь, как эгоистка.

— Да, разумная эгоистка, — кивнула девушка и захрустела соленым огурцом, поглядывая в кухонное окно. На улице шел снег. Середина декабря ознаменовалась снегопадами. Четыре года она не видела подобного великолепия, да и раньше, когда жила здесь, мало обращала внимания, а восхищалась разве в детстве, по наивности души.

— Снег давно не видела? — спросил Михаил.

— Да, четыре года...

— И соленые огурцы? — спросил Саша.

Алена с укором глянула на брата:

— Тоже. А что, напрягаю хрустом?

— Нет, количеством. Каждый день по банке. Ты не беременна, случаем? — взгляд мужчины был неумолим. Он будто наказывал ее за недавние высказывания.

— Случаем?...Нет и обещаю забеременеть без случая — по плану. А огурцы, к вашему сведению, монсеньер, не только будущие мамы любят.

— Обиделась?

— Нет.

— Это он тебе пример шокирующей бестактности привел. Око за око, так сказать. Но на тебя не подействовало, — пояснил Саблин.

— Странно, да? — выгнула бровь Алена.

— Для меня — нет. Я даже восхищен вашей платформой мировоззрения. Бис!

— Виват эгоизму? — недовольно посмотрел на него Саша.

— Если подобное уважение к себе можно назвать эгоизмом, то разумным, в этом твоя сестра права.

— А есть разница?

— Огромная. Тебе самому-то гости не надоели? Набеги хана-Батыя: один Сокол ваш чего стоит...Нет, Алена умничка, завидую.

— Я хочу, чтоб все встало на свои места. Чтоб у нее друзья появились, близкие,...

— Зачем? — озадачилась девушка.

— Затем, что я не вечен, мало ли...С кем останешься?

— Одна, — равнодушно пожала та плечами.

— Хорошо, а не страшно?

— Абсолютно. Привыкла.

— А поговорить не хочется?

— Когда хочется, я с вами разговариваю.

— А если тема ...не для мужского восприятия?

— Например?

— Женские дни! — брякнул Саша и губы поджал: он дурак или она в дурочку играет?

— И что? Это большая новость для вас?

— Но это не принято...

— Кем не принято, к тому и обращайся, а меня эта тема не напрягает, как и любая другая. Легко обсужу ее с вами.

— И не постесняешься?

— Чего?! — раздраженно воскликнула Алене. Надоело!

Мужчина немного растерялся и задумчиво сказал:

— Ты очень изменилась.

— Это плохо? С чьей точки зрения? Твоей? Допустим. Но речь идет обо мне. Это *моя* жизнь. *Мне* нравится проводить время в обществе Аристотеля и легких женских романчиков, а не в обществе Олеси Проживаловой. *Мне* нравятся соленые огурцы и категорически не нравится навязчивое любопытство. У каждого есть право выбора. Лично свое. И если ты уважаешь себя, то выберешь то, что нравится тебе, а не другим, и будешь, удовлетворен потраченным временем, а не угнетен тем, что пришлось исполнять обременительную роль. Я знаю, что уважение основывается не на фальши, а на искренности, и если я не стану уважать себя, другие тем более не станут. И пойми, для всех хорошим все равно не стать, проще стать хорошим для себя. И приятно, и не так хлопотно.

— Бис! — хлопнул в ладоши Михаил. — Классные принципы, не поделитесь способом их приобретения и претворения в жизнь?

— Четыре года в неизвестности, — бросил Саша и покосился на парня. — Весело тебе? А теперь представь, как она с ними будет жить?

— Ну-у...тяжело, — кивнул тот, признавая.

— И одиноко.

— А может именно к этому она и стремится?

— Нормальный человек не может стремиться к одиночеству.

— Почему? Ненормальные вон к общению стремятся, отчего не может быть наоборот?

— Потому, что речь идет о моей сестре!

— Я вам не мешаю? — спросила Алена, поглядывая на мужчин, как на расшалившихся школьников.

— Да, нет, — блеснул озорной улыбкой Михаил.

— Спасибо, — кивнула она.

Саша промолчал.

Ужин закончился умеренным нейтралитетом оппонентов.

Декабрь походил к концу, поток гостей схлынул, постепенно сойдя на нет, и Саша больше данную тему не поднимал. 29-го они втроем прошли по магазинам и набрали всего, что нужно для празднования Нового года: елку, продукты на стол, включая мандарины и шампанское, и, конечно, подарки.

Предпраздничная суэта вызывала у Алены чувство тихой радости с ноткой ностальгической грусти.

Мужчины начали устанавливать мохнатую ель в родительской комнате, а девушка стояла у входа, подпирая косяк, и с материнской улыбкой на устах наблюдала за их действиями. Ель была довольно большой, объемной и никак не хотела стоять: то кренилась влево, то заваливалась назад, то сваливала ветками Мишкины конспекты со стола, то лезла иглами в лицо Саши. Мужчины фыркали, незлобиво поругивались, препираясь, и к 11 вечера все ж смогли ее закрепить. Ворковский достал с антресолей коробку со старыми елочными игрушками и принес в комнату, а Миша, довольный проделанной работой, сидел на спинке дивана и чистил мандарины.

Честь наряжать новогоднее чудо была предоставлена девушке.

Алена села перед коробкой на колени и с благоговением начала извлекать мишуру, шары, стеклянные фигурки. Каждая рождала воспоминания, будила ощущения и запах тех лет.

Вот маленькая арфа, которую она считала волшебной и естественно самой настоящей,

принадлежащей когда-то не иначе, как эльфам, вот Дед Мороз с поцарапанным носом...

Воспоминания слились с запахом мандарин и хвои, а ворвавшийся в форточку порыв стылого ветра довершил впечатление. Алена нахмурилась, вглядываясь в голубой пластиковый шар с радужными разводами — голубой, как глаза Эйфии. И стало вдруг до слез, невыносимо грустно, что ее девочка никогда не увидит увешанную игрушками и серебристым дождиком елку, не полезет под нее, как это делала она, за шуршащими мешками с конфетами и апельсинами. Алена не купит ей игрушку и не положит под елку от имени Деда Мороза, не увидит, как радуется маленькая проказница, не услышит ее восхищенного возгласа...

Как она живет без матери? Как живет Рэнни? Здоровы ли они, счастливы? Помнят ли о ней? Скучают?

А много ли она сделала для них? Проявила ли достаточно тепла и любви, чтоб они скучали о ней, помнили?

Мать, которая не чувствовала себя матерью и с тайной радостью спихнула их на попечение няnek. Мать, исполняющая свой долг, как рабочую обязанность. Вправе ли она называть себя матерью?

Она родила слишком рано. Она была не готова к этому и хоть сильно любила их, но столь же сильно и тяготилась ими. Она не понимала всей меры ответственности. Материнские чувства лишь теплились в ее сердце, но не жили полнокровно, не имели почвы для развития и осознания. Она была занята борьбой с Лоан. С собой. Подругами и их проблемами. Фальшивые ценности были ей дороже истинных.

Почему она поняла это так поздно? Почему не тогда?

Девушка разрыдалась, прижимая к груди шар, как голову ребенка.

Ну, почему Рэй не вбил ей в голову истину? Почему был так терпелив и добр к ней? Потому, что любил? Ни разу не сказав об этом, доказывал делами свое отношение к ней, ежеминутно, ежечасно. А она ждала слов, возвышенных признаний. Она хотела играть, не любить самой, но позволять любить. Она словно жила по сюжету любовного романа и очень огорчалась, когда герой не соответствовал принятым описаниям. Глупая, избалованная девчонка!

— Аленушка, ты что? — испугался Саша, обнял, желая успокоить, но эта жалость вызвала в ней еще больший поток слез. Она смотрела на елку и пыталась сказать, что не может ее видеть, что она напоминает ей о детях и той безответственной, безалаберной жизни, что она вела. Но из горла вырывались лишь всхлипы.

Миша проследил за ее взглядом и, мгновенно сориентировавшись, подскочил, поднял, отпихивая мужчину, толкнул к выходу и тихо кинул на ходу растерявшемуся Саше:

— Избавься от елки. Быстро!

Он вывел девушку в подъезд, накинул на нее пальто, оделся сам и легонько подтолкнул к лифту. Через минуту они стояли на улице. Морозный ветер еще не разгулялся снегопадом. Хлопья падали лениво и кружили, под его напором, в хаосе сбиваясь в кучу у поребриков заледеневшего тротуара.

Алена быстро пришла в себя, успокоилась и, нахохлившись, села на лавку, задумчиво рассматривая игры снежинок, крутящихся у ног. Миша поднял воротник, готовясь к длительному пребыванию на морозе, и сел рядом. Саша наверняка еще не все убрал, надо подождать.

— У меня есть дети, — неожиданно призналась девушка, и парень покосился на нее, не

зная, как реагировать на это заявление. С одной стороны, хорошо — заговорила, значит, легче на душе станет, а с другой...ничего себе — двое детей! Неизвестно, где и у кого!

— Я думал, это не правда...

— Ты знал? Откуда? — нахмурилась Алена.

— Саша сказал. А ему этот...твой бывший. Саша решил, что ты специально про детей выдумала, чтоб от него отвязаться.

— Нет, у меня действительно двое детей. Правда, мать из меня вышла хуже некуда... Доченька — шалуныя, смешливая непоседа, любопытная... Мальчик, Рэнни, очень умный малыш, весь в отца. Еще маленький, а уже ясно — мужчина растет. Рассудительный, основательный. Я ведь только там поняла, что мужчина — это не половое отличие, это статус, ранг, если хочешь. А здесь... небо и земля, два полюса, и хоть название одно — суть разная. Здесь только Сашкин, отец, ты...да. А в остальном, что однокурсников моих возьми — липучие, недалекие. Сергей вон...вроде мужчина, а вроде и нет, желе какое-то непонятное... — и качнула головой. — Впрочем, к чему я это? Разговорилась что-то... Пойдем домой?

Парень неуверенно кивнул. Он бы еще послушал, поговорил с ней, выяснил, а может, и помог чем, только приступ Алениной откровенности, видимо, закончился, и польза сейчас, больше не вернется. А так есть шанс позже ее на откровенный разговор вывести.

Дома больше хвоей не пахло, даже признаков зеленой красавицы не осталось.

Но Алена этого не заметила, прошла к себе и плотно прикрыла дверь.

Новый год, посоветовавшись с Михаилом, Саша постановил справлять у них, а ему поручил привести как можно больше друзей и знакомых. Возраст у них с Аленой примерно одинаков: познакомятся, повеселятся, а там, глядишь, и подружатся. Михаил в это предприятие не верил, но перечить не стал, и 31-го привел домой внушительную компанию.

Ворковская скупно поприветствовала молодежь, помогла накрыть стол и ушла в свою комнату. Шумная компания, столь привлекательная раньше, сейчас раздражала ее и навевала тоску. Она надеялась, что ее исчезновение останется незамеченным, но ошиблась. Сначала брат, потом другие с досадной регулярностью вламывались в комнату и нудно уговаривали присоединиться к веселью. За дверью гремела музыка, раздавались крики и взрывы смеха. В конце концов, Алена поняла, что покоя дома не будет, и потихоньку выскользнула на улицу.

У подъезда сидела влюбленная пара, у другого веселилась молодежь, группа подростков с криками и смехом обстреливала друг друга снежками. Ворковская пошла в конец дома, желая найти укромное место и побыть в одиночестве, но скамейки были заняты, во дворе взрывали петарды, гуляли люди.

Она свернула за угол, во двор другой девятиэтажки, здесь было относительно тихо и безлюдно, но единственная скамейка была занята. На ней, нахохлившись, сидела женщина в лохматой шубе. Девушка покосилась на нее, проходя мимо, и уловила слабый всхлип. Женщина плакала. "Надо быть очень несчастной, чтоб встречать Новый год в одиночестве, на улице и в слезах", подумалось ей, и она остановилась, потопталась в нерешительности и подошла:

— Простите, вам плохо? Я могу чем-то помочь? — спросила тихо. Женщина подняла голову...

— Олеся, — протянула Ворковская, несколько удивившись, и села рядом. — Почему

здесь, одна и плачешь?

— А я давно одна, Алена. А «здесь» или «там», без разницы, — глухо заметила женщина, вытерла слезы платком и достала пачку Vog. — Будешь?

— Нет.

— А я курю. Странно, да?

— Нет. Здесь многие курят.

— "Здесь".. А там? — Олеся внимательно посмотрела на подругу. — Молчишь? Ладно, не хочешь — не говори. И дружить, если не хочешь, и общаться, тоже — пожалуйста. Не привыкать, переживу.

Тон нервный, вызывающий. Взгляд жесткий, обвиняющий и в то же время грустный.

— Что с тобой случилось, Олеся?

— А что? Изменилась? Не нравлюсь, да? А должна? А ты. ты не изменилась? Сама то... — Олеся вдруг смутилась, шмыгнула носом, нервно затянулась и чуть смягчила тон. — Жизнь. Видишь, как она нас лихо покалечила. Сидим на улице в Новый год, как бомжихи, и смотрим друг на друга, как чужие.

— Можем не смотреть. И молчать, станем, как родные, — равнодушно пожала плечами Алена. — Я-то на улице потому, что полный дом гостей, а ты почему? У тебя ведь муж, ребенок.

— Муж, — скривилась женщина, через силу сдерживая слезы. — Нет у меня мужа. Расстались мы.

— Почему? — нахмурилась Алена: не понятно — вчера еще вместе были, а сегодня — расстались...

— А потому... — Олеся помолчала и начала монотонно перечислять причины безжизненным, потухшим голосом. — Потому что Мальцева, дружка его, видеть не хочу. Потому что Сокирян не чаем бы, а цианистым напоила. Потому что творожные сырки на десерт только нищим подают, а не мужу. Потому что работаю фельдшером, а не бухгалтером. Потому что грудь большая, ноги кривые, а на носу прыщ. Потому что девочку родила, а не мальчика, Потому что вместо щей варю борщ, а вместо сырокопченой колбасы покупаю обычный сервелат, а вместо мороженого с шоколадной крошкой — с вареной сгущенкой. Потому, что бардовские вечера и дружеские попойки меня интересуют меньше, чем здоровье ребенка и уюта в доме. Потому, что не всегда успеваю помыть посуду, а тапочки поставить на место... Потому, что хочу слишком многое — уважения, например. И понимания.

— Что за бред? Это откуда? — с любопытством посмотрела на нее Ворковская.

— Из семейной жизни господ Кулагиных. Претензии. Стандартная картина бытовых неурядиц.

— А по-моему, это очерк на тему: "Как докопаться до столба?" — фыркнула Алена и добавила, покосившись на кислую физиономию подруги. — Помиритесь...

— Не помирится. Он с вещами ушел, — отрезала Олеся и за следующей сигаретой полезла.

— В Новый год? — не поверила подруга.

— Ага. Удивлена? О-о-о, в этом и заключен смысл, — выставила палец Проживалова и попыталась изобразить наплевательство на данный факт, но не смогла — сморщилась, сникла и процедила. — Специально он. Чтоб больнее...Сволочь!

Алена растерялась. Макс, тот, которого она знала — веселый парень сроднившийся с

гитарой, шептунной, но добрый, и этот, про которого рассказывает Олеся, которого она видела мельком недели две назад. Их стало двое? Первый, однозначно, так поступить не мог, второй...его она совсем не знала. Может, Олеся преувеличивает? Раньше Алена за ней подобного не замечала.

— Что у вас происходит?

— Жизнь, — пожалала плечами женщина. — Просто, банально...грязно. Как со всеми. Как всегда. Да, что говорить, ты хоть знаешь, что такое семейная жизнь? Это ломка, круче, чем у наркомана! Односторонний диалог и постоянный компромисс, причем с собой. А муж...муж — это не второй ребенок, нет, это хлеще — амбициозное, эгоистичное существо, отягощенное слепотой, глухотой и манией величия, данное нам в нагрузку за ум и женственность! Вот скажи мне: сколько нужно повторить обезьяне, что обувь нужно мыть и ставить на полочку, а не оставлять грязной посреди коридора? 200 раз? 300? Допустим -500. И все — поймет животное, научится... А я своему пять лет говорю. *Пять!* Думаешь, понял? Щас!

— Олеся, разве грязная обувь причина для ссоры? Подумай...

— Нет, конечно. И пренебрежение, и постоянное унижение, и наплевательство — не повод...Это довод! Подумать: а зачем они вообще нужны?

— Они — наша опора...

— Господи! — всплеснула руками Олеся, с возмущением посмотрев на Алену, и гаркнула в лицо. — Какая опора нафиг?! Обуза! Это мы для них опора. Матери, любовницы, подъемные краны и кухонные комбайны. Ах, милый, сладенького хочешь? На, тебе конфетку. Нет? Мороженого хочешь? Сейчас сбегая...Устал? Ложись — отдохни. Головушка болит — на, тебе аспиричика и чая с медом в постель...И, думаешь, ценят? Щас! А попробуй ты заболей. Такого дерьма наешься...и не то, что чая, слова доброго не дождешься. Не-ет, прав у нас нет совсем, даже болеть, — Олеся несло, как русскую тройку без ямщика. Все, что наболело, вырывалось наружу яростно, желчно. Алена не перебивала, понимая — выговориться надо, сбросить все, что накопилось, но искренне недоумевала, куда же девались то тепло и любовь, что были меж Максом и Олесей? Куда вообще исчезли тот Макс и та Олеся?

— ... крутишься, крутишься и в ответ одни претензии — " третий раз за месяц каблуки ломаешь!" А ты потаскай на них сумки с продуктами — не то, что каблуки сломаешь — косолапость заработаешь! Кроссовки оденешь — ходишь как солдат на плацу. Попросишь: привези картошки, на машине ведь...Нет! Не по чину нам с картошкой возиться. Сама, милая — ножками, ручками. И что ни попроси — итог один, хоть и в двух вариантах: либо полный ноль в тишине, либо полный ноль с криками, матом и испорченным на весь день настроением. Прошу — почини табуретку. День прошу — не слышим, два — «надоела», месяц — «запилила», два месяца — достала — сделал. Не узнать табуретку, а уж сесть... лучше на электрический стул! Лучше б сама сподобилась. И так все сама. С утра до вечера, как конь на пахоте! Сутки на работе, домой галопом через магазины, дома — стирка, уборка, готовка, вечером не то, что руки, ноги не шевелятся, язык не ворочается. А он кроссвордики на работе порешил, с друзьями, клиентами потрепался, в кабаке пообедал и домой через тренажерный зал, пив-бар телевизор смотреть в тишине и покое. А ты, будь любезна, эту тишину обеспечить и физиономией своей уставшей не отсвечивать! А ночью ему еще африканскую страсть изобрази, а не изобразишь — "старая, фригидная". Да, не фригидная я — измотанная! Я, может, и хочу, но не могу! И объясняешь, как—будто на керды-

бердыкском говоришь — не понимает: «дура»! Кричишь — «истеричка», обижаешься — «неврастеничка», плачешь — "депрессия мучает", грозишь — "специально кто-то настраивает".. Мне что, пять лет? Да, и кто настраивает-то? Мама? Так она третий год с тетей Таней живет, звонит вон раз в месяц, да приезжает раз в полгода, чтоб слишком частыми посещениями зятя не волновать.

— Макс ведь не был таким...

— Да-а-а-а, — язвительно протянула Олеся и скривилась, словно лимон съела. — Пока деньгами избалован не был. Пока твой Мальцев с этой сукой не связался. Пока они его к рукам не прибрали, не купили.

— Это ты о Марьяне?

— А о ком еще?

— Ну, почему же "сука"?

— И, правда,...хуже она. Года после твоего исчезновения не прошло, а она, телка, этого в ЗАГС. Свадьбу закатали, словно специально — шум на весь город. И все на глазах у твоих. Совести нет! А я ...в глаза стыдно смотреть было, что Сане, что родителям твоим. А Максима свидетели, представляешь? И ведь собрался меня с собой тащить. До скандала ...Я ему как человеку объясняю — подло! А он: "конечно, жениться, значит подло, а сгнившим костям верность хранить — благородно! Тебе надо, ты и храни. Жизнь продолжается. Любовь у них". У этой коровы и твоего борова? Ха! Да, какая любовь? Деньги! Купили Мальцева ... и моего..

— Перестань, — оборвала ее Алена, боясь, что та расплечется. — Не повод.

— Да? Тебя нет, а эти...я виновата...

— Да, ни в чем ты не виновата! — грубо осекла ее подруга. И обе смолкли, задумались. Олеся подруге не верила, а та жалела, что нельзя вернуть прошлое.

— Ты, правда, не обижаешься на меня? — тихо спросила Проживалова, с надеждой заглядывая в глаза Алены.

— Правда.

— Тогда, почему видеть не хотела, не разговаривала? Знаешь, как больно? Мы ж с тобой столько лет вместе.

— Вот поэтому и не разговаривала. Приходишь, как за подаянием, унижаешься. Смотреть противно. Виновата, да? А в чем? Хоть раз подумала?

— Ясно. А если тему закроем, то все, как раньше? Подруги?

— Почему нет?

Олеся обрадовано ткнулась в плечо Ворковской.

— Ты что? — недоуменно покосилась на нее та.

— Так, — улыбнулась, посмотрела и, заговорщицки подмигнув, вытащила из внутреннего кармана шубы плоскую бутылку коньяка. — Будем? Надо. За нас, за Новый год. Чтоб следующий был удачней предыдущего.

Алена равнодушно пожала плечами и, осторожно глотнув, отдала Олесе.

— Неплохой.

— Еще бы! — оттерла та губы. — Мой только такой пьет. Он ведь оценщик у нас, не абы кто.

— Помиритесь.

— На фига? — улыбнулась горько. — Думаешь, я от большой любви слезы лью? Нет, от обиды. Пять лет вместе...И зачем, скажи, я столько терпела? Ладно, бог ему судья. Машку

жалко, любит она его...папа..

— Как же вы будете дальше жить?

— Нормально, — беспечно махнула рукой Олеся. И к бутылке приложилась. Закрыла и убрала, сигарету вытащила. — Утром встану, Машуту в садик, сама на работу. Буду, как и раньше, ходить в магазин, цапаться с коллегами, переживать за больных, растить ребенка, стоять у плиты, смотреть телевизор, ложиться спать. Сначала тяжело, конечно, будет, но потом втянусь, а может, и замуж второй раз выйду. А что? Кулагин вон собрался. Знаешь, кому он ушел? К бухгалтерше Мальцевых. Молодая, ухоженная, в глазах стервозинка, на пальчиках маникюр не хуже, чем у тебя...

Алена посмотрела на свои ногти и увидела серебристые нити, образующие мраморный, фосфорисцирующий рисунок. Кугу-ицы. Рэй.

Ей вдруг стало до боли обидно, что он обрек ее на долгую жизнь, внедрив в тело чужеродную субстанцию. 200 лет, которыми он ее одарил, теперь казались наказанием, долгой дорогой во мраке и одиночестве. Зачем он это сделал? Зачем ей столько лет, если и день без него — десятилетняя пытка? Дни в разлуке, как резина, тянутся, а она еще в самом начале пути..

— За что нам это? — прошептала Алена, спрашивая Рэйсли, но Олеся приняла вопрос на свой счет:

— За то, что взрослеем поздно. Молодые, наивные, доверчивые. И делаем не задумываясь, а если задумываемся, кажется — все правильно. А потом оглядываешься и видишь — здесь сглупила, там, как ослепла, а то бы — исправить, да поздно. Только вперед, а назад — никак, а ведь именно там мина и зарыта. Сама зарыла, постаралась. Когда взорвется и на сколько сильно накроет — неизвестно. Да, ну все это! Праздник все-таки, а мы, как на похоронах. Подумаешь, придавило нас немного, выберемся. Не пропадем... Слушай, а поехали в центр? В «Белль», например? Повеселимся, что, как старухи, сидим?

Олеся встала и выжидающе посмотрела на Алену.

— Нет, не изменилась ты, Олеся, как и раньше, на приключения тянет.

— Да какие приключения, Алена? Праздник! В центре народу знаешь сколько? Демонстрация. Все гуляют, — и, схватив подругу за рукав, потащила к дороге, машину ловить.

— Куда ж вас несет-то, а? — протянул задумчиво Сергей, глядя на две фигуры застывшие шлагбаумами на пустынной дороге. Тайклиф без лишних слов стянул с него шапку, водрузил на свой лысый череп и открыл дверцу: выходи.

— А как я вас найду? — забеспокоился мужчина. Мэнгриф сунул ему в ладонь пульсар с наушником и помог вылезти, взглядом. Дверца хлопнула и машина устремилась навстречу девушкам.

Олеся чуть не грудью легла на бампер, останавливая темно-синий нисан. "С таким бы героическим рвением не в кабак повеселиться, а в горячую точку воевать", — подумала Алена и насторожилась. Дверца открылась, и из машины высунулось вполне приятное мужское лицо, вот только жесткое и суровое, как у сотрудника спецслужб или «братка». С такими лучше не связываться...

Но Олеся уже лезла в машину:

— С Новым годом, мальчики! В «Бэлль» подбросите?

— Подбросим, — прогудел баском водитель.

Ворковская села рядом с подругой и бдительным оком обвела салон: «мальчики» напоминали ей слоников и внушали опасение. Один лысый, второй, похоже, тоже, хоть и в шапке, но затылок и виски гладкие, как лицо, и словно не выбриты, а тщательно отполированы....

У Алены перехватило горло, а грудь сдавило от неожиданной догадки — Агнолики! Она отодвинула Олесю, пытающуюся разговорить мужчин, и потянула за рукав того, что в шапке:

— Как тебя зовут?!

"Таким тоном не знакомятся, а паспорт в милиции спрашивают", — хотела сказать Проживалова, но заметила неестественную бледность подруги и притихла. Что-то явно произошло, только что? И когда?

— Кто ты?! — тряхнула мужчину Алена, тот покосился на нее и девушку, словно плетью стегнули: глаза у мужчины были фиолетовые!

Девушка сбила с него шапку и заорала в лицо, пытаюсь, то ли перелезть к нему, то ли выйти через крышу машины. Олеся с квадратными глазами и вытянувшимся лицом смотрела на перекошенное лицо подруги, сверкающие глаза и не могла сориентироваться.

— Что вы здесь делаете?! Где Рэй?! Это он вас послал, да?! Где он?! — кричала Ворковская, требуя ответа.

— Ты чего, припадочная?! — делано возмутился Тайклиф, пытаюсь утихомирить ее, и очень сожалел, что они решили подвести госпожу, надеясь, что их не узнают.

Машина резко тормознула, и водитель, развернувшись, крикнул во все горло:

— Вылазь!!

Секунда, и Олесю словно выдуло из салона. Она вцепилась в Алену, пытаюсь ее вытащить, и молилась, чтоб инцидент не перешел к рукоприкладству. Очень подруга мужчин взвела, сердились те не на шутку. Водитель даже вылез Олесе помогать. Правда, действовал, вопреки ожиданиям, почти нежно: перехватил девушку за талию и тянул из салона, а потом и голову ей придержал, чтоб не стукнулась. А та словно «озлобина» приняла, кричала, цеплялась за второго мужчину:

— Ах, вы!! Где Рэй?! Отвезите меня к нему!! Вы обязаны! Что с ним?! Что с ним, спрашиваю?! Он жив?! Да?! Где он?! Я требую, чтоб вы отвезли меня к хозяину!! Сейчас же!!

— Да, не знаю я никакого Рэя!! — заорал Тайклиф, стараясь выглядеть убедительным, и чуть все не испортил: хотел щеку ей показать с залепленной татуировкой — видишь, мол, нет ничего. Значит, не Агнолики.

Хорошо, Мэнгриф вовремя вмешался, вытащил, наконец, госпожу из машины.

— Тогда отведите к Дэйксу!! — не успокоилась Алена и замерла. Взгляд охватил все лицо мужчины и не нашел привычной татуировки. Значит, не Агнолики? Ошиблась?

— Ох, девочки... — укоризненно протянул водитель. — Хороши. Что ж так напиваться-то? Веди-ка ты свою подругу домой. Пусть поспит, а то мерещится ей уже другим неведомое. Так и здоровье потерять недолго.

Кивнул Олесе, залез в машину и уехал. Алена потерянно шагнула к обочине и села прямо на бордюр.

Олеся проводила взглядом удаляющиеся габаритные огни и кивнула: хорошие им ребята попались. Воспитанные. И подошла к подруге, хлопнулась рядом, поглядывая искоса:

— Ну, ты даешь! Первый раз такое вижу. Ты за кого их приняла-то?

Алена молчала, словно не слышала, и, не мигая, смотрела в снег, перед собой.

Проживалова тяжело вздохнула и вытащила коньяк:

— Надо бы нервы восстановить, да хэппи-энд отметить, а то ведь и головы нам снести могли, ...хорошие мужички попались, уважительные, — но перед тем, как глотнуть подозрительно посмотрела на жидкость, выставив бутылку на свет уличного фонаря: нет ли чего постороннего, таблеток, например, или вируса бешенства?

Нет, коньяк, как коньяк. Олеся пожала плечами и смело отхлебнула из бутылки, а потом протянула Алене:

— Глотни, полегчает.

Та взяла, не глядя, и выпила залпом, как воду даже не почувствовав как обожгло горло. Олеся открыла рот, хохотнула, забрала пустую бутылку, посмотрела опять в нее на свет и выкинула в сугроб:

— Да-а-а, сильна ты, подруга... Ясно с тобой. Ладно, коньяк закончился, веселье. Вроде с лихвой. Пора и, правда, баиньки. Пошли-ка домой, — решительно встала и подняла Ворковскую, потащила по дороге обратно, разговаривая скорей с собой, чем с ней. — Сейчас примем душ, валерьянки съедим упаковочку, кофейком запьем и спать. А завтра я тебе Крёза зашлю. Сдается мне, нуждаешься ты в хорошем специалисте. Нервишки-то шалят...

Алена не слышала ее. Шла, с трудом переставляя заплетающиеся ноги, и даже не видела — куда? Дома, дорога, сугробы, голые ветки деревьев, фонарные столбы- все сливалось, плавало в тумане. По лицу текли слезы, а губы шептали:

— За что? Зачем так? Ведь я их узнала и они...Ошиблась? Татуировки-то нет, а ее не вывести...Как же мне теперь жить, если в каждом встречном вчерашние знакомцы мерещатся? Я схожу с ума? Или уже сошла? ...Почему же ты не выполнил обещание? Почему умер? Ты же обещал...Как же теперь?...

Олеся старалась не смотреть на подругу, шепота ее хватало. Волосы от него дыбом вставали и сердце от жалости сжималось. Состояние Алены внушало ей серьезное опасение, и все ее недавние переживания по поводу вероломства любимого казались пустыми и незначительными. Ну, что за горе у нее по сравнению с тем, что случилось с подружкой? Ерунда.

На углу их дома Ворковская вдруг отказалась идти, рухнула на колени в снег и, сложив молитвенно руки на груди, уставилась в небо:

— Господи, если ты есть, если ты слышишь, помоги ему! Верни к жизни! Пусть не со мной, ...но чтоб жил! Ходил, дышал, смеялся...жил! Пусть, пусть..

Олеся огляделась вокруг в поисках помощи, прикинув, что это финиш для Ворковской. Ей Алёну не донести, самой — не дойти, а домой надо не то, что срочно, а «уже». На счастье, помощь последовала незамедлительно. Александр, встревоженный исчезновением сестры, метался по двору и, заметив фигуры на углу, рванул к ним.

— Алена! Ты могла сказать, куда ушла?! Я в милицию собрался звонить! — склонился к сестре, увидел, в каком она виде, почувствовал запах алкоголя и, обвиняюще посмотрев на Проживалову, поднял сестру на руки и понес домой.

В квартире Ворковских было тихо, гости разошлись, посуда вымыта, и ничто уже не напоминало о недавнем веселье. Даже лицо Михаила, встретившего их, было похоронно-расстроенным, словно не праздновал парень Новый год, а поминал усопшего.

Саша отнес сестру в ванную, а Олеся устроилась за столом на кухне и запросила чашку крепкого кофе. Минут через 20 Алена была уложена спать, а Ворковский появился на кухне,

нервно закурил и бросил женщине тоном обвинителя:

— Рассказывай.

Еще через час, к удовольствию Олеси, новогодняя ночь для нее закончилась. Она заснула, как только голова коснулась подушки.

Встреча с теми мужчинами, как заноза, впиалась в мозг Алены. Она снова и снова вспоминала их лица и пыталась понять — как могла ошибиться? И была уверена — не ошиблась. Странная уверенность базировалась лишь на интуиции, а неуверенность — на вполне реальных фактах, и вот это-то и нервировало. Она пыталась разрешить дилемму — права она или нет, и мучилась от ее неразрешимости, так и не приходя к определенному выводу.

Она лишилась сна и аппетита, решая эту головоломку, и заиклилась на ней настолько, что фактически перестала обращать внимание на то, что делается вокруг. И Саша, и Михаил, и комната, в которой она вышагивала из угла в угол, перестали для нее существовать. У нее была цель, задача, которую она должна была решить, и в случае правильности догадки можно было идти дальше: искать агноликов, требовать возвращения домой, к детям, в конце концов, получить хоть какую-нибудь информацию о состоянии дел на Флэте, о здоровье детей. и о Рэйсли. Ведь, если это Агнолики, значит, их послал Рэй...или Дэйкс. В первом случае, понятно — Лоан жив, и Алена добьется встречи с ним, во-втором...тогда уж лучше, чтобы она ошиблась.

Алена ложилась на диван, крутилась, вставала, ходила, опять ложилась и опять вставала, не находя себе места.

Ворковский фактически поселился на кухне, третий день, слушая маршировку сестры за стенкой, курил одну сигарету за другой. Ему уже мерещился «черный» август.

Саблин тихонько прокрадывался на кухню, заваривал чай, молча выпивал, искоса поглядывая на мрачное, серое от переживаний лицо Александра, и так же тихо и незаметно исчезал в своей комнате. Он понимал больше, чем Саша в силу своих профессиональных знаний, и оттого тревожился не меньше него, но имел для этого серьезный, веский повод, делиться которым не хотел. У Ворковского еще была надежда, у Саблина — нет. Нужно было что-то срочно придумывать и выводить Алену из ступора, вытаскивать наружу боль и мороки прошлого, в котором она уже не тонет — захлебываясь, идет ко дну.

Три дня квартира Ворковских напоминала склеп — та же гнетущая атмосфера и траурное настроение. Наконец, Саша не выдержал, зашел в комнату сестры и решительно прервал ее забег на короткую дистанцию — от окна к двери и обратно. Он насильно усадил ее на диван и присел рядом, сжимая ее за плечи и настойчиво заглядывая в лицо:

— Посмотри на меня, Алена! — ее пришлось встряхнуть, чтоб она обратила на него внимание, но эффект был недолгим. Минута и девушка опять смотрела мимо. — Да, что же это! Послушай, послушай меня! Нельзя же так! Посмотри на себя. Из-за чего ты изводишь себя? Что случилось? Расскажи мне! Расскажи...Я не из любопытства прошу, просто так надо, поверь. Нельзя носить в себе, нельзя — погибнешь! Поверь, я прошел через это, знаю, что говорю. Расскажи мне, в чем дело, облегчи душу. Помоги мне, черт возьми, если не можешь помочь себе! Думаешь, это легко, наблюдать, как твоя сестра сходит с ума?

Алена стряхнула его руки, зябко обняла себя и закачалась, глядя в одну точку:

— "Думаешь легко?" — повторила безжизненным голосом. — Не легко... Помнишь, Лешу из сорок седьмой? Зай. Зай. чинков, — чинников. не помню... Не важно. Он из Чечни тогда вернулся, и все его спрашивали: как да что? А он молчал. «Да», «нет» — все. Я тогда не понимала, почему он молчит, не рассказывает,...потом поняла — не мог он говорить.

Хочешь сказать...и не можешь, язык к нёбу прилипает. А в горле ком. Не могу я говорить, не хочу. Да и что? О чем?...С ума сойду? Так уже мерещится везде. Наташа говорила — пройдет боль, хорошо все будет, забудешь — молодая, время лечит... Не правда, не лечит оно, сильнее ржавчины разъедает. И сны те — не правда, и слова ее ...И он лгал! — и сникла совсем, сжалась. — Уходи, оставь меня в покое. Не о чем говорить...

Саша сжал виски ладонью, прикрыв глаза. Он не знал, что делать.

Миша слышал все, что она сказала, скромно подслушав в приоткрытую дверь, и думал минуту.

Дверь с треском распахнулась, Саблин демонстративно прошествовал к дивану, сел рядом с Аленой, проигнорировав недовольный взгляд Александра, и начал с жутким скрипом точить карандаш, скидывая шелуху на пол.

Ворковский растерянно посмотрел на него, но промолчал, понимая, что тот что-то задумал. Неспроста же тактичный и неглупый парень вмиг превратился в невоспитанного наглеца?

А Саблин, сжав челюсть, как бультерьер, нарочито громко точил карандаш и демонстративно сорил уже чуть не на колени Алене. Та удивленно посмотрела на него и еле слышно попросила:

— Перестань.

Тот словно не услышал, продолжал скрипеть. Этот звук ввинчивался в голову девушки и разрывал голову. Она морщилась, сдерживаясь из последних сил, чтоб не сорваться, но не выдержала: зажала уши руками и закричала:

— Прекрати!!

— А что? Не нравится? — резким тоном спросил парень, неприязненно посмотрев на девушку. У той зрачки расширились от удивления.

Саша отошел к окну, чтоб не сорваться на Саблина за преднамеренную грубость, и настороженно стал наблюдать, теряясь в догадках: то ли тот специально сестру из себя выводит, то ли у Михаила приступ бесцеремонного хамства. Скорее первое, значит, он что-то затеял для общего блага. Осталось проследить, чтоб эксперимент не зашел слишком далеко.

Алена с минуту смотрела на Михаила, не узнавая его: отталкивающе-неприятное лицо, язвительно-надменный взгляд, брезгливо изогнутые губы... Что происходит?

— Что тарацишься? Не нравлюсь?

— Нет.

— А почему? — прищурился парень. — На Лоан не похож?

Алена дернулась: откуда он знает?

— А он кто? Китаец? Нет? Русский? Нет? Нет, конечно. Наверное, он чеченец. Горячий такой, черноусый, поджарый. Настоящий сын гор. А я? Ни усов, ни коня, ни АКМ. Куда мне. О-о, подожди, а так? — парень скорчил злобное лицо, выставил карандаш, как нож, и продекламировал ломая язык: "Злой чечен кинжал свой точит"... Похож?

— Ты. ты ненормален, — качнула головой Алена, находясь в замешательстве.

— Конечно, ...ненормален, — кивнул Миша и ожесточенно бросил в лицо. — Потому что людей не краду, не режу, не убиваю, да?! Потому что психику никому не калечу! Это он нормален. Потому что скот! А я ненормален. Потому что человек!

Алена растерянно моргнула и попыталась объяснить, но лицо парня и его злобный, желчный взгляд сбивали с мысли. Получилось не четкое разъяснение, а невнятное

оправдание:

— Он...тоже человек... не совсем, но...человек. И...Он не чеченец, флэтонец. Да, у него есть кинжал...но ритуальный, мэ-гоцо. Он не убивает, а приносит жертвы...то есть тоже убивает, но не так...в смысле не потому...У него вера такая...

— У них у всех такая вера: убил — собрат, нет — вероотступник. Вот и режут всех подряд, убивают, насилуют во имя своего бога. Как он, наверное, рад...

— Да, как ты смеешь?! Ты же ничего не знаешь! Так надо было, надо! Ты не понимаешь...

— Что не понимаю? — ехидно прищурился Миша, поддавшись к ней. — Зачем он это делает? А ты объясни. Может, я проникнусь и тоже во флэтонских богов верить начну, жертвы им приносить, убивать... тебя изнасилую. И стану не хуже, чем тот скот...

— Он не скот! Он хороший человек, умный...

— В плане: он с умом убивает, а с хорошей улыбкой насилует?

Алена зажмурилась, чтоб не видеть этой едкой ухмылки. В голове все перемешалось: тот день, когда она встретила с Рэйсли, и сегодняшний. Каюта гоффита и эта комната, Флэт и Земля.

— Что ты хочешь? — прошептала она.

— Понять! Я хочу понять, из-за кого, из-за чего ты переживаешь. Хочу понять, что за методику воздействия на тебе отработали. Понять, во имя кого ты ломаешь себе жизнь и плюешь на брата!! Во имя этого подонка, что совершает ритуалы? Насилует, награждает детьми...

— Миша! — остановил парня Александр. Тот недовольно посмотрел на него и, психанув, вышел, хлопнув дверью: разбирайтесь сами!

Алена вздрогнула от хлопка и виновато посмотрела на брата. Тот ответил мрачным взглядом и отвернулся к окну. Девушке стало неловко: а ведь парень прав на счет Саша. Она подошла, положила ему ладонь на плечо:

— Прости...

— Не за что, — он даже не повернулся, и девушка совсем сникла, встала рядом, прислонившись к подоконнику, и несмело сказала:

— Я, правда, ничего не могу рассказать. Да, и зачем, Саш? Ну, сам подумай — разве что-то изменится, если ты будешь знать, как я жила эти годы? Ведь не это важно, правда?

— Наверное.

Голос был глухим, отстраненным, обиженным.

— Ну, не обижайся... — погладила его по руке, пытаясь поймать взгляд.

Мужчина даже не шелохнулся, смотрел во двор и молчал. Тишина, повисшая в комнате, давила на Алену, как пресс. Она чувствовала себя потерянной и никчемной, куда ни глянь — везде виновата. И везде — тупик. Ни исправить, ни извиниться ни перед Рэйсли, ни перед детьми, ни перед братом, ни перед собой. Что же ей делать? Что?!

Саша тяжело вздохнул и начал говорить тихо так, задумчиво, словно и не ей, а кому-то невидимому в окне. А может, и себе.

— Судьба меня баловала, жизнь радовала. Прекрасная семья, обычная, дружная. Родители — мировые, сестра — прелесть. Друзья — опора, девушка — умница. Жизнь размеренная, ясная. Я даже не задумывался, насколько защищен, насколько застрахованы мои близкие от несчастий и бед... А почему я должен был об этом думать? Почему с нами должно было что-то случиться? Это там где-то, а здесь нет. У меня и не екнуло нигде, когда

ты уехала. И вдруг...звонки. Я ненавижу телефонные звонки: столько их было за это время? И все лишь отбирали надежду. Звонки, приглашение на опознание, ожидание, ...и трупы. Трупы, трупы! Я никогда не забуду запах морга, бесстрастные лица следователей. Им было все равно — исчезла и исчезла. "Приходите годика через три, если не появится". Пришлось давить, поднимать связи, тогда они зашевелились...да без толку. Я гнал плохие мысли, а мама...она как-то сразу в себя ушла, словно не верила, что увидит тебя...Знала. Но даже не плакала и все молчала, а лицо... — Саша сглотнул образовавшийся ком, зажмурился на секунду. — К зиме и у нас с отцом надежды почти не осталось. И звонков меньше стало. Снег. До весны в напряжении. Опер один сказал: "снег сойдет, тогда трупы вылезут". Прав был. Весной опять лавина звонков и приглашений на опознание. Я и понятия не имел, что столько умирает... Мама первая не выдержала: всю зиму по экстрасенсам, гадалкам, церквям. Одни одно говорят, другие — другое, а результаты ...морг, трупы и неизвестность. Она ...словно не умерла, а растаяла, как ты. Я тогда потерялся, затаился и ...в сердце страх поселился. Отец. Он держался, но видно было, не с нами он уже, с ней, с тобой. Катя успокаивала, говорила: образуется,...а я не верил, понимал — уходит он. Как его хоронили, помню смутно. Как маму — да, а его...Катя помогла и родители ее. Мишка вон. Я сорвался, а она выхаживала, терпела и выходила. Вцепился я в нее, как в единственное, что у меня осталось. Пожениться решили. Платье в Париже заказали. Подруга у нее стюардесса, вторая визажист...Вот с ней она за платьем и поехала. Я не смог, работы — завал. Денег хотел. Чтоб ни в чем она не нуждалась... Ноябрь, гололед. Машину занесло, не справилась девчонка, а навстречу КаМАЗ. Меня тут же вызвали, и я долго не мог понять — о ком речь? Даже когда машину увидел...Два тела в крови. Катя моя в небо смотрит и, как живая, а все что ниже шеи — в крови. Я ...секунду на нее и смотрел. Коробка взгляд притягивала — яркая, радужная и совершенно целая. Это чертово платье! — Саша смолк, поцарапал стекло пальцем, снимая прилипшую соринку, и на сестру покосился. Та смотрела на него, не мигая огромными, полными боли и сочувствия глазами. Слушает. Этого он и добивался.

— Я тогда тоже, долго разговаривать не мог. Да, и жить в принципе не хотел. Все ушли. Пусто. И в квартире и в сердце. Я, веришь, даже петлю приготовил...и не смог. Противно вдруг стало: что ж это я? Тебя-то ведь мертвой не видел. И мама...Не порадует, в бога она верила. Вообще, не смог. Дальше жил. Мама Катина помогала и Миша. Сюда переехал. Здесь тихо, а у них еще четверо, да и институт близко. Мне все равно было. Я пить начал. Только не берет организм Ворковских спиртное. Пью и не пьянею, только все противней на душе становится. Михаил не выдержал: вылил все, деньги отобрал и нравоучительную беседу провел. Стыдно мне стало — пацан, а дядьку учит... Жить я начал на уровне автомата. Встану — на работу, приду — спать. Задал программу — сделал. И главное, не думать о том, что было. Втянулся. А потом — звонок: ты нашла, — он внимательно посмотрел на нее. — Думаешь, я поверил? Даже когда увидел тебя, и то — не верил. А домой привел, ты заснула, и показалось, что все налаживается. Ты жива, я — не один, и есть теперь ради кого. Только страшно мне, Аленка. Смотрю на тебя и словно ускользаешь ты от меня, как тогда. И боюсь, что уйдешь, а я один. Опять? Можешь считать меня трусом, слабаком, но еще одну смерть мне не пережить.

Исповедь брата была страшной. Алена и сказать не знала что. В горле сухо было, сердце щемило и хотелось что-нибудь сделать, чтоб залечить его рану, чтоб успокоить. Но ему нужны были покой и стабильность, которые она могла дать, если б перестала жить прошлым, стремиться в закрытые двери. Рэй его не вернуть, ему — не помочь. И все

глупости, что она натворила, не исправить, и обиды, что причиняла ему — не загладить.

Но она могла помочь брату. Не повторять старых ошибок. Помочь ему, если не могла помочь мужу, детям, себе. Может, это ее соломинка? Шанс исправить, если не прошлые ошибки, то изменить свое отношение к себе, став умнее, став заботливее к близким, и за это простить себе хоть малую толику грехов.

— Я свинья, Саш, прости меня. Я очень благодарна, что ты нашел в себе силы рассказать все это я обещаю, что не исчезну. Обещаю! Не беспокойся за меня, я выплыву. Правда. Я не могу пока сделать ответный шаг и поделиться тем, что на душе, но это пока. Пока еще больно. Если тебя что-то интересует, я отвечу.

В эту минуту Саша ей поверил, каждому слову и, облегченно вздохнув, погладил ее по голове:

— Я верю. И не буду расспрашивать. Найдешь нужным — расскажешь. Но кое-что все же спрошу: ты из-за детей переживаешь? Они действительно существуют?

— Да.

— Хочешь, я привезу их сюда? Найму людей, и они все сделают. Есть такие. Сейчас это не проблема, лишь бы деньги были. А они есть, и связи есть.

— Если б это было так просто, Саш. Увы, нам их не достать. Да и, стыдно признаться, но я сильно тоскую по нему. Больше, чем по детям. Я плохая мать, Рэй знал меня лучше, чем я себя. Он сразу сказал, что я сама еще ребенок, и не смогу дать детям то, что должна. Он занимался их воспитанием. Меня это раздражало.

— Он кто?

— Муж. Правда, я не сразу узнала, что мы поженились. Там все по-другому. Все. Есть, конечно, какие-то параллели, но незначительные. И меня буквально все выводило из себя. Особенно он. Я его ненавидела и боялась, презирала, оскорбляла. Я боролась с ним, с его миром и не понимала, что борюсь с собой. Представь, брак чукчи и украинки — вот примерно так мы и жили. Он терпел, а я не хотела ни понимать, ни принимать их действительность. В итоге — потеряла все. Он погиб. На моих глазах. Защищая меня, свой народ. Я не могу это забыть, не могу понять. И я устала, Саша, смертельно устала от осознания собственных ошибок, от мыслей, от воспоминаний. Устала ждать, тем более — ждать нечего, но сердце оно не понимает.

— Тебе нужна помощь. Давай я приведу хорошего психотерапевта.

— Как Миша? Извини, он славный парень, но стандартный психотерапевт. Как все. Никакой. У нас психиатрия, как наука, находится в противозачаточном состоянии и рождает соответственных специалистов. Они сами-то сплошь закомплексованные, запутавшиеся личности, если личности, а то ведь и так не назовешь. Какие-то неоплодотворенные яйцеклетки в ожидании сперматозоида, который оплодотворит их идеей, выметет весь хлам с души, расчистит пространство для светлого будущего. Им самим помощь нужна.

— Откуда такие знания о психотерапевтах? Миша еще не специалист, он пытается помочь...

— Да причем тут, Миша. Я о других.

— Алена, ты не знаешь...

— И не хочу, Саш. Пойми, я не хочу, чтоб кто-то копался в моей душе. Тем более такие же, как я. Мы все в принципе одинаковы, и тупики, в которые заходим, имеют сходную форму. Мир стандартов, и решения стандартные, спланированные, запрограммированные:

красный свет — стоять, зеленый — идти. Нет, это уже не для меня. Я сама справлюсь со своей проблемой. Смогу. Я постараюсь не думать о том, что было, не вспоминать и не надеяться. Это пока тяжело, но ведь пока. Когда-нибудь все равно получится, правда?

Саша покосился на нее и согласно кивнул — в ее глазах было слишком много надежды, чтоб разочаровывать.

Рэй пожалел, что отправил Алену домой фактически сразу, как пришел в себя. Прошла неделя, вторая, месяц, а он никак не мог найти себе место, не мог спокойно спать, есть, слушать, разговаривать — все раздражало.

Ему, как рыбе воды, не хватало ощущения присутствия жены. Ему хотелось видеть ее, ощущать под пальцами ее упругую кожу, вдыхать аромат и-цы, знать, что она рядом, и он в любой момент сможет прижать ее к себе, взять. Ему до внутреннего зуда не хватало той уверенности, что она ему давала, власти, которой одарила. И казалось, каждая клетка его души и тела вопила о возвращении привычного состояния гармонии, желая четких, тактильных ощущений, а не бередящих разум воспоминаний.

Он все больше мрачнел, все чаще ворчал и кривился, раздражался по пустякам и злился по малейшему поводу. Кафир думал: раны сегюр нервируют. Иллан, неясность местоположения Монтррой. Один Дэйкс прекрасно осознавал причину пасмурного состояния Лоан, но молчал, наблюдая, но не вмешиваясь в ход событий.

В одно утро Рэйсли проснулся, прижимая к груди подушку, как Алену, и понял, что дошел до точки. Он с яростью откинул подушку, словно та была виновна в этом, хмуро проследил траекторию ее падения и сел. Кулаки непроизвольно сжались, и ярость, которая нахлынула на него неожиданным гостем, приготовилась вырваться наружу и затопить весь мир. И в этот миг он понял, что его сжигает банальная ревность и неудовлетворенность. С первой проблемой бороться бесполезно, а вторая должна быть разрешима немедленно.

Лоан вызвал Стейпфила и приказал купить наложниц.

Через час перед сегюр предстали десять девушек. Разноцветные хитоны, потупленные взоры, стройные фигуры, незащищенное, обильное и-цы. Чувствовалось, что к покупке товара приложили руку и кафир, и троуви.

Стейпфил приподнял одну за подбородок, желая, чтоб господин в полной мере оценил ее достоинства, и выжидательно замер. Рэй хмурился: огромные испуганные глаза, бледное, треугольное личико и светлые локоны до плеч. Для кого как, а для него ужасный уродец. «Вон» — махнул он рукой. Девушку вывели. Вторую страж показывал уже с опаской: снял с головы чавраш, подтолкнул к мужчине. Лоан заинтересованно оглядел ее: эта смелей — взгляд не прячет. И-цы слабое, но приятное,

Он поманил ее пальцем, провел ладонью по лицу и, резко прижав к себе, впился в губы.

Рэй не столько поправлял здоровье, сколько вымещал на девушке злость за то, что она не Алена и не может дать ему то, к чему он привык — наслаждение, сытость и удовлетворение, одновременно.

Рабыня безропотно отдала ему свою энергию и умерла. Рэй брезгливо посмотрел на безвольное тело и откинул его Стейпфилу:

— Все такие?

Агнолик виновато потупился. Рэйсли обвел холодным взглядом поредевший строй, испуганных рабынь и скривился: что одна, что вторая... И ткнул пальцем наугад:

— Ты останься, остальные — вон.

Рабынь вывели, а девушка, словно к полу примерзла, так и стояла, боясь пошевелиться, только свисающий край накидки нервно теребила, низко склонив голову.

— Раздевайся, — бросил он ей и сел на кровать, искоса поглядывая, как дрожащие руки

снимают одежду. Девушка была молода и прекрасно сложена. Полные, яркие от переизбытка и-цы губы, темные, пышные волосы и затравленный взгляд раскосых, лиловых глаз. Она несмело присела перед ним на колени и начала осторожно расстегивать мокасины.

— Откуда ты? — тихо спросил Рэй. — С Той-три?

Девушка кивнула, пряча глаза. Мужчина провел ладонью по ее волосам, приподнял за подбородок, вглядываясь и пытаясь найти в ее чертах, образе хоть что-то привлекательное для себя, вызывающее, если не благосклонность, так хоть малейший намек на симпатию. Пальцы ласкали ее лицо и шею, скользили по коже, как по атласному полотну, и чувствовали лишь тепло. В груди зарождалось что-то схожее с волнением, и он в надежде получить большее подтянул рабыню к себе, начал целовать. Минута, другая, и Рэйсли, застонав от бессильной ярости, оттолкнул девушку на постель — ни приятного волнения, ни желания — пусто. Даже энергия, сладковатая, обильная и доступная, вызывала лишь отвращение, а не желание насытиться.

Рабыня сжалась в комок, не зная, что ее ждет, но предполагая самое худшее, и затравленно поглядывала в спину господина. А тот боролся с собой, с еще недавним прошлым, мешающим жить в настоящем. Борьба закончилась вничью.

Победил организм, требующий свое.

Сегюр разделся и повернулся к рабыне.

Дэйкс ждал сегюр в столовой, надеясь увидеть его в благодушном состоянии. Стейпфил же его надежды не разделял и скептически поглядывал на троуви.

— Могу поспорить: еще пара недель, еще с десятков хороших наложниц — и Рэй будет в прежней форме.

— Ты лучше Монтррой найди, — буркнул агнолик.

— И причем тут Монтррой?

— Тогда господин и станет прежним — госпожа вернуться сможет.

Троуви тяжело вздохнул и с укором глянул на воина:

— Ушел Аваншэллу...

— Опять?! — голос сегюр был зол. Рэй, казалось, пребывал в еще худшем настроении, чем утром. Троуви поспешно встал, приветствуя его, и склонился в поклоне не столько из почтения, сколько из нежелания смотреть тому в глаза.

Сегюр подошел и навис над своим советником с грозным видом:

— Ты хочешь сказать, что какой-то отступник и предатель проворней и умней тебя?

Тогда зачем тебе должность троуви?

Вкрадчиво-тихий голос настораживал и будил неприятные ощущения.

— Мы делаем все, что можем, задействованы все войска, даже отряды спецназначения...

— Однако Аваншэллу до сих пор на свободе.

— Мы взяли Гулгэста, еще пару дней, от силы неделя и Монтррой в наших руках.

— Ты говорил это две недели назад.

— Рэй, это не моя вина. Горная местность и множество укрытий, еще оставшихся от инсургентов, вот что играет ему на руку. Собратья помогают нам, как могут. Мы загоняем его в ловушку, сжимаем кольцо, но нужно время и терпение.

— У меня сейчас нет ни первого, ни второго. Даю тебе ровно семь дней. Если к концу срока ты не приведешь ко мне этого — Рэй скрипнул зубами, не находя адекватного

определения, — я уроню на Ливапию пару стромов. ^[17]Так и передай всем!!

Дэйкс вскинул на сегюр удивленный и растерянный взгляд: в своем ли он уме? Ведь от населения Мольфорна никого не останется. Зачем же он тогда готовит программу развития на этом континенте?

Видимо, Лоан окончательно вышел из себя, раз готов на подобные крайности.

Монтррой его кровный враг, досадное препятствие для воссоединения семьи. А ради нее Рэй может пойти на этот шаг, тем более совет ему уже не мешает, фагосто потеряли свою власть. Рэйсли провозгласил монархию и уравнивал права фэсто и окэсто. Теперь народ один и правитель один. Делай, что хочешь.

А может, все-таки сегюр блефует?

Троуви вздохнул:

— Не стану я ничего никому передавать. Глупо, Рэй...

— А задействовать войска для поимки одного, не глупо?

— Согласен, но разве есть другой способ его поймать?

— Да. Один я тебе уже объявил, а второй сделай официальное заявление от моего лица: все вольные канно, желающие вернуться на родину, будут обеспечены всем необходимым и отправлены на родину за наш счет, но Флэт смогут покинуть только после поимки заговорщиков во главе Аваншэллу. Также я обещаю помиловать и освободить всех инсургентов, находящихся под следствием, тэн и вольнонаемных канно, естественно, если они помогут в поимке преступника. Живым!

Дэйкс кивнул и пошел выполнять приказ. На удачу он надеялся слабо, но через трое суток, когда сегюр прилетел к нему на Мольфорн, поступила информация о месте нахождения Монтррой.

Рэй пошел брать его самолично и получил легкое ранение и полное удовлетворение.

Через сутки бывшего троуви, отпрыска знатной ветви, лишили рук и языка и посадили на короткую цепь в кьете Модраш, напротив обезумевшей сестры. Так в сумраке и тишине каменной залы, под мрачным взглядом грозного безжалостного бога, лишенные всего, кроме маленького пространства голого пола, ограниченного цепью, в грязи и лохмотьях влачили свои дни последние представители некогда благородной и уважаемой фамилии.

А сегюр отдал приказ готовить гоффит и, передав дела и бразды правления на время своего отсутствия Иллану, вылетел на Землю.

Они искали гостиницу. Не номер, а целое здание.

— Ребята, вам квартиры мало? — озадачился Сергей. Агнолики дружно развернулись и посмотрели на него, как на ненормального.

Вообще-то он давно начал подозревать, что кто-то из них ненормален, вот только кто — они или он, так и не смог понять. Вторую неделю флэтонцы ходили на взводе. Анжела исчезла из жизни Тайклифа, как сливочное масло из рациона Арвидейф. Мужчины больше не отплясывали на снегу и не горланили мантры на ночь глядя. Сумка с драгоценностями Алены, закинутая в дальний угол, была извлечена на свет и срочно доставлена хозяйке, через Наталью, найденную и доставленную в город с не меньшей поспешностью. Парень, не раз, замеченный рядом с сегюр-мэно, сначала стал предметом пристального внимания, а вскоре и объектом для внушения, причем весьма грубого, в стиле, подходящем больше землянам, чем флэтонцам, агноликам. Они словно забыли о том, чем с успехом пользовались все это время — о телепатии, гипнозе и прочим. Стиратели, парализаторы также исчезли со сцены,

и Сергей заподозрил глобальную проверку «сверху», которая, судя по всему, должна была нагреть еще вчера и раздать по заслугам. На поощрительные призы Агнолики явно не рассчитывали, а наказание предчувствовали и стали, как никогда здесь, деятельные и бдительные. Жизнь странным образом изменилась и стала похожа на ту, что они вели на Флэте.

— А можно узнать, что происходит? — полюбопытствовал Сергей. Вэйнгрин вопросительно посмотрел на Арвидэйфа и, получив благоволение, снизошел до ответа:

— Господин прилетает.

Сказать, что парень был обескуражен данным сообщением, все равно, что умирающего назвать почти здоровым.

Минут 20 он пребывал в шоке, еще минут десять пытался высказаться без применения чисто русских слов, но тогда допустимыми остались бы только предлоги и его вряд ли поняли. Наконец, парень свел все эмоции к одной приемлемой фразе, слабо выражающей истинную суть полученного впечатления, но точную по смыслу образовавшихся мыслей:

— Я знал!

Агнолики одарили его ехидным взглядом, одним на четырех, и дружно отвернулись.

Беседа получилась душевной.

Здание, приемлемое для сегюр, они нашли в лесопарковой зоне — старенькое двухэтажное здание, обнесенное ржавым забором, бывший дом пионеров, а ныне полупустая контора ЖЭРУ. Выкупить его не составило труда, а нанять рабочих, чтоб привести в порядок обшарпанное строение — тем более. Строители, увидев причитающиеся им премиальные, выказали прямо—таки героическую трудовую доблесть и за неделю превратили его во дворец падишаха. И вовремя.

Через три дня император ступил на Землю.

Первое, что сделал Рэйсли после размещения в новых апартаментах: вызвал агноликов и просмотрел их отчет. С минуту он сверлил уничтожающим взглядом ровный строй застывших пред ним истуканов и, наконец, тихо спросил, ткнув пальцем в носитель:

— Что это?

— Отчет, — Арвидейф низко поклонился.

— Ага, — согласно кивнул мужчина. И встал, не спеша подошел к троуви и в упор посмотрел на него:

— Ты того же мнения? — спросил милейшим тоном взбешенного человека.

— А что, собственно...

— Это я и хочу выяснить!

Дэйкс покосился на застывших воинов, старательно разглядывающих носки своих мокасин, и тяжело вздохнул.

— Прелестно, — с сарказмом кивнул Рэй. — А не подскажите ли, многоуважаемый господин троуви, чем утруждали себя святые воины Модраш вдали от Родины?

— Псалмы пели, — фыркнул себе под нос Сергей и был удостоен заинтересованного взгляда сегюр:

— И только? Я думал у них более важное задание.

Агнолики многообещающе покосились на парня, и тот, ругая себя за несдержанность, сжался, пытаясь стать невидимым. Рэй подошел к мужчинам вплотную и уставился на Арвидейфа:

— У меня к вам пара незначительных вопросов, господин кэн, — желчно сказал он. —

Если вас не затруднит ответить на них.

— Да, господин, — виновато прогудел тот.

— Да — что?!

— Я отвечу, — чуть не до пола согнулся агнолик. Он бы с радостью залез сейчас в любую щель и залег там до своей кончины.

— Хорошо, — на полтона ниже сказал Рэй, и всем стало ясно, что хорошего ничего нет и уже не будет. — Первое: отчего в отчете недельные, а то и месячные провалы?

— Госпожа редко выходила из дома...

— Ее держали?

— Думаю — нет.

— Думают, когда есть чем. К твоему случаю это не относится.

— Да, господин. Истинная причина ее затворничества нам не известна, но есть две версии: первая — ее нежелание выходить, вторая — слабое состояние здоровья.

— Вот этот аспект, прошу осветить подробнее.

— Э-э-э.

— Ясно. Достаточно. Второй вопрос: что за тряпка висит на плечах моей жены?

— Это пальто, господин...

Лоан резко схватил агнолика за грудки и подтянул к себе:

— Я не спросил, как она называется, я потребовал объяснения плачевному внешнему виду своей жены и вашей госпожи, — процедил в лицо.

— Господин, здесь все так одеваются...

Рэй просто откинул мужчину и скрипнул зубами: болваны! Ничего нельзя доверить!

Он с минуту обдумывал состояние дел и пришел к выводу, что расследование нужно начинать с брата Алены.

Сегюр резко развернулся и вышел в коридор.

Пожилая миловидная женщина, увидев мужчину, подумала, что тот желает уточнить время ужина, и не преминула сообщить:

— Ужин готов, господин Лоан. Через минуту он будет подан...

— Через минуту можете съесть его сами! — не глядя на нее, бросил тот и стремительно прошел мимо. Следом буквально просвистел еще один, потом целая группа. Женщина проводила их растерянным взглядом и заподозрила, что ее обманули — служба столь странным личностям обещала привнести в ее спокойную жизнь массу самых разнообразных впечатлений, с превалированием негативных. И сильно пожалела, что соблазнилась на оклад.

Январь прошел тихо и незаметно. Февраль безмятежно. Да и март не обещал плачевных перемен. Все успокоилось и даже стабилизировалось, в какой-то степени. Алена перестала страдать аутизмом и больше не бродила по квартире с угрюмым видом, не запиралась в своей комнате. Бывшие друзья не вызывали оскотины, наоборот, она стала много времени проводить в обществе Олеси и ее дочери, то убегая к ней, то приводя девочку сюда, с мамой и без. Этот ребенок, похоже, помог ей больше, чем кто-либо. Она немного оттаяла, расслабилась и больше не впадала в депрессии, бегала по магазинам в поисках веселых игрушек для Машеньки и деликатесов уже для Сашеньки и Мишеньки. В доме стало уютно и тепло. По вечерам они все вместе пили чай и весело болтали, делились новостями, шутили и

дурачились. И Саша бы радовался позитивным переменам, но боялся потерять бдительность, горько ошибиться в прогнозах.

Алена, конечно, изменилась, поправилась, лицо уже не напоминало маску чахоточной, губы все чаще изгибала мягкая улыбка, речи стали откровеннее, но в глазах по-прежнему таилась печаль. Саша видел, что прошлое так и не отпустило ее, боль не притупилась, не ушла, а лишь отступала под взглядом Ворковского. Алена не научилась не вспоминать, она научилась прятать свои переживания от окружающих.

"Пройдет, нужно время", — со слабой надеждой подумал мужчина, мешая ложкой сахар в чашке. И посмотрел на оставленную Аленой банку огурцов на столе. Почти полную.

"Это ведь проходит? И остальное пройдет", — подумал более уверенно и довольно улыбнулся, прочитав записку рядом с банкой: "Ушла с Олесей на концерт. Не теряй. Алена". Вот так. Концерт. Молодец, Олеся. Виват хорошим друзьям.

Полез за тортом — отметить бы надо. Это не в магазин с Сашей, не в кафе с Мишей, а с Олесей. Проживалова скучать не будет и ей не даст. Наверняка заставит вспомнить подругу, что та и умна, и красива, и молода. Может, и колубук вдовицы сдернет и выкинет за ненадобностью. Глядишь, жених появится. Конечно, лучше б Михаил, его-то он знает, а там неизвестно кто. Да, ладно, потом разберутся, появился бы только кто.

Саша некстати в окно глянул и...захлопнул холодильник, забыв о торте. Во дворе стоял темно-синий «ниссан». Рядом с машиной крутился лысый дяденька внушительной комплекции в легком спортивном костюме и с сотовым в руке. Нет, может он «морж», для таких первые числа марта — уже лето, но тогда какого черта он с завидной регулярностью крутится в их дворе, а не на пруду в парке, вокруг проруби?

Сколько ж раз он этого дяденьку видел?

А машину? Еще до того, как Олеся про их с Аленой неудавшееся новогодние randevu, рассказала.

Осенью. Точно. С неделю эта машина у окон его офиса стояла. И потом не раз он ее у подъезда и своей стоянки видел. Стекла тонированные, специальные номера.

Саша подозрительно оглядел двор — все, как всегда, ничего приметного, только этот «ниссан» да морозоустойчивый гражданин, как масляное пятно на белой скатерти.

"Что ж тебе надо?...И от нас ли?" — задумался Ворковский.

Мужчина убрал сотовый и сел в машину. Одна минута, пять. Машина стоит на месте и словно не собирается уезжать. Значит, замер «морж», погреться решил. Слежка продолжается. Слежка?

Саша встревожился, сел за стол, достал сигареты, закурил и задумался. Может, он стал слишком мнительным? Мерещись ерунда. Может, за кем другим ниссан следит.

За кем? За Витькой — дебоширом из 39?

Теть Верой — пенсионеркой из 46?

Это по их душу целыми днями у подъезда накачанные мальчики торчат? И у Сашиного офиса? Вот уж действительно — ерунда.

Значит, за ними. За Мишей? Не подросток мальчик, чтоб таких за ним отряжали и столько пасли. Размер не тот. Если, конечно, дядюшка — миллиардер за границей не намечается, умирающий. А не намечается — это он точно знал. Во всяком случае, еще месяц назад у Саблиных родни и в Москве не было. Тетка в Воронеже да племянник в Казахстане. Все.

Опять же три дня назад Михаил именно про двух лысых рассказывал. Второй раз, говорил, у подъезда его встретили. Первый раз ласково разговаривали, хоть и витиевато. Что

надо было — не понял, но радостными ощущениями проникся. А в последний раз они к нему молча подошли, так же молча по лицу настучали и предупредили: "сроку три дня — не испаришься — убьем". И что надо было? Чтоб квартиру сменил?

Значит, за Сашей или Аленой слежка.

Его пасти не могут, точно. Чист яки агнец божий: долги раздал, крыше регулярно платит, конкуренты вменяемые и лояльные. Ревнивых жен, жадных знакомцев, коллег-карьеристов тоже не наблюдается. Стоп! Долги...

Саша затушил сигарету и прикрыл глаза ладонью, припоминая. После возвращения Аленки он не сильно-то по работе страдал — ее выхаживать надо было, вот и ухнула фирма почти под откос. После Нового года ему бы осталось только объявить о банкротстве и закрыться и вдруг, словно по волшебству, поступает заказ на крупную партию навороченных компьютеров. Перед самым Новым годом. Прямо подарок Санта Клауса. Именно его — оплата налом в долларах и сразу. И о скидке ни слова. А заказчики — двое лысых парней весьма угрюмой наружности и хитрая тетка в соболях и брильянтах. Мутная тетенька больше Ворковским интересовалась, вернее, его семьей. Вопросыки странные и все о сестре: как живет, чем дышит. Он тогда насторожился, даже напрягся, да клиенты нужные, да и женщина — не загубишь, пришлось улыбаться и скупыми, туманными фразами отделяться. Вроде получилось — женщина любопытство поумерила, но вместе с деньгами, сумку передала Алене, в подарок. Она так и лежит на работе, что в ней, Саша не посмотрел, сначала некогда было, потом закрутился, забыл. И домой не донес.

Алене...Лысые...

Сердце заворчалось в груди в глухой тревоге: не за Аленушкой ли эти следят? Неужели из ее четырехлетнего провала знакомцы? Что ж вам надо, сволочи? Что ж вы бродите, как шакалы?

Его подбросило от предчувствия беды, кулаки сами сжались, словно сейчас бой предстоит. Он глянул в окно и изумленно присвистнул: рядом с «ниссаном» стояли три новенькие иномарки. И не просто иномарки — порши. Три. В ряд. Словно на глянцевой картинке автожурнала блестели бока. И лысые макушки. По одной у каждой машины, в позе кремлевских курсантов, выставленных у мавзолея.

Саша потер лоб: что же происходит? А может, это не из прошлого, а из нынешнего знакомцы? Может, влюбился в его сестру какой-нибудь чокнутый миллиардер и решил отследить ее окружение, да и ее саму на предмет моральной устойчивости проверить?

Додумать он не успел, какой-то, не менее чокнутый, нажал кнопку звонка и забыл отпустить палец.

— Я тебе сейчас уши оборву! — пообещал Саша, открыв дверь, и смолк, а вот рот закрыл не сразу.

Прямо перед его глазами висели изумительные ножны, тонкой ручной работы с затейливой вязью из самоцветов и огромным голубым бриллиантом. Такое чудо ювелирного искусства ему видеть не доводилось, что само по себе рождало определенные эмоции, а если учесть, что это великолепие висело на обнаженной, литой груди, которая могла смело сравниться с эталоном мужской красоты, и принадлежала огромному, широкоплечему мужчине в обтягивающих кожаных брюках и намеке на рубашку, из атрибутов которой имелся высокий воротник, прозрачная ткань на ребрах и мускулистых руках, усыпанная стразами, как костюм поп-звезды. Ко всему этому прибавить рост незнакомца — макушка в аккурат подпирала косяк двери и властное лицо с блеклыми, под цвет кожи губами и

голубыми, пронизывающими холодом до самых пяток глазами-то становится понятно, что Ворковский пребывал в ступоре не меньше минуты.

— Думаешь, получится? — спросил великан, чуть склонив голову набок и насмешливо прищурившись. Саша вообще забыл, о чем говорил, оттого недоуменно посмотрел на гостя и спросил, прочистив горло:

— Вы о чем?

— Об ушах. Будем уточнять — чьих? Или ты пригласишь меня в дом?

— Зачем?

— Дует, — поджал губы Лоан и шагнул внутрь, отодвинув обалдевшего хозяина с прохода. У Саши не только брови, но и веки вверх полезли от этой наглости:

— Ты куда? Э, мужик!

Мужчина его не слушал, как хозяин, прошел по коридору, открывая двери и неспешно оглядывая каждое помещение. Саша понимал, что должен выкинуть его, но не знал как, да и эта отвязная наглость просто обескураживала, поэтому он шел за мужчиной, как сомнамбула, и все пытался понять — кто он такой? И что делать?

Лоан открыл комнату жены и, глубоко вдохнув воздух, чуть прикрыл веки: Алена...Еле уловимый запах ее энергии кружил голову, но самой хозяйки не было. По лицу пробежала судорога, и пальцы непроизвольно сжались в кулаки от разочарования. Он оглядел комнату и недовольтно нахмурился: здесь живет его женщина, мать его детей? В этом убогом месте? Не удивительно, что она выглядит нездоровой. Спертый воздух, тесная комнатуха, под стать каюте для рабов, и никаких удобств. Рэй еле поборол желание сейчас же наказать виновных: и Агноликов, не обеспечивших его жене достойное существование, и троуви, поручившего столь важное задание подобным посредственностям.

— Слушай, мужик, ты меня серьезно нервируешь — не выдержал Саша. Лоан повернулся к нему и удостоил взглядом и словом:

— Предложи мне чай.

— С тортом? — кивнул Ворковский, умиляясь подобной наглости.

— С солеными огурцами.

— И аджикой?

— И кофе.

— Тебе все это в одну чашку или по отдельности?

Лоан задумался, а Саша хмыкнул:

— Я смотрю, у тебя большие проблемы... Тебе что надо, а?

Рэй посмотрел на него, как чистоплотная хозяйка на слой пыли, и пошел на кухню. Саша не смог помешать в силу явно разных весовых категорий и оттого занервничал, пообещал в широкую спину:

— Я милицию вызову.

Лоан словно не услышал, прошел, сел, с брезгливой миной втиснув себя за стол, и спросил:

— Как на счет чая?

— Ты дурак, что ли? — неподдельно изумился Александр.

— Фривольным лексиконом ты меня не удивил — это у вас наследственное. И все же хотел бы заметить, с незнакомым человеком так себя не ведут — можно получить массу проблем, а иногда и увечий. Я пришел с миром и самыми лучшими намерениями, поэтому не вижу повода к подобной инвективности с твоей стороны. Налей мне чай и сядь —

поговорим.

Все это было сказано совершенно спокойным, даже равнодушным тоном. Слова текли медленно и лениво, как мед, но Саше чудился нехороший подтекст. Взгляд мужчины не вязался с тоном — цепкий, властный, пронизывающий и насмешливый одновременно. Как ему это удастся, Ворковский не знал и не столько встревожился, сколько заинтересовался — ни разу ему еще подобные экземпляры не попадались. Мужчина рождал в нем самые противоречивые чувства.

— Ладно, получишь ты чай, — в некотором смятении кивнул он и, нажав кнопку чайника, прошел к столу, сел напротив. — Ты кто?

Лоан склонил голову набок, рассматривая его, как тлю на листике:

— А ты как думаешь?

— Я? Думаю, что ты тот псих, которого целый день ищут. По всем каналам передают: сбежал из больницы светловолосый гигант с кортиком на груди и взглядом гюрзы. Ходит по квартирам и просит чай с солеными огурцами. В случае отказа становится буйным.

— Не хами, — покачал пальчиком мужчина. — Я твой родственник.

— Брат! — в притворной радости раскрыл объятия Александр.

— Зять.

— А-а, — и застыл. В голове вихрем пронеслось сказанное Аленой. Что-то не складывалось.

Мужчина тем временем взял банку с огурцами и попытался открыть: покрутил, перевернул, постучал по дну пальчиками, снова перевернул и без видимых усилий разжал железную, закручивающуюся крышку, как фальгу на пакете сметаны. Саша потер шею, в некотором замешательстве проследив за его манипуляциями: силен мужик. Однако...

Рэй вытащил огурец, понюхал, покрутил, осторожно откусил, пожевал, с трудом проглотил и, скривившись, кинул обратно в рассол. Закрыв банку, отодвинул и заявил:

— С собой возьму.

— Да, пожалуйста, пожалуйста, — с радушным видом кивнул Ворковский. — Завернуть? Не стесняйся, если еще что надо, заходи. У меня вон еще борщ вчерашний есть — и обессилено припал кулаком к щеке, уже не удивляясь и не пытаясь понять происходящее, а находясь в легком недоумении от шоу, устроенного этим чудом в стразах, феномену по наглости, напору и самоуверенности. Во истину — не звали гостя, лучше дверь не открывай!

Гигант открыл холодильник и рылся в нем, как в своем белье. Тарелка с засохшим сыром спланировала в форточку, точно попав в отверстие. Причем, мужчина кинул ее не глядя. Следом просвистели кастрюлька с супом и открытая банка шпрот. Это — ладно, но с сырокопченой колбасой он погорячился. Рука Ворковского затосковала по увесистому предмету, и он встал, якобы за чайником, а сам шарил глазами, выискивая подходящий предмет. Ни кипяток, ни нож, категорически не подходили — конфликтовать с законом из-за ненормального желания не было, а выпроваживать гиганта нужно было срочно. В его руках уже находился любимый Аленкин торт и яблоки. Глаза Александра выбрали деревянный молоток для отбивных, висящий на стене.

— Не утруждайся, — предупредил его ленивый голос, когда рука потянулась вверх. Саша замер на секунду, но не послушал — взял молоток, развернулся, со значением посмотрел в глаза гостю и сказал:

— Впрочем, так, мужик. Повеселил ты меня всласть. И за уборку в холодильнике — спасибо. Только пора и честь знать. Давай, «зятек», на выход по-хорошему, — и

выжидательно похлопал деревяшкой себе по ладони.

Тот просто улыбнулся. Сашу передернуло — улыбка у мужчины была, не приведи Господи! Хорошего ожидать не приходилось, и пришлось идти в атаку.

Неудачно. Саша оказался на полу и сам не понял: как? Молоток на месте, ни видимых, ни ощущаемых увечий нет, словно он не упал, поскользнувшись, а был бережно посажен на пол. Ворковский вопросительно посмотрел вверх и предпринял вторую попытку выдворить великана. Увы, с тем же успехом.

— Не устал? — фыркнул гость.

Саша понял, что бороться с ним столь же бесперспективно, как идти против тайфуна, поэтому отложил молоток, встал и, обиженно нахохлившись, сел за стол.

— Рад, что в тебе здравого смысла больше, чем в сестре, — отметил Рэй и, поставив торт и яблоки на стол, сел.

— При чем тут моя сестра? — упоминание Алены Саше не понравилось. Он занервничал еще больше и, взяв сигарету, прикурил. — Ты кто такой? И что тебе надо?

Секунда, и в пальцах Ворковского гулял воздух. Сигарета вместе с пачкой улетела вслед за колбасой.

— Ты чокнутый, — то ли констатировал факт, то ли спросил Саша.

— Я бы сказал это о тебе. Вегето-сосудистая система в плачевном состоянии, кардиопатология, еще и курить? Впрочем, дело твое...

— Но не твое ...

— А вот тут ты не прав. Ни себя, ни тем более свою жену я травить не дам. Достаточно того, что ты травишь ее продуктами питания. Смерть и болезнь — личное дело каждого индивида, и если ты решил организовать своим легким досрочный крематорий, пожалуйста, но в одиночестве. Окружающих в это вмешивать не стоит.

— Все сказал? — зло прищурился Ворковский — степень его кипения значительно повысилась. — Значит, ты член общества "За здоровый образ жизни"? Рейды по квартирам проводишь и читаешь лекции?

Лоан посмотрел на него, как на неразумного ребенка, и, вытащив из своих великолепных ножен не менее великолепный клинок, стал очищать яблоко и будничным тоном отдавать распоряжения:

— С сегодняшнего дня обеды вам будут привозить. Не смей кормить Алену чем-то другим. Это вредно для ее организма. Дня через два я ее заберу. И курить при ней не смей. Узнаю — кремирую раньше, — и аккуратно срезав кусок яблока, сунул в рот, прожевал, кивнул: допустимо.

Саша потер лоб: о чем речь? О ком? Об Алене? Его сестре? Этот придурок намекает что он ее муж? Артефакт!

— Ты о ком, мужик? Мне очень жаль ту бедную женщину, что является твоей женой, но меньше всего меня волнуют ваши с ней отношения.

— Это мне импонирует: мудро не вмешиваться в отношения супругов, — кивнул Лоан, сосредоточившись на яблоке. Плод ему нравился, вкусный, сочный.

— Замечательно! Тогда что тебе надо здесь? Ты хоть понимаешь, что попал не по адресу?

— Отнюдь. Я хотел поговорить с тобой и выяснить, отчего моя жена не выглядит отдохнувшей, а наоборот, усталой и что хуже — нездоровой. Ее здоровье и так было серьезно подорвано, и я посчитал, что встреча с родными пойдет на пользу ее психофизическому

состоянию в большей мере, чем пристальное внимание лучших специалистов, но вижу, что ошибся. Это, конечно, моя оплошность — я не учел несколько аспектов, но в остальном — спрос с тех, кто должен был обеспечить моей жене охрану и достойную жизнь. Виновные в халатности с моей стороны понесут наказание сегодня же, а вот как быть с тобой — я еще не решил. Все зависит от ответа на несколько моих вопросов. Первый — отчего ты не обеспечил Алену необходимой одеждой? Она теплолюбива и плохо переносит низкие температуры. Наверняка ты в курсе этой особенности ее организма, так почему ты не купил ей меховое изделие? Соболья шуба подошла бы идеально, она легкая и теплая.

— Ты знаешь, сколько она стоит?

— Это не важно, а вот здоровье моей жены — очень важно, — Рэй с неприязнью посмотрел на мужчину и по ответному взгляду понял, что тот просто не был обеспечен необходимым. А должен был. — Значит, вина не твоя, — протянул задумчиво, в голосе появился металл. — Хорошо. Плюс тебе и минус моим людям. Вижу, их грехи множатся. Второй вопрос: почему Алена выглядит утомленной, несчастной и подавленной...

— А ты мне нравишься — уникальный наглец, — с долей восхищения кивнул Саша. — Только, прежде чем броситься в родственные объятия и обсуждать состояние здоровья, давай уточним: о какой Алене идет речь? Моя сестра хоть и имеет несчастье носить то же имя, что твоя бедная жена, но, слава богу, к тебе, не имеет никакого отношения. Она у меня не только красавица, но и умница — к таким, как ты, близко не подходит.

— Знаю, — спокойно ответил мужчина. — Я единственный мужчина в ее жизни, и она это понимает.

— Ты так уверен в собственной неотразимости?

— И не заменимости. Я ее муж — этим все сказано.

— А-а, я понял — тебя Отелло зовут.

Рэйсли их разговор напоминал беседу пингвина с крокодилом — Александр либо не мог уразуметь суть происходящего, либо не хотел. Это утомило сгюор. Он отложил яблоко, убрал клинок в ножны, сложил руки на столе и в упор посмотрел на мужчину:

— Я Рэйсли Лоан, — сообщил, чуть ли не по слогам.

— Не могу сказать, что приятно, — кивнул Саша.

— Взаимно. Но наше существование — бесспорный факт, как и необходимость взаимодействия в некоторых вопросах. Ты единственный родственник Алены, я — муж. И мне не хотелось бы, чтоб она расстраивалась из-за трений меж нами. Поверь, я рад твоему наличию, не больше, чем ты моему. Родственников мне и своих хватает, но речь не о нас, а близкой нам женщине, покой и благополучие которой мы обязаны обеспечить.

— Подожди, — качнул головой Саша, подозрительно шурясь. Сердце сдавило от страшной догадки. — Не может быть — ты умер. Подожди, ты тот скот, что украл ее, держал четыре года?! Ты жив?! И посмел явиться сюда?! — его буквально подкинуло в праведном гневе. Вот он, виновник их бед — этот бесцеремонный, совершенно отмороженный гоблин, посмевающийся явиться в дом! Да, это просто подарок — искать не надо! Александр без раздумий рванул к нему с целью изувечить наглеца, а может и убить.

Лоан услышал о своей смерти и озадачился — кто его, интересно, похоронил? Хотел спросить, чтоб знать, кого придется разочаровать, но обратил внимание, что брат Алены немного неадекватен. Он подскочил к нему и пытался достать кулаком, схватить с неясной целью — то ли чтоб удобней было бить, то ли чтоб выбросить, а может, просто сердце успокоить. Рэйс минуту смотрел на перекошенную от ярости физиономию родственника и

встал.

— Понимаю, слух о моей смерти оказался преждевременным, чем, похоже, и огорчил тебя до невозможности, и все же не стоит вести себя столь вызывающе агрессивно, покалечишься, — с мягким укором предупредил Рэй, без труда уворачиваясь от Саши. Тот понял, что сладкая месть оказалась призрачным для него плодом, отпрянул и, указав на выход, крикнул:

— Вон! Чтоб духу твоего не было! И если я тебя, подонка, еще хоть раз увижу — убью!!

— Ты так кровожаден? — не поверил сегюр.

— Вон, я сказал!! — рука Александра потянулась к рукоятке ножа. Лоан шагнул к нему и навис с предостерегающим видом:

— Я вернусь через два дня...

— В гробу!! Если близко к Алене подойдешь!!! Если хоть чем-то напомнишь о себе!! — Саша хотел схватить его за ворот и выкинуть, но пальцы лишь скользнули по ткани. Через секунду и он оказался прижатым к стене лицом, а в ухо шептал ленивый и очень неприятный голос:

— Запомни: Алена моя жена, и это так же непреложно, как существование вашего светила. И я приду за ней очень скоро. Будь так любезен, подготовь ее к встрече со мной. Очень мягко и тактично сообщи о моем воскрешении, чтоб явление «усопшего» не вызвало у нее шок.

Саша дернулся, жалея, что сил у него значительно меньше, чем у этого психопата, и вырваться не представляется возможным, и процедил многообещающе:

— Ты уже покойник. Я лично прослежу, чтоб тебя глубоко зарыли. Только появись. Только шаг в сторону Алены сделай.

— Ты неблагоприятен. Я уйду, а ты подумай, у сестры спроси — может быть, и сможешь понять, что меж нами никто не сможет встать и будет так как скажу я. Не иначе.

Сашу крутило от бессилия и ярости. Он скрипнул зубами с досады и упрямо заявил:

— Я встану, костями лягу поперек, но ты и близко к ней не подойдешь. Я всех подниму — тебя либо убьют, либо посадят — выбирай!

Рэй фыркнул и отпустил мужчину.

— Похвально, что ты так привязан к сестре, но стоит ли в таком случае вмешиваться в ее жизнь? Я не понимаю причину твоей враждебности — мы прекрасная пара и идеально подходим друг другу. Никто лучше меня не знает ее потребности, не сможет позаботиться о ее благополучии.

— Сможет, — упрямо заявил Ворковский и Рэйсли насторожился, прищурился раздраженно:

— Речь идет о ком-то конкретно или это предположение? — голос морозил, как январская стужа, в глазах сверкнула молния и погасла. Ответ был уже не нужен:

— Бесперспективное занятие обманывать меня и вставать поперек дороги — тоже. Перестань фантазировать и займись сестрой. Скоро увидимся, — кивнул и не спеша вышел из квартиры.

Саша проводил его долгим взглядом и рухнул на пол: сердце нестерпимо ныло в груди, скула болела, и на душе было под стать — не радостно.

Что делать он еще не знал, но понимал, что предпринимать что-то нужно срочно — пока Алена не узнала о воскрешении этого. Говорить он ей ничего не собирался — однозначно, а вот выяснить, что же это было, хотел. Где-то глубоко внутри теплилась

надежда, что данный субъект ошибся адресом. Действительно, не может же его сестра сохнуть по этому чудовищу? Любить? Не-ет, только не Алена и только не этого. Она особа романтического склада, с тонкой душевной организацией, хорошо развитым воображением, но, слава богу. И с достаточно развитым интеллектом, чтоб сообразить, чем чреватые подобные связи.

И все же он не был уверен полностью.

Саша встал, проверил входную дверь, вернулся на кухню и глянул в окно. «Поршей» не было, но «ниссан» по-прежнему отсвечивал темными боками и тонированными стеклами и навевал массу негативных эмоций и скорбных мыслей. Даже если Алена действительно не в курсе, что какой-то ненормальный претендует на звание ее усопшего муженька, все равно нельзя расслабляться — неизвестно, что он натворит от мозговой патологии и великого гонора.

Саша взял сотовый и, полистав адресную книжку, начал поднимать старые и новые связи.

Через час у подъезда дежурила еще одна машина — «ауди» с бойцами из охранного агентства «Патриот». А Галина из туристической фирмы пообещала, что с утра Сашу будет ждать путевка в самую дальнюю страну зарубежья на длительный срок в самый ближайший день вылета. Ворковский немного расслабился и к приходу Михаила был почти спокоен и смог доступно поведать ему о происшедшем и поделиться планами.

Встреча с отороженным гигантом хоть и не стерлась из памяти, но рождала уже не тревогу и ненависть, а недоумение и иронию. А глазами постороннего — явный сарказм. Что же это было? — озадачились оба, и Миша выдвинул свою теорию:

— Весна, обострение у психбольных. Но с отправкой в заоблачные страны ты прав. Смотри, что делается, — и кивнул на внушительный синяк на скуле Ворковского и потрогал свой, под глазом.

— Да, «красавцы», — хмыкнул мужчина и сказал. — Миша, я путевку и на тебя заказал. Хочу попросить тебя поехать с ней.

— Да, ты что, Саня, у меня диплом...

— Я договорюсь в институте, не переживай. 21 день всего-то. А я здесь в засаде посижу. Выясню хоть, что за идиот приходил. Ребята из агентства его уже проверяют. Внешность-то приметная.

Саблин тяжело вздохнул, но возражать не стал.

— Ладно, уговорил. Только ты здесь осторожней, мало ли что, у ненормальных в голове...

В дверь позвонили, и мужчины настороженно посмотрели друг на друга.

— Думаешь, он? — отчего-то шепотом спросил Миша. Ворковский просто встал и пошел открывать, готовясь увидеть кого угодно.

На пороге стояли три мальчика в белоснежных рубашках при галстуках и объемных коробках. Они молча прошли в квартиру, и за ними вплыл импозантный мужчина с заливчатскими усиками. Он галантно поприветствовал растерянного хозяина и вежливо спросил:

— Где изволите ужинать?

— Э — э ... на кухне...

Мальчики втиснули коробки в дверной проем и начали накрывать стол. Уложились они в рекордные сроки и буквально через две минуты беззвучно испарились, только мужчина

замешкался и подобострастно поинтересовался:

— Когда изволите завтракать?

Саша ответил ему злобным взглядом и хотел сказать не только когда, но и где, и с кем, но Миша не дал, примирительно улыбнувшись, ответил:

— В восемь.

И помахав ручкой, поспешил захлопнуть дверь.

Мужчины вернулись на кухню и застыли, разглядывая сервированный стол. На вышитой, кремовой скатерти посередине, стоя огромный букет хризантем. Два прибора из изумительного фарфора и золота, чешский хрусталь, салфетки в кольце и множество деликатесов, один вид которых рождал бурный аппетит.

— Да-а, — протянул Саблин. — Сдается мне, Саш, Алене-то еще вчера уезжать надо было.

Саша уныло посмотрел на него и сел. Достал пачку сигарет, закурил, глядя на великолепные яства с презрением, и подумал: а если этот действительно муж Алены? Его передернуло — мысль оказалась неудобоваримой и крушила все надежды.

Миша отщипнул виноград и, достав обычную тарелку, сел за стол:

— А приборов-то два. Меня в расчет не взяли. Да, я не гордый, — и смело взял салатницу.

— Не подавишься? — хмуро спросил Ворковский. И услышал хлопок входной двери. Мужчин подкинуло, как по команде: Миша схватил вилку, Саша столовый нож и оба шагнули в коридор.

Алена сняла сапоги и недоуменно посмотрела на ребят:

— Вы что? — и заметила не только их вооружение, но и боевые раны. — О-о-о, где же вы так отличились?

— Стукнулись, — буркнул Саша, пряча нож.

— Темно было, — кивнул Миша и, смущенно улыбнувшись, покачал вилкой. — Как концерт?

— Там было светло, — фыркнула Алена, ни грамма не веря мужчинам. — Обошлась без увечий.

— Значит, без приключений? — с надеждой и ожиданием спросил Ворковский.

— Огорчает?

— Ну, что ты — радует. Проходи. У нас фуршет тут. Сане клиент устроил. Встречаются еще благодарные люди, — суетливо расшаркался Миша и удостоился недовольного взгляда хозяина.

— Да? — недоверчиво выгнула бровь Алена, посверлила подозрительным взглядом обоих и прошла на кухню. — Да-а-а. Есть еще гурманы в нашем отечестве.

Стол вызывал уважение.

— А клиент-то твой морскую кухню предпочитает, — сообщила она с непонятым удовлетворением и присела на табуретку.

— Нравится? — подозрительно глянул на нее Саша, усаживаясь напротив.

— Очень, — и заинтересованно обвела взглядом блюда.

— Не правда — это же мясо, — заявил Михаил, тыча вилкой в ряд поджаристых эскалопов под зеленым горошком.

— Нет, рыба. Какая-нибудь своеобразная водоплавающая акула, например.

Миша недоверчиво покосился на блюдо и отложил вилку:

— Не хочу акулу.

Алена же, наоборот, потянулась за эскалопом:

— Ребята, а это, случайно, не за ваши попорченные фэйсы воздаяние?

— Что вы, миледи! — притворно возмущился Михаил. — Нужно лучше думать о согражданах. Это клиент Сашин. Как его там Лоан!

Алена вздрогнула и в упор посмотрела на брата. Эскалоп упал в салат, за столом повисло гнетущее молчание.

— Какой Лоан? — прошептали побелевшие губы девушки. С минуту они смотрели друг на друга: она с надеждой, он с тревогой и печалью.

— Думаешь, тот? — спросил, наконец, с подозрением. — Он же умер, ты сама говорила.

Алена зажмурилась, потерла висок дрожащей рукой и тихо сказала:

— Он обещал жить долго и умереть позже меня, а он всегда выполняет обещанное.

"Плачевно если это — тот", — приуныл Саша.

— А какой он из себя?

— Он? Очень высокий, красивый на атланта похож.

"Ага, ага".

— Глаза голубые, выразительные, добрые и взгляд пронизательный и в тоже время ласковый.

"Да, да, да, теплый, как воды ледовитого океана."

— Волосы трехцветные: и русые, и соломенного цвета, но больше белых прядок.

"Он", — екнуло в груди Ворковского.

— Лицо волевое, мужественное ...

— С трехдневной щетиной.

— Нет, — Алена расстроено глянула на брата. — У них кожа абсолютно гладкая и ровная и растительности нет вообще.

— У них? — озадачился Миша и со значением посмотрел на Ворковского: вот и ответ на все вопросы: двое их — близнецы. Тот нахмурился:

— Они? Он, что половинка сиамского близнеца?

— Нет, они — флэтонцы. Я это имела ввиду.

— И все на одно лицо?

— Да, нет же. Рэй его вообще ни с кем не спутаешь.

"Вот это, точно! А увидишь — и не забудешь".

— Он вежливый, обаятельный..

"Да, да, да!" — кивнул с иронией Саша, вспоминая «обходительность» того Лоан:

— И скромный...

— Тактичный, заботливый.

"Не-а, не он".

— Голос мягкий, тягучий.

— И взгляд голодного аллигатора.

— Нет, — обиделась девушка. — Он хороший — очень спокойный, уравновешенный, рассудительный, умный. И взгляд завораживающий, ласковый.

"Не он" и спросил:

— Так он флэтонец, да? Это где такая нация живет?

— На Флэте.

— Я понимаю, что не в Арктике, но интересно — где конкретно. У меня «пять» по географии было, но что-то я такой страны не припоминаю.

— Это не страна, это другая планета, — смущенно улыбнулась Алена. Саша моргнул и, широко улыбнувшись, с фальшивой радостью воскликнул:

— Так, он инопланетянин?! Ну, конечно! Вот теперь все понятно, — и подумал: "Пора псих бригаду вызывать. Обоим"

Михаил сник и старался даже не смотреть на собеседников: мысль об инопланетянах ассоциировалась с шокотерапией в психиатрической лечебнице и навевала скуку.

— Так, ты с ним на той планете познакомилась? — не стирая с лица радушной улыбки, спросил Саша.

— Нет, здесь. У них экспедиция была. Они здесь остановились...

— И ты решила познакомиться, прокатиться. Любопытно стало, да? Они пригласили — ты пошла...

— Никто меня не приглашал. Взяли и сунули в свой гоффит.

— Гоффит — это у нас что?

— Корабль.

— А-а, ну да, ну да...И там этот сидел...ну, атлант.

— Нет, — с мягкой улыбкой качнула головой Алена. — Он на поляне и был. А потом уже в каюту пришел. Он тогда щуплый был, маленький.

Саша моргнул, вздохнул и потянулся за сигаретами — представить того гиганта маленьким и щуплым он не мог. Воображение подводило. А сестра, словно не видела настороженно-недоуменного взгляда брата, дальше рассказывала, в голосе была печаль, а в глазах — нега. Воспоминание увлекло в те дни, когда она еще не осознала перемен, чуралась Рэйсли, боялась и ненавидела и все надеялась, что сбежит.

— Он болел сильно: лицо восковое, губы фиолетовые.

— Жалко, да?

— Да. Но потом он взял меня и выздоровел...

— Это как? — Саша забыл о сигарете. Ему словно в душу плюнули. В груди заклокотала ненависть, и он процедил, еле сдерживаясь, чтоб не закричать на сестру. — Ты сама-то понимаешь, о чем говоришь? Этот скот изнасиловал тебя, а ты таким тоном это говоришь, словно он тебе жизнь спас!

— Так и есть. Если бы не он, меня бы другому продали. Я ведь рабыней была — кто б церемонился...

— А он церемонился? У вас по обоюдному согласию все да?!

— Нет, я ведь тогда не понимала.

— Что?! Какое счастье тебе привалило?!

— Да, пойми ты, я многого тогда не знала, и мне тоже казалось все возмутительным, диким. Вертикальные зрачки одни, чего стоили. Он как посмотрел меня, словно воздуха лишил. И он сильный оказался невероятно, а с виду — подросток. Пойми, они не такие, как мы, но не хуже.

— Потому что с вертикальными зрачками, — кивнул согласно Саша, чувствуя, что ему уже ничего не поможет.

— Ну, а как бы они энергию у доноров видели?

— Доноров? — нахмурился Ворковский, не понимая, и похолодел, услышав ее ответ.

— Да. Они чужой энергией питаются, и если ее не хватает — умирают. Они, как мы, не

могут. И детей иметь не могут, а у нас появились. Двое. Рэй радовался, а я сначала не понимала — чему? В ужасе была. Они ведь другие совсем, у меня и мысли не возникало, что от такого может ребенок родиться.

— А деточки классные, да? — с идиотской улыбкой спросил Миша.

— Прелестные. Умные, крепкие, красивые.

— "Чудные" малютки

— Уникальные, гениальные...

— И добрые. Все в папу, да?

— Да. Они очень на него похожи, особенно Рэнни, Эйфия в меня характером, а внешне в него, а сын — наоборот, — в восторге рассказывала она. И смолкла, смутившись под взглядами мужчин: Миша откровенно изучал ее физиономию на предмет глобальных повреждений, Саша словно впал в ступор.

Минуту молчания прервал Саблин:

— В смысле: тебе редкостно повезло. И деточки замечательные уродились — гениальные вампиры с вертикальными зрачками щуплого телосложения атлантов. В папу они. А тот — греза твоя. Очень добрый, милейший инопланетянин, который насилует женщин, питается их энергией и приносит человеческие жертвы. Но ведь это не от плохого воспитания, упаси господи, а от чистоты помыслов. Добрый он, но больной. Чуть-чуть, на весь отросток, что на плечах носит. Но это не недостаток, не-ет — огромное достоинство. И ты любишь его всем сердцем и скорбишь неустанно по его геройской личности.

Взгляд Алены налился гневом.

— Вот только не надо на меня так смотреть. Я — не он. Я менее добрый и совсем не умный, оттого пытаюсь открыть тебе глаза, а не изнасиловать физически и морально, как это сделал он! — Миша отодвинул тарелку и насуплено воззрился на вазу с фруктами, только бы не видеть уничтожающий и обиженный взгляд девушки. А хотелось взвиться и заорать: что ты городишь, дура?!

Саша резко встал и, сложив скатерть вместе со всем содержимым, молча вышел и выкинул все в мусоропровод. Вернулся и навис на Аленой, как учитель над нерадивым учеником:

— Теперь слушай меня. Внимательно! Твой рассказ о несчастном Дракуле потряс меня до глубины души, но больше я не желаю о нем слышать. Никогда. Его нет. Запомни это, вызубри, занеси во все мозговые файлы — нет его и не было! Он такая же фантазия, как тот сероглазый, что тебе снился.

— Сероглазого зовут Иллан. Он брат Рэйсли и погиб вместе с ним, — спокойно заметила Алена.

У Саши от этого известия начался тик, лицо вытянулось, глаза налились гневом. Так по наши души не один «покойник» явился?! — чуть не воскликнул он, но потерял слова. Из оставшегося запаса в наличии были лишь междометья да предлоги.

Миша выручил, заполнил паузу:

— Ты скорбишь по обоим?

— Нет... Да. Нет, Иллан как вы: ты, Саша, а Рэй — это часть меня. Самый близкий самый любимый человек.

— Ах, ты его любишь?! — взревел Саша. — Этого уroda с вертикальными зрачками, убийцу, насильника?!!

— Да! Люблю! — вскочила Алена. — Он мужчина, он...

— А другие импотенты? — спросил уязвленный Михаил.

— Идиоты! — выдохнула ему в лицо девушка. — К твоему сведению, мужчина это не член, а характер! Дух, внутренний стержень!

Саблин обиженно покосился на нее, но промолчал, не желая развивать тему. Алена разнервничалась не на шутку и готова была без оглядки пройтись не только по паху, но и по голове. А у него всего лишь две большие точки и желания получать по обеим — не было. Хоть что-то из его достоинств должно остаться целым?

— Все, хватит! — не выдержал Александр. — Мне надоел этот маразм! И мне плевать кем ты его считаешь: мужчиной, женщиной, ангелом, сатаной. Мне все равно, какими добродетелями ты наделила его нетленный образ! Потому что его нет! *Нет!* Понимаешь? И ты забудешь о нем, я тебе обещаю! Забудешь, как страшный сон, как фантик от конфеты! Все, кончилась любовь, и любимый твой весь вышел, с вещами! Из души, из мыслей — навсегда! Я вытряхну его из тебя! Завтра же билеты в руку, чемоданы и вон — на Кипр, на Мальту, в Китай, Исландию, в Арктику, чтоб и времени на глупости и капризы не осталось и сил на мысли!

— Ты не понял, — упрямо качнула головой Алена. — Ты ничего не понял. Я знала, что не поймешь, поэтому и говорить не хотела. Жаль... Ты не видел его, не знаешь, но судишь — это твое дело, но не смей... Никогда не смей его оскорблять! Он мой муж!

— Он покойник!! Артефакт!! Дохлый гомункул!!

— Не смей!! — взъярилась Алена, и кулаки сжала так, словно готова была кинуться с ними на брата, но увидела его глаза и лишь укоризненно покачала головой. — Он жив в моем сердце. Для меня он жив и будет жить, пока я дышу. И ни ты, никто другой не убьет его второй раз. Только со мной. Только вместе со мной.

И вышла с кухни. Саша проводил ее расстроенным взглядом и посмотрел на Саблина, взывая о помощи.

— Кажется, мы уже проиграли. Она вся — его. Помани пальцем и.... Бесплезно доказывать что-то, поперек вставлять, — вздохнул парень. — Грустно. Бывает же такая любовь на свете? Вроде — глупость чрезвычайная, безрассудство и нелепость, а завидно.

— Это просто морок какой-то! — впечатал в стол ладони Ворковский и в бессилии скрипнул зубами.

— Синдром жертвы. У нее зависимость от вампира если все это правда.

— И что? Чесноком обвеситься и осиновый кол заточить? Так он уже мертв — слышал ведь!

— Да, какой кол? — поморщился Михаил. — Чушь это все. И инопланетяне, и вампиры. Голову забили сказками. Лапши по килограмму на ухо навесили, а она и поверила.

Саша сложил руки на груди и внимательно посмотрел на парня:

— Я тоже... — протянул в раздумьях, припоминая гиганта.

Всю ночь Сашу мучили кошмары с покойным атлантом в главной роли. К утру он ненавидел его до душевного тремора, а увидев сервированный к завтраку стол, искренне пожалел, что не имеет в своем арсенале более мощного оружия, чем газовый пистолет. Вот бы закупить ма-аленькую установку «Град» в компактном варианте. На этой минорной ноте он оставил Михаила наслаждаться заморскими деликатесами и вылетел из квартиры, боясь не поспеть в турагентство. Саблин даже не обратил внимания на хлопок двери, самозабвенно посвятив себя общению с черной икрой и лангустами.

Лифт не работал, что, понятно, не прибавило Александру настроения. Пришлось в быстром темпе спускаться ногами. К первому этажу ускорение стало значительным, и он бы просто влетел в объятия вчерашнего гостя, если б резко не притормозил. Но высокие каблуки сапог скрипнули и разъехались в разные стороны. Ворковский неуклюже приземлился на утрамбованный снег и скривился от унижения. Рэй насмешливо прищурился и фыркнул, глядя на него сверху вниз:

— Ты так спешил навстречу мне? Похвально.

Саша скрипнул зубами с досады, встал, проигнорировав поданную Лоан ладонь, и зло спросил:

— Я вчера недоходчиво объяснил?

— Те негативные эмоции, которыми ты исходил вчера, называются объяснениями? — неподдельно удивился мужчина и снисходительно усмехнулся. Для Ворковского один вид этой наглой физиономии был сродни спичке у запала, а уж унижающая усмешка сработала, как мгновенный катализатор, и он ринулся на мужчину, желая подправить изгиб блеклых губ. Ладонью сграбастал витую цепь с ножнами, заставляя того склониться, и процедил угрожающе:

— Я сейчас свистну своим людям, и они тебя....

Рэйсли пришлось чуть наклониться к оппоненту, чтоб порадовать призрачной победой. Увечить желания не было, вразумить — да, но, учитывая наследственный уровень благоразумия, заложенный в характере Ворковских — идея была бесперспективной. Поэтому Лоан договорить не дал, насмешливо посмотрел на задиру и прервал полет его фантазии, чуть кивнув в сторону:

— Этим?

Саша покосился в сторону и увидел двух плечистых атлетов, прикомандированных ему "Патриотом", застывших по стойке «смирно» у своей машины. Они вымучили жизнеутверждающие улыбки и дружно кивнули:

— С добрым утром, Александр Владимирович.

— Здравствуйте!

Ворковский смерил их обвиняющим взглядом и увидел их начальника, сидящего в соседней «Волге». Тот кивнул ему через стекло и, виновато скривившись, развел руками: извини, мол, но сам глянь. Рядом с его «Волгой» стояли еще две. Черные.

— Мэр и прокурор, — охотно пояснил Лоан.

— Всех купил?

— Легко, — с серьезным видом кивнул тот. И протянул цветной проспект по странам дальнего зарубежья. Саша выпустил цепь, взял постер и, понимая, что ни билетов, ни

путьевок не будет, выкинул его.

— Молодец, оперативно работаешь, — кивнул обессилено.

Он лихорадочно искал выход из создавшегося тупика. Но не находил. На все минусы лишь один слабенький плюс, как ложка сахара в цистерне с лимонным соком: Алена еще спит и не видит триумф этого монстра над родным братом. Впрочем, еще не факт: Наполеон, вышагивая по Красной площади, тоже думал, что победил.

Саша направился к начальнику охранного агентства за объяснениями. Магрулиса он знал с момента основания фирмы и считал его человеком порядочным и честным.

Тот нехотя вылез из машины и встал, обнимая дверцу: вид покаянный, взгляд растерянный.

— Что происходит? — спросил Ворковский, обвиняюще разглядывая его.

— Ты, главное, не горячись, Сань. Я сейчас все объясню, — Вячеслав Анатольевич торопливо вынул из внутреннего кармана куртки стопку документов и протянул Ворковскому. — Это копии, конечно. Не поверишь, Саня, но этот Король одной весьма богатой страны Востока.

Вчера, как ты позвонил, я напряг своих, и вот результат. Остановился он в доме пионеров в парке. К его появлению здание полностью реконструировали — не узнать. И он его не арендовал — выкупил. А городу, не поверишь, кинул миллион долларов! Просто так. От широты душевной. Жена здесь у него сестра твоя, то есть, родилась. Вот за это, — помолчал, потер шею, вздохнул. — Чумная история какая-то. Говоришь, ненормален? Но, честно говоря, не заметил, если опустить странные пристрастия в одежде. А в остальном, характеризуется самым лучшим образом — не дурак, сам видишь, богат, как ихний Соломон, 36 лет. В Москве о нем в курсе: просили содействовать и не перечить, чтоб, значит, оскорбления их менталитету по незнанию не нанести. А просили, сам знаешь, как. В общем, весь город по стойке смирно. Галушкин вон, — кивнул на машину мэра. — Чуть ли не вальс-бостон вокруг него танцует. Ты что взвелся-то?

Александр пожал плечами, чувствуя себя идиотом, и вернул документы.

— Ну, все? Претензий нет? — спросил Моргулис. — Бойцов оставить?

— Нет.

— Тогда пока?

— До свидания.

Мужчина скользнул по напряженному лицу Ворковского задумчивым взглядом и сел в машину. Волга плавно тронулась с места.

Рэй подошел к Александру и лениво спросил:

— Еще вопросы будут?

— Масса. Король, значит? — кивнул тот, провожая взглядом «Волгу». Потом повернулся и в упор уставился на Лоан. — Интересная версия. Прав Михаил, обострение по весне шагает семимильными шагами. Впрочем так: я не пятнадцатилетняя гимназистка, чтоб бумажкам верить, а купить их у нас не проблема, тем более в деньгах, я вижу, ты не ограничен. Короче, повторяю второй раз и последний: еще раз увижу — убью. Сам. И отсижу с глубоким удовлетворением за содеянное, а также, с чистой душой и спокойной совестью.

— О сестре подумал? Одну оставишь?

— Отчего ж одну? С Мишей, — бросил Ворковский с долей превосходства и смолк, тут же пожалев, что по неосторожности вмешал в эту историю ничего не подозревающего

Саблина.

Аленин «покойник», по всему виду, был патологически ревнив. Его взгляд стал суровее заполярных ночей и острее перца «чили». Снисходительная улыбка превратилась в хищный оскал:

— Миша, — сладко протянул он и подтянул Александра к себе за воротник дубленки. — Кем он вам доводится?

Саша просто въехал безумцу в челюсть, посчитав этот добрый жест самым лучшим ответом на все вопросы. Неудачно. Кулак словно встретился с бетонной стеной. Еще две попытки в том же духе, и его, как пацана, откинули пятерней в лицо и сопроводили предостерегающим взглядом.

— Рэй, — укоризненно качнул головой Дэйкс, выбравшись из машины.

— Что?! — рявкнул тот, развернувшись к троуви.

— Родственник все-таки, — пожал он плечами.

— Этот — да! — и открыв дверцу машины, выхватил с водительского сиденья Сергея, как тряпичную куклу, и прижал к машине:

— Кто такой Миша?!

— Э-э...

— Ну?!!

Рэй не шутил. Сергей лишь минуту изображал Рихарда Зорге и выдавил:

— Их жилец.

— Жилец, — с сарказмом кивнул сегюр. — А не подсказешь, почему я узнаю о нем не от агноликов?

— А-э. не хотели без причины беспокоить...

— Значит, думать они не могут, а вот решать за меня и утаивать информацию — вполне, — мужчина грозно посмотрел на троуви. Тот вздохнул и заскучал.

— Все! — кивнул сегюр, выпуская Сергея. — Больше ни слова. Головы им я сниму сам. Какой-то мужчина живет в одном помещении с моей женой...

По лицу Рэйсли прошла судорога. Он развернулся к Саше и спросил зловещим тоном:

— Где сейчас находится эта «незначительная» для моих людей личность?

— Не знаю, — поспешно ответил тот, жалея, что не прикусил язык и теперь Михаилу придется ходить в институт через чердак, не иначе.

Рэй презрительно фыркнул, правильно разгадав выражение Сашиного лица, и быстрым шагом направился в подъезд. Ворковский проводил его испуганным взглядом и рванул следом, предчувствуя серьезные увечья для всего состава квартиры. По времени они разминулись на секунду, две, но когда он нагнал Рэйсли, тот уже вскрыл железную дверь, с легкостью отогнув ее от косяка, и шагнул внутрь.

Миша, увидев материализовавшегося, словно из воздуха, гиганта с устрашающей физиономией и взглядом маньяка — убийцы понял, что зря позарился на икру. Она встала в горле, не желая ни проходить в желудок, ни возвращаться обратно. С полминуты он боролся с ней и, наконец, победив, даже смог изобразить хозяина положения. Встал, и с трудом нахмутив брови, сердито спросил у гостя:

— Кто вы такой?

— Сейчас расскажу, — спокойно кивнул Лоан, и одним прыжком преодолев разделяющее их расстояние, оказался напротив парня. Выхватил его за шиворот из-за стола, сметая сервировку на пол, попытался схватить за горло, обезумив от негодования:

— Значит, это ты не стоишь внимания? Живешь в одной конуре с моей женщиной и смеешь спрашивать, кто я?!

Парень отбивался, как мог, но лишь молотил кулаками воздух и собирал встречные предметы. Саша рвался ему на помощь, но был зажат в тиски объятьями лысых мужчин. Лоан сам подошел и в буквальном смысле сунул Михаила ему в лицо, придерживая того за горло:

— Давно он живет с вами?! У них что-то было?! — рявкнул грозно и замер.

— Рэй?

Прошелестело за спиной еле слышно.

Алена, услышав шум, спешно оделась и вышла в коридор. Первое, что бросилось ей в глаза, показалось продолжением сна: спина мужа. Мощная фигура, светлые локоны. "Господи, только не буди меня! И если я сошла с ума, то пусть так и будет!" — мелькнуло в голове и в груди сдавило. Ее качнуло, ноги забыли, как стоять, руки сами вцепились в косяк, спасая тело от падения, и лишь губы продолжали выполнять свои функции — шептать его имя. Ни брата, пытающегося стряхнуть с себя агноликов, ни полупридушенного Михаила, она просто не заметила. Рэйсли — вот единственное, что она видела.

— Алена, уходи!! — в отчаянье закричал Саша, и из последних сил рванул из рук агноликов, желая защитить сестру от чудовища. Но тщетно. Лоан уже повернулся к ней, шагнул.

— Кто это? Алена, я спрашиваю, кто это? — сунул ей Михаила, пытаюсь быть твердым. Но голос предательски дрогнул, теряя ярость и приобретая смятение. Ее глаза, ее аромат, припухшие от сна губы, уже отдаляли окружающих, смиряли гнев и рождали лишь одно желание — впиться в эти губы и взять накопленное для него, зарыться ладонью в волосы, ощутив их мягкость, и еще массу сходных желаний.

Ее дрожащая рука потянулась к желанному лицу, желая прикоснуться и удостовериться, что это не призрак, ни суккуб, рожденный беспросветной тоской. Но удостовериться, не представлялось возможным — мешало перекошенное лицо Саблина.

— Отпусти ребенка, — тихо попросила она, и, наконец, смогла дотянуться до мужа.

Рэй, как только услышал, кем она считает парня, тут же потерял к нему интерес, и откинув за ненадобностью, жадно обнял жену.

Вовремя. Алена уже падала от переизбытка чувств, когда ее подхватили сильные руки мужа, и теплые губы легли на ее.

Миша сполз по стене и затих, в смятении разглядывая колоритную парочку.

Саша опешил и почувствовал, как заныло сердце в груди. Боль была еще незначительной, но не предвещала ничего хорошего. Из ступора его вывело чье-то истерическое похрюкивание.

Миша тыкал пальцем в целующихся и пытался что-то сказать, но не мог. Ворковский посмотрел на него, потом вновь на Алену, затерявшуюся в объятьях мужчины и, увидев ее безвольно свесившуюся руку, вообразил самое худшее, и тут же почувствовал дурноту и обволакивающую разум пустоту. В груди, словно что-то лопнуло, и хоть руки еще тянулись к сестре в попытке спасти, а из горла вырывался то ли агональный хрип, то ли бессильный стон, но ноги уже не держали.

Ярко-сапфировые глаза смотрели равнодушно и отстраненно и принадлежали не менее индифферентной особи мужского пола с коротким ежиком волос. Саша огляделся и понял,

что лежит на диване в Мишиной комнате. Тот сидел рядом, в кресле, с несколько испуганным видом. Напротив сервированный стол, во главе которого восседал незнакомый мужчина с бирюзовыми глазами. У входа в комнату стоял лысый с татуировкой, с сиреневыми глазами. "Они в линзах!" — попытался уверить себя Саша и сел. Сапфировые глаза моргнули, и их хозяин протянул мужчине стопку зеленых пластинок, похожих на жвачку:

— По одной в день, — то ли попросил, то ли приказал, и пока Ворковский соображал, куда его послать вместе с ними, покинул комнату.

— Н-да-а, — протянул мужчина за столом. — Не бережете вы свое здоровье, господин Александр. А сердечко-то слабое, стрессами подточенное. Вы пластинки-то принимайте, не помешает. Кафир, конечно, сделал, что мог, из руин вашу сердечно-сосудистую систему поднял, но за три часа всю патологию не исправишь.

— Вы кто? — прервал его тираду Ворковский, начиная нервничать.

— Дэйксклиф, — приложив к груди ладонь лодочкой, сообщил мужчина. Саша посмотрел и увидел за его спиной будильник. 12.45. — показывал он. В груди похолодело — трех часовой провал во времени был необъясним и навевал массу вопросов.

— Не понял — протянул Саша.

— Что ж непонятного? Имя у меня такое. Родители дали... — удивился троуви, и по взгляду мужчины понял — не о нем речь. Покосился за плечо, часы увидел и догадался. — Вас интересует трехчасовой провал в вашей памяти? Это специально, чтоб успеть восстановить ваш организм. Удачно получилось. Теперь вы фактически здоровы. Пару недель на таблетки и станете, как новорожденный. Очень у вас, землян, хрупкий организм, а вы ему еще и помогаете прийти в негодность: отвратительное питание, загрязнения атмосферы,...

— Он кто такой? — спросил Саша у Михаила. Тот пожал плечами:

— Сам в ступоре третий час.

— А где Алена?

— Спроси еще что-нибудь, — кивнул парень.

— Вас интересует ваша сестра? Думаю, скоро она присоединится к нам. Как раз и горячее подадут. Их ждем, — влез бирюзовоглазый.

— Их — это кого? — Саша чувствовал себя неадекватно. Чем больше смотрел на странного собеседника, тем больше озадачивался состоянием психического здоровья присутствующих.

— Господина и госпожу.

И до Ворковского дошло:

— Того гоблина и мою сестру?! Так он с ней?! — и взвился, желая сейчас же спасти Алену, а заодно и вендетту свершить.

— Сядьте, молодой человек, все равно не пустят, уверяю, — предупредил Дэйкс, но тот, понятно, не внял и устремился из комнаты до выхода. Лысый дальше не пускал. Минут пять Саша пытался отодвинуть его с дороги, но тот словно врос в пол — даже не шевелился и только смотрел предупреждающе. Наконец, его терпение, видимо, лопнуло. Он попросту обхватил Ворковского и без видимых усилий поднял над паласом, донес до дивана и кинул, как котенка.

— Да-а-а, характер-то у вас с сестрой — один, — протянул троуви, очищая банан.

Саша злобно зыркнул на него и поднялся, решившись на повторение пройденного

маршрута.

— Сань, не надо, — попытался остановить его Саблин и удостоился неприязненного взгляда:

— Аленка там неизвестно как!

— Зря вы беспокоитесь, ваша сестра в объятьях своего мужа и господина. Что с ней может случиться, кроме наслаждения? — пожал плечами Дэйкс.

Алена блаженно улыбаясь, лежала на груди мужа и водила пальчиками по упругим мышцам. Что тело, что голова, словно плыли в невесомости. Запах корицы и имбиря щекотал ноздри и дурманил не меньше опытных ласк Рэйсли. Ей было все равно — жив он или мертв, главное, в его объятьях, главное — с ним. Время умерло в стенах этой комнаты.

Она счастливо вздохнула и повернулась к нему лицом, заглядывая в глаза:

— Рэй...

Тот перебирал ее волосы и внимательно смотрел, словно еще не мог поверить, что это она. Губы блестели от сытости, лицо потеряло свою жесткость...

Алена широко распахнула глаза, приподнялась, провела ладонью по щеке, по груди и замерла: чуть выше соска виднелось синеватое пятно — звездочкой с тонкими кривыми углами. Все. Ничего не напоминало о страшной ране на груди.

— Ты жив...

Рэй нахмурился не понимая.

— Жив, — кивнула девушка, обвиняя, и брови сами сошлись на переносице. — Лжец! — прошипела она злобно и, вскочив, начала одеваться, выкрикивая обвинения. Гнев мгновенно захватил ее разум, переполнил сердце. — Ненавижу! Значит, все это время ты был жив! А я... Ты... Ненавижу! Гад!

Рэй приподнялся на локтях, с удивлением разглядывая дрожащую от негодования жену и по-своему расценив ее поведение, спросил:

— Я не удовлетворил тебя?

— Что?! — женщину подкинуло от ярости, кулачки непроизвольно сжались. — Ты издеваешься, да?!

Она не знала — заплакать ей от этой непробиваемой черствости или придушить его, чтоб не мучиться. Рэй сел и покосился на нее, пытаясь понять суть претензии, но вид полуобнаженной и столь желанной женщины не помогал умственной деятельности, зато рождал тревогу по поводу ее отдаления на целый метр. Руки требовали возвращения собственности. Он схватил ее за пояс расстегнутых джинс, подтянул к себе, обнял, пресекая сопротивление, и немного успокоился:

— А теперь объяснись внятно.

— Ты жив! Ты все это время был жив! — сверкнула глазами Алена.

— Ты огорчена этим фактом?

— Я?! Ты!! — у нее слов не было от возмущения. С минуту она искала подходящие определения и как всегда не нашла — не придумало их человечество. Пришлось довольствоваться тем, что имелось. — Ты уверил меня что погиб! Ты отправил меня на Землю! Выкинул! Да!! Ты выкинул меня, бросил!! И еще посмел явиться!

— Ты решила, что я умер?

— Я?! А кто бы решил по- другому?!

— Я. И ты. Если б была чуть внимательней. Сколько раз я говорил тебе, что флэтонца

не так легко убить? Сколько раз предупреждал, что умру не раньше тебя? Сколько раз напоминал, что наш союз нерасторжим?

— Ты непробиваем, — обессилено взмахнула руками Алена. — Он мне говорил. А где ты был все это время? Зачем ты отправил меня сюда? Ты хоть знаешь, что я пережила? Я чуть не повесилась, чуть не умерла от тоски!

— Я три месяца провел во сне, чтоб восстановиться. На Флэте бушевала война, Монтррой мы не смогли взять, как планировали. Естественно, что тебя удалили...

— Значит, ты обо мне беспокоился? А я о тебе! Ты меня спросил, ты...

Рэйсли просто впился ей в губы. Минут через десять пыл Алены прошел. Она притихла потерлась щекой о плечо мужа:

— А если б я вышла замуж? Ты ведь умер на моих глазах...

— Этого бы не допустили. И к тому же ты любишь только меня, — самоуверенно заявил мужчина.

— Значит, Агнолики мне не привиделись.

Лоан нехотя отпустил жену, натянул брюки, небрежно накинул рубаху.

— Конечно, не привиделись. Естественно — были рядом. Не мог же я допустить, чтоб ты жила без охраны, в этом мире.

— А что с детьми, Рэй? — шурилась Алена, расправляя рукава водолазки.

— Они дома, ждут нас, — и подхватил ее на руки.

— Значит, Монтррой погиб?

Мужчина скривился: "Легкая смерть не для него".

— А Иллан?

— Жив, со здоровьем еще не очень, но через год восстановится, — Лоан шагнул в коридор, и два агнолика, склонив головы в низком поклоне, отодвинулись к стене, пропуская сегюр.

— Значит, домой? — тихо спросила Алена, грустно стало. — А как же Саша?

Рэй молча толкнул дверь в комнату родителей, взглядом согнал с кресла Дэйкса и сел вместе с женой. Алена попыталась высвободиться, пересесть, но руки мужа пресекли эту вольность, крепче прижав ее к своей груди. Она вздохнула и смущенно посмотрела на брата. Тот рассматривал Рэйсли, видимо, мечтая испепелить его взглядом.

— Бесполезно, много раз пыталась, — с улыбкой сообщила ему сестра и с нескрываемой гордостью добавила. — Познакомься, мой муж — Рэйсли Лоан.

Саша переменялся в лице, Миша побледнел, а Рэй с невозмутимым видом пододвинул к себе вазу с виноградом и начал пихать зерна в рот жены.

— Я не хочу, — попыталась противиться та, но уже через секунду сдалась.

— Это он, погибший инопланетянин? — осторожно спросил Саша, указав ладонью на наглеца. Тот и не моргнув в его сторону, а Алена смущенно улыбнулась и кивнула.

— А дети?

— Имеются. Дома, — снизошел Лоан. Еще вопросы?

— А дальше-то что? — растерялся Александр.

— Дальше? — выгнул бровь мужчина — а более вразумительного вопроса нет? Впрочем, интеллект землян не обременяет себя излишней деятельностью. — Дальше — мы летим домой.

— А Саша? — забеспокоилась Алена. — Как он один?

— Он мужчина.

— Он мой брат. Единственный. Рэй, пожалуйста. Я очень, очень тебя люблю. Ты все можешь — реши этот вопрос. Я больше ни о чем не попрошу. Буду тиха и послушна. Правда. Может, мы сможем прилететь сюда? На Новый год? Детям понравится праздник. Или Сашу к нам. Ну, Рэй... — умоляла Алена. Лоан недоверчиво покосился на жену и понимал, что не изменилась она и не изменится, покоя не даст и послушания от нее не увидит, но ее близость дурманила разум, а молящий взгляд, полный обожания толкал на подвиги.

— Хорошо, — кивнул мужчина, сдаваясь. — Прилетим.

— Обещаешь? — беспредельно обрадовалась Алена.

— Обещаю, — буркнул, стараясь выглядеть серьезным, но глаза лучились любовью и довольством.

— И Сашу к нам?

— Хорошо.

— Обещай.

— Обещаю.

Ворковский насуплено смотрел на них и пытался понять — откого он спасал сестру? Монстр казался абсолютно ручным рядом с Аленой. "Может, и правда, не так все плохо?" — подумал он и покосился на Саблина. Тот не спускал глаз с парочки и тоже что-то силился понять.

Арвидейф проводил взглядом платформу гоффита и, облегченно вздохнув, посмотрел на товарищей. На четыре лица одно выражение — обошлось!

Действительно, остаться здесь, чтоб присматривать за братом кьяро и сыном наложницы троуви, и ждать следующего прилета царственной семьи — это не наказание — награда.

Флэтонцы повернулись к машинам.

Тайклиф поспешно достал сотовый и набрал номер Анжелы:

— Мы остаемся. На год — точно. Но переезжаем. Дом пионеров в парке. Да. Жду. — И сел за руль.

— В первый и последний раз я потокаю твоим капризам, — недовольно пробормотал Лоан, вытаскивая жену из машины.

— Да?! Между прочим, ты сам обещал, я тебя не пытала! И никто не виноват, что ваши соленые огурцы полная ерунда! Они лишь увеличивают токсикоз! Можно было их просто закупить, а не клонировать!

Рэй поморщился и посмотрел на Сергея, ища спасение. Тот выпустил на улицу двух очаровательных детей и, глянув на господина, снисходительно улыбнулся:

— Женщины...

— Мужчины! — передразнила его Алена, удобнее устраиваясь на руках мужа и заботливо прикрывая собольей шубой внушительный животик. — Вам бы все прелести токсикоза, вы бы и часа не выдержали! И потом, я хочу Новый год! Нормальный — не с жертвоприношениями, а с апельсинами, оливье, елкой и тортом! А детям подарки! У Сашки, наверняка найдется баночка лечо и банальные маринованные огурцы. Естественным образом выращенные и замаринованные! И вообще — ты обещал!

— Обещал, обещал, — согласно кивнул Рэй, протискиваясь с драгоценной ношей в подъезд. — Но на счет огурцов ты не права. Они абсолютно не приемлемы для твоего организма и даже вредны...

— Для моего организма вредно твое ворчание! — хмыкнула Алена и чмокнула благоверного в щеку. — Но ты не отразим и в этом состоянии. Я тебе говорила, что очень-очень-очень тебя люблю?

Рэй скорчил зверскую рожицу, и женщина, довольная достигнутым эффектом, кивнула:

— В курсе значит.

— Только вот не знаю, радоваться мне по этому поводу или печалиться?

— Это почему?

— Не хочу конкурировать с солеными огурцами. За ними ты на край света да еще в таком состоянии...Больше подобного не повторится, Алена, я категорически против, — попытался проявить твердость Лоан и, увидев ее насмешливый взгляд, улыбнулся ласково, вздохнул. — что ж ты со мной делаешь?

— Это ты со мной что делаешь? Вторая беременность и опять двойня! Ты по одному-то ребенку соображать не умеешь? Думаешь легко ходить? Да, я застрелюсь скоро! — нахмурилась, подозрительно посмотрела на хлипкие рюкзаки из физлона у ног мужчин и впилась глазами в Сергея. — Кстати, ты подарки все взял? И Саше и Мише? Точно ничего не забыл? А где еще один рюкзак? В гоффите оставил, да? А шеврио где? А моя сумка? Забыл, да? Сережа, как ты мог! Там рукопись! Я полгода описывала все, что со мной случилось! Думала, Саша в издательство отнесет, напечатают — для науки другим, а ты!..

Рэй понял, что больше не выдержит, набрал воздуха в грудь, желая очень громко оповестить жену об окончании его терпения, но взгляд упал на ее живот и мужчина, резко выдохнув, просто впился ей в губы. Пусть хоть так отдохнет. И он за одно. А то от этой трескотни у него уже в ушах звенит.

Сергей покосился на супругов и хитро улыбнулся: Женщины....

Больше книг на сайте - Knigolub.net

1,4 Километра.

Густая, чуть подслащенная каша из мякоти терпких и липких плодов миго.

Сознательно отдающий свою жизнь, за ночь проведенную с жрицей другого вероисповедания.

Хлеб для рабов.

Особо ядовитый паук.

Камера слежения.

Многоразовый шприц с многозарядной лекарственной системой и автоматической стерилизацией.

Пирожное.

Проститутка.

Юристы.

Зерновая каша с сушеными фруктами.

Предводитель, глава.

Ультрозвуковые мины.

1,4 литра.

Голографическая доска объявлений, парящая в воздухе.

Материал, обеспечивающий сжатие и облегчение любого предмета до заданных параметров.

Стратегическое инфразвуковое оружие, мгновенного поражения.